НОУ ВПО «Российский новый университет»

УЧЕБНИК ДЛЯ МАГИСТРОВ

КОМПЛЕКСНОЕ ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ

Е.В. СИДОРОВА

3-е издание

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Освещаются наиболее актуальные вопросы, необходимые для понимания фактора комплексности в системе права, которые в учебной литературе представлены в недостаточной степени. При этом уточняются теоретические аспекты соотношения системы права и системы законодательства, анализируются юридическая природа и виды комплексных правовых образований. Уделено внимание характеристике особенностей комплекса как специфической системы, делению права на частное, публичное и социальное.

Книга предназначена для магистров, научных работников, юристов, аспирантов, преподавателей юридических вузов. Она также будет интересна всем изучающим теорию государства и права.

- Елена Сидорова
  -
  - Введение
  - Глава I
    - § 1. Теоретические аспекты соотношения системы права и системы законодательства
    - § 2. Предмет и метод правового регулирования
    - § 3. Общенаучное понятие комплекса как особой системы
    - § 4. Комплексное правовое регулирование и источники права
      -
      - 4.1. Нормативный правовой акт
      - 4.2. Судебный прецедент
      - 4.3. Нормативный договор
      - 4.4. Правовой обычай
  - Глава II
    -
    - § 1. Основные подходы к пониманию комплексных правовых образований в системе права
      -
      - 1.1. Структурно-логический подход
      - 1.2. Конвенциональный подход
      - 1.3. Функциональный (новационный) подход
      - 1.4. «Нигилистический» подход

        - 1.5. Традиционный подход
    - § 2. Виды комплексных правовых образований
        -
        - 2.1. Комплексные правовые институты
        - 2.2. Комплексная отрасль права
    - § 3. Аспекты, характеризующие юридическую природу комплексных правовых образований
        -
        - 3.1. Исторический аспект
        - 3.2. Субординационный аспект
        - 3.3. Онтологический аспект
        - 3.4. Системно-энтропический аспект
        - 3.5. Генетический аспект
        - 3.6. Репродуктивно-конструктивный аспект
    - § 4. Место комплексных правовых образований в системе права
        - 4.1. Публичное и частное право
        - 4.2. Социальное право
        - 4.3. Вопросы социального права
- Глава III
    - § 1. Основные подходы к пониманию эффективности в правовой науке
        -
        - 1.1. Традиционный подход
        - 1.2. Экономический подход
        - 1.3. Многоаспектный (комплексный) подход
        - 1.4. Юридико-технологический подход
    - § 2. Основные аспекты эффективности комплексного правового регулирования
        -
        - 2.1. Социальный аспект
        - 2.2. Политический аспект
        - 2.3. Правовой аспект
        - 2.4. Специальные аспекты
- Заключение
- Список
    - Нормативные правовые акты
    - Судебная практика
    - Монографическая литература
    - Материалы периодических изданий
    - Диссертации и авторефераты
    - Материалы электронных ресурсов

- notes

- ○ 1
- ○ 2
- ○ 3
- ○ 4
- ○ 5
- ○ 6
- ○ 7
- ○ 8
- ○ 9
- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44

- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88

- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132

- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153
- ○ 154
- ○ 155
- ○ 156
- ○ 157
- ○ 158
- ○ 159
- ○ 160
- ○ 161
- ○ 162
- ○ 163
- ○ 164
- ○ 165
- ○ 166
- ○ 167
- ○ 168
- ○ 169
- ○ 170
- ○ 171
- ○ 172
- ○ 173
- ○ 174
- ○ 175
- ○ 176

- ○ 177
- ○ 178
- ○ 179
- ○ 180
- ○ 181
- ○ 182
- ○ 183
- ○ 184
- ○ 185
- ○ 186
- ○ 187
- ○ 188
- ○ 189
- ○ 190
- ○ 191
- ○ 192
- ○ 193
- ○ 194
- ○ 195
- ○ 196
- ○ 197
- ○ 198
- ○ 199
- ○ 200
- ○ 201
- ○ 202
- ○ 203
- ○ 204
- ○ 205
- ○ 206
- ○ 207
- ○ 208
- ○ 209
- ○ 210
- ○ 211
- ○ 212
- ○ 213
- ○ 214
- ○ 215
- ○ 216
- ○ 217
- ○ 218
- ○ 219
- ○ 220

- ○ 221
- ○ 222
- ○ 223
- ○ 224
- ○ 225
- ○ 226
- ○ 227
- ○ 228
- ○ 229
- ○ 230
- ○ 231
- ○ 232
- ○ 233
- ○ 234
- ○ 235
- ○ 236
- ○ 237
- ○ 238
- ○ 239
- ○ 240
- ○ 241
- ○ 242
- ○ 243
- ○ 244
- ○ 245
- ○ 246
- ○ 247
- ○ 248
- ○ 249
- ○ 250
- ○ 251
- ○ 252
- ○ 253
- ○ 254
- ○ 255
- ○ 256
- ○ 257
- ○ 258
- ○ 259
- ○ 260
- ○ 261
- ○ 262
- ○ 263
- ○ 264

- ○ 265
- ○ 266
- ○ 267
- ○ 268
- ○ 269
- ○ 270
- ○ 271
- ○ 272
- ○ 273
- ○ 274
- ○ 275
- ○ 276
- ○ 277
- ○ 278
- ○ 279
- ○ 280
- ○ 281
- ○ 282
- ○ 283
- ○ 284
- ○ 285
- ○ 286
- ○ 287
- ○ 288
- ○ 289
- ○ 290
- ○ 291
- ○ 292
- ○ 293
- ○ 294
- ○ 295
- ○ 296
- ○ 297
- ○ 298
- ○ 299
- ○ 300
- ○ 301
- ○ 302
- ○ 303
- ○ 304
- ○ 305
- ○ 306
- ○ 307
- ○ 308

- ○ 309
- ○ 310
- ○ 311
- ○ 312
- ○ 313
- ○ 314
- ○ 315
- ○ 316
- ○ 317
- ○ 318
- ○ 319
- ○ 320
- ○ 321
- ○ 322
- ○ 323
- ○ 324
- ○ 325
- ○ 326
- ○ 327
- ○ 328
- ○ 329
- ○ 330
- ○ 331
- ○ 332
- ○ 333
- ○ 334
- ○ 335
- ○ 336
- ○ 337
- ○ 338
- ○ 339
- ○ 340
- ○ 341
- ○ 342
- ○ 343
- ○ 344
- ○ 345
- ○ 346
- ○ 347
- ○ 348
- ○ 349
- ○ 350
- ○ 351
- ○ 352

- ○ 353
- ○ 354
- ○ 355
- ○ 356
- ○ 357
- ○ 358
- ○ 359
- ○ 360
- ○ 361
- ○ 362
- ○ 363
- ○ 364
- ○ 365
- ○ 366
- ○ 367
- ○ 368
- ○ 369
- ○ 370
- ○ 371
- ○ 372
- ○ 373
- ○ 374
- ○ 375
- ○ 376
- ○ 377
- ○ 378
- ○ 379
- ○ 380
- ○ 381
- ○ 382
- ○ 383
- ○ 384
- ○ 385
- ○ 386
- ○ 387
- ○ 388
- ○ 389
- ○ 390
- ○ 391
- ○ 392
- ○ 393
- ○ 394
- ○ 395
- ○ 396

- ○ 397
- ○ 398
- ○ 399
- ○ 400
- ○ 401
- ○ 402
- ○ 403
- ○ 404
- ○ 405
- ○ 406
- ○ 407
- ○ 408
- ○ 409
- ○ 410
- ○ 411
- ○ 412
- ○ 413
- ○ 414
- ○ 415
- ○ 416
- ○ 417
- ○ 418
- ○ 419
- ○ 420
- ○ 421
- ○ 422
- ○ 423
- ○ 424
- ○ 425
- ○ 426
- ○ 427
- ○ 428
- ○ 429
- ○ 430
- ○ 431
- ○ 432
- ○ 433
- ○ 434
- ○ 435
- ○ 436
- ○ 437
- ○ 438
- ○ 439
- ○ 440

- ○ 441
- ○ 442
- ○ 443
- ○ 444
- ○ 445
- ○ 446
- ○ 447
- ○ 448
- ○ 449
- ○ 450
- ○ 451
- ○ 452
- ○ 453
- ○ 454
- ○ 455
- ○ 456
- ○ 457
- ○ 458
- ○ 459
- ○ 460
- ○ 461
- ○ 462
- ○ 463
- ○ 464
- ○ 465
- ○ 466
- ○ 467
- ○ 468
- ○ 469
- ○ 470
- ○ 471
- ○ 472
- ○ 473
- ○ 474
- ○ 475
- ○ 476
- ○ 477
- ○ 478
- ○ 479
- ○ 480
- ○ 481
- ○ 482
- ○ 483
- ○ 484

- ○ 485
- ○ 486
- ○ 487
- ○ 488
- ○ 489
- ○ 490
- ○ 491
- ○ 492
- ○ 493
- ○ 494
- ○ 495
- ○ 496
- ○ 497
- ○ 498
- ○ 499
- ○ 500
- ○ 501
- ○ 502
- ○ 503
- ○ 504
- ○ 505
- ○ 506
- ○ 507
- ○ 508
- ○ 509
- ○ 510
- ○ 511
- ○ 512
- ○ 513
- ○ 514
- ○ 515
- ○ 516
- ○ 517
- ○ 518
- ○ 519
- ○ 520
- ○ 521
- ○ 522
- ○ 523
- ○ 524
- ○ 525
- ○ 526
- ○ 527
- ○ 528

- ○ 529
- ○ 530
- ○ 531
- ○ 532
- ○ 533
- ○ 534
- ○ 535
- ○ 536
- ○ 537
- ○ 538
- ○ 539
- ○ 540
- ○ 541
- ○ 542
- ○ 543
- ○ 544
- ○ 545
- ○ 546
- ○ 547
- ○ 548
- ○ 549
- ○ 550
- ○ 551
- ○ 552
- ○ 553
- ○ 554
- ○ 555

Елена Сидорова
Комплексное правовое регулирование: учебник для магистров

Государственный научно-исследовательский институт системного анализа Счетной палаты Российской Федерации

Автор

Сидорова Елена Викторовна – научный сотрудник Государственного научно-исследовательского института системного анализа Счетной палаты Российской Федерации, советник юстиции 3-го класса. В 2001–2012 гг. – главный специалист-эксперт, консультант в Министерстве юстиции Российской Федерации.

Закончила юридический факультет Российской правовой академии Министерства юстиции Российской Федерации (2007). Автор около 40 научных работ по вопросам теории права, конституционного и информационного права, в том числе опубликованных за рубежом.

Рецензенты:

С.В. Поленина, главный научный сотрудник Института государства и права РАН, заслуженный юрист России, д-р юрид. наук, проф.,

Р.А. Каламкарян, ведущий научный сотрудник Института государства и права РАН, д-р юрид. наук, проф.,

С.П. Сальников, проф. НИЦ МВД России, д-р юрид. наук,

Д.А. Пашенцев, проф. Московского городского университета управления Правительства Москвы, д-р юрид. наук.

Введение

Если Вы хотите, чтобы Ваш монумент стоял долго, его структура должна быть разнородной

Джозеф Давидович

Комплексное правовое регулирование является весьма привлекательным объектом исследования для современной правовой науки. Данное явление в правовой доктрине презюмируется и незримо «присутствует», хотя при поверхностном взгляде это далеко не всегда очевидно. И для этого есть определенные социальные предпосылки, связанные с современными исследованиями, делающими упор на конвергенцию публичного и частного права. При этом исследуются, главным образом, комплексное правовое регулирование как форма законодательного закрепления элементов публичноправового и частноправового регулирования. Представляется, что пришло время расширить рамки исследования этой проблемы, тем более что неуклонно растет число отечественных авторов, которые поддерживают эту идею.

В современной отечественной юридической науке проблема комплексного правового регулирования затрагивалась как в рамках общей теории государства и права, так и на уровне отраслевых наук. Интерес к данному вопросу связан в том числе с признанием приоритетного значения социальной сферы и попыткой комплексного решения существующих социальных проблем.

Модным становится привлечение внимания к комплексным правовым образованиям, к проблеме совмещения и дисбаланса в них частных, общественных, национальных и глобальных интере сов.

Нельзя не видеть также, что в современной научной юридической литературе, посвященной исследованию комплексного характера правового регулирования, существуют самые различные толкования связанных с этим проблем. Одни авторы полагают, что комплексными могут быть только отрасли законодательства либо правовые институты, но не отрасли права (С.В. Поленина, Е.А. Киримова, Е.М. Макеева и др.). Другие, напротив, признают существование комплексных отраслей в праве и законодательстве (С.С. Алексеев, В.Н. Протасов, М.Ю. Челышев и др.) как стабильного и закономерно возникающего

правового феномена. В этой связи имеется потребность в уточнении места, которое занимают комплексные отрасли в современной системе права и законодательства.

Иными словами, существует определенный разрыв между назревшей необходимостью теоретического «прорыва» в этой области и наличием множества точек зрения по всему спектру исследования комплексных правовых образований. По мнению автора, дальнейшее сохранение этого разрыва может привести к негативным последствиям и в теории, и на практике.

Вышеизложенное подтверждает, что проблематика комплексного правового регулирования продолжает оставаться актуальной и практически значимой, а отдельные положения общей теории права по данному вопросу – требующими определенного развития.

Таким образом, постановка и решение проблем формирования комплексных правовых образований представляет научный и практический интерес и предопределяет выбор темы изучения.

Цель настоящего исследования состоит в выявлении и анализе теоретических проблем формирования и функционирования комплексных правовых образований в системе права.

Для достижения поставленной цели представляется необходимым решить следующие задачи:

1. Рассмотреть теоретические аспекты соотношения системы права и системы законодательства.

2. Расширить содержание категории «комплексное правовое регулирование» за счет включения в нее новых элементов, уделив основное внимание источникам права.

3. Выяснить юридическую природу комплексных отраслей права.

4. Изучить подходы, позволяющие оценивать эффективность правовых норм.

5. Исследовать комплексное правовое регулирование в контексте эффективности.

На протяжении XX века «комплексное, межотраслевое регулирование стало одной из ведущих тенденций современного развития системы законодательства»[1], что послужило стимулом для теоретического осмысления этой тенденции. Не только в публицистической литературе, но и в учебниках по общей теории права появились соответствующие разделы. Все это свидетельствует о том, что комплексное правовое регулирование получило статус объекта, достойного серьезного изучения. Но вместе с тем до некоторых пор комплексное правовое

регулирование распространялось только на систему законодательства. В настоящее время как самостоятельная эта тема была заявлена только М.И. Милушиным[2]. В ряде исследований проблема рассматривается в контексте более общих тем. Например, комплексные институты юридической ответственности исследовались в работе Н.В. Витрука «Общая теория юридической ответственности».

Отдельные проблемы комплексного правового регулирования затрагивались в рамках вопросов системы права и системы законодательства в трудах известных теоретиков права: С.С. Алексеева, С.В. Полениной, В.Н. Протасова, М.Ю. Челышева, Р.В. Шагиевой, В.Ф. Яковлева и других.

В качестве правовых категорий понятия «комплексная отрасль права» и «комплексный институт» рассматривает А.М. Васильев в своей работе «Правовые категории: Методологические аспекты разработки системы категорий теории права».

При этом следует отметить, что среди ученых нет единогласия по поводу самого существования комплексных правовых явлений.

Несомненный интерес представляют современные исследования, делающие упор на конвергенцию публичного и частного права (М.Н. Коршунов). При этом исследуются, главным образом, комплексные отрасли законодательства и отмечается, что в условиях конвергенции публичного и частного права деление права на отрасли выглядит неуместным.

Кроме того, для целей данной работы необходимо принимать во внимание процессы глобализации, которые предполагают активное использование комплексных правовых образований.

Явление комплексного правового регулирования затрагивается при изучении как публичного, так и частного права (Ю.А. Тихомиров, Т.В. Кашанинаидр.).

Комплексный характер правового регулирования исследуется в отраслевых юридических науках. Из цивилистических исследований следует выделить диссертационную работу М.Ю. Челышева «Система межотраслевых связей гражданского права: цивилистическое исследование».

Отдельные вопросы комплексных отраслей, в частности предмет и метод правового регулирования, исследовались в информационном праве (И.Л. Бачило), спортивном праве (А.В. Сердюков), муниципальном праве (А.Н. Костюков), банковском праве (Г.А. Тосунян), таможенном праве (А.М. Зрячкин) и др.

Проблемы комплексного правового регулирования затрагиваются в книге под редакцией Ю.А. Тихомирова и Т.Я. Хабриевой «Концепции развития российского

законодательства»[3].

Обобщение и анализ сложившихся точек зрения, а также выражение авторской позиции по поводу места комплексных правовых образований в системе права должно внести посильный вклад в научную разработку проблем системы права.

При исследовании избранной темы автор учитывал два обстоятельства:

1. Тема комплексных отраслей права чрезвычайно многоплановая, и в рамках данной работы представляется затруднительным раскрыть ее достаточно глубоко и всесторонне.

2. В современной юридической литературе, связанной с данной темой, главным примером являются комплексные правовые образования в системе законодательства, а аналогичные им образования в системе права все еще находятся на втором плане. И именно здесь пока еще много «белых пятен».

Исходя из этого, автор счел возможным и даже необходимым сосредоточить свое внимание именно на комплексных отраслях в системе права, в результате чего данная работа получила соответствующее название.

Теоретической основой данного исследования послужили труды таких отечественных исследователей в области государства и права, как С.С. Алексеев, Г.В. Атаманчук, М.И. Байтин, В.М. Баранов, С.Н. Братусь, А.Б. Венгеров, Н.В. Витрук, А.М. Витченко, Н.А. Власенко, В.М. Горшенев, В.В. Ершов, О.С. Иоффе, Т.Д. Зражевская, В.П. Казимирчук, Д.А. Керимов, Н.М. Коршунов, Л.Л. Лазарев, И.В. Левакин, А.В. Малько, Г.В. Мальцев, М.Н. Марченко, Н.И. Матузов, А.С. Мицкевич, В.С. Нерсесянц, М.Ю. Осипов, В.Д. Перевалов, Д.Е. Петров, А.С. Пиголкин, М.И. Пискотин, В.Ф. Попондопуло, Т.Н. Радько, В.П. Реутов, И.С. Самощенко, В.А. Сапун, И.Н. Сенякин, В.Н. Синюков, В.В. Сорокин, В.Д. Сорокин, В.М. Сырых, Л.Б. Тиунова, Ю.А. Тихомиров, В.А. Толстик, Ю.К. Толстой, А.Г. Хабибулин, А.Ф. Черданцев, Р.В. Шагиева, А.Ф. Шебанов, Р.О. Халфина, Л.С. Явич, В.Ф. Яковлев и др.

Поскольку комплексные отрасли права, включенные в процесс правового регулирования, представляют собой отдельный, самостоятельный объект исследований, в качестве теоретической основы были использованы работы С.С. Алексеева, Г.П. Курдюк, Е.А. Киримовой, В.А. Кирина, О.А. Красавчикова, М.И. Милушина, С.В. Полениной, В.Н. Протасова, В.М. Сырых, М.Ю. Челышева и др.

При формулировании научных выводов автор учитывал достижения российских ученых в области таможенного, информационного, предпринимательского, экологического, социального, жилищного, инвестиционного, финансового,

валютного, аграрного, служебного, муниципального, земельного, трудового, семейного, миграционного и транспортного права, в частности, труды И.Л. Бачило, В.С. Белых, С.А. Боголюбова, М.М. Бринчука, М.И. Васильевой, Е.П. Губина, И.А. Дякиной, А.М. Зрячкина, А.Г. Калпина, М.И. Козыря, А.Н. Костюкова, Ю.А. Крохиной, О.Е. Кутафина, В.Н. Лопатина, О.Е. Мешковой, П.Г. Лахно, В.Н. Литовкина, Г.А. Свердлык, В.Н. Сидорова, И.А. Стрельниковой, Е.А. Суханова, Г.А. Тосуняна, И.З. Фархутдинова, Т.Я. Хабриевойи др.

Глава I
Комплексность как один из принципов организации системы права

§ 1. Теоретические аспекты соотношения системы права и системы законодательства

Чтобы четко установить место комплексных правовых образований в системе права, необходимо рассмотреть вопросы о соотношении системы права и системы законодательства, а также о структурной организации права. Изучение соотношения системы права и системы законодательства является важным аспектом формирования и дальнейшего развития права, поскольку позволяет сравнить право и законодательство именно как системы, т. е. с точки зрения связей, целостности и обусловленной ими устойчивой структуры.

В юридической литературе можно найти различные подходы к соотношению отраслевой структуры законодательства и отраслевой структуры права. При этом наиболее ярким примером несовпадения права и законодательства является фактор комплексности.

В дореволюционный период отечественные ученые при исследовании права разграничивали его на частное и публичное, а также выделяли такие отрасли права, как семейное, международное, уголовное и другие, которые нельзя однозначно отнести к частному или публичному. В начале XX века отсутствовала четко оформленная структура системы права. Господствующим было деление права на частное, или гражданское, и публичное[4].

В советский период комплексные правовые образования рассматривались в рамках системы законодательства.

Советская теория права была привязана к определению права как совокупности правил поведения, установленных в законодательном порядке и обеспеченных принудительной силой государства. Особенностью сложившейся на этой основе теории права был ее внутренне противоречивый характер: с одной стороны, право определялось как система нормативных предписаний, санкционированных государством, а с другой, – отмечалась социальная обусловленность права экономическими отношениями.

Было выработано понятие системы права как совокупности иерархически организованных отраслей права, и определено 9 отраслей права (государственное, трудовое, колхозное, административное, бюджетно-финансовое, семейное, гражданское, уголовное и судебное), составивших основу системы советского социалистического права. Критериями деления права

на отрасли были названы предмет и метод правового регулирования. Изучались также элементный состав системы права, правовые институты и отрасли права, в том числе комплексной отрасли.

Система права выступает объективной основой для систематизации законодательства, а система законодательства должна соответствовать системе права, но все-таки не тождественна ей, поскольку в ряде случаев в текущие нормативные акты включаются нормы различных отраслей права. Если у какого-либо нормативного массива может быть выделен предмет и согласующийся с ним метод правового регулирования, соответствующие предмету и методу отрасли права, то мы имеем дело с отраслью законодательства. Если такого соответствия не наблюдается, то налицо комплексная отрасль законодательства или комплексный нормативный массив, который не может быть отражен в системе права. Поэтому сближение отраслей законодательства с отраслями права не исключало более высокий уровень систематизации путем создания для практических нужд комплексных кодексов.

Систему законодательства следует отличать от системы права – отраслевая структура законодательства делится на отрасли законодательства, адекватные отраслям (подотраслям) права, и комплексные отрасли законодательства, формирующиеся применительно к сферам государственного управления[5]. В литературе также отмечалось, что комплексность может затрагивать только законодательную систему, а комплексные отрасли – это на самом деле отрасли законодательства, а не права[6].

Одним из главных аргументов против комплексных отраслей в системе права является то, что, исходя из понимания предмета и метода правового регулирования как единственных классифицирующих критериев отраслей права, «комплексные отрасли» права не существуют, существуют лишь комплексные отрасли законодательства. В доказательство этой теории Е.А. Киримова анализирует нормы права, составляющие «комплексные отрасли права», и указывает на то, что данные нормы выделяются из норм основных отраслей, которые, как правило, представляют собой субинституты соответствующих институтов основных отраслей права с учетом специфики сферы деятельности, опосредуемой нормами этих отраслей. Как утверждает автор, «комплексное использование законодательства, содержащего «функционально взаимодействующие» группы норм различных отраслей права, не создает новой отрасли права, ибо при комплексном правовом регулировании общественных

отношений не происходит превращения норм одного вида в другой или какого-либо их слияния, иначе вся идея комплексности с появлением нового качества утратила бы смысл»[7].

Было высказано мнение, что можно говорить о создании комплексных законодательных актов (о культуре, спорте, здравоохранении, строительстве и т. п.), объединяющих в себе нормы различных отраслей права.

Вместе с тем С.С. Алексеев отмечал, что сторонники данного подхода оценивают комплексные отрасли законодательства как «системные образования», отличающиеся «структурной определенностью и закономерными связями между элементами», «связями управления», наличием активных центров, что соответствует характеристикам и определениям, которые используются в научных разработках, посвященных структуре права[8]. Раскрытию всех связей соответствующей отрасли (связи норм права одного института; связи норм разных институтов, но одной отрасли права; связи разных отраслей) способствуют различные формы систематизации законодательства.

Сторонники комплексных отраслей в законодательстве допускают также наличие иных комплексных образований, в частности комплексных правовых институтов. Признание существования комплексных институтов отнюдь не идентично признанию наличия комплексных отраслей права, понимаемых как совокупность комплексных институтов. Сама природа отрасли права как категории социальной действительности исключает возможность существования комплексных отраслей права (в отличие от комплексных отраслей законодательства), поэтому в системе права имеют место только межотраслевые «пограничные» институты[9].

С.В. Поленина отмечает, что увеличение количества комплексных нормативных правовых актов, в том числе законов – факт бесспорный. Но принятие большинства из них подтверждает и нормативно закрепляет появление различных форм межотраслевых и внутриотраслевых комплексных структурных образований лишь на уровне институтов, а не отраслей права. Перестройка научного мышления в этой сфере тем более нужна, поскольку научная категория «отрасль права» всегда служила и будет служить своеобразным компасом, ориентиром в правотворческой работе. В этом и есть ее социальная ценность и практическая значимость. В настоящее время понятие комплексная отрасль такой ориентирующей функцией не обладает. Более того, расплывчатость данного понятия, некритическое его употребление в специальной литературе

способны в какой-то мере даже дезориентировать законодателя. Вместе с тем едва ли правильно делать вывод, что комплексная кодификация пришла на смену кодификации в рамках существующих отраслей права[10].

Однако цель законодателя состоит не только в следовании ориентирам, но и в объективном отражении социальных интересов. В этом смысле право не существует само для себя. Совсем не обязательно, чтобы комплексные отрасли были ориентирами, их функция заключается в другом, носит как бы прикладной, временной характер. «Обслуживая» ту или иную отрасль народного хозяйства, они, «вплетая» нормы права в ткань общественных отношений, способствуют его эффективной реализации, формированию такого образа права, который является частью выполнения конкретных социальных ролей[11].

Таким образом, главным условием эффективности правового регулирования является его соответсвие юридическим и социальным интересам, формирование такой юридической формы, которая имеет соответствующее социальное содержание.

Возникает вопрос: почему система права допускает наличие комплексных правовых институтов, а не комплексных отраслей?

Как известно, ответ на этот вопрос основан на мнении, что предмет и метод правового регулирования комплексной отрасли права отличаются от предмета и метода регулирования основной отрасли права.

На наш взгляд, подход, согласно которому в системе права имеются комплексные институты, свидетельствует о том, что система права допускает признак «комплексности». В связи с этим необходимо вырабатывать теорию комплексных отраслей не на том основании, что система права исключает возможность их существования, а путем определения критериев (оснований), допускающих наличие комплексных правовых образований в системе права.

Рассматривая вопрос о комплексных отраслях права, следует учесть, что большинство советских авторов их существование не признавало. Однако некоторые ученые того периода отмечали факт удвоения структуры права (С.С. Алексеев), возможности ее существования в нескольких плоскостях (В.К. Райхер).

С.С. Алексеев считал, что удвоение структуры определяется способностью правовых общностей внешне объективироваться по нескольким показателям. Объективируясь в главной структуре по основным чертам (в частности, по основным регулятивным свойствам), данные нормативные предписания одновременно по некоторым другим показателям раскрывают свои особенности в иной, вторичной правовой общности. Необходимость такого рода

«двойного проявления» обусловлена богатством и многогранностью правового регулирования ряда общественных отношений, невозможностью вместить все особенности регулирования в рамки одной, хотя бы и главной, структуры. Именно этим и объясняется иерархия структур, и отсюда следует, что во многих случаях отдельное нормативное предписание должно рассматриваться не только с точки зрения особенностей того или иного подразделения главной структуры. В полной мере богатство особенностей и свойств данного предписания нередко раскрывается еще в одной плоскости – вторичных комплексных образований, которым также присущи некоторые черты юридического своеобразия. Благодаря вторичным структурам в праве, как и в иных целостных системных образованиях[12], «любой элемент (в данном случае он совпадает с частью целого) … получает возможность реализовать свои новые стороны и свойства не только через механизм той структуры (понимаемой как закон), в которой он является элементом, но одновременно и через механизмы всех других структур иерархии»[13].

Соответственно был сделан вывод о том, что одна и та же норма является частью различных отраслей. Например, С.В. Поленина указывает, что процессуальные нормы, содержащиеся в непроцессуальных нормативных актах, по своей отраслевой принадлежности являются составной частью не только той отрасли материального права, куда они включены, но и гражданского процессуального права[14].

С.С. Алексеев отмечал, что главные подразделения системы законодательства (исторически складывающиеся отрасли законодательства) в своей основе соответствуют структуре права, делению права на основные и комплексные отрасли. В системе законодательства следует различать отрасли, которые: а) соответствуют основным отраслям права; б) соответствуют комплексным образованиям; в) не соответствуют каким-либо подразделениям в праве, а представляют собой инкорпоративное собрание актов, объединяемых только по предметному и целевому критерию[15].

М.И. Пискотин развивает концепцию удвоения структуры права и предлагает выделять первичные (административное, гражданское, уголовное, гражданско-процессуальное, уголовно-процессуальное) и вторичные (трудовое, финансовое, земельное, семейное, исправительно-трудовое, прокурорский надзор), а также третьи (право социального обеспечения, природоохранительное, горное, водное, лесное) отрасли права[16].

М.К. Юков считает, что комплексные отрасли права появляются в результате систематизации основных отраслей.

Комплексные отрасли как правовые подразделения складываются в результате дифференциации основных отраслей с целью специализированного регулирования отдельных специфических групп общественных отношений. Их образование происходит в результате выделения определенной группы общественных отношений из предмета ранее существующей основной отрасли. Так, например, по его мнению, произошло с исполнительным производством. В предмет правового регулирования здесь входят качественно неоднородные общественные отношения: организационно-управленческие, контрольные, процессуальные, имущественные, финансовые, административные и надзорные, которые объединяются единым объектом – исполнением постановлений судов и иных органов[17].

В современный период вопрос о комплексных правовых образованиях в системе права также тесно связан с проблемой соотношения системы права и закона. При этом одни ученые отмечают, что появление новых комплексных отраслей права обусловлено естественным процессом развития права, а у других юристов «пограничное право» до сих пор вызывает иронию.

Следует отметить, что практика формирующихся общественных правоотношений, требующих комплексного правового регулирования, значительно опережает отечественную правовую науку, поскольку приняты и действуют целые блоки нормативных правовых актов, предназначенных для регламентации соответствующих отношений, которые в науке либо представляются как механический синтез отношений, опосредуемых различными отраслями права, либо не исследуются вообще. Так, В.Н. Протасов отмечает, что становление и развитие комплексных отраслей в системе нашего права происходит скорее вопреки, чем благодаря теоретическим усилиям правоведов. Своим существованием комплексные отрасли обязаны лишь объективным тенденциям в развитии системы права[18].

Следует отметить и обратное влияние системы законодательства на систему права. Накопление актов законодательства в регулировании определенного круга общественных отношений способствует выделению новых отраслей системы права. Так, развитие законодательства о предпринимательской деятельности оказывает влияние на формировании предпринимательского права. Так же происходит становление таможенного, страхового, избирательного, банковского, налогового, социального и других отраслей права.

Более того, то же самое можно сказать по поводу интенсивности нормотворческой деятельности, в частности,

множественности видов издаваемых нормативно-правовых актов, которые носят конкретный четкий детализированный характер. Поэтому один из важнейших вопросов, стоящих перед российской юридической наукой, – это совершенствование отдельных сфер нормативно-правового поля, повышение эффективности его функционирования. Этого можно достигнуть отчасти и за счет гармоничного сосуществования, взаимодействия и развития системы права и системы законодательства.

На современном этапе на совершенствование системы права, в том числе на обновление предмета правового регулирования, оказывает влияние международное право, глобализационные процессы, касающиеся всех сфер жизни общества. Так, с изменением экономической ситуации, законодательства, особенностей современного гражданского оборота возникает необходимость в рассмотрении вопросов в частном праве. Кроме того, ученые отмечают, что традиционных отраслей права становится явно недостаточно для адекватного ответа правовой системы на вызовы внешней среды.

Можно отметить тенденцию последовательного увеличения числа отраслей права, что обусловлено дифференциацией отдельных сфер жизни общества, появлением новых социальных статусов и отношений. В настоящее время активно происходит выделение правовых норм, в том числе формулируемых социальным правом, что объясняется смыслом ст. 2 Конституции Российской Федерации о правах и свободах граждан как приоритетной ценности и их определяющем влиянии на содержание законов и других нормативных правовых актов[19]. Такие группы норм представляют собой «нетрадиционные» отрасли права, которые сегодня именуются комплексными. Выделение происходит путем «отпочкования» от традиционной отрасли (гражданского, уголовного, административного права и др.) самостоятельных комплексных правовых образований, которые, преимущественно в силу их социальной значимости, относительной длительности их правового регулирования и традиции приобрели в глазах юридического научного сообщества статус отраслей права[20]. Вместе с тем исчезли такие отрасли, как каноническое право, колхозное право, исправительно-трудовое право.

В настоящее время признак комплексности стал рассматриваться как при изучении системы права, так и системы законодательства, а также в рамках частного и публичного права. Увеличился перечень отраслей системы права, который не является фиксированным. Однако по-прежнему в отраслевую систему не включается международный блок: международное

публичное право, международное частное право, международное корпоративное право и т. д.

Традиционно деление системы права осуществляется на подотрасли, институты, субинституты и отдельные нормы. Именно в своей многомерности правовая система способна предстать как действенный, стабильный и в то же время динамичный организм, обладающий значительными регулятивными возможностями и в силу этого глубоко и многосторонне воздействующий на общественные отношения[21].

Видимо, вопрос о комплексных правовых образованиях в системе права тесно связан с проблемой правопонимания. Как известно, каждое поколение людей на определенном этапе своего развития вкладывало в понятие «право» свой смысл. Многозначительность определений права вызвали у Иммануила Канта замечание по поводу того, что «юристы все еще ищут определение права». Вместе с тем юридическое правопонимание – не реконструкция, а именно конструкция правопорядка и правовой жизни[22]. В последнее время ученые при рассмотрении вопроса о праве исследуют категорию «правовая жизнь»[23]. Данная категория призвана осветить многие аспекты юридической действительности, показать связь с другими сферами жизнедеятельности общества, в частности публично-правовой жизнью, частноправовой сферой.

Также в свете современных разработок в области правопонимания перспективным представляется понимание права в виде трех его основных элементов[24]. В частности, в праве должны присутствовать все три его элемента в следующей последовательности:

– социальные притязания, права человека (естественное право);

– позитивно действующее право, выраженное в законе, иных юридических источниках;

– субъективное право и правовые средства его реализации.

Имеются также научные направления, которые концентрируют внимание на определенном аспекте права, в том числе на праве как нормативном институциональном образовании, т. е. как инструменте регулирования, системе правовых средств. Этим и объясняется то обстоятельство, что в юриспруденции сложился подход к праву как средству, инструменту социального управления, и в этом аспекте выделяются и исследуются его регулятивные функции, активная служебная роль в решении стоящих перед обществом задач. Так, инструментальный аспект исследования правовой действительности позволяет рассмотреть право как

специфическую систему правовых средств, объединяемых на отдельных участках правового регулирования в своеобразные правовые режимы, механизмы регулирования, по-разному обеспечивающие решение социально-экономических, организационных, политических задач в зависимости от специфики правого регулирования его типов и способов[25].

Таким образом, центр тяжести юридического исследования переходит от трактовки юридических норм к содержанию жизненных отношений, регулирование которых юридическими нормами имеет только формальное значение. Право есть лишь регулирование социальной жизни, неотделимое от нее и соотносящееся с ней как форма и содержание. Право есть только известное качество норм, регулирующих социальную жизнь. Как не может быть права без социальной жизни, так и форма не может существовать без содержания, так не может быть и упорядоченной социальной жизни, иначе – анархия. Таким образом, социальная жизнь и право суть не различные величины, а две нераздельные стороны: содержание и форма одного и того же явления[26].

Представляется, что в рамках «правовой жизни» можно выделить проводимые государством в той или иной области ***«правовые мероприятия»,*** которые свидетельствует о том, что государство ищет способы решения проблем. В этих условиях необходимым становится рассмотрения различных разновидностей отраслей права, в том числе комплексных правовых образований, а также неформального «теневого» права. «Правовое мероприятие», таким образом, есть действие, направленное на ту или иную цель, а комплексные правовые образования как особый вид правотворческой деятельности, с одной стороны, предусматривающий действия и процесс по поводу подготовки и исполнения нормативных правовых актов, с другой стороны, как целенаправленное правовое воздействие посредством норм разных отраслей права, а именно инструмент государственной политики, с помощью которого осуществляется активное преобразование социальной практики в желаемом направлении.

Термин «мероприятие» в социально-политической и периодической печати нередко применяется в неопределенно широком смысле, размывающем его содержание и практическое предназначение. Это понятие встречается в политических, экономических, социальных, религиозных, экологических и многих других сферах жизни современного общества. Понятие «правовое мероприятие» в сугубо правовом его значении используется для обозначения деятельности государства в той

или иной области общественных отношений. В словаре «мероприятие» определятся как совокупность действий, нацеленных на выполнение единой задачи[27]. Как правило, целью мероприятия является решение различных вопросов в политической, экономической и социальной жизни общества.

Понятие «правовое мероприятие» в отношении комплексных правовых образований предусматривает, что данное регулирование будет отличаться от воздействия традиционных отраслей; в частности, комплексные правовые образования выполняют свое назначение в уникальный отрезок времени и формируются с использованием особого метода правового регулирования для удовлетворения особых задач.

В ходе рассмотрения вопроса о эффективности комплексных правовых образований можно вспомнить определение, которое используется в отношении слова «мероприятие»: «мероприятие для галочки», т. е. осуществляемое формально, без заинтересованности. Поэтому когда речь идет о том, что комплексные отрасли призваны обеспечить право на образование, охрану здоровья и социальное обеспечение, пользование достижениями культуры и науки, жилище и т. п., важно, чтобы эти «правовые мероприятия» проводились не для галочки. Синонимами слова «мероприятие» являются слова шаг, мера, инициатива, действие, кампания.

Современное право рассматривается преимущественно как внешняя форма выражения, закрепления и изменения всего, что обладает социальной значимостью. Среди различных форм права основной формой комплексных отраслей является нормативный правовой акт.

При этом следует отметить существенные продвижения на пути от чисто «атомистического» анализа закона к определению его влияния на регулируемые общественные отношения, которые представлены в цикле исследований, проводимых под руководством Ю.А. Тихомирова. Закон анализируется в системе других регуляторов и в широком социально-экономическом контексте[28]. По мнению Ю.А. Тихомирова, при всей полезности указанные оценочные критерии имеют статичный и элементный подход. Теряется комплексность и познавательный характер динамичного правового воздействия, когда законы оцениваются подчас вне их системных связей с другими регуляторами, когда закон подвержен влиянию одних социальных интересов и безучастен к другим, когда он не рассматривается как сложный механизм правовых регуляторов с участием людей[29].

Динамичность усматривается и в других правовых категориях. Так, можно выделить два подхода, сложившихся

относительно понятия «правовое регулирование». Согласно первому данное понятие рассматривается учеными в статичном состоянии, когда исследованию подлежат юридические нормы, принципы, правоотношения, юридические факты, ответственность. При этом к числу основных юридических средств правового регулирования относят: юридические нормы; индивидуальные акты применения норм права, принимаемые судебными и иными государственными органами по конкретным делам в целях обеспечения требований правовых норм в реальной жизни; правоотношения, акты реализации прав и обязанностей.

Другой подход предусматривает рассмотрение понятия «правовое регулирование» в качестве динамичной правовой модели. Считается, что динамическую сторону правовой действительности отражает понятие «механизм правового регулирования», которое производно от понятия «правовое регулирование».

Вместе с тем в юридической литературе определения и характеристика понятия «механизм правового регулирования» имеют в основном инструментальную интерпретацию, поскольку сосредоточены на средствах правового воздействия. Так, С.С. Алексеев определяет механизм правового регулирования как взятую в единстве систему правовых средств, при помощи которой обеспечивается результативное правовое воздействие на общественные отношения[30]. Однако такой подход ограничивается описанием элементов правовой системы, через которые осуществляется правовое регулирование.

К элементам механизма правового регулирования В.М. Сырых относит механизм правотворчества, механизм реализации норм права и механизм государственного принуждения[31]. А.Ф. Черданцев в числе элементов называет общенормативное регулирование; возникновение прав и обязанностей конкретных субъектов; их реализацию (соблюдение, исполнение, использование); правоприменение[32].

Однако имеются и иные подходы по поводу рассматриваемой проблемы. Например С.С. Алексеев в структуре механизма правового регулирования выделяет специально-юридический механизм, психологический и социальный механизм действия права[33]. При этом большое значение ученый придает инструментальной характеристике механизма правового регулирования.

Иначе представляет динамизм правового регулирования Ю.А. Тихомиров, который предлагает оценивать комплексный характер правового регулирования, включая его правовые, экономические, культурологические, социальные и поведенческие аспекты;

циклический и многоуровневый характер регулирования; принципы регулирования; типологию регулирующих режимов. В рамках динамичного подхода получают актуализацию проблемы, которые требуют определения мер воздействия разных отраслей права на различные стороны социальной сферы, предусматривающие, в свою очередь, гармонизацию соотношения комплексных и других правовых образований[34].

Таким образом, статичные характеристики понятия правового регулирования (юридическая норма, правоотношения, юридические факты и др.) должны дополняться его динамичными характеристиками.

Вместе с тем в советский период часто отмечалось, что система права устойчива, инвариантна, а система законодательства более динамично развивается в текущем нормотворчестве[35]. В настоящее время следует говорить о динамичности и в отношении системы права. Однако в связи с распространением концепции о многообразном и разноуровневом выражении юридических норм в различных элементах (слоях) правовой действительности имеется точка зрения, согласно которой следует отойти от дихотомии «отрасль права – отрасль законодательства».

Сторонники этой концепции полагают, что ни предмет, ни метод, ни правовое положение субъектов надежно не обеспечивает «чистоты» даже так называемых профилирующих отраслей права. Если рассматривать право не нормотворчески, как систему правовых норм, а как систему идей, норм, отношений, то проблема указанной дихотомии отпадет сама собой – остается лишь отрасль законодательства (система правовых норм), которая будет выделена посредством предмета и метода правового регулирования и оформится в виде кодификационного акта, либо в виде нескольких актов. При этом число нормативных правовых актов будет отражать подробности общественной практики. Предлагается группировать их по блокам с учетом нацеленности правового регулирования (экономика, охрана природы, общественный порядок и т. д.).

При этом предложение отойти от дихотомии «отрасль права – отрасль законодательства» предусматривает, что вопрос о комплексной отрасли права переводится в факт комплексной отрасли законодательства[36].

Данный подход поддерживается, например, С.П. Мавриным, который подчеркивает неактуальность самой проблемы деления права на квазисамостоятельные отрасли, поскольку ее решение не оказывает никакого практического воздействия на эффективность правотворчества и правоприменения. Российский законодатель,

исходя из практической целесообразности, наполняет тексты нормативных правовых актов нормами различных отраслей права, ориентируясь на такие критерии, как вид деятельности, объект отношений, субъект отношений[37].

Г.П. Курдюк считает, что вопрос о девальвации отрасли стоит довольно остро, это связано, в первую очередь, с тем, что существующие правовые общности, регулирующие новые сферы деятельности, не попадают ни под одну из правовых категорий. Следует заметить, что отрасль права – понятие более емкое, и рассматривать его надо как ветвь права, обладающую качественными характеристиками и регулирующую определенные (как одну, так и несколько) сферы деятельности. На этом основании автор полагает, что необходимость создания комплексных отраслей права обусловлена «реальными общественными процессами», а комплексные отрасли права – тип, представленный совокупностью отраслей права[38].

По мнению Е.Э. Черенковой, при формировании системы законодательства решающее значение будет иметь не отраслевая структура права, а практическая целесообразность, и законодатель будет классифицировать законодательство, исходя из конкретных целей и задач, которые он перед собой ставит. Попытки узаконить, «прописать» в системе законодательства ряд так называемых «комплексных» отраслей разрушает единство системы и отнюдь не упорядочивает ее разнообразие. Безусловно, система законодательства имеет больший объем, нежели система права, и упорядочить этот объем только лишь с помощью отраслей невозможно. Наличие же комплексных актов вовсе не должно посягать на отраслевую структуру законодательства. Ведь образование специальных по предметному содержанию и назначению, правовых норм как бы дополняет основную, отраслевую дифференциацию, но не должно противоречить ей. Нормы комплексных актов могут носить характер оправданных спецификой исключений из общих правил или отменять их. Римские юристы называли такие нормы jus singulare (норма для особого случая)[39].

Некоторые ученые считают целесообразным деление права не на отрасли, а на две основные ветви – право частное и право публичное. Существуют различные критерии разграничения на частное и публичное право. При этом граница между указанными правовыми явлениями изменчива. Вместе с тем другие ученые полагают, что там, где появляется публичное право, частное право постепенно исчезает, превращается в «мелко-публичное», «вторично-публичное», «рутинно-прилюдное»[40].

Авторов, которые не признают существование ни отрасли

права, ни отрасли законодательства, как можно заметить, интересует исключительно вопрос практического применения норм соответствующей отрасли. Здесь мы имеем дело с прагматическим взглядом. Например, специалисты в области предпринимательского права полагают, что нужно усиливать по возможности регулятивный потенциал данной отрасли с тем, чтобы она работала на достижение высоких экономических показателей.

Мы не разделяем точку зрения авторов об утрате отраслью права практического значения, в том числе об утрате значимости деления отраслей на основные и комплексные. Уместно вспомнить, что отрицание актуальности отрасли права не является новой, современной точкой зрения, оно отражает позицию определенной части правоведов советского периода.

Основываясь на том, что комплексные образования затрагивают не только форму, но и содержание права без изменения его отраслевой структуры, было предложено называть их комплексными общностями, или массивами, правовых норм[41].

Однако следует согласиться с тем, что термин «нормативный массив» имеет известную неопределенность, так как все отрасли права являются прочными монолитными образованиями и в этом смысле могут быть охарактеризованы как своеобразные «массивы»[42]. В дальнейшем этот термин стал употребляться применительно к наиболее крупным образованиям в системе законодательства[43].

На наш взгляд, термин «отрасль права» достаточно конкретный. Отказ от деления права на отрасли приведет к разрушению тех систем, которые сложились. Другое дело, что некоторые ученые не различают отрасль права и отрасль законодательства, в том числе сторонники ряда новых отраслей права. Более того, отрасль права не только не учитывает, но и предполагает использование отрасли, когда речь идет о системе права, которая квалифицируется по нескольким критериям, а не только по тому, регулирует ли то или иное ее структурное подразделение какой-то один вид общественных отношений или нет. Кроме того, подобного рода дискуссии не учитывают объективных процессов, с неизбежностью порождающие комплексные институты и отрасли права.

Вместе с тем аналогичное суждение имеется в отношении комплексности законодательства. Так, отмечается, что практика свидетельствует об отсутствии «чистых» отраслей законодательства и о том, что все отрасли законодательства в той или иной мере являются комплексными. В советский период О.А.

Красавчиков отмечал, что «в каждой отрасли права, особенно в праве гражданском, трудовом и колхозном, имеется немало организационных норм, которые регулируют соответствующие организационные отношения и принадлежность которых к предмету регулирования административного права исключена»[44].

Комплексные отрасли законодательства образуются, прежде всего, из комплексных актов, т. е. из актов, включающих в себя нормы нескольких отраслей права. В этом смысле такие отрасли есть общности, целостности вторичного порядка, в них нет ничего, что не могло бы быть поглощено отраслями законодательства, выделенными по отраслям права[45]. В этом ключе рассматривается концепция развития российского законодательства, неоконцепция развития гражданского законодательства.

Представляется, что при рассмотрении вопроса о комплексности в праве и законодательстве следует учитывать, что в общей теории права достаточно давно сделан вывод о принадлежности отдельных правовых норм не одной, а двум или нескольким отраслям права. Сложная правовая природа отдельных норм, связанная с их одновременной принадлежностью нескольким отраслям права, получила в общей теории права название «двойной прописки»[46].

По поводу идеи о многомерности системы права – существовании первичных, вторичных, третичных и прочих правовых образований Ю.К. Толстой указывает, что «чистых» отраслей права не существует или почти не существует; из тезиса о многомерности непреложно следует вывод, что одни и те же отношения могут входить в предмет не одной, а нескольких отраслей права. Взаимодействие таких отношений внутри конкретной отрасли, «не изменяя их существа, придает им специфическую окраску, которую, разумеется, надлежит учитывать». Нечто подобное и происходит с имущественными отношениями, регулируемыми и гражданским, и семейным, и трудовым, и экологическим правом. В последних трех эта специфика объясняется выполняемыми им общесоциальными и социализаторскими функциями[47].

По мнению В.Н. Протасова, появление в материальной сфере права комплексных отраслей является результатом его развития и превращения в объемную, полиструктурную систему. В этом смысле наличие в системе права материальных комплексных отраслей даже может служить признаком ее весьма высокого уровня развития. Процессы формирования комплексных отраслей лежат в основе совершенствования права и во многом определяют

эффективность его воздействия на социальную сферу, поэтому данная тенденция заслуживает всяческой теоретической поддержки[48].

Е.А. Пилипенко отмечает, что в числе тенденций развития системы российского права имеет место рост значения правового регулирования, что влечет за собой образование комплексных структурных объединений юридических норм. Возникновение комплексных образований зависит от степени развитости правовой системы, от взаимодействия с другими нормативными регулятивными системами общества[49].

По мнению В.В. Блажеева, право приобретает комплексный характер, появляются некие конгломераты отраслей права. Необходим комплексный подход, чтобы уйти от узкоотраслевых явлений, поскольку на стыке отраслей права всегда возникает масса проблем, вопросов, в связи с чем право и требует комплексного изучения[50].

Таким образом, общественные отношения, требующие комплексного правового регулирования, стали рассматриваться как соответствующие правовые образования, т. е. совокупность правовых норм, представляющая собой право в объективном смысле или область законодательства. Следует также отметить, что при рассмотрении фактора комплексности в праве и законодательстве в юридической литературе можно встретить тезисы о существовании комплексных правовых образований только в системе законодательства, которые приводятся без каких-либо доказательств, но, как правило, со ссылками на мнения советских ученых.

В этой связи Г.А. Свердлык отмечает: складывается впечатление, что такого рода утверждения имеют целью высказать заранее намеченное решение. Например, исследуя структуру и элементы в праве с философских позиций, Д.А. Керимов высказывает мнение, что «нет оснований для распространенного в советской юридической литературе утверждения о наличии в нашей системе права так называемых комплексных отраслей»[51]. Данный ученый, отрицая наличие в системе права комплексных отраслей права, вместе с тем допускает существование в ней комплексных институтов права, тем самым нарушая системное единство права и разрывая однорядковое соотношение его системы и подсистемы[52].

Г.А. Свердлык, рассматривая комплексную отрасль права и законодательства с позиций сегодняшнего дня, отмечает, что следует учитывать как изменившиеся общественные отношения, так и ряд основополагающих нормативных актов, появившихся в недалеком прошлом, проанализировать их состав, содержание и

свойства.

Представляется, что позиция, согласно которой комплексные правовые образования признаются только в системе законодательства, не выходит за рамки позитивистского правопонимания и лишь несколько расширяет понятие законодательства, включая в него наряду с отраслями законодательства комплексные отрасли. Выделение комплексных отраслей в системе законодательства является данью теоретическим положения советского периода, и одной из первых попыток обоснования принципа комплексности в праве и законодательстве.

В последние годы ученые вновь обращают внимание на различия права и закона, права и законодательства. Например, отмечается, что в публичном праве право и закон не разделены, а в частном праве разделены, поэтому в последнем закон может быть неправовым. При этом обращается внимание на такой аспект, как возможность неправового содержания закона при соблюдении правовой формы. В данном случае речь идет о непозитивистком типе правопонимания, который выполняет определенную критическую функцию по отношению к действующему или желаемому праву, но при этом допускает разрыв между сущностью, содержанием и формой права. Если закон не соответствует объективным свойствам и содержанию права, он не является правовым актом, и, таким образом, неправовое содержание облекается в правовую форму. Такой закон может быть государственно-властным велением, которое останется лишь «словами, написанными на бумаге», либо может быть исполнен только силой государственного принуждения как акт государственного произвола. Данная концепция, допуская отсутствие в источниках правового содержания, лишает практику четких правовых ориентиров, что снижает эффективность права и закона как высокозначимых общеобязательных регуляторов общественных отношений, и, в конечном счете, не способствует укреплению законности и правопорядка[53].

Позитивное право в рамках данной концепции рассматривается как нечто искусственно созданное и несовершенное по сравнению с правом естественным, выступающим в качестве недостижимого идеала. По мнению Ю.К. Толстого, позиции сторонников жесткого противопоставления права и закона теоретически достаточно шатки. В сущности в их представлениях право относится скорее к сфере правосознания, к тому, что они хотели бы видеть и запечатлеть в действующем праве. Представления о праве, какими бы чистыми помыслами они ни подпитывались (а они, как свидетельствует наш горький

опыт, далеко не всегда чисты), ни в коем случае нельзя выдавать задействующее право, которое должно неукоснительно соблюдаться и исполняться[54].

В этой связи некоторые авторы говорят о том, что нецелесообразно акцентировать внимание на различии права и закона хотя бы уже потому, что подобный дуализм способен усугубить ослабление и даже распад законности в стране, и без того достигших самых крайних и опасных отметок. Один из аргументов против использования в теории и на практике понятий «правовой закон» и «неправовой закон» состоит в том, что это ослабляет регулятивную роль закона, создает препятствия государству и его институтам в выполнении правоохранительных функций, формирует нигилистическое отношение к закону и праву.

Вместе с тем другие ученые не соглашаются с таким мнением, поскольку при различении права и закона проявляется регулятивная роль права, которую закон и должен адекватно выражать. Закон, противоречащий праву, не должен быть источником правового регулирования, а практика использования государством таких законов для регулирования общественных отношений противоречит его правоохранительной функции[55].

Правообразование связывается с такими правовыми категориями, позволяющими различить право и закон, как формальное равенство, единый масштаб и равная мера свободы для участников общественных отношений, всеобщая справедливость. Правовое содержание закона, таким образом, определяется на основе общих естественно-правовых начал. Эти признаки должны находить выражение в нормах действующего права, выступающего в качестве объективного критерия для правоприменителя. Г.А. Жилин высказывает и иные суждения, например, о том, что основным и непосредственным критерием правового содержания закона должны выступать конституционные положения, и федеральный закон будет правовым, если он соответствует Конституции РФ, федеральным конституционным законам[56].

Мы разделяем позицию авторов, которые полагают, что при разграничении права и закона следует исходить из общефилософских закономерностей связи формы и содержания, установлении соответствия между содержанием и формой позитивного права. Позитивное право отличается от естественного права тем, что оно не может существовать вне юридических источников (законов, нормативных актов, судебных прецедентов, нормативных договоров и др.). Только посредством юридических источников право способно порождать юридические

последствия для участников общественных отношений. Ведь то, что называют «естественным правом», на самом деле представляет собой естественно-социальные начала, которые должны определять содержание юридических предписаний, а правом в собственном смысле (с точки зрения современных представлений о свойствах права) не является[57].

И.А. Ильин писал: «Основная задача положительного права состоит в том, чтобы принять в себя содержание естественного права, развернуть его в виде ряда правил внешнего поведения, приспособленных к условиям данной жизни и к потребностям данного времени, придать этим правилам смысловую форму и словесное закрепление и далее проникнуть в сознание и к воле людей в качестве приоритетного связующего веления. Положительное право есть целесообразная форма поддержания естественного права»[58].

Началом нового этапа в развитии естественного права стало принятие Декларации прав человека и гражданина, в которой идеи естественного права получили международно-правовое признание. В странах романо-германской правовой семьи идет медленный процесс сближения действующего законодательства с идеальными стандартами естественного права. Так, главной задачей законодателя в процессе формирования права стало закрепление социальных притязаний и прав человека в законодательстве.

В данном случае позитивистское правопонимание связывает развитие права с расширением сферы действия правовых средств, в связи с чем возникает проблема соответствия поведения существующей и непрерывно меняющейся системе норм. В то же время, философское правонимание связано с содержательными изменениями права и требует установления соответствия между содержанием и формой самого позитивного права. Право является высокодинамичным явлением, содержание права требует изменений, обновлений, поскольку никогда не является оптимальным и достаточным.

В связи с этим точка зрения об отсутствии отрасли законодательства при условии наличия отрасли права вступает в противоречие с утверждением, согласно которому, если есть отрасль права, то однозначно есть и отрасль законодательства, поскольку право характеризуется формальной определенностью, и любая норма права не имеет высшей юридической силы, не будучи опубликованной в нормативно-правовом акте.

Система права и система законодательства состоят из норм, «т. е. отрасль законодательства следует рассматривать не как тематически объединенную совокупность нормативно-правовых

актов, а как тематически объединенную совокупность прописанных норм. При этом неважно, содержатся ли эти нормы в нескольких целевых документах или рассеяны по разнородным необъединяющимся документам»[59]. Поэтому отсутствие кодифицированного источника еще не означает, что нет соответствующей отрасли законодательства.

Например, Ю.К. Толстой отмечает, что в юридической науке распространено мнение о необходимости различать жилищное право и жилищное законодательство. С нашей точки зрения, необходимости в таком разграничении нет. В конечном счете, и жилищное право, и жилищное законодательство состоят из норм. Утверждение о том, что жилищное право состоит из норм, а жилищное законодательство из нормативных правовых актов, опровергается уже и тем, что сами нормативные правовые акты состоят из норм, именно поэтому они и называются нормативными. Таким образом, понятие жилищное право и жилищное законодательство мы употребляем как тождественные, рассматривая их как комплексные правовые образования[60].

В этой связи верно подмечено, что если законодательство является формой выражения права, то как может существовать одна форма (комплексные отрасли законодательства) без своего содержимого (комплексной отрасли права)? Какую тогда отрасль права выражают комплексные отрасли законодательства?

В данном случае вопрос о соотношении системы права и системы законодательства рассматривается как соотношение содержания и формы права. С общефилософских позиций соотношение (единство и различие) системы права и системы законодательства характеризуется как связь внутренней и внешней форм. Закон – это форма выражения, объективирования права вовне, а право – единство формы и содержания. Не может быть права до и вне своей формы (закона)[61].

Структура права не может быть с достаточной полнотой и точностью раскрыта, если не видеть ее органического единства с внешней формой права – системой законодательства, внутренними подразделениями в нормативных актах[62]. Законодательство, пишет А.Ф. Шебанов, «это форма самого существования правовых норм, средство их организации, придания им определенности, объективности»[63].

«Обособить в законодательстве, – отмечает А.В. Мицкевич, – можно только то, что обособляется в действительности»[64]. Строение законодательства потому и может быть охарактеризовано как система (и потому в нем может быть установлена структура), что оно является внешним выражением объективно существующей структуры права[65].

В этой связи изучение комплексных правовых образований как структурного элемента системы права в отрыве от законодательства не представляется возможным и целесообразным, поскольку содержание права нуждается в определенном выражении в реальной действительности, и способом такого выражения является оформление воли общества в юридических источниках права, которые представляют форму «самого существования» содержания права[66]. В реальной действительности содержание и форма права «не существуют обособленно друг от друга: бесформенное содержание права так же немыслимо, как и его бессодержательная форма. Содержание права имеет место лишь постольку, поскольку оно оформлено»[67]. Поэтому многие ученые, например, Д.Е. Петров, С.С. Алексеев[68] делают вывод, что система права представляет собой первичное, исходное, базовое явление по отношению к системе законодательства[69].

На наш взгляд, в любом случае ни система права, ни система законодательства не являются самодостаточными и их функционирование и развитие не может происходить обособленно друг от друга. Мы разделяем позицию Е.А. Черенковой о двуаспектности определения взаимодействия системы права и системы законодательства: «с одной стороны, любые теоретические разработки в области дифференциации системы права должны, прежде всего, иметь своей целью совершенствование системы законодательства, поскольку теория не может и не должна существовать сама для себя; с другой стороны, формирование системы законодательства должно опираться на теорию, в особенности это важно для систематизации законодательства»[70].

Кроме того, при рассмотрении системы права и системы законодательства следует говорить об их соответствии, а не о тождестве. Как верно отмечает В.Н. Протасов, система законодательства и система права – это хотя и не тождественные, но вместе с тем жестко взаимосвязанные системы: право – это информационно-управляющая система, а законодательство – система, назначение которой – хранить правовую информацию и оптимизировать ее использование. Элементы системы права объективно существуют лишь постольку, поскольку они содержатся в нормативно-правовых актах или других источниках права. И наоборот, всякое существенное изменение в законодательной материи приводит обязательно к переменам в материи правовой. Поэтому нельзя говорить о формировании комплексных образований в законодательстве и не видеть соответствующих изменений в системе права[71].

При рассмотрении вопроса комплексности в праве и законодательстве среди ученых не существует единства мнений по вопросу определения оснований (критериев) деления права на отрасли. В советский период отрицание существования комплексных отраслей права строилась на критериях формирования основной отрасли права.

Так, отмечалось, что существование комплексных отраслей в праве усиливает несоответствие отраслевого признака построения системы права отраслевому принципу построения системы законодательства, поскольку структура законодательства, в отличие от структуры права, содержит комплексные образования разного уровня.

Вместе с тем в настоящее время, обращаясь к теме критериев, выделяют как традиционные критерии деления права, а также другие основания, в том числе цель, принципы права, функции права, правовая традиция, интерес и т. д.

Кроме того, в рамках рассмотрения вопроса о критериях нет единогласной позиции по вопросу о предметной принадлежности отрасли права. Так, например, на основе сочетания структурного и функционального подходов принято выделять следующие варианты соотношения отраслей права и отраслей законодательства:

1) отрасль права получает выражение в соответствующей отрасли законодательства (уголовное право и уголовное законодательство);

2) часть норм отрасли права выражена в одной или нескольких отраслях законодательства, соответствующих данной отрасли права, другая часть – в одной или нескольких комплексных отраслях (например, нормы регулирующие отношения, составляющие предметы гражданского и административного права, содержатся в гражданском законодательстве и законодательстве о государственном управлении, но в тоже время земельное, банковское законодательство состоят из норм как гражданского, так и административного права);

3) отрасль законодательства состоит из комплексных правовых институтов, либо в систематизированном виде содержит сложный комплексный институт (например, отрасли хозяйственного, экологического, земельного, банковского законодательства и др.)[72].

При всем кажущемся многообразии мнений суть расхождений во взглядах ученых по главному вопросу можно систематизировать следующим образом:

1) отрасль права является составной частью основной

отрасли права (например, предпринимательское право является составной частью гражданского права) и рассматривается в качестве отрасли законодательства или самостоятельной учебной дисциплины;

2) отрасль права представляет собой самостоятельную комплексную отрасль права;

3) комплексную отрасль можно представить и как область законодательства;

4) смешивание понятий «комплексная отрасль права» и «комплексная отрасль законодательства» приводит к необоснованной подмене одного понятия другим, а также служат основанием для утверждений, что следует отождествлять право и законодательство, что границы между этими явлениями размыты. В этой связи, возможно, говорить о сближении права и законодательства, но все-таки целесообразно различать отрасли, которые соответствуют системе права и системе законодательства.

Отрасль законодательства, регулируя определенные сферы государственной, экономической, социальной жизни, выделяется по предмету правового регулирования. Предмет отрасли законодательства не является столь однородным, как у отрасли права, и может включать весьма различные отношения. В силу этого отрасль законодательства не столь однородна, как отрасль права. Поэтому в одних случаях отмечается, что отрасль законодательства полностью соответствует отрасли права (например, гражданское, трудовое, семейное законодательство), в других случаях отрасль законодательства не имеет определенной отрасли права (например, медицинское законодательство, строительное, информационное, таможенное, муниципальное, инвестиционное и т. д.).

Некоторые авторы считают, что для выделения «нетрадиционных отраслей» объективных оснований не существует, поскольку внутри данных отраслей логика предмета правового регулирования не работает[73].

Система законодательства выражается в наличии определенных отраслей и подотраслей. Вместе с тем такое обособление невозможно, немыслимо, если оно не отражает определенных особенностей в содержании правового регулирования. Для законодателя структура права выступает как своего рода объективная закономерность[74]. Так, например, систематизация представляет собой деятельность по приведению нормативных актов в упорядоченную систему, что по своей природе это имеет объективный характер, так как представляет собой внутреннюю закономерность права[75]. Поэтому

систематизация комплексных отраслей законодательства отражает процессы, происходящие в праве, в частности связанные с появлением новых правоотношений, связанных с комплексными отраслями права. При систематизации нормативно-правового массива, необходимо учитывать не только внутригосударственные, но и международно-правовые аспекты, поскольку имеются тенденции обусловленные сближением законодательства, гармонизацией законодательств, принятием модельных нормативных актов, а также унификацией законодательства.

Классификатор правовых актов, утвержденный Указом Президента РФ от 15.03.2000 № 511, является единственным официальным источником классификации российского законодательства. В основных своих параметрах он соответствует структуре базовых законов – Гражданского кодекса РФ, Уголовного кодекса РФ, Налогового кодекса РФ, Бюджетного кодекса РФ, Трудового кодекса РФ и Кодекса Российской Федерции об административных правонарушениях. Построение классификатора по предметному признаку позволяет, с одной стороны, представить все отрасли права, с другой – комплексные массивы законодательства. Предметный классификатор обеспечивает универсальный охват всего массива законодательства. Реализация идеи о том, что в основу систематического собрания должна быть положена структура классификатора правовых актов, позволяет унифицировать приемы, способы классификации и систематизации законодательства, обеспечить оперативность в подборе правовой информации, помочь правильному учету и распределению нормативного материала по разделам сборника[76].

Многие ученые предлагают кодифицировать новые отрасли (подотрасли) законодательства. Например, формой основополагающего нормативного правового акта, регулирующего отношения в сфере энергетики мог бы стать энергетический кодекс[77]. Также вносятся предложения о систематизации аграрного законодательства в виде аграрного кодекса. В последнее время ученые говорят о необходимости разработки экологического кодекса. Аналогичные потребности систематизации назрели во многих отраслях законодательства, например, по поводу принятия кодекса о недрах и недропользовании, миграционного, торгового, образовательного, пенсионного, медицинского, лицензионного, социального кодексов и др.

Предполагается, что принятие таких кодексов позволит унифицировать понятийно-терминологический аппарат,

установить общие принципы и стандарты законодательного регулирования в данной области, адаптировать решения Конституционного Суда РФ, определить структуру распределения полномочий государственных органов власти, органов государственной власти субъектов Федерации и органов местного самоуправления в соответствующей сфере, сократить объем подзаконных актов.

Вместе с тем имеются критические взгляды по поводу принятия таких кодексов, поскольку предполагается, что они не станут решающим этапом законодательного обеспечения развития соответствующей сферы и могут привести к нагромождению в системе законодательства, ведут к дублированию одних и тех же положений, коллизии между нормами различных законодательных актов, конкуренции юридических норм, поэтому требуются новые способы структурирования.

Представляется, что система законодательства, наличие кодифицированных актов обусловлено объективными связями внутри системы права. Развитие и совершенствование системы права ведет к появлению новых отраслей, подотраслей, институтов, субинститутов и норм, что служит предпосылкой изменения системы законодательства, создания новых кодифицированных актов, обладающих самостоятельной структурой.

Система права, формируясь под влиянием деятельности законодателя, вместе с тем носит объективный и несколько автономный от воли законодателя характер. Система законодательства – детище законодателя, хотя, безусловно, также имеет социальную обусловленность. Сами сторонники комплексных отраслей в законодательстве рассматривают комплексные акты не как механическое соединение, конгломерат разнородных норм, а способ существования разноотраслевых объединений норм, но придерживаются позиции, что каждая отрасль права представлена соответствующей отраслью законодательства, но не каждая отрасль законодательства непременно является формой отрасли права (в том числе комплексной)[78].

Возникает и другой вопрос: разве социальная значимость определенных общественных отношений не является объективным основанием для формулирования соответствующих норм в системе права, соответствующей отрасли права?

Так, В.Ф. Яковлев писал, что отраслевое и комплексное законодательство в равной мере объективно предопределены. Комплексное законодательство имеет объективные основания,

поскольку вызывается к жизни общественными потребностями, а также имеет не меньшее значение в регулировании отношений, чем отраслевое законодательство. Более того, если объективной основой отраслей права служат относительно обособленные групп однородных отношений, то комплексные отрасли воплощают объективно обусловленные функциональные связи между отраслями права[79].

Как известно, в целях объяснения процесса формирования комплексного законодательства учеными были исследованы социальные факторы[80]. Выявляя факторы, обусловливающие формирование новых отраслей права, мы обнаруживаем, что самый фундаментальный слой правовых норм формируется на уровне, который отслеживает изменения в социальных основаниях новой системы, в частности, в недрах социального организма, появление новых сфер жизни общества, нуждающихся в правовом регулировании. Далее эти общие правовые потребности, которые уже сложились в обществе, государство надлежащим образом оформляет. В связи с этим социальные потребности обусловливают деятельность управомоченных органов государства по изданию, изменению и отмене нормативно-правовых актов в единстве с их содержанием.

Таким образом, в современных дискуссиях о путях развития комплексного правового регулирования мы обычно имеем дело лишь с заключительным звеном осмысления комплексных отраслей, хотя необходимо учитывать предпосылки, влияющие на формирование комплексных образований в рамках первоначальной стадии правотворчества, который касается процесса правообразования. Поэтому представляется необходимым расширить рамки исследования, тем более, что становится очевидной роль комплексных отраслей в системе права.

§ 2. Предмет и метод правового регулирования

Как известно, не один десяток лет потребовался для того, чтобы российские теоретики права смогли сформировать основополагающие начала, призванные осуществить методологически корректное разделение советского, а теперь уже российского права на отрасли.

Проблематика предмета и метода правового регулирования сформировалась в отечественном правоведении, прежде всего, на основе поиска критериев деления права на отрасли. Обсуждению подвергся и элементный состав системы права, правовые институты и отрасли права, в том числе комплексные отрасли права.

В то время большая часть ученых-правоведов придерживалась точки зрения, согласно которой деление права на отрасли следует производить по «предметному признаку»[81]. И лишь некоторые авторы считали, что одного критерия «предмет» недостаточно, и при построении системы права нужно также использовать дополнительный критерий «метод» (С.Н. Братусь, С.Ф. Кечекьян, Я.Ф. Миколенко)[82].

В дальнейшем при делении права на отрасли ученые пришли к выводу, что необходимо использовать оба критерия – не только предмет, но и метод правового регулирования. Л.С. Галесник, С.С. Алексеев, М.Д. Шаргородский, О.С. Иоффе, И.В. Павлов полагали, что система права есть объективно существующее деление норм, наличие которого устанавливается анализом предмета и метода правового регулирования[83].

Для предлагаемой нами в настоящем исследовании концептуальной модели соотношения системы права и системы законодательства небезынтересными являются предложения, высказанные в связи с тем, что предмет и метод правового регулирования оказались явно недостаточными для того, чтобы в полной мере обозначить, выявить специфику каждой отрасли права. В дополнение к методу правового регулирования были предложены следующие критерии деления системы права на отрасли: цель и принципы регулирования, функции права, механизм действия права и др. Представляется, что отрасль права формируется под воздействием множества факторов: функций, принципов, целей, задач, источников и др., а не только предмета и метода правового регулирования.

Также предлагалось выделять отрасли на основании

особенностей деления нормы права на гипотезу, диспозицию и санкцию, что позволяло производить выделение в советском праве отдельных отраслей с учетом разнообразных факторов политического, экономического, исторического и даже географического характера. Эти отрасли В.Ф. Мещера называл «комплексными» и относил к ним трудовое, семейное, финансовое, колхозное, воздушное, земельное право и т. д.[84]

Скептические настроения выразились в кардинальном пересмотре подхода к пониманию системы права как таковой. Одна группа ученых (В.Д. Сорокин, В.В. Лаптев, В.П.Шахматов, В.К. Мамут, В.А. Ржевский) предлагала отказаться от метода правового регулирования как основания деления права на отрасли[85]. Другая группа (В.Г. Беляев, В.Н. Кудрявцев, Т.Е. Абова) полагала, что не следует искать в отраслях права ни специфический предмет, ни метод, а надлежит обратить внимание на иные признаки[86]. Третья группа (Ц.А. Ямпольская, И.А. Тончук, Р.З. Лившиц) считала, что отраслей как таковых в праве нет, вследствие чего следует отказаться от попыток разрешения проблем системы права и отраслей права и перейти к рассмотрению отраслей законодательства[87]. В.Н. Коржанским было выражено сомнение относительно способности предмета и метода правового регулирования служить универсальной основой при конструировании отраслей права. Он предложил использовать в качестве критериев такого деления свойства, особенности определенных правовых норм – их содержание, принадлежность к конкретным институтам, видам правовой ответственности[88].

Также отмечалось, что в связи с неоднородностью различных отраслей права расширилось число элементов в структуре метода, в частности появились отрасли с полиэлементными методами правового регулирования. Так, наряду с отраслями, которым свойственен единый метод правового регулирования соответствующих групп отношений (гражданского, административного), возникли отрасли, например хозяйственное, земельное и др., которые получили название многоуровневых образований структуры права.

Не менее важным положением, сыгравшим роль отправной точки для будущих теоретических исследований, следует считать вывод

0 дуалистической модели взаимосвязи системы права и системы законодательства. Утверждалось, что система законодательства является «логической системой», создаваемой в ходе систематизации законодательства по различным признакам, совпадающим не только с признаками отраслей права, но и с

признаками комплексных массивов, создаваемых лишь для удобства пользования законами[89].

Вместе с тем сторонники данной позиции отмечали, что комплексные отрасли занимают свое место в законодательной системе, находясь в определенном соотношении с другими отраслями законодательства. Наличие комплексных правовых актов выводили из факторов субъективного порядка, в частности, указывалось на связь структуры права с системой законодательства, в которой принято учитывать субъективный характер последнего. Законодатель при решении правотворческих задач руководствуется в ряде случаев не только логикой права, но и иными потребностями – социально-политическими, чисто классификационными соображениями, законодательными традициями, рекомендациями научных учреждений и др.[90]

Представляется, что «многофакторная модель» формирования отраслей права повлияла на возникновение ошибочного, на наш взгляд, подхода к взаимосвязи системы права и комплексных образований. Так, Ю.К. Толстой утверждал, что комплексные отрасли лишены предметного единства; по составу они складываются из норм основных отраслей права; в них используется ряд методов регулирования основных отраслей; они занимают не самостоятельное, а условное – в зависимости от целей систематизации – место в системе права[91].

Содержательная критика такого подхода с позиций различения и соотношения права и закона начинается в советской юридической науке лишь в 1970-е гг., когда право стало толковаться не как система нормативных предписаний государственной власти, а как факт социальной жизни. Этот вывод был в значительной мере обусловлен потребностями социальной практики, которые не могли получить надлежащее удовлетворение рамках позитивистского типа правопонимания.

Вместе с тем следует отметить, что комплексная трактовка права в советский период практически не осуществлялась, поскольку считалось, что все отрасли законодательства, как и все отрасли права, образованы по одним критериям, находятся в одной плоскости. Исключение составляют работы В.К. Райхера[92], С.С. Алексеева[93], И.Л. Брауде[94], М.К. Юкова[95], которые указывали на существование разных структурных уровней в праве и на необходимость отказа от одноплоскостного подхода к нему как малоплодотворного, не позволяющего познать право во всех его проявлениях.

В работах авторов советского периода отмечается, что если исходить из того, что комплексные образования являются вторичными, наслаивающимися на главную структуру,

выражающую строение права, то положение об удвоении структуры ничуть не противоречит ее объективному характеру. Большинство комплексных отраслей формируется в связи с необходимостью специализированного регулирования определенной группы отношений на основе и в рамках существующих отраслевых юридических режимов[96].

В силу многоуровневого характера системы права и закономерностей ее развития в ней сложилась своя иерархия отраслей. Так, С.С. Алексеев выделял в системе права три группы отраслей: профилирующие, другие основные и вторичные комплексные образования, именуемые комплексными отраслями права[97].

Вместе с тем в советской юридической литературе анализ предмета правового регулирования проводился исключительно как научного феномена. В настоящее время предмет правового регулирования рассматривается как объективный критерий деления права на отрасли и институты. В отраслевой юридической литературе проблема предмета и метода правового регулирования исследуется в каждом случае, когда ставится задача обоснования существования отраслей права, в том числе комплексных.

Современный толковый словарь русского языка определяет «предмет» как всякое конкретное материальное явление. Каждая отрасль права имеет свой объект и предмет регулирования, которые тесно связаны, но полностью не совпадают. Предмет правового регулирования приобрел правовое значение и нашел закрепление в текстах таких нормативных правовых актов, как Гражданский кодекс РФ, Водный кодекс РФ, Земельный кодекс РФ и др. Предмет правового регулирования отвечает на вопрос, какие именно отношения между субъектами регулируются тем или иным структурным элементом системы права.

Понятие объекта отрасли права шире, оно охватывает все общественные отношения, которые регулируются правом и вследствие этого становятся правовыми отношениями. Все отрасли права направлены на регулирование общего объекта взаимосвязанной совокупности общественных отношений, образующих общую область правового регулирования.

В качестве предмета правового регулирования выступают общественные отношения. С.С. Алексеев под предметом правового регулирования понимает разнообразные общественные отношения, на которые воздействует право[98]. В.Д. Сорокин разделяет все общественные отношения на два вида: отношения социально-нравственной среды и отношения социально-правовой среды. Разнообразные по своему содержанию, отношения

социально-правовой среды образуют единый предмет правового регулирования[99]. М.В. Долгополова характеризует предмет правового регулирования как отношения по созданию условий для воплощения в жизнь правовых предписаний, содержащихся в применяемых государством нормативных правовых актах, и отношения, в которых «срабатывают» сформировавшиеся в обществе нормы права – правовые конфликты[100]. М.И. Байтин определяет предмет регулирования как определенную сторону, часть широкой однородной сферы (области) единого общего поля правового регулирования, круг общественных отношений, регулируемых данным нормативным образованием[101].

В структуру предмета правового регулирования традиционно включают следующие элементы: субъекты, объекты регулируемых общественных отношений, социальные факты, способствующие возникновению соответствующих отношений, практическую деятельность[102]. В.Н. Протасов полагает, что объектом правового регулирования выступает социальная сфера, которую составляют три компонента: люди, общественные отношения, поведение людей[103].

Для признания отрасли права в системе права необходимо, чтобы она обладала единым предметом и методом правового регулирования. Нормы, составляющие отрасль права, должны быть взаимосвязаны, представлять одну систему, нечто целое. В свою очередь в теории права комплексная отрасль характеризуется рядом признаков. Например, ученые отмечают, что каждая основная отрасль права обладает предметным единством. У комплексной же отрасли предмет не един, а разнороден[104].

Представляется, что положение о том, что каждая отрасль права имеет свой предмет и метод правового регулирования, распространяется и на комплексные отрасли права. Однако, в отличие от других отраслей права, большая часть из которых сформировалась намного раньше, комплексные отрасли ставят перед исследователями ряд непростых задач, и, в частности, задачу выявления специфики своего предмета и метода правового регулирования.

Неразработанность категорий «предмет» и «метод» правового регулирования комплексных отраслей права обусловлена следующими причинами.

Во-первых, комплексные отрасли права до сих пор находятся в стадии становления и развития, что затрудняет возможность анализа их предмета и метода правового регулирования. Например, таможенное право одни ученые относят к подотрасли административного права, другие рассматривают как отрасль

законодательства, третьи считают, что это самостоятельная комплексная отрасль права. Во-вторых, отсутствует единый общетеоретический подход к критериям деления права на отрасли, а также существует проблема критериев дифференцирования права на отрасли, которая до сих пор вызывает к жизни споры и разногласия, а то и принципиально новые концепции, весьма далекие от традиционной[105].

Таким образом, вопрос о предмете комплексной отрасли является дискуссионным, достаточно сложным и, можно сказать, менее всего разработанным в современной юридической литературе.

В сложившейся ситуации при определении комплексной отрасли права предлагается исходить из сугубо функционального назначения, в частности, социальной значимости и необходимости регулирования определенного вида общественных отношений, которые выступают основанием для формулирования соответствующих норм права. В комплексном правовом регулировании достигается цель единовременной регламентации отношений, сгруппированных на базе их общей социальной направленности, а не на основании принадлежности к той или иной отрасли права. Основу основ комплексного законодательного регулирования общественных отношений составляют те социальные задачи, которые поставлены перед отраслями законодательства. Они служат как бы оптическим фокусом, в котором концентрируется направленность определенных правовых норм, предписаний, институтов, законодательных актов, отрасли законодательства. Эта концентрация имеет избирательный характер: фокусируются усилия только тех правовых норм, предписаний и т. д., которые имеют прямое отношение к выполнению данной социальной задачи[106].

В.А. Кирин в монографии «Законодательство о борьбе с преступностью. Отрасли и их взаимосвязь» рассматривает соотношение трех отраслей советского законодательства, специальной задачей которых является регулирование борьбы с преступностью: уголовного, уголовно-процессуального и исправительно-трудового права; и обосновывает необходимость выделения в системе советского права в качестве самостоятельных структурных подразделений комплексов отраслей законодательства по признаку единства выполняемой ими социальной задачи. Такой единый комплекс образуют указанные три отрасли[107].

Стоит заметить: определяя структурный состав современного законодательства, ученые полагают, что система российского

законодательства состоит из отраслей, подотраслей и институтов, функционально ориентированных на достижение целей и идеалов, обозначенных в ее центральной подсистеме – конституционном законодательстве[108].

По мнению В.К. Райхера, комплексные отрасли характеризует три условия:

1. Адекватность совокупности правовых норм определенному кругу общественных отношений;

2. Наличие известного предметного единства;

3. Достаточная обширность нормативного правового материала[109].

Отмеченное предметное единство регулируемых комплексной отраслью права общественных отношений базируется на «известном взаимодействии и взаимопроникновении очерченных по разным признакам предметов правового регулирования». Согласно точке зрения В.К. Райхера, единство выражено в представлении о едином предмете правового регулирования комплексной отрасли под иным углом зрения, в другом аспекте (по сравнению с базовыми отраслями). По сути рассматриваемое предметное единство комплексной отрасли выступает в качестве необходимого основания для оформления в ее рамках определенной системы соответствующих межотраслевых связей.

В юридической литературе отмечается, что термин «комплексный» применительно к структурным единицам системы законодательства означает любую группировку правовых норм нескольких отраслей права, объединенных определенным целевым назначением законодательного (нормативного) регулирования. Согласно этому подходу под комплексными нормативными правовыми актами понимаются акты, составляющие определенную группу соответствующей тематической направленности. Комплексное понимание отраслей законодательства отвечает и чисто практическим целям. А.Ф. Шебанов отметил, что одной из функций отрасли законодательства является обеспечение государственных органов правовым материалом, необходимым для решения стоящих перед ними задач[110]. Такое понимание комплексности актов законодательства получило распространение и в теории права. Например, С.В. Поленина говорит о возрастании удельного веса комплексных нормативных актов, содержащих нормы ряда отраслей права, комплексно регламентирующих разнообразные отношения, которые складываются в определенной отрасли народного хозяйства или в сфере управления[111].

В современном законодательстве предметный принцип

формулируется как цели правового регулирования, установки общества и государства. В частности, такие цели (наиболее фундаментальные и универсальные) закрепляются в Основном законе страны и действительны для всей сферы правового регулирования, всей государственной политики. Лексическим средством выражения конституционных норм, провозглашающих универсальные цели правового регулирования, являются словосочетания: «целью (кого-либо, чего-либо) являются…», «деятельность (политика) направлена на…». В законодательстве целевой момент формулируется, выделяется в тексте посредством терминологических и иных языковых средств. Согласно ч. 1 ст. 7 Конституции РФ Российская Федерация – социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека.

Вместе с тем цели могут быть обобщены в законах для более или менее крупных сфер общественной жизни. «Цель как регулятор включается в сеть нормативного регулирования, где оба потока – нормативный и целевой – соединяются»[112]. Г.В. Мальцев отмечает, что закрепление целей в законе является оправданным и необходимым в тех случаях, когда предмет регулирования соответствующего законодательного акта отличается особой сложностью, многослойностью, противоречивостью, когда у законодателя имеется потребность в использовании всех доступных ему юридико-технических средств для того, чтобы вопреки возможным противодействиям и просто случайностям направить практику применения закона в нужное русло[113]. По мнению М.И. Милушина, при формировании комплексных нормативных актов определяющим является фактор целеполагания – стремление государства к достижению определенных практических результатов (удобство обозрения определенного комплекса норм, объединение норм, направленных конкретному адресату, ит. д.)[114].

В юридической литературе имеются разные точки зрения относительно предмета комплексной отрасли права. Так, М.И. Милушин при исследовании комплексных отраслей в законодательстве отмечает специфику предмета таких образований. Ученый пишет, что изменение общественной жизни ведет к тому, что предмет правового регулирования все более усложняется, углубляется, дифференцируется. В современной России право все чаще регулирует сложные комплексы общественных отношений. Расширяются масштабы влияния права на экономические, демографические, миграционные процессы, научно-технические программы. В управленческой плоскости

предмет правового регулирования рассматривается как система следующих элементов: социальные ситуации; комплексы (крупные стройки, целевые программы); социальные процессы[115].

Можно, конечно, спорить с подобным подходом, но вполне очевидно, что предмет правового регулирования есть многоуровневое, многослойное, полифункциональное явление[116].

Для правовой науки России на современном этапе характерно выделение среди многочисленных и разнообразных объектов правового регулирования лишь небольшой части относительно обособленных и простых отношений, регулирование которых можно целиком осуществить с помощью одной или нескольких обособленных правовых норм. Гораздо чаще в качестве объекта правового регулирования выступают не отдельные отношения, а целые комплексы многообразных и разнородных общественных отношений, тесно связанных между собой и в силу этого оказывающих взаимное воздействие друг на друга. В последнем случае возникает потребность в таком правовом регулировании, которое соответствует комплексному характеру объекта правового регулирования.

Учитывая вышеизложенное, отметим, что предмет правового регулирования не является достаточно определенным, поскольку общественные отношения многообразны, имеют ряд уровней. Однако предметный критерий позволяет выделить не только существующие подразделения правовой системы, но и новые сферы правового регулирования. Возникновение нового элемента в системе права ведет к возникновению новых составляющих, которые находятся в некой иной плоскости, чем основные отрасли права.

Сферу действия комплексных правовых образований предлагается разделить на собственный (неразделяемый) предмет правового регулирования и совместный (разделяемый) предмет правового регулирования. Хотя комплексные отрасли права и включает нормы различных отраслей права, тем не менее они имеют единый предмет регулирования. Например, А.Н. Костюков рассматривает муниципальное право как комплексную отрасль права и полагает, что предмет муниципального права можно дифференцировать по основаниям, характеризующим местное самоуправление как многообразное и разностороннее явление социальной действительности, в котором исчерпывающе проявляются такие общетеоретические признаки предмета правового регулирования, как единство, универсальность и структурированность. Предмет муниципального права един,

потому что местное самоуправление, исходя из сущностных начал социальной деятельности, вбирает в себя разнородный поведенческий материал как единая сфера общественной жизни государства. Он универсален, потому что в местном самоуправлении естественным образом сосуществуют социальные и технические системы, образующие особые деятельностные структуры в низовых территориальных сообществах[117].

В определение предмета комплексной отрасли права вкладывается различное содержание. Как правило, отмечается, что отрасль имеет комплексный характер, поэтому в ее состав должны входить различные группы отношений, обладающие значительной спецификой. Например, И.Л. Бачило и В.Н. Лопатин при рассмотрении отраслей права указывают, что комплексные отрасли права охватывают несколько областей жизнедеятельности общества, т. е. могут иметь несколько связанных между собой предметов регулирования[118].

Одни исследователи объясняют предмет комплексной отрасли права наличием в нем сфер тесного взаимодействия с основными отраслями права[119]. Другие ученые считают, что комплексный характер предмета правового регулирования обусловлен комплексным характером общественных отношений, входящих в предмет[120]. Сторонники третьего подхода объясняют специфику предмета комплексной отрасли права тем, что он формируется на стыке других отраслей права[121]. Данная позиция сходна с первой, поскольку комплексность отрасли права обусловлена ее взаимодействием с другими отраслями права. Согласно четвертому подходу комплексный характер отрасли права состоит в регулировании общественных отношений, складывающихся в различных сферах жизнедеятельности общества, но объединенных по особому функциональному назначению[122].

Как полагал основоположник комплексных отраслей права В.К. Райхер, будучи разнородными по своему нормативному содержанию, такие отрасли имеют известное предметное единство. Такая область права, с одной стороны, состоит из элементов, относящихся к различным предметам правового регулирования, к разным отраслям права (гражданскому, административному и т. д.) и в этом смысле имеет сложный, комплексный характер. Но, с другой стороны, эта область права обладает единством взятого в другом аспекте, очерченного по другому признаку предмета правового регулирования, и в этом смысле является внутренне единой отраслью, несмотря на всю комплексность своей структуры[123].

Каждая из точек зрения имеет большое теоретическое

значение, вносит свой позитивный вклад в развитие правовой науки о системе права и в целом комплексных отраслей. Предмет правового регулирования продолжает играть свою важную и положительную роль в делении права на отрасли, а также характеризует процесс образования комплексной отрасли права. Структура предмета комплексной отрасли права представляет собой объективно существующую данность, которую можно использовать для дифференциации комплексной отрасли права, а также отражает внутреннее устройство комплексного правового образования.

Таким образом, сам характер общественных отношений обуславливает комплексный предмет правового регулирования, а также процессы развития и совершенствования общественных отношений. Предмет комплексной отрасли является не только основанием, но и устанавливает объемы, порядок и пределы применения в комплексной отрасли норм других отраслей права. Взаимосвязь разноотраслевых общественных отношений, возникающих в определенной сфере правового регулирования, приводит к изменению содержания самих взаимодействующих общественных отношений, придает им черты, какими они вне указанного взаимодействия не обладают.

Это согласуется с обширной правотворческой деятельностью, в результате которой законодательство становится более конкретным, четким и детализированным. Такая правовая форма позволяет решать конкретную проблему без учета ее влияния на другие аспекты правового регулирования («точечное регулирование») и более оперативно изменять содержание установленных предписаний[124].

Например, наряду с развитием основных традиционных отраслей законодательства – гражданского, процессуального, административного, – идет формирование новых комплексных его отраслей – законодательства о безопасности, об экономической деятельности, о свободных экономических зонах, о банках и банковской деятельности и т. д. Данное направление правового регулирования позволяет разрабатывать целевые законодательные программы реформирования различных сфер жизни общества на базе межотраслевых комплексных актов[125].

Следует отметить, что в современной России отсутствуют нормативные правовые акты доктринального характера, например, закон о нормативных правовых актах. Вместе с тем в рамках такого закона могут быть рассмотрены вопросы, касающиеся установления правил регулирования смежных отношений, указаны вопросы, которые должны быть урегулированы комплексным нормативным правовым актом;

разработаны положения, направленные на предупреждение противоречий, коллизий норм разных отраслей права. Кроме того, в рамках такого закона может быть дано определение закона, кодекса и т. д.

Модным становится привлечение внимания к предмету комплексной отрасли права, в частности к проблеме совмещения в нем частных и общественных интересов, а также национальных и глобальных интересов. Противоречивость интересов предлагается устранить с помощью комплексного правового регулирования, а также с посредством норм и правил, предусмотренных в международных договорах.

На основании такого критерия, как интерес соответствующую отрасль права относят к частному или публичному. Так, согласно материальной теории разделение права осуществляется на основании охраняемых интересов: публичных или частных. Право, охраняющее публичные интересы, – публичное; право, охраняющее интересы частного лица, – частное.

Публичный интерес часто отождествляется с общественным интересом, или считается, что категория «публичные интересы» охватывает как общественные, так и государственные потребности. Исходя из этого, можно сделать вывод, что практически все правовые нормы как публичного, так и частного характера направлены на защиту интересов публичных.

С другой стороны, отмечается, что общественный интерес гораздо шире интереса государственного, поскольку включает в себя наряду с общими еще и частные интересы. Более того, в юридической литературе общие интересы трактуются как национальные интересы. По мнению Н.Л. Морозова, использование термина «национальный интерес» для обозначения интересов общества представляется наиболее предпочтительным. Понятие «национальный интерес» обозначает общие интересы всего народа, подчеркивая их ценность, многообразие содержательной наполненности, указывает на объективные предпосылки их формирования и определенную обособленность (автономность) от непосредственно государственных интересов[126].

В то же время интерес является фактором, объединяющим основные и производные отрасли в одно целое. Например, предпринимательское и гражданское право объединяются на основе частного интереса. В свою очередь частные интересы характеризуются высокой степенью разнородности. В зависимости от содержания и направленности различают потребительские и предпринимательские интересы. При этом к сфере гражданского права относятся частные потребительские

интересы, а к сфере предпринимательского права – частные предпринимательские интересы. Кроме того, дифференциацию интереса производят по субъектам, объектам, основаниям возникновения и пр.

Как известно, приоритет публичного или частного интереса в той или иной отрасли часто зависит от направленности действующего законодательства и задач, которые возникают на конкретно-историческом этапе развития общества. Например, в настоящее время государство оказывает влияние на экономику и руководствуется при этом интересами не только публичными, но и частными.

Конституционный Суд РФ в своих постановлениях затрагивает вопросы частного и публичного права, баланса частных и публичных интересов[127]. Принцип баланса частных и публичных интересов обозначен в постановлении Конституционного Суда РФ от 19.12.2005 № 12-П и положен в основу правовой позиции Конституционного Суда РФ и по данному делу[128].

Категория «публичный интерес» используется Конституционным Судом РФ для обоснования необходимости вмешательства государства в отношения, носящие частноправовой характер. В определениях и постановлениях Конституционного Суда РФ подчеркивается необходимость достижения баланса публичных и частных интересов, указывается на то, что законодательство должно обеспечивать разумное соотношение между публично-правовыми интересами государства и частноправовыми интересами иных субъектов права. Конституционный Суд РФ оперирует понятием «публично-правовой характер отношений», которое является основанием для применения иных принципов, отличных от принципов частноправового характера.

«Публичное» и «частное» используются Конституционным Судом РФ в двух случаях. Во-первых, когда суд призывает к обеспечению баланса публичных и частных интересов. В этом случаем суд призывает к правовому решению вопроса, поскольку право призвано согласовать противоречивые интересы в обществе, в том числе частные и публичные. Во-вторых, когда Суд противопоставляет публично-правовые и частноправовые отношения. Это противопоставление осуществляется в целях определения, какими именно принципами и методами руководствоваться при регулировании таких отношений. Таким образом, подчеркивается, что публично-правовые отношения и частноправовые отношения должны регулироваться по-разному, но при этом указывается лишь одно отличие этих отношений друг

от друга – публично-правовые отношения основываются на властном подчинении одной стороны другой, а частноправовые – на равенстве сторон.

А.В. Кряжков отмечает, что судебные органы играют особую роль в обеспечении баланса частных и публичных интересов в силу того, что «в их решениях должны реализовываться положения нормативных актов, устанавливающих меру ограничения свободы, частных прав и их баланс с правами публичными»[129].

Вопрос о влиянии решений Конституционного Суда РФ на обеспечение баланса между частными и публичными интересами в сфере, которая представляет собой область комплексного правового регулирования, в целом исследуется в юридической литературе (например, А.И. Дихтяром, Н.А. Рогожиным и др.)[130].

Современному праву присущ антропоцентристский подход, базирующийся на предоставлении индивидам широчайшего спектра возможностей для удовлетворения своих интересов. Так, в центре правовой системы в качестве первичного и исходного субъекта права должен быть человек, но не как «частное», «физическое лицо», а как единая правовая личность, объединяющая в себе и частноправовые роли в гражданских, семейных, иных «частных» отношениях, и публично-правовые функции, виды деятельности. На первое место ставятся интересы человека, его права и свободы, которые должны находиться в гармонии с общественными, публичными (государственными) интересами, с коллективными правами общностей (национальных и иных меньшинств, общественных и иных объединений, групп, слоев населения и т. д.).

В правовой личности человека объединяются две автономные правовые сферы – публично-правовая и частноправовая. К правовой личности человека, независимо от отраслевой принадлежности, «прирастает» весь комплекс правовых отношений, которые формируются с его участием[131]. Интересно, что отрасль, которая прямо обращена к защите интересов человека и гражданина, именуется социальным правом и сочетает элементы публичного и частного права. Вопрос о социальном праве, социальном государстве в последнее время стал активно исследоваться в теории права и в отраслевых науках. К данной проблематике обращается Л.С. Мамут, исследуя притязания граждан на социальные права. Ю.А. Кудрявцев полагает, что для социального государства перспективным видится формирование и развитие социального рыночного режима с объемным государственным сектором и высоким уровнем реальных социальных гарантий[132].

В настоящее время Россия идет по пути формирования законодательной базы и правовых механизмов защиты прав и свобод человека и гражданина. Так, в целях реализации прав и свобод человека и гражданина созданы соответствующие институты, в том числе Комиссия по правам человека при Президенте Российской Федерации, Уполномоченный по правам человека и др. Единство частных и публичных интересов, тесное переплетение императивных и диспозитивных правовых норм особенно проявляется в институте прав и свобод человека и гражданина.

Широкое использование правообеспечительных мер, направленных на содействие личности, оказало влияние на способы и средства, используемые отраслью права, изменив характер воздействия с целью проведения политики согласования интересов при решении социальных задач.

Так, наряду с постулатом об использовании в гражданском праве договора, а в административном праве административного акта (приказа) специалистами в области административного права активно разрабатывается теория административного договора. В качестве примера приводятся соглашения о разграничении компетенции, трудовые договоры с государственными служащими, договоры о взаимодействии, соглашения, формирующие экологические отношения, налоговые, финансовые договоры и др. Имеются также другие договорные модели, такие как лизинг, доверительное управление, некоторые виды биржевых сделок.

М.И. Брагинский отмечает, что императивных, обязывающих норм в Гражданском кодексе Российской Федерации (далее – ГК РФ) на сегодня больше, чем диспозитивных. Так, в первой и второй частях ГК РФ в составе норм, регулирующих отдельные виды договоров, оказалось около 1600 императивных и только 200 диспозитивных норм. По мнению ученого, определяющим моментом является не количественное соотношение императивных и диспозитивных норм, а целевая направленность императивных норм, содержащихся в ГК РФ. Потребность во внесении публичного начала в договорное регулирование путем принятия императивных норм возникает при необходимости защитить интересы слабой стороны в договоре, интересы третьих лиц, а также охранять действующий в стране правопорядок и иные имеющие особую общественную значимость ценности[133].

Особенность заключается в том, что равноправные субъекты все чаще вступают в отношения, носящие управленческий характер, в частности отношения подчинения одной из сторон решениям и действиям другой стороны. Однако следует заметить,

что управление, установленное договором, подчиняется принципу, согласно которому договор возникает на основании свободно выраженной воли сторон.

Таким образом, соотношение публичных и частных интересов существенно изменяется. Например, в регулировании бюджетных отношений преобладает публичный интерес, но Бюджетный кодекс Российской Федерации (далее – БК РФ) допускает сочетание публичных и частных начал. Так, уполномоченным органом от имени РФ, субъекта Федерации или муниципального образования с физическими и юридическими лицами может быть заключен договор в целях обеспечения государственных или муниципальных нужд (п. 1 ст. 72 БК РФ)[134]. Вследствие активного взаимодействия публичных и частных начал в различных отраслях права некоторые авторы считают, что «четкого и абсолютного разделения между публичным и частным правом в принципе нельзя достигнуть»[135]. М.Ю. Челышев полагает, что можно выделить два сегмента предмета практически в любой отрасли права: «сферу интересов» только этой конкретной отрасли права и область совместного регулирования с другими правовыми образованиями. При этом в базовых, основных («материнских») отраслях первый сегмент преобладает, тогда как в комплексных правовых отраслях наиболее широко в качестве предмета представлен второй блок[136].

Также некоторые ученые полагают, что утверждение об удовлетворении индивидуальных интересов как цели частного права неверно, поскольку любая норма права учитывает социальные интересы, поэтому нормы частного права тоже могут быть императивными. Отношения, безусловно регулируемые публичным правом, в том числе права и свободы граждан, не являются абсолютно публичными, поскольку регламентируются и частным правом.

Вышеизложенное объясняет необходимость существования отраслей комплексного характера. При этом комплексные отрасли права не совсем вписываются в систему «публичное – частное право» в силу совмещения частных и публичных интересов. В этой связи следует отметить, что, несмотря на подвижность и изменчивость границ между частным и публичным правом, правовая принадлежность норм той или иной отрасли права не изменяется.

В юридической науке принято считать, что предмет правового регулирования является материальным, основным критерием разграничения норм права на различные отрасли, а метод правового регулирования служит дополнительным, производным

от предмета, критерием.

Вместе с тем данная точка зрения в науке не является бесспорной. Так, С.С. Алексеев полагает, что метод правового регулирования непосредственно разграничивает право на отрасли, и именно он является главным, решающим фактором в этом процессе[137].

Д.А. Керимов утверждает, что, хотя метод правового регулирования и имеет самостоятельное значение в качестве классификационного признака системы права, но, в конечном счете, он зависит от предмета правового регулирования[138].

Таким образом, наряду с предметом правового регулирования важным фактором, влияющим на дифференциацию права, является метод правового регулирования.

Новая философская энциклопедия определяет метод как сознательный способ достижения какого-либо результата, осуществления определенной деятельности, решения некоторых задач[139]. Слово «метод» происходит от древнегреческого слова method, обозначавшего путь к достижению какой-либо цели. Поэтому под методом подразумевается упорядоченный и организованный способ деятельности, направленный на достижение определенной практической или теоретической цели. Слово «метод» изначально было связано с решением практических задач: изготовлением предметов, необходимых для жизнедеятельности людей, строительством жилищ, выращиванием урожая и т. п. Еще в глубокой древности было замечено, что для создания тех или иных вещей необходимо было выполнить ряд трудовых операций, руководствуясь при этом соответствующими приемами, средствами или способами в строго определенном порядке. В дальнейшем возникли различные методы и для решения научных задач и проблем[140].

Поэтому в самом широком смысле метод можно рассматривать как некоторую систематическую процедуру, состоящую из последовательности определенных операций, применение которых приводит к достижению поставленной цели, либо приближает к ней.

Метод правового регулирования определяет, «каким образом, посредством каких предметов, способов, средств тот или иной структурный элемент системы права воздействует на определенный круг общественных отношений, составляющий его предмет»[141].

В советский период рядом ученых (Н.Г. Александровым, О.С. Иоффе, И.В. Павловым, М.Д. Шаргородским, Б.В. Шейндлиным и др.) был сделан вывод, согласно которому в процессе

исследования отрасли права следует учитывать не только предмет, но и метод правового регулирования в качестве хотя и зависящего от предмета, но обладающего определенной самостоятельностью, необходимого критерия дифференциации права. Методу отводили особое значение. Считалось, что категория «метод правового регулирования» выражает собой непосредственно связующее звено между государственной волей, волей управляющего и индивидуальной волей, волей управляемых субъектов. Указывалось, в частности, что право воздействует непосредственно не на общественные отношения и даже не на поведение участников данных отношений, а на волю сторон, на их способность сознательно и целеустремленно руководить своим поведением, направить его к достижению нужного результата[142].

Появление категории «метод правового регулирования» было обусловлено назревшей потребностью более углубленного познания природы права, его юридического воздействия на общественные отношения.

Особенность постановки данного вопроса состояла в том, что речь шла в основном о двух видах метода правового регулирования – авторитарном и автономном. Понятие «метод правового регулирования» было выдвинуто в правовой литературе цивилистами с целью отграничить гражданское право от других отраслей права.

Неясность в понимании метода правового регулирования, а, следовательно, отсутствие единого понимания систематизирующих факторов, распределяющих нормы права по отраслям, логически привела к еще одной дискуссии о системе советского права.

В.Д. Сорокин, В.В. Лаптев, В.П. Шахматов предлагали отказаться от метода правового регулирования как основания классификации системы права, другие ученые – от предмета правового регулирования в пользу метода (В.Н. Кудрявцев, Т.Е. Абова). Однако кардинально новое решение было предложено третьей группой ученых (Ц.А. Ямпольской, Р.З. Лившицем), которые предложили в принципе отказаться от понятия «отрасль права» ввиду того, что невозможно найти четких критериев их выделения. Это точка зрения получает развитие в работах современных авторов, например, в работе С.Ю. Филипповой «Инструментальный подход в науке частного права» и др. В качестве аргумента своей позиции авторы ссылаются на дореволюционное отечественное право и зарубежное право, где не проводилось выделение отраслей права. Вместе с тем в современной юридической литературе большинство ученных

считают, что категории «отрасль права», «предмет и метод правового регулирования» являются важными и необходимыми при исследовании права.

В настоящее время метод правового регулирования стал трактоваться значительно шире: под ним стали понимать не один какой-либо юридический признак, а совокупность многих признаков. В связи с этим сложилось два подхода к решению этого сложного вопроса. Одни ученые придерживаются традиционного понимания метода, согласно которому каждой отрасли свойственна целая система регулятивного воздействия. Другие авторы полагают, что необходимо расширить содержание метода и включить в него все правовые свойства обеспечения регулятивного воздействия на общественные отношения, входящие в предмет правового регулирования определенной отрасли права.

Кроме того, в юридической литературе был сделан вывод о наличии как общего метода, присущего системе права в целом, так и отраслевого метода правового регулирования.

А.М. Витченко под общим методом понимает «совокупность специфических юридически-нормативных средств воздействия права на общественные отношения, позволяющих отграничить правовое регулирование от других форм воздействия права на общественные отношения», а под отраслевым – «совокупность юридических приемов, средств, способов, отражающих своеобразие воздействия отрасли права на общественные отношения, направленных непосредственно на формирование и выражение вовне возможного и должного поведения субъектов регулируемых данной отраслью права отношений»[143].

В современной юридической литературе существуют различные определения метода правового регулирования. Отмечают, что система методов может быть представлена в виде своеобразной пирамиды, состоящей из четырех уровней: первая подсистема – это верхушка пирамиды, которую представляет единый (общий) метод правового регулирования; вторая подсистема – диспозитивный и императивный методы, которые образованы из единого метода; третья подсистема – межотраслевые методы (поощрение и т. п.), и, наконец, четвертая подсистема, основание пирамиды – отраслевые методы[144].

Н. И. Матузов в общее понятие метода включал следующие компоненты:

I. Установление границ регулируемых отношений, что, в свою очередь, зависит от ряда объективных и субъективных факторов (особенностей этих отношений, экономических и иных потребностей, государственной заинтересованности и др.).

2. Издание соответствующих нормативных актов, предусматривающих права и обязанности субъектов, предписания о должном и возможном их поведении.

3. Наделение участников общественных отношений (граждан и юридических лиц) правоспособностью и дееспособностью, позволяющих им вступать в разнообразные правоотношения.

4. Определение мер ответственности (принуждения) в случае нарушения этих установлений.

К конкретным (или отраслевым) методам Н.И. Матузов относит императивный и диспозитивный, поощрительный, рекомендательный и т. д.[145]

Д.Е. Петров под методом правового регулирования понимает совокупность специфически-юридических черт отрасли права, в которых концентрированно выражаются соответствующие ее содержанию и социальному назначению способы и средства регулирования определенного рода общественных отношений[146]. В.Д. Сорокин определяет метод правового регулирования как способ воздействия социальных управленческих систем на внешнюю и внутреннюю среду, представляющий собой обусловленную единым предметом правового регулирования систему, складывающуюся из трех первоначальных способов воздействия – предписания, дозволения и запрета[147]. Согласно А.Ф. Черданцеву, метод правового регулирования есть совокупность способов, типов правового регулирования, используемых той или иной отраслью права[148]. Как верно отмечает Н.В. Витрук, метод правового регулирования – это набор юридического инструментария, посредством которого юридические нормы воздействуют на общественные отношения[149].

Также одни ученые полагают, что метод носит дополнительный характер по отношению к предмету, поскольку методов правового регулирования гораздо меньше, чем отраслей, и что «чистого» метода не существует ни в одной отрасли права, даже в гражданском и административном[150]. Другие ученые считают, что метод правового регулирования из дополнительного признака сразу же становится основным, если перед нами фигурируют общественные отношения, которые могут входить в орбиту нескольких отраслей права[151].

В понимании метода правового регулирования, несмотря на то, что он давно исследуется в юридической науке, до сих пор нет единообразия. Одни ученые трактуют его как способы, средства и приемы правового регулирования[152], другие – как способ, совокупность способов правового воздействия либо правового регулирования[153], третьи – как совокупность приемов и

способов, юридических средств[154], четвертые – как средства обеспечения[155]. Наиболее предпочтительной является позиция, согласно которой правовой метод представляет собой известный набор юридического инструментария, посредством которого государственная власть оказывает необходимое воздействие на волевые общественные отношения в целях придания им желаемого развития[156]. В этом определении вполне обоснованно обращается внимание на такую весьма существенную черту метода, как его воздействие в заранее определенном направлении, т. е. целенаправленное влияние на волю субъектов права.

Специальными исследованиями отраслевого метода правового регулирования было установлено, что метод правового регулирования является специфическим способом воздействия определенной совокупности юридических норм на социальную сферу, а также выражает все основные юридические особенности отрасли права и характеризуется субъективностью, так как в значительной мере зависит от воли законодателя. Таким образом, не может быть основной отрасли права без специфического, присущего ей метода правового регулирования.

Учитывая вышеизложенное, следует отметить, что важную роль играют критерии разграничения отраслей права: предмет и метод правового регулирования. Кроме того, необходимо помнить, что есть и другие критерии: функции, принципы, интерес, правовая традиция, значимость регулируемых отношений, юридическая ответственность и т. д.

§ 3. Общенаучное понятие комплекса как особой системы

Учитывая тему нашего исследования, а также имеющиеся разногласия по поводу наличия комплексных отраслей в системе права и системе законодательства, необходимо иметь общее представление о понятии «комплекс». Для определения понятия «комплекс» применительно к праву необходимо также выяснить в общенаучном плане сходства и различия между понятиями «система» и «комплекс».

Комплекс – это многозначное понятие, которое относится к общенаучной категории и является объектом пристального внимания как с позиции юриспруденции, так и других наук. В современной науке и жизни термины «комплекс», «комплексность» употребляются в разных значениях, являются элементами целого ряда понятий в разных областях знаний, но и имеют общие черты.

В переводе с латинского языка комплекс (complexus) – это связь, сочетание, совокупность предметов или явлений, составляющих одно целое.

В современной науке под комплексом понимаются:

1. Группа зданий, сооружений единого назначения.

2. Совокупность связанных друг с другом отраслей народного хозяйства или предприятий различных отраслей хозяйства.

3. Совокупность, сочетание чего-нибудь.

В самом общем смысле понятие «комплекс» определяется как совокупность предметов или свойств, образующих одно целое.

В свою очередь общее понятие «система» также многозначно. Слово «systema» греческого происхождения и означает «составление; целое, составленное из частей». Так, А.П. Огурцов считает, что первоначально понятие «система» было связано с формами социально-исторического бытия[157].

В.Н. Садовский и Э.Г. Юдин утверждают, что понятие «система» встречается впервые у стоиков, толковавших его в онтологическом смысле как мировой порядок[158]. В.Н. Садовский полагает, что система – это упорядоченное определенным образом множество элементов, взаимосвязанных между собой и образующих некоторое целостное единство[159].

Древние, например, Эпикур, использовали понятие «система» и для обозначения определенной суммы знаний[160]. Наиболее известным в научной литературе является определение понятия «система», предложенное Л. фон Берталанфи: «Система есть

совокупность взаимодействующих элементов». Ученый считал, что системным исследованиям могут быть подвергнуты все отраслевые знания.

Из множества определений целостных систем и их ***differentia specified***[161] выделяется определение Формы Аквинского, в соответствии с которым целостность, или система, характеризуется тройной взаимозависимостью каждой из ее важных частей от остальных частей и от всей системы, а также всей системы от ее частей.

В современной науке система – это:

1. Порядок, обусловленный планомерным, правильным расположением частей в определённой связи.
2. Совокупность принципов, служащих основанием для какого-либо учения.
3. Форма общественного устройства и т. д.

В Большой советской энциклопедии «система» понимается как множество элементов, находящихся в отношениях и связях друг с другом, образующих определенную целостность, единство.

Некоторые ученые понятие «комплекс» отождествляют с понятием «система» либо полагают, что оба эти понятия взаимно определяют друг друга[162]. Так, Л. фон Берталанфи, как уже упоминалось, определяет систему как комплекс взаимодействующих элементов. По мнению М.П. Шубиной, понятие «комплексность» часто употребляется наряду с понятием «системность», что вполне закономерно: это действительно очень близкие понятия, отражающие разный уровень конкретизации целостности[163].

Близкое к понятию комплекса представление о системах развивает философ Г.С. Батищев. По его мнению, системы – это целостности, внутри которых возникает сотрудничество, диалог подсистем. Системы такого типа он называет гармоническими[164]. Философ А.А. Файзиев считает, что понятие «комплекс» конкретизирует содержание понятия «система», углубляя представление об основании единства предмета, раскрывая взаимоотношения элементов как их взаимосвязи[165].

Социолог Н. Луман основополагающей характеристикой как системы, так и ее «окружающей среды» считает «комплексность» – общесистемное понятие сложности событий. «Комплексность» мира – это бесконечное число возможностей, которые постоянно угрожают системе. Система, имеющая лишь одну повторяющуюся коммуникацию, потеряла бы смысл: она перестала бы оставаться системой в силу своей недостаточной комплексности[166].

По мнению экономиста А. В. Глоткова, различия между понятиями «система» и «комплекс» сводятся к следующему.

1. Элементами комплекса, как правило, выступают только дискретные объекты. Система в число своих элементов может включать наряду с объектами их свойства, отношения между объектами.

2. У элемента, ставшего составной частью комплекса, «внутри-комплексные» связи начинают доминировать над внешними; компоненты в комплексе в большей степени согласованы (сопряжены) между собой по обмену веществом, энергией, информацией, в силу чего элемент данного комплекса редко входит одновременно в какой-то другой комплекс. Системная ориентация, наоборот, исходит из предположения, что возможно широкое взаимопроникновение различных систем, пересечение множества их составляющих элементов. Таким образом, комплекс более упорядочен, более экономичен в совокупных затратах энергии, но с точки зрения эволюции более консервативен. Система более энтропийна, менее экономична, но обладает большими потенциями развития, эволюции[167].

Исходя из вышесказанного, под системой следует понимать сочетание объектов, их свойств и отношений, о которых можно сказать, что взаимные связи между составляющими элементами придают ему новое качество целостности, выражающееся в относительной устойчивости, особом проявлении общих закономерностей развития всего сочетания, генерализации функций. А комплекс – это система, отличающаяся высоким уровнем сопряжения между составляющими элементами по потокам веществ, энергии и информации и в силу этого обладающая высокой энергетической экономичностью и устойчивостью по отношению к внешней среде[168].

Социолог Пол Циллиерс полагает, что нужно избегать путаницы как в различении простых и комплексных систем, так и в различении сложных и комплексных систем[169]. В первом случае под видом простой системы может выступать комплексная (например, лист дерева), в то время как некоторые комплексные системы могут описываться достаточно просто (например, двигатель внутреннего сгорания). Комплексность является результатом взаимодействия компонентов и выражается на уровне самой системы. Во втором случае сложные системы состоят из значительного количества элементов, но могут точно описываться (например, устройства вычислительной техники). Комплексные системы не позволяют сделать исчерпывающих описаний, особенно в режиме реального времени. Однако П. Циллиерс приводит десяток концептуальных характеристик комплексных систем. Представим их в сжатой форме.

1. Комплексные системы состоят из большого количества

элементов.

2. Большое количество элементов необходимо, но еще не достаточно. Элементы должны вступать в динамические интеракции, одним из свойств которых является перенос информации (the transference of information).

3. В интеракции любой элемент может влиять на другие и быть подверженным их влиянию. Интеракция становится насыщенной, если количество разнонаправленных связей элемента возрастает. Тем не менее, поведение системы не определяется строгим количеством интеракций, связанных с отдельным элементом, а элементы с меньшими связями могут выполнять те же функции, что и элементы с большими.

4. Сами интеракции проходят в нелинейном режиме: малые причины могут порождать значительные последствия, и наоборот.

5. Информация в насыщенных интеракциях передается, как правило, от ближайших соседних элементов. На всем протяжении передачи влияние информации модифицируется: оно может усиливаться, подавляться или меняться разными способами.

6. В интеракциях образуются петли, принимающие форму либо положительных (усиливающих, стимулирующих), либо отрицательных (отталкивающих, препятствующих) обратных связей. Процессы в комплексных системах имеют рекуррентный характер.

7. Комплексные системы – это обычно открытые системы. Однако очень сложно определить границу комплексных систем и окружающего мира, поэтому установление размера системы часто служит задачам описания системы и зависит от позиции наблюдателя.

8. Комплексные системы действуют в условиях, далеких от равновесия. Происходит постоянный поток энергии для поддержания организации системы и ее выживания.

9. Комплексные системы имеют историю. Прошлые события в системе несут определенную ответственность за поведение системы в настоящем.

10. Комплексность есть результат насыщенной интеракции простых элементов, реагирующих только на ограниченную информацию, которую они представляют друг другу. Комплексная система не может быть представлена на уровне интеракций отдельных элементов[170].

Понятие «комплекс» также рассматривают как нечто более широкое, нежели система, указывая, что система является только видом комплекса[171]. В научном обиходе термины «система» и «комплекс» могут иметь и другое значение. Так, В.Г. Афанасьев считает, что понятие «система» имеет более широкий,

всеобъемлющий характер по сравнению с «комплексом», т. е. первое понятие является как бы родовым по отношению ко второму[172]. Всякий комплекс есть система, т. е. особая категория систем, но не о каждой системе можно сказать, что она представляет собой комплекс.

Следует присоединиться к позиции ученых, которые считают, что комплекс – это специфическая система. Так, В.Н. Протасов отмечает, что комплексы необходимо рассматривать как особые системы[173].

Известно много разных определений системы, но в целом они сводятся к тому, что система есть некоторое множество разнородных элементов, связанных между собой и образующих определенную целостность. В.Г. Афанасьев к характерным чертам целостной системы относит:

1. Активное воздействие на свои компоненты и изменение их в соответствии со своей природой.

2. Наличие специфической – количественно и качественно – организации составных частей.

3. Особые внутренние взаимосвязи компонентов и их организация, которые образуют структуру целостной системы.

4. Существование не в изоляции, а в определенном отношении к окружающей среде.

5. Изменение с ходом времени и наличие своей истории.

6. Наличие особых функций, качеств и свойств, которые определяются характером ее компонентов, их взаимосвязями, взаимодействием со средой и историко-генетическими условиями[174].

Таким образом, система – это совокупность не только элементов, но и связей между ними. Система характеризуется тем, что ее взаимосвязанные части функционируют как целое; она изменяется, если что-либо убрать или добавить; компоновка, взаимное расположение частей имеет решающее значение; ее части взаимосвязаны и работают вместе; поведение частей зависит от структуры.

С точки зрения интегративных (эмерджентных) свойств система предполагает закономерный, необходимый и обусловленный внутренними потребностями развития частей и целого характер связи и взаимодействия всех элементов системы, «при котором изменение любого элемента оказывает воздействие на все другие элементы и ведет к изменениям всей системы, изменение же любого элемента зависит от всех других элементов системы»[175].

Система отличается от нагромождения, которое представляет собой совокупность разрозненных частей и основные свойства

которого не изменяются, если что-либо добавить или убрать. Разделив надвое, получите два нагромождения поменьше; расположение частей не имеет значения, они не связаны между собой и могут функционировать отдельно; их поведение (если оно есть) зависит от размера или числа предметов, составляющих нагромождение[176].

Различают механические и органические системы. Механические системы обладают постоянным набором неизменных элементов, четкими границами, однозначными связями, не способны изменяться и развиваться, функционируют под воздействием внешних импульсов. Выход элемента из механического целого нарушает его функционирование. В механической системе элементы находятся во внешней связи друг с другом, не затрагивающей внутреннего существа каждого из них, и пребывают в безразличной самостоятельности. В органических системах увеличивается зависимость части от целого, а целого от части, наоборот, уменьшается. Кроме того, им присущи важные свойства, которых нет у механических систем, такие, как способность к самоорганизации и самовоспроизведению.

В свою очередь системы стремятся к постоянным изменениям за счет специализации, дифференциации, интеграции элементов. Это ведет к усложнению связей, совершенствованию самой системы, позволяет достигать целей многими способами, требует дополнительных ресурсов.

Система, состоящая из разнородных элементов, называется сложной. В теории систем сложная система определяется как система, состоящая из множества взаимодействующих составляющих (подсистем), вследствие чего сложная система приобретает новые свойства, которые отсутствуют на подсистемном уровне и не могут быть сведены к свойствам подсистемного уровня. Сложной системе присущи такие характеристики, как большое число элементов, многообразие возможных форм связи, множественность целей, многообразие природы элементов, изменчивость состава и структуры. Сложность означает, что введение новой единицы в систему не только порождает новые отношения, но и изменяет существующие. Степень сложности зависит от взаимосвязанности этих элементов и от их числа. Общее между понятиями «система» и «комплекс» выражается в том, что оба сочетания обладают качеством целостности. В теории систем также отмечалось, что усложнение в свою очередь благоприятно для развития пластичности, так как усиливает богатство возможных комбинаций[177].

С терминологической точки зрения понятия «система» и «комплекс» относятся к совокупности взаимосвязанных объектов, процессов. Для обоих сочетаний характерно:

1. Наличие связи, отношений между элементами, т. е. характерные для составляющих элементов взаимосвязи придают сочетаниям новое качество – целостность. Понятие системности, комплексности и целостности – результат оценки отношения «целое – часть». Целостность и комплексность – близкие по смыслу понятия. Можно сказать, что целостность есть предельная комплексность явления, что подтверждает Ю.П. Адлер: «Возможно, комплексность и есть последний шаг к целостности, но она может бесконечно долго приближаться к ней, так никогда ее не достигнув»[178]. Тем самым отмечается отличие целого от части и соответствующие отношения целого и части. Некоторые авторы видят различие в понятиях «элемент» и «часть» в том, что часть имеет смысл лишь по отношению к строго определенному целому, несет черты его качественной определенности и не существует самостоятельно. Элемент может быть компонентом многих систем, он не выражает их качества, а обладает своим, отличным от них качеством. «Элемент, – пишет Г.А. Югай, – есть такой составной компонент предмета, который может быть и безразличен к специфике предмета»[179]. Л.О. Вальт, напротив, считает, что элемент вне целого, вне системы существовать не может. С точки зрения А.А. Файзиева элемент имеет смысл лишь в отношении к определенному целому. Пока та или иная реальность не вступила во взаимодействие с другими реальностями и не образовала вместе с ними целостную систему, она не является элементом, а представляет собой вещь. Поэтому элемент выражает специфику целого, является носителем его свойств, качественной определенности. В.Н. Протасов отмечает, что слово «часть» указывает лишь на внутреннюю принадлежность чего-либо объекту, а «элемент» всегда обозначает функциональную единицу. Всякий элемент – часть, но не всякая часть – элемент.

2. Наличие иерархичности.

3. Наличие особого свойства, функции системы, не сводящегося к свойствам отдельных элементов (эмерджентные свойства).

4. Наличие связи с внешней средой, которая в силу того же качества целостности отличается от связей со средой отдельных составляющих элементов.

Первые определения права как системы начали появляться в советский период и содержали указания на системность этого объекта, т. е. на его целостность, многокомпонентность,

сложность, взаимосвязь и взаимообусловленность его составных частей. Так, С.С. Алексеев писал, что право представляет собой весьма сложную целостную систему[180].

Но подобные образования, в частности, правовая система, у правоведов чаще именовались не системами, а комплексами, хотя в ряде определений использовалось понятие «система» как синоним комплекса. Например, Д.А. Керимов характеризует правовую систему не только как многосистемное образование, но и полисистемный комплекс. В связи с этим ученый считает, что возможно познание не только интегральных и структурно-функциональных качеств правовой системы, но и ее связи, отношения, взаимодействия подсистем, которые в качестве составных частей, компонентов образуют полисистемный комплекс данной целостной системы[181].

В юридической литературе под системой права понимается его внутренняя структура (строение, организация), которая складывается объективно как отражение реально существующих и развивающихся общественных отношений. Система права показывает, из каких частей, элементов состоит право и как они соотносятся между собой. Отрасль права представляет собой обособившуюся внутри данной системы совокупность однородных правовых норм, регулирующих определенную область (сферу) общественных отношений. Объективная необходимость предрешает выделение отрасли права, а законодатель лишь осознает и оформляет (протоколирует) эту потребность. Для образования самостоятельной отрасли права имеют значение следующие условия:

1. Степень своеобразия общественных отношений.

2. Удельный вес этих общественных отношений.

3. Невозможность урегулировать возникшие отношения с помощью норм других отраслей.

4. Необходимость применения особого метода регулирования.

Качественная однородность тех или иных общественных отношений вызывает к жизни соответствующую отрасль права. Особенностью системы права является ее динамический и многоуровневый характер, открытость, гетерогенность и др. Появляются новые виды деятельности, требующие правового регулирования, изменяются интересы субъектов правового регулировании, уровень развития общества, правосознания и правовой культуры. Эти процессы обуславливают изменения в системе права; изменяются элементы и связи между ними, но сама система сохраняется.

Особую роль играет динамика системы, т. е. способ

соединения элементов, вступающих между собой в разнообразные отношения. Это объясняет сложный характер системы права, наличие разнообразных структурных связей. Анализ внутренних связей раскрывает основания для выделения комплексных правовых образований. Своеобразие таких правовых образований в системе права проявляется в том, что многие нормы, составляющие комплексную отрасль, во-первых, выступают как нормы основных отраслей права; во-вторых, будучи нормами основных отраслей права и оставаясь таковыми, входят в иную правовую структуру – комплексную отрасль права. В силу этого комплексные правовые образования самым тесным образом взаимодействует со многими отраслями права.

Комплексность может проявляться в количестве рассматриваемых элементов в комплексных правовых образованиях, в частности, в наличии большого числа различных норм. Так, появление еще одного элемента может привести к созданию множества дополнительных связей. При этом комплексность зависит не столько от количества элементов и отношений, сколько от их разнообразия (неоднородности). Как известно, в состав комплексных правовых образований входят элементы, одновременно функционирующие в других отраслях, с которыми комплексные отрасли связаны сложными функциональными и иными зависимостями. Поскольку взаимосвязи комплексной отрасли права носят сложный характер, постольку такие образования не располагаются в одном специфическом месте системы права, а являются результатом взаимодействия компонентов и выражаются на уровне самой системы права.

Следовательно, комплексность является одним из принципов организации системы права и рассматривается как высшая стадия ее формирования. Это обусловлено изменением системы права в результате процесса дифференциации, усложнения, в том числе в связи с появлением новых качественных состояний ее элементов, которые имеют характер количественного накопления.

§ 4. Комплексное правовое регулирование и источники права

В качестве основания для построения системы права, а следовательно, формирования отрасли права выступают соответствующие источники. Отрасль права может функционировать и развиваться лишь при некотором накоплении массива законодательства, регламентирующего определенную сферу жизнедеятельности общества. В этом проявляется взаимообусловленность системы права и системы законодательства. В качестве основного фактора в формировании отрасли права выступает заинтересованность общества и государства в упорядочении данного вида общественных отношений, составляющих предмет правового регулирования отрасли права.

Следует отметить, что понятия ***«форма права»*** и ***«источник права»*** отличаются. В русском языке под источником понимается то, что дает начало чему-либо, откуда исходит что-нибудь; письменный документ, на основе которого строится научное исследование[182]; вообще всякое начало или основание, корень и причина, исходная точка, запас или сила, из которой что-то истекает и рождается, происходит[183].

Если исходить из общепринятого значения слова «источник», то применительно к юридическим явлениям источник права следует понимать в трех аспектах:

1. В материальном смысле (материальные условия жизни общества, формы собственности, интересы и потребности людей и т. п.).

2. В идеологическом смысле (различные правовые учения и доктрины, правосознание и т. д.).

3. В формально-юридическом смысле это и есть форма права. Форма права – это способ выражения вовне государством юридических правил поведения.

Таким образом, отношение к источнику права зависит от методологических позиций исследователя: от того, придерживается ли он позитивистских воззрений, или же разрешает проблемы правопонимания с позиций естественного права, в полной мере зависят и его представления о формах и источниках права[184].

При этом в самом общем понимании источниками права являются такие факторы действительности, которые обусловливают возникновение потребности в правовом

регулировании, появление соответствующих правовых норм и придают содержанию этих норм определенную специфику.

Вместе с тем существует два подхода к пониманию источника права. Сторонники первого подхода отождествляют источник и форму права, сторонники второго подхода разделяют данные понятия, в частности, применительно к объяснению правовых явлений и процессов слово «источник» они понимают и как причину возникновения того или иного правового явления. Поэтому сторонники второго подхода к источникам права относят материальные, социальные и иные факторы.

Ф.В. Тарановский использует термин «источник права» в трех значениях: как источник познания права, как источник права в материальном смысле (фактор, обусловливающий возникновение права) и как источник права в формальном смысле (закрепление права в позитивных предписаниях)[185].

Источники права – это «факторы, творящие право» (И.В. Михайловский), «силы, творящие право» (Ж.Л. Бержель), «истоки формирования права, система факторов» (В.О. Лучин, А.В. Мазуров). В.В. Ершов пишет: «Термин «источники права», на мой взгляд, должен ограничиваться лишь «факторами», «творящими» право. В свою очередь, термин «формы права» – внутренним и внешним выражением международного и российского права, применяемого в Российской Федерации»[186].

Ш. Монтескье видел в качестве правообразующих факторов исторические, религиозные, национальные, социальные, культурные, экономические условия жизни общества. Г. Гегель отыскивал силу и источник права в нем самом, в его духовной основе[187].

В дореволюционный период утвердилось мнение, что под источниками права следует понимать формы внешнего выражения и закрепления юридических норм, т. е. объективированные, формальноопределенные, официально-документальные результаты правотворческой деятельности. В дореволюционной России к источникам права относили закон, обычай, судебную практику. Так, по мнению П.А. Сорокина, источниками российского права являлись обычаи, законы и судебные решения[188]. Е.Н. Трубецкой к основным источника права относил обычаи и законы, а к другим – административные распоряжения, судебную практику (прецеденты) и право юристов[189]. Л.И. Петражицкий насчитывал более 15 видов источников права: законы, обычаи, судебная практика, книжное право, учение юристов, экспертиза, законодательные изречения, правовые примеры, договоры, обещания, программные действия, прецеденты, признание, юридические поговорки, привычки и т. д.

В советское период господствовал позитивистский подход к праву, установилось общепринятое понимание источника права как внешней формы выражения правовых норм. Форму и источник права отождествляли такие дореволюционные правоведы, как Н.М. Коркунови Г.Ф. Шершеневич. По мнению О.Е. Мешковой, в советском праве заменили понятие «система источников права» понятием «система законодательства», а проблему источников права свели к проблеме соотношения системы законодательства и системы права[190].

Современный взгляд на данную проблему состоит в том, что право не всегда является результатом деятельности государства и заключается не только в нормативных актах, но и в других источниках. В связи с этим следует признать, что законодательство утрачивает свою роль единственного источника права. Как верно заметил Рене Давид, «смешивать право и закон и видеть в законе исключительный источник права – значит противоречить всей романо-германской традиции»[191].

К дополнительным источникам права в юридической литературе относят:

1. Общие принципы права, формируемые судьями или упоминающиеся в ряду законодательных документов общего характера.

2. Точки зрения и мнения, официально исходящие от тех или иных органов государственной власти. К ним относятся ответы министров на письменные вопросы депутатов Парламента и др.

3. Юридическую практику, т. е. деятельность адвокатов, нотариусов, юридических советников, различных юридических служб, экспертов при судебных инстанциях, дающих толкование норм права, вводящих новые понятия и формулы, касающиеся исполнения законодательных актов, разрабатывающих новые типы юридических документов.

4. Доктрину, нашедшую выражение в трудах по вопросам правоведения, таких как научные работы, учебники, справочники, докторские диссертации, юридические журналы, публикующие теоретические статьи, текущую информацию по вопросам законодательства и юриспруденции, комментарии судебных решений.

В период расцвета наука становится правом, в период падений она занимает скромное место источника права. В частности интересную теорию вспомогательных источников права (доктрины, принципы, «книжное право») предложила С.В. Бошно[192].

В этой связи уместно привести слова Л.И. Петражицкого: «… возможно и в истории нередко бывало такое явление, что

известные мнения ученой юриспруденции получают значение нормативных фактов, т. е. появляются и распространяются императивно-атрибутивные переживания со ссылкой на то, что такое мнение общепринято в науке»[193].

Однако следует отметить, что правовую доктрину не принято относить к источникам права, но государство допускает возможность принимать ее во внимание. Обоснованные учеными выводы обычно представляют собой результат доктринального (научного) толкования закона и других источников, но не имеют обязательного характера. Они могут быть учтены судом в качестве мнения или стать основой предложений об изменении законодательства, но в любом случае сами по себе не приобретают непосредственного юридического значения.

Роль форм права в формировании комплексных правовых образований состоит в следующем: во-первых, форма права играет важную роль в формировании содержания правовых образований; во-вторых, форма права выступает способом «оформления» объективно требуемой конструкции комплексных правовых образований; в-третьих, в уяснении соотношения публично-правовых и частноправовых средств. При этом плодотворная разработка форм комплексных правовых образований в значительной степени ограничивается рассмотрением только одной из форм права – нормативных правовых актов. Это обусловлено тем, что к источникам права принято относить правовые акты, имеющие нормативный характер. При таком подходе все иные источники права имеют ненормативное значение и, следовательно, источниками права быть не могут, в частности судебный прецедент, правовой обычай, нормативный договор и др. Вместе с тем признание закона в качестве приоритетной формы права отнюдь не исключает других его источников: обычаев, прецедентов, нормативных договоров. Все они реально существуют и развиваются вместе с обществом[194]. По мнению С.В. Полениной, в условиях глобализации появляются и новые источники права, к числу которых следует отнести правовые позиции Конституционного Суда РФ, правовой обычай и деловые обыкновения, модельное законодательство[195].

С.С. Алексеев предлагает классифицировать все источники права на две группы: нормативные правовые акты (законы, указы, постановления, инструкции, договоры) и иные источники права ненормативного характера (правовые обычаи, судебные прецеденты и решения). В обоснование своей позиции ученый указывает, что «в данном случае нормативность выступает критерием разграничения юридических актов и означает лишь то,

что юридические документы содержат нормы права, общие правила поведения, установленные государством»[196].

Следует отметить, что провозглашение нормативного правового акта в качестве единственного источника права не согласуется с реалиями правовой системы, поскольку в соответствии с ч. 4 ст. 15 Конституции РФ общепризнанные принципы международного права являются составной частью правовой системы России.

В настоящее время источники ненормативного характера являются реально действующими источниками, играют важную регулирующую роль. Понятие «источник права» используется в двух значениях – формально-юридическом, рассматриваемом с точки зрения позитивного права, и материально'-правовом. Высказанное положение позволяет в число источников включить источники ненормативного характера, поскольку источник права – это не только источник норм, но и источник правового результата[197]. Учитывая вышеизложенное, заслуживает особого внимания подход, который бы включал в себя и материальные, и юридические источники права.

Так, В.Н. Сидоров выделяет реальные и формальные источники таможенного права. К реальным источникам таможенного права он относит географические, биологические, социальные, политические, идеологические, культурологические и иные подобные факторы. Наиболее весомыми источниками таможенного права являются формальные источники, т. е. средства или способы внутренней организации и строения изучаемой отрасли права, а также формы ее выражения вовне[198]. Кроме того, ученый предлагает отнести к источникам таможенного права нормы «мягкого права» (концепции, декларации, принципы), которые имеют рекомендательный характер и отличаются повышенной гибкостью[199].

Учитывая вышеизложенное, представляется, что необходимо расширить рамки комплексного правового регулирования и распространить сферу его действия на другие источники права, в том числе правовые обычаи, нормативные договоры, судебный прецедент и др.

В данном конкретном случае мы вынуждены отождествлять понятие источника с формой права, так как указанные источники будут той внешней формой, которая выражает правовые нормы. Соответственно под источниками соответствующих комплексных правовых образований можно понимать совокупность нормативных правовых актов различных государственных органов, в которых содержатся нормы соответствующего комплексного правового образования.

4.1. Нормативный правовой акт

Среди различных форм права основной формой является нормативный правовой акт, значимость которого заключается, прежде всего, в том, что он способен по причине своей высшей юридической силы объединить и систематизировать нормы разных отраслей права для комплексного урегулирования требующих этого сфер общественных отношений. В соответствии с юридической силой и содержанием нормативных правовых актов и норм, формирующих эти акты, определяются и области их применения. Для комплексных отраслей важно выделить данные области с учетом такого критерия, как достижение запланированного результата – воздействие на ход развития самих социальных практик.

В юридической науке существует два подхода к определению понятия «законодательство». При этом следует отметить, что легальная дефиниция термина «законодательство» отсутствует.

Согласно первому подходу законодательство понимается в узком смысле – как совокупность законов. Иные нормативные правовые акты термином «законодательство» не охватываются. В широком смысле понятие законодательство рассматривается как система нормативных правовых актов, включающая не только законодательство, но и подзаконные акты.

В отдельных случаях под законодательством понимается также деятельность, связанная с принятием законов, для обозначения которой некоторые авторы используют понятие «законотворчество».

Как известно, наряду с отраслевым и внутриотраслевым законодательством выделяют комплексное законодательство, включающее нормы нескольких отраслей права, которые регулируют различные по видовому содержанию общественные отношения, составляющие относительно самостоятельную сферу общественной жизни (хозяйственное, транспортное, жилищное, военное и другие). Законодательные нормы, регулирующие такие отношения, принадлежат нескольким отраслям права, а их объединение обусловлено общностью целей и задач человеческой деятельности.

Вместе с тем следует отметить, что имеются позиции, отрицающие существование правовой общности законодательства в той или иной сфере и соответствующей ему отрасли права. Между тем нельзя отрицать объективное существование общественных отношений как предмета правового регулирования соответствующей отрасли права (например, предпринимательского, аграрного и т. д.). Необходимо иметь в

виду, что многие нормы права, которые объективируются в комплексном законодательстве, а затем и в комплексной отрасли права, одновременно относятся и к основным отраслям права.

В комплексном правовом регулировании достигается цель единовременной регламентации отношений, сгруппированных на базе их общей социальной направленности, а не принадлежности к той или иной отрасли права. Основу основ комплексного законодательного регулирования общественных отношений составляют те социальные задачи, которые поставлены перед отраслями законодательства. Они служат как бы оптическим фокусом, в котором концентрируется направленность определенных правовых норм, предписаний, институтов, законодательных актов, отрасли законодательства. Эта концентрация имеет избирательный характер: фокусируются усилия только тех правовых норм, предписаний и т. д., которые имеют прямое отношение к выполнению данной социальной задачи[200]. Кроме того, специфика таких актов может способствовать сосредоточению внимания общества, государства, использованию финансовых ресурсов на указанных направлениях.

Комплексное законодательство содержит основополагающие положения, разъясняет основные термины и понятия, дающие некоторое представление о соотношении публичных и частных интересов в соответствующей сфере правового регулирования. При этом осуществляется попытка решения некоторых основных проблем и регулирования актуальных сторон общественных отношений и др. Так, к характерным чертам комплексного законодательства относят:

1. Выделение правовых принципов и институтов по предмету правового регулирования.

2. Сочетание норм частного и публичного права.

3. Более высокая мобильность правового регулирования.

4. Стойкое взаимодействие с различными отраслями права[201].

Юридическая основа регулирования соответствующих сфер

общественных отношений заложена в Конституции РФ. В Конституции закреплены фундаментальные условия жизни, а также социальные права человека, для реализации которых предпринимаются активные меры, в том числе принятие комплексных нормативных актов. Речь вдет о развитии соответствующих комплексных правовых образований, призванных обеспечивать право на жилище, образование, охрану здоровья и социальное обеспечение, пользование достижениями культуры и науки.

Конституция РФ имеет большое значение при построении

системы источников комплексной отрасли права. Так, конституционность предполагает строгое соответствие всех источников права основным принципам, закрепленным в Конституции РФ.

Конституция РФ имеет немаловажное значение при выборе предмета правового регулирования комплексного правового образования. Так, обоснованный выбор предмета комплексного законодательного регулирования должен учитывать исходные положения норм статей 71–73 Конституции РФ о предметах ведения РФ и ее субъектов. Сфера действия комплексных законов обуславливается федеративным устройством государства.

Конституция РФ определяет правовую форму и уровень правового акта, которым должны регулироваться конкретные общественные отношения. Отметим также, что в случае противоречия между любым комплексным нормативным правовым актом и Конституцией РФ применяются нормы, закрепленные в Конституции РФ, поскольку согласно ч. 1 ст. 15 Конституции РФ она имеет высшую юридическую силу, прямое действие и применяется на всей территории РФ. Законы и иные правовые акты, принимаемые в РФ, не должны противоречить Конституции.

Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 31.10.1995 № 8 «О некоторых вопросах применения Конституции РФ при осуществлении правосудия»[202] указал, что все конституционные нормы имеют верховенство над законами и подзаконными актами, в силу чего суды при разбирательстве конкретных судебных дел должны руководствоваться Конституцией РФ и во всех необходимых случаях применять ее в качестве акта прямого действия.

С точки зрения организации содержания нормативные правовые акты принято делить на кодифицированные и обыкновенные (текущие). При этом важно иметь в виду, что систематизация и кодификация законодательства должна осуществляться в целях повышения его эффективности.

Актуальной проблемой формы комплексных правовых отраслей является систематизация законодательства, в частности кодификация, которая способна оптимизировать процессы, связанные с комплексным правовым регулированием, в том числе осуществить гармоничное сочетание частноправового и публично-правового регулирования.

Цель кодификации состоит в обеспечении единого, упорядоченного нормативного регулирования определенного вида отношений, в результате которого достигается системное развитие законодательства в данной сфере. Вместе с тем

некоторые комплексные отрасли права (например, экологическое, транспортное, информационное право) кодифицированного акта не имеют, что затрудняет формирование комплексных отраслей права как системы правовых норм. При этом комплексные отрасли права обеспечивают систематизацию массива нормативных актов в соответствующей области общественных отношений. В настоящее время рассматриваются вопросы о принятии кодифицированных комплексных законодательных актов, регулирующих отношения экономического оборота и включающих как публично-правовой, так и частноправовой метод нормативного регулирования (например, звучат предложения о принятии кодекса о недрах и недропользовании, а также миграционного, торгового, образовательного, пенсионного, медицинского, лицензионного, социального, хозяйственного, экологического, аграрного, энергетического кодексов).

Имеются также законы, посвященные регулированию отдельного вопроса (например, Федеральный закон от 28.12.2009 № 381-ФЗ «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации»); комплексы актов, связанных между собой отношениями координации и субординации (большие совокупности комплексных нормативных актов, среди которых не представляется возможным выделить один нормативный акт, выступающий в качестве активного центра). Суть такой модели нормативного акта состоит в том, что она более оперативно и детально позволяет изменить содержание правовых норм, а также связана с изменением сочетания частноправового и публично-правового регулирования. Вступившие в силу новые законы выходят за рамки научных дискуссий, приобретают обязательный характер и, поддерживаемые механизмом права и государства, становятся предметом исполнения и использования.

4.2. Судебный прецедент

Отечественная правовая наука в отношении нормотворческой роли судебной практики до сих пор разделена на два лагеря, один из которых полностью отрицает возможность существования судебного прецедента, а другой признает за решениями высших судов силу источника права.

Например, Е.И. Козлова, М.И. Кукушкин, С.А. Карапетян, С.Д. Князев, В.Г. Стрекозов и другие не признают нормативного значения актов судебной власти.

Официально судебный прецедент в правовой системе России источником права не является, хотя в настоящее время в силу

глобализации и унификации новых форм права имеется устойчивая тенденция признания прецедента в качестве источника права. Так, отмечается, что «применительно к отдельным отраслям права и соответствующим им отраслям юридической науки признание прецедента, а еще шире – судебной практики в качестве источника права, безусловно, будет создавать благоприятные условия и предпосылки для их дальнейшего развития и совершенствования»[203].

Среди факторов, влияющих на признание судебного прецедента в качестве источника права, можно отметить наличие областей права, которые не имеют правового регулирования; наличие межотраслевых коллизий норм права; необходимость в обеспечении баланса между частными и публичными интересами; отставание законодательства от общественных отношений.

Например, И.В. Левакин полагает, что в условиях реформирования всего комплекса общественных отношений возникают пробелы в законодательстве. Именно при рассмотрении юридических дел суды федерального уровня, толкуя нормативные правовые акты, не исчерпывающие всей глубины рассматриваемого дела, по существу создают новые нормы – правила поведения, и закрепляют их в актах легального толкования, имеющих обязательную силу как для них самих, так и для нижестоящих судов. Признать данные решения источниками российского права требует также сложившаяся практика[204].

Особый интерес представляет вопрос о нормативном характере актов, принимаемых высшими судебными органами, в том числе понимание прецедента как судебного решения, содержащего норму права, обеспечивающего не только правоприменительную, но и правотворческую роль суда.

В юридической литературе существуют различные взгляды на правовую природу решений Конституционного Суда РФ. Например, М.В. Баглай, Р.З. Лившиц, Н.М. Чепурнова источниками права признают не только акты Конституционного Суда РФ, но также Верховного Суда РФ и Высшего Арбитражного Суда РФ. Вместе с тем Н.В. Витрук, А.Б. Дорохов, Б.С. Эбзеев признают источниками права только решения высшего федерального органа конституционного контроля[205], в то время как Т.Г. Морщакова и Н.А. Подольская не признают решения Конституционного Суда РФ судебным прецедентом. Н.М. Коршунов полагает, что есть основания рассматривать Постановления Конституционного Суда РФ как документы, используемые в качестве форм права, а, следовательно, и формы конвергенции частного и публичного права[206]. По мнению С.В.

Маркина, признаками прецедента обладает не всё решение Конституционного Суда РФ, а лишь его часть, именуемая «правовой позицией», под которой следует понимать принцип решения группы дел, обнаруженной на примере рассмотрения конституционности какой-то одной оспоренной нормы[207].

Следует отметить, что в странах романо-германской правовой семьи, к которой относится наше государство, судебная практика признается вторичным источником права после закона. В этой связи обращает на себя внимание точка зрения С.В. Полениной, согласно которой использование судебного прецедента как источника права по-прежнему остается дискуссионным и в теории, и на практике, хотя существенное влияние постановлений Пленумов Верховного Суда РФ и Высшего Арбитражного Суда РФ, оказываемое на правоприменительную практику и, в конечном счете, и на законодательство, никогда не ставилось под сомнение. Очевидно, что в философско-методологическом плане речь может идти не об отказе от закона как основного источника права в пользу прецедента, а лишь о его дополнении. Органично дополняя закон, прецедент позволяет правовой системе в целом наиболее полно отразить противоречивые и далеко не однозначные процессы в общественной жизни и чутко реагировать на их изменения. Закон же можно использовать для отражения более глубоких тенденций социального развития, решения кардинальных, стратегических вопросов в жизни общества[208].

Таким образом, С.В. Поленина, признавая наличие прецедента как источника права, отводит ему дополнительное по сравнению с законом место, оценивает его как второстепенный правовой фактор. В этой связи, признавая за судами правотворческие функции, С.В. Поленина высказывается о необходимости принять закон, закрепляющий возможность существования судебных прецедентов, устанавливающий ограничения (по предмету и органам) возможности их применения.

В последнее время ученые полагают, что право судебного прецедента могло бы стать самостоятельным источником права в России в связи с обязанностью высших судебных органов обеспечить единство судебной практики, единообразие в толковании и применении судами норм права. Так, в постановлении Конституционного Суда РФ от 21.01.2010 № 1-П «По делу о проверке конституционности положений части 4 статьи 170, пункта 1 статьи 311 и части 1 статьи 312 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами закрытого акционерного общества

«Производственное объединение “Берег”, открытых акционерных обществ “Карболит”, “Завод “Микропровод” и “Научно-производственное предприятие “Респиратор”»[209] указано, что из статьи 127 Конституции РФ вытекает полномочие Пленума или Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ давать обязательное для арбитражных судов абстрактное толкование норм права, которое является одним из элементов конституционного механизма охраны единства и непротиворечивости российской правовой системы. Тем самым Конституционный Суд РФ узаконил активное применение в течение последнего десятилетия арбитражными судами судебного прецедента как источника права вообще и налогового права в частности, представляющего собой правовые позиции судов определенного уровня по вопросам толкования и применения норм законодательства. В настоящее время сформулированы следующие правила применения судебных прецедентов[210]:

1. По общему правилу, судебный прецедент распространяет свое действие (юридическую силу) только на будущее.

2. Суды вправе придавать обратную силу своим прецедентам, но для этого требуется специальное указание об обратной силе в тексте соответствующего судебного акта.

3. Запрещено придание обратной силы судебным прецедентам, в которых дается толкование норм налогового права, ухудшающее положение налогоплательщиков.

4. Обязательным условием применимости судебного прецедента в конкретном деле является схожесть фактических обстоятельств рассматриваемого дела и дела, по которому сформулирован судебный прецедент. Другими словами, для решения вопроса о применимости того или иного судебного прецедента в конкретном налоговом споре необходимо удостовериться в схожести фактических обстоятельств соответствующих судебных дел. В противном случае возникает риск ошибки в применении прецедента.

В развитие данного постановления Конституционного Суда РФ были внесены изменения в законодательство: в частности, согласно п. 3 ст. 391.9 ГПК РФ (в ред. от 09.12.2010) судебное постановление подлежит отмене или изменению в порядке надзора, если оно нарушает единообразие в толковании и применении судами норм права.

По мнению И.В. Цветкова, система судебных прецедентов налогового права России включает в себя обязательные и рекомендательные прецеденты[211]. К обязательным прецедентам относятся: конституционно-правовые истолкования норм налогового законодательства, содержащиеся в решениях

Конституционного Суда РФ, причем как в постановлениях, так и в так называемых «отказных» определениях; правовые истолкования норм налогового законодательства, содержащиеся в постановлениях Пленума и Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ, в т. ч. по конкретным делам; правовые истолкования норм налогового законодательства, содержащиеся в постановлениях федеральных арбитражных судов округов о направлении дел на новое рассмотрение (ч. 2 ст. 289 АПК РФ).

К рекомендательным судебным прецедентам относятся правовые позиции Европейского суда по правам человека по вопросам налогообложения и правовые истолкования норм налогового права, содержащиеся в постановлениях федеральных арбитражных судов округов (кроме случаев, предусмотренных ч. 2 ст. 289 АПК РФ).

Судебный прецедент важен для решения вопросов применения комплексных отраслей права, тем более что судебная практика в последнее время оказывает серьезное воздействие на соответствующие сферы правового регулирования. По этой причине прецеденты обязательно необходимо учитывать в практической деятельности. В качестве источника права преимущественно рассматривается такая категория судебных актов, как решения Конституционного Суда РФ. Конституционный Суд РФ все чаще обращается при рассмотрении дел к нормам различной отраслевой принадлежности.

Например, В.В. Никишин в диссертационной работе «Судебный прецедент как источник экологического права Европейского Союза и России: сравнительно-правовой анализ» отмечает, что акты Конституционного Суда РФ (постановления Конституционного Суда РФ), содержащие общеобязательные нормы толкования, рассчитанные на многократное применение и неопределенный круг лиц, носят прецедентный характер (прецеденты толкования) и являются источниками российского экологического права. Прецеденты Конституционного Суда РФ востребованы как средства преодоления противоречий и пробелов в российском экологическом законодательстве[212].

Особую роль судебная практика играет в применении экологического права, в том числе правовых институтов экологической информации, загрязнения среды и др. Такова роль, например, определения Конституционного Суда РФ от 10.12.2002 № 284-О «По запросу Правительства Российской Федерации о проверке конституционности постановления Правительства Российской Федерации “Об утверждении Порядка определения платы и ее предельных размеров за загрязнение окружающей природной среды, размещение отходов, другие виды вредного

воздействия" и статьи 7 Федерального закона "О введении в действие части первой Налогового кодекса Российской Федерации"».

Правовые позиции в области земельного права отражены в постановлении Конституционного Суда РФ от 13.12.2001 № 16-П «По делу о проверке конституционности части второй статьи 16 Закона города Москвы "Об основах платного землепользования в городе Москве" в связи с жалобой гражданки Т.В. Близинской».

По данным справочной правовой базы «КонсультантПлюс», в декабре 2013 года действовало 88 решений высших судов в сфере таможенного права Таможенного союза. К правовым позициям в сфере таможенного права можно отнести следующую постановление Конституционного Суда РФ от 27.05.2008 № 8-П «По делу о проверке конституционности положения части первой статьи 188 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки М.А. Асламазян», определение Конституционного Суда РФ от 12.05.2005 № 168-О «По жалобе гражданина Эстонской Республики Грюнвальда Марта на нарушение его конституционных прав отдельными положениями статей 283, 319 и 320 Таможенного кодекса Российской Федерации» и др., касающееся перемещения товаров и транспортных средств через таможенную границу.

В сфере транспортного права к судебными прецедентам относят постановления Пленумов Верховного Суда РФ и Высшего Арбитражного Суда РФ, например, постановление от 06.10.2005 № 30 «О некоторых вопросах практики применения Федерального закона «Устав железного транспорта Российской Федерации», в котором указаны особенности практического применения отдельных положения Устава железнодорожного транспорта РФ. Имеются также разнообразные правовые позиции, касающиеся прав и свобод человека. Так, в определении Конституционного Суда РФ от 18.12.2007 № 851-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Рязапова Нагима Габдылахатовича на нарушение его конституционных прав положениями пункта 1 статьи 12 и статьи 14 Семейного кодекса Российской Федерации» дается толкование положений, касающихся требования моногамности брака.

Постановления Конституционного Суда РФ от 25.07.2001 № 12-П «По делу о проверке конституционности пункта 7 статьи 21 Федерального закона "О приватизации государственного имущества и об основах приватизации муниципального имущества в Российской Федерации" в связи с запросом Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации» и от 30.07.2001 № 13-П «По делу о проверке конституционности положений

подпункта 7 пункта 1 статьи 7, пункта 1 статьи 77 и пункта 1 статьи 81 Федерального закона “Об исполнительном производстве” в связи с запросами Арбитражного суда Воронежской области, Арбитражного суда Саратовской области и жалобой открытого акционерного общества “Разрез “Изыхский”» посвящены вопросам, связанным с правами и законными интересами публичных и частных субъектов.

Конституционный Суд РФ высказывает свои позиции и по поводу разрешения коллизий между нормативными правовыми актами разных отраслей законодательства. Так, согласно определению Конституционного Суда РФ от 03.02.2000 № 22-О «По запросу Питкярантского городского суда Республики Карелия о проверке конституционности статьи 26 Федерального закона “О несостоятельности (банкротстве) кредитных организаций”», ни один федеральный закон в силу ст. 76 Конституции РФ не обладает по отношению к другому федеральному закону большей юридической силой.

Постановление Конституционного Суда РФ от 29.06.2004 № 13-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 7, 15, 107,234 и 450 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» устанавливает приоритет кодекса перед иными федеральными законами (относительно регулирования уголовно-процессуальных отношений). Вместе с тем приоритет УПК РФ перед другими федеральными законами не является безусловным, а ограничен рамками специального предмета регулирования.

4.3. Нормативный договор

Нормативный договор – соглашение между правотворческими субъектами, в результате которого возникает новая норма права. Использование нормативного договора в качестве формы комплексных отраслей целесообразно в тех случаях, когда нуждающиеся в комплексном нормативно-правовом регулировании сферы общественных отношений отражают потребности и интересы неопределенной группы частных и публичных субъектов и специфика которых не поддается законодательному регулированию[213].

В советский период нормативный договор был официально признанным источником права. Так, в качестве источников права выступали международные договоры, договоры государствообразующего характера и коллективные договоры.

В настоящее время по отраслевой принадлежности

нормативные договоры делятся на международные, конституционные, административные, трудовые, финансовые и т. д.

Особая роль отводится международным договорам. Согласно ч. 4 ст. 15 Конституции РФ общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры РФ являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором РФ установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора. В соответствии со ст. 17 Конституции РФ в Российской Федерации признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права.

Реализация норм международного права в российской правовой системе осуществляется двумя способами: путем ратификации конвенций и иных актов международных организаций и их органов, участником которых является Россия, и путем заключения Российской Федерацией двусторонних и многосторонних международных договоров. Международные акты имеют обязательную силу для Российской Федерации, а общепризнанными принципами и нормами принято считать те, которые одобрены Организацией Объединенных Наций, другими международными организациями с участием России. Нормативный договор, как правило, противопоставляют частному договору. Так, в комплексном правовом регулировании императивный метод совмещается с диспозитивным, предполагающим договорные и иные частные отношения. Договор занимает особое место среди источников права, играет важную роль в системе нормативно-правового регулирования экономического оборота, поскольку служит средством удовлетворения реальных интересов и потребностей участников отношений. Сторонами договора могут выступать как физические, так и юридические лица, включая различные публично-правовые образования (международные организации, государство, муниципальные образования и пр.).

В настоящее время категория «договор» не рассматривается только как источник гражданского права (учредительный договор, типовой договор). Важное значение договоры имеют для формирования других отраслей права, в частности трудового (в Трудовом кодексе РФ коллективный договор определяется как правовой акт, регулирующий социально-трудовые отношения в организации и заключаемый работниками и работодателем в лице их представителей), конституционного (нормативный договор о разграничении предметов ведения и полномочий

между органами государственной власти федерации и ее субъектов), финансового, экологического, пенсионного, образовательного, здравоохранительного, информационного права и т. д. В других сферах (финансовой, информационной, экологической, социальной) в качестве источника выступают публично-правовые договоры, в частности административные договоры (договоры о взаимодействии, заключаемые между органами государственной власти субъектов Федерации и органами местного самоуправления, соглашения о передаче отдельных полномочий по решению вопросов местного значения от органов местного самоуправления одного муниципального образования органам другого муниципального образования).

4.4. Правовой обычай

Отношение к обычаю в странах, принадлежащих к семьям романского и германского права, различно. Французские юристы воспринимают обычай как устаревший источник права и полагают, что его стоит применять только в тех случаях, когда это прямо предусмотрено законом. В Германии, Швеции, Греции закон и обычай в теории права имеют одинаковую юридическую силу. И хотя судьи этих стран при разрешении дел придают большее значение закону, чем обычаю, роль закона в странах германской модели гораздо выше, чем во Франции. Российская юриспруденция воспринимает правовой обычай как вспомогательный источник права.

В законодательстве Российской Федерации указывается на различные виды правовых обычаев. Согласно российской доктрине, санкционирование обычая, т. е. превращение его в правовой, осуществляется путем отсылки к нему в норме закона и (или) путем решения на его основе судебного дела. В ГК РФ содержатся ссылки на обычаи делового оборота (ст. 6), национальный обычай (ст. 19) и местный обычай (статьи 221, 309, 311, 312, 314–316, 406, 421). Обычаем делового оборота признается сложившееся и широко применяемое в какой-либо области предпринимательской деятельности правило поведения, не предусмотренное законодательством, независимо от того, зафиксировано ли оно в каком-либо документе[214].

Статья 5 ГК РФ закрепляет существование обычая делового оборота, указывая на то, что он может носить устный характер. Таким образом, в гражданском праве обычай упоминается, и можно предположить, что сфера его применения будет расширяться.

Согласно ст. 15 Закона РФ от 07.07.1993 № 5340-1 «О

торгово-промышленных палатах в Российской Федерации» Торгово-промышленная палата РФ (далее – ТПП России) свидетельствует (регистрирует) торговые обычаи (обычаи делового оборота), принятые на территории Российской Федерации. Регистрируемый обычай должен отвечать следующим основным критериям:

1. Не противоречить российскому законодательству.
2. Носить определенный и устойчивый характер.
3. Иметь широкое применение на всей территории РФ на протяжении достаточно продолжительного периода времени.

Решение ТПП России сопровождается статьей-комментарием, обычаи делового оборота публикуются в издании ТПП России «Торгово-промышленные ведомости» и (или) в других общеизвестных печатных изданиях. В настоящее время ТПП России зарегистрированы два обычая делового оборота: обычай в сфере вексельного оборота и «Инкотермс-2000».

Правовой обычай является не только формой гражданского права (ст. 5 ГК РФ), но и восполняет пробелы в таможенном законодательстве. В настоящее время государства широко применяют международные обычаи, например обычаи, изложенные в сборниках «Обычаи портов».

Один из примеров обычаев, закрепленных письменно и ставших нормами международного таможенного права, – разработанные Международной торговой палатой условия торговых сделок, называемые «ИНКОТЕРМС» и применяемые таможенными органами в сфере внешнеторговой деятельности государства.

Например, отсутствие у компании товарно-транспортных накладных и складских помещений еще не говорит о том, что деятельность ведется только на бумаге. Следовательно, данные факты не являются бесспорным основанием для отказа в возмещении НДС. К такому выводу пришел ФАС Северо-Западного округа в постановлении от 09.02.2007 № А56-21439/2006. Арбитры не поверили ревизорам на слово и самостоятельно проанализировали работу организации. Оказалось, по условиям договора поставки отгрузка импортированных обществом товаров осуществлялась со склада временного хранения непосредственно покупателем. Именно поэтому фирма и не располагала товарно'-транспортными накладными на отпуск продукции, складскими помещениями и транспортными средствами. Как отметили арбитры, поведение попавшей в немилость компании соответствует обычаям делового оборота, которые достаточно широко применяются во внешнеторговой деятельности. Таким образом, в удовлетворении

претензии налоговых органов было отказано.

Местные обычаи упоминаются в ст. 221 ГК РФ в связи с обращением в собственность общедоступных вещей. В Трудовом кодексе Российской Федерации (далее – ТК РФ) в качестве основания прекращения работы в представительстве РФ за границей называется несоблюдение работником обычаев и законов страны пребывания, а также общепринятых норм поведения и морали (п. 4 ст. 341).

Обычно-правовые нормы содержатся в законодательстве о коренных малочисленных народах, согласно которому обычай – это традиционно сложившееся и широко применяемое правило поведения в условиях традиционного природопользования и традиционного образа жизни. В ст. 3 Федерального закона от 30.04.1999 № 82-ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации»[215] указана сфера применения обычаев: правовое регулирование отношений в области образования, охраны и использования территорий традиционного природопользования.

В других отраслях российского права правовой обычай вполне приемлем и реально существует, но практически не упоминается. Например, в конституционном праве правовые отношения предполагают наличие определенных правил, не фиксируемых в нормативных актах. «Можно, конечно спорить о том, является ли обычай источником конституционного права, но нельзя игнорировать его роль как непосредственного регулятора государственных отношений, его значения для подготовки и принятия целого ряда важнейших норм конституционного права»[216].

Представители науки административного права отмечают, что «административные обыкновения в наше время в России, во-первых, существуют как правила деятельности в отдельных государственных организациях, это локальные нормы. Во-вторых, они ни письменным, ни устным актом власти не закреплены, являются сложившимися в конкретных организациях обычаями (неформальными нормами) деятельности (распределение дел между служащими, визирование документов и т. д.). В-третьих, они субъективны, в том смысле, что используются, если их признает руководитель организации или пока их не закрепят в актах субъектов власти»[217].

В экологическом праве обычаем можно считать правило о разделе земельного участка между собственниками расположенного на нем строения согласно сложившемуся порядку пользования участком, зарекомендовавшему себя обычаю, требованиям охраны окружающей среды.

Правовые обычаи постепенно находят признание в комплексных отраслях права, где использование правового обычая обеспечивает развитие частноправовых начал экономического оборота, повышение уровня адекватности отражения его потребностей в системе нормативно-правового регулирования и правоприменения, в том числе посредством восполнения пробелов в нормативных правовых актах и договорах[218].

Таким образом, значимость правового обычая в комплексных правовых образованиях можно объяснить продолжительностью существования, актуальностью и во многом неурегулированностью соответствующих общественных отношений.

Глава II
Юридическая природа комплексных правовых образований

Правовая природа явления – это его юридическая характеристика, выражающая его специфику и место среди других правовых явлений. Учитывая огромную роль и значимость общественных отношений, требующих комплексного правового регулирования, на наш взгляд, представляется актуальным исследование специфики, природы и места комплексных правовых образований как структурных образований системы права, призванных способствовать укреплению законности и правопорядка, регулировать столь важные для государства и общества отношения, дабы повысить их эффективность и качество.

По мнению В.Н. Протасова, трудность объяснения природы комплексных отраслей во многом обусловлена тем, что это связано с проблемами, которые сами еще не нашли должного разрешения в правовой теории. Сюда следует отнести вопросы соотношения права и законодательства, понятия отрасли права, критериев деления права на отрасли (в первую очередь – предмета и метода отрасли права). Поэтому до сих пор немногочисленные сторонники комплексных отраслей права не могут убедительно обосновать причины их существования и раскрыть их правовую природу[219].

В настоящее время относительно природы и места комплексных правовых образований ведется дискуссия, данная проблема освещается в рамках научных конференций[220], затрагивается в учебной литературе, но рассматривается в основном в традиционном аспекте, либо в общем плане без конкретной теоретической аргументации. Так, рассмотрение комплексных правовых образований с точки зрения определения их места в системе права осуществляется посредством выявления и анализа особенностей общественных отношений, составляющих их предмет, исследования специфики используемых правом метода и принципов правового регулирования, особенностей его формирования и структуры.

Вместе с тем продолжаются дискуссии о том, что же представляет собой та или иная отрасль права – сложный правовой институт, подотрасль, исключительно массив законодательства, или самостоятельную отрасль права, и каков

характер объединения норм в этом правовом образовании, можно ли утверждать, что оно является комплексным в связи с объединением в его составе норм различной отраслевой принадлежности, либо является самостоятельным образованием, существующем наряду с другими базовыми отраслями права.

В итоге, несмотря на то, что проблема комплексных правовых образований представляет несомненный интерес для научного сообщества, на сегодняшний день нет полной ясности в понимании и объяснении сущности этого правового явления.

Длительное время советская правовая наука не допускала существования комплексных отраслей права, полагая, что систему права составляют исключительно самостоятельные отрасли. Впервые комплексные правовые образования были рассмотрены В.К. Райхером[221] и С.С. Алексеевым[222].

В советский период комплексные отрасли права выделяли В.Ф. Мешера, М.И. Пискотин, Ц.А. Ямпольская и др. Под комплексными отраслями права эти ученые понимали группы правовых норм, регулирующие отношения в каких-либо определенных областях деятельности и относящиеся к разным отраслям права. Комплексной отраслью права считалась система, а при сопоставлении с отраслью права – надсистема правовых норм, регулирующих отношения в определенной сфере. Утверждалось, что правовые нормы в комплексной отрасли права находятся в органическом единстве, создавая, таким образом, новую правовую реальность. Комплексные отрасли права признавались вторичными образованиями; считалось, что предмет комплексной отрасли права отличается от предмета основных отраслей права и не требует особого метода и механизма регулирования[223]. Идея комплексных правовых образований отражала процесс, связанный с заменой частного права публичным в регулировании экономических отношений. Как известно, теоретическое обоснование применения публично-правового регулирования в экономической сфере считалось одним из важнейших вопросов советской правовой доктрины.

В современной юридической науке, в отличие от советского периода, где комплексные правовые образования относились больше к спорадическим явлениям, данное правовое образование презюмируется существующим в системе права. Следует отметить, что обращение к данной проблеме настолько активизировалось и стало модным, что практически любой вопрос, имеющий юридический характер, рассматривается преимущественно сквозь призму определения комплексного характера права[224], хотя проблема комплексных правовых образований продолжает носить дискуссионный, спорный и

неоднозначный характер и имеет как сторонников, так и противников. К сторонникам комплексных отраслей права можно отнести М.И. Козыря, Е.Г. Лукьянову, М.Н. Марченко, В.П. Мозолина, В.Н. Протасова, Л.П. Рассказова, В.М. Сырых, Р.В. Шагиеву, В.Ф. Яковлева и др. В теории права наиболее распространено применение понятия «комплексный» к любому обособленному нормативному массиву, охватывающему нормы нескольких отраслей права.

Е.А. Киримова, отрицая наличие в системе права комплексных отраслей, отмечает, что каждой отрасли права присуща своя функция, свой режим правового регулирования. Одна и та же норма не может одновременно регулировать два различных вида общественных отношений и заключать в себе два различных метода правового регулирования. Именно поэтому одно и то же предписание не может быть одновременно включено в две различные отрасли права. Особенностью системы права является то, что, входящие в ее состав отрасли, будучи взаимосвязанными, не дублируют, а взаимно исключают друг друга[225]. Эта точка зрения разделяется и другими современными учеными.

В системе права выделяют следующие комплексные правовые образования: комплексные правовые отрасли и иные правовые комплексы более «мелкого» порядка, которые подразделяются на межотраслевые и внутриотраслевые правовые комплексы[226].

На наш взгляд, ***система права – это не совокупность однопорядковых отраслей, это – расчлененная целостность, которая носит многоуровневый и иерархический характер (прежде всего в группах отраслей), объединяет в себе историческое и логическое. Наличие комплексных отраслей в праве свидетельствует о многоуровневом характере системы права.***

Входящие в правовую систему компоненты не одинаковы по своему значению, но представляют собой не случайный конгломерат разнородных и не связанных друг с другом элементов, а сложное, динамическое, многоуровневое образование[227].

Фундаментальными отраслями права являются конституционное, административное, гражданское, уголовное. Некоторые авторы также отмечают, что для постсоветского права характерны и над отраслевые образования – частное и публичное право, конституционное и социальное право[228]. Формируются и наднациональные комплексные правовые образования, в частности таможенное право.

Постоянно развивающиеся общественные отношения требуют

соответствующей правовой регламентации, что вызывает объективные изменения в системе права и приводит к появлению в ней новых институтов, подотраслей или отраслей. Как следствие, для наилучшего и оптимального правового регулирования применяются нормативные акты комплексного характера, ибо с их помощью достигается всесторонняя регламентация определенных общественных отношений. В результате этого наряду с профилирующими отраслями права в юридической науке объективно обосновалось выделение комплексных образований в системе права, связанных единым предметом общественных отношений, формирующихся и развивающихся под влиянием норм базовых отраслей права.

Основанием для такой градации являются два обстоятельства: фундаментальные отрасли складываются в длительном историческом процессе правового развития общества, являются изначальными и восходят к древности; комплексные отрасли права являются в этом процессе вторичными, они складываются в разное время в рамках фундаментальных отраслей. Методы правового регулирования специализированных отраслей сохраняют черты преемственности с методами основных отраслей права. Комплексные отрасли права, выделившиеся из гражданского права, например, предпринимательское право, сохранили с гражданским правом связь как с базовой отраслью.

§ 1. Основные подходы к пониманию комплексных правовых образований в системе права

Несмотря на все возрастающую значимость комплексного правового регулирования (комплексных правовых образований), само это понятие имеет множество самых различных трактовок. Так, одни ученые указывают на существование множества определений комплексных правовых образований, в то время как другие авторы подчеркивают его размытость и неопределенность.

Предполагается, что подходы к пониманию комплексного правового регулирования можно классифицировать на основании общих для каждой группы концептуальных рамок. Опираясь именно на такое предположение, можно выделить следующие группы подходов: структурно-логический, конвенциональный, функциональный, «нигилистический», традиционный.

Данные подходы сложились в развитие идеи о существовании комплексных правовых образований. Наряду с анализом традиционного подхода, необходимо рассмотреть другие подходы, которые характеризуют особенности современного состояния теории права по данному вопросу. Тем самым «сквозь призму» этих подходов обнаруживается связь прошлого и настоящего комплексного правового регулирования.

1.1. Структурно-логический подход

Под структурно-логическим подходом мы подразумеваем попытки внедрения в правовую науку системной теории. Наличие методологических предпосылок позволяет по-иному высветить проблематику формирования комплексных правовых образований в системе права, в том числе самостоятельность комплексных отраслей права как элемента системы права; взаимосвязь комплексных правовых образований с другими элементами системы права; соотношение таких сторон системы, как целостность, однородность, единство; особенности комплекса как специфической системы и др.

Соответственно комплексная отрасль права стала значиться в юридических словарях. Так, в Большом юридическом словаре комплексная отрасль права – это совокупность правовых норм, регулирующих отношения в какой-либо определенной сфере деятельности и относящихся к разным отраслям права[229]. К таким отраслям относятся, например, аграрное право

(сельскохозяйственное право), в состав которого входят нормы административного, земельного, лесного, гражданского, финансового и ряда других отраслей права. Комплексная отрасль права уже достаточно давно выделена юридической теорией в национальной системе права, имеет соответствующие (весьма развитые) научные дисциплины и учебные курсы. Комплексную отрасль права следует отличать от межотраслевых комплексов правовых норм (банковское право, медицинское право и т. п.), которые регулируют более узкую, специфическую сферу деятельности и редко выделяются в специальный учебный курс.

1.2. Конвенциональный подход

В конвенциональном подходе к пониманию комплексных правовых образований фокус смещен на проблему правовой традиции как дополнительного критерия выделения комплексных правовых образований.

В советский период данный подход был отмечен В.Н.Кудрявцевым, М.Ф. Орзихом, М.И. Пискотиным[230]. Так, М.Ф. Орзих считал, что в виду динамичности системы права, высокой активности законодателя и отсутствия достаточно универсального инструментария строения системы права и системы законодательства плодотворным представляется конвенциональный способ решения проблемы[231].

Весьма интересно, что такой взгляд имеет место в современной литературе. Например, В.П. Реутов в своей монографии «Функциональная природа системы права» в ходе рассмотрения функциональной характеристики системы права приходит к выводу о принципиальном совпадении системы права и системы законодательства и о необходимости конвенционального подхода к построению системы права[232].

Данный подход отражает тенденции, связанные с определением правопонимания. Так, в настоящее время Конституция РФ закрепила естественно-правовой подход к пониманию права, в рамках которого, по мнению В.В. Лапаевой, можно выделить три основных концепции – социологическую, конвенциональную и философскую[233].

Представляется, что конвенциональный подход незаменим в отношении комплексных отраслей права, поскольку вопрос о признании комплексных отраслей права возможно решать посредством консенсуального метода, в частности на уровне круглых столов, на основе выводов научных конференцией по соответствующим отраслям знаний.

Таким образом, при рассмотрении вопроса о комплексных

отраслях права следует учитывать, что они являются итогом, результатом некоторой договоренности, консенсуса или признания большинством авторитетных ученых.

Однако конвенциональный подход рассматривает комплексные отрасли как социальные конструкты, лишь отчасти отражающие некоторые социальные реальности. Справедливо в этой связи замечание политолога Л. Штрауса о том, что только посредством деятельности законодателя конвенциональное может приобрести если не статус, то по крайне мере силу естественного[234].

Следовательно, естественно-неконвенциональный подход (комплексные отрасли существуют как таковые независимо от «договоренности») является продолжением подхода конвенционального, поскольку обозначить в законе возможно те правовые отношения, которые по сути своей естественным образом установлены на данный период властью и обществом в правовых нормах.

1.3. Функциональный (новационный) подход

В рамках данного подхода особое внимание уделено функциональной характеристике системы права, в том числе комплексных правовых образований. В частности, предлагается исследовать комплексные правовые образования с учетом выполняемых правом функций, на основе положений системно-структурного подхода.

Название данный подход получил в связи с тем, что ученые при рассмотрении современного права выделяют традиционный и новационный подход к типологизации отраслей права. Так, к традиционным относят классические типы отраслей права: профилирующие и специальные; интегрирующие и предметные; материальные и процессуальные; публичное и частное. К новационным относят комплексные отрасли права, экономико-ориентированные отрасли права, социальное право.

Г.П. Курдюк считает, что комплексные отрасли права – это тип, представленный совокупностью отраслей права, регулирующих общественные отношения, складывающиеся в различных сферах жизнедеятельности общества, но объединенные по особому функциональному назначению (информационное право, коллизионное право, права человека как отрасль права и др.)[235].

Понятие «функции права» разработано в общетеоретической и отраслевых юридических науках. Ученые под функциями права понимают определение его сущности, основные направления

воздействия права на общественные отношения либо социальное назначение права.

По мнению Л.А. Морозовой, функции права направлены на осуществление наиболее важных, коренных задач, стоящих перед правом на данном этапе развития общества. Данный автор определяет функции права как основные направления правового воздействия на общественные отношения в целях их упорядочения, урегулирования и придания им необходимой стабильности, единства и динамизма[236]. Понятие «функция» характеризует социальную роль государства и права. Л.Б. Тиунова считает, что появление новых отраслей на базе традиционных, опосредующих совершенно новые комплексы отношений (воздушное, космическое, природоохранительное право), происходит в результате объективной дифференциации общественных отношений, их государственно-правовой оценки, а также с учетом степени развитости соответствующей области правовых норм (консолидации норм, систематизации законодательства). Предмет правового регулирования отрасли напрямую связан с функциями государства[237].

Рассматривая данный подход, следует учитывать, что, с одной стороны, функции отрасли права обусловлены предметом и целью отраслевого регулирования, с другой стороны, метод правового регулирования отрасли права отражает свойства и функции отрасли. В функциях отрасли права определяются наиболее существенные направления и стороны правового регулирования, проявляется органическая взаимосвязь, взаимопроникновение и взаимодействие в процессе регулирования определенного рода отношений и основных общих функций права. В них отражается момент требования правового регулирования этих отношений и, как следствие, необходимость в самой отрасли права и в данном методе правового регулирования, их социальное назначение[238].

В юридической литературе было предложено разделить элементы системы права по предметным, структурным и функциональным признакам[239]. Ученые полагают, что комплексные образования строятся по признаку функционального назначения или по признаку сферы государственного управления[240]. «Мы не склонны отказывать ни трудовому, ни семейному, ни экологическому праву в том, что они занимают в системе права самостоятельное место, выступая в качестве комплексных правовых образований, выполняющих важные общесоциальные и социализаторские функции»[241].

Так, особенность комплексной отрасли права заключается в специальных целях, которые определяют характер

соответствующих норм и особенности реализуемых ими функций. С этой точки зрения альтернативой традиционному объяснению предмета так называемых комплексных отраслей права комплексностью же составляющих их отношений может быть функциональность правоотношений и даже целеполагание правового регулирования.

Е.Г. Лукьянова считает, что право – это полиструктурная регулятивная система. В отличие от первичной структуры права, в основу которой положен признак предмета правового регулирования, вторичные комплексные образования как бы наслаиваются, надстраиваются над его главной структурой, объективируясь при этом вовне в гораздо меньшей степени. Правовые нормы, входящие во вторичные структурные образования, объединены не по предметному, а по функциональному признаку (или по фактору целеполагания) и имеют уже две плоскости своего объективного обособления[242]. Комплексный характер отрасли права состоит в регулировании общественных отношений, складывающихся в различных сферах жизнедеятельности общества, но объединенных по особому функциональному назначению[243].

По мнению В.П. Реутова, важным основанием построения правовых отраслей является функциональный подход. Новые отрасли появляются в местах «наибольшего напряжения», где возникающая новая функция права в той или иной сфере общественной жизни пересекается со спецификой правового воздействия, реализацией специальных юридических функций[244].

Таким образом, в качестве дополнительного критерия предлагается рассматривать функции отрасли права, что позволяет говорить о новом подходе к пониманию права, в частности, свидетельствует о многообразии и многомерности права в целом, об усложнении общественных процессов.

1.4. «Нигилистический» подход

В отличие от иных подходов, «нигилистический» подход отрицает существование комплексных отраслей права. Однако такой подход рассматривает комплексное правовое регулирование как одну из форм законодательного закрепления взаимодействия публичного и частного права. В ходе поиска иных форм комплексных правовых образований в системе права сторонники комплексных отраслей в законодательстве признают наличие в системе права комплексного правового института.

Согласно данному подходу, вопрос о комплексности не имеет

существенного значения с точки зрения практического применения, равно как и для развития самой отрасли. Данный подход в отношении комплексных правовых отраслей выражается в полном их отрицании. Так, отмечается, что комплексных отраслей права не существует, но могут быть комплексные отрасли законодательства.

Следует отметить, что в отечественной литературе достаточно развита и нигилистическая позиция, не допускающая существование комплексных отраслей права, поскольку такие «посторонние придатки» совершенно своеобразны, не укладываются целиком ни в одну из областей ни публично-правовой, ни частноправовой сферы, не вписываются в общепринятую классификацию, согласно которой систему права образуют только самостоятельные отрасли права. Данный подход полезен тем, что он наиболее глубоко исследует комплексность именно в нормативных правовых актах. Рассуждения о комплексных правовых отраслях в таком случае ценны тем, что позволяют глубже уяснить специфику правового регулирования, осуществляемого при помощи таких отраслей законодательства.

Для того чтобы система законодательства была внутренне согласована и непротиворечива, нормально функционировала и развивалась, она нуждается в постоянном осуществлении специального процесса – систематизации[245]. В связи с этим требует отдельного рассмотрения вопрос систематизации комплексных отраслей законодательства.

Вместе с тем многие авторы видят расхождение между систематизацией законодательства и систематизацией права в части отступления от принципов, характеризующих ту или иную отрасль права. Целью такого отступления может быть всестороннее урегулирование взаимосвязанных, но разнопорядковых общественных отношений, а также компактное изложение соответствующих предписаний. Под принципами здесь понимается единство предмета и метода отрасли права, следование которым не всегда целесообразно. Характерны такие отступления для комплексных отраслей законодательства, создаваемых с целью регулирования новых общественных отношений[246].

1.5. Традиционный подход

В соответствии с традиционным подходом предлагается выделять комплексные правовые образования в системе права с помощью традиционных критериев – предмета и метода правового регулирования. Следует отметить, что некоторые

авторы указывают наряду с предметом и методом правового регулирования другие критерии, по которым можно выделить комплексную отрасль права, в частности кодификацию, общественную значимость, политическую и общественную заинтересованность государства и др.

Следует согласиться с позицией В.К. Райхера, В.Н. Протасова, А.Я. Курбатова, согласно которой формирование комплексной отрасли идет от социального начала, т. е. предмета правового регулирования. Хотя чаще всего указывается, что комплексные правовые образования складываются из норм других – основных – отраслей права. Вместе с тем представляется верным утверждение, что здесь имеет место тот случай, когда внешний признак принимается за сущностный. Отмеченный момент вовсе не отражает сущности комплексных отраслей права, а выступает как сугубо внешнее проявление[247].

В этой связи имеется два подхода к организации предмета отрасли права, что проявляется в делении отраслей права на профилирующие и комплексные. С помощью первого подхода – по функциональному признаку – выделяются профилирующие отрасли, так как данный подход способствует выделению юридически однородных общественных отношений с точки зрения возможности применения к ним одинаковых правовых приемов воздействия. С помощью второго подхода – по предметному (или, как его еще называют, территориальному) признаку – выделяются комплексные отрасли, так как данный подход заключается в создании и правовом обеспечении целостных социальных систем, каждая из которых и составляет предмет той или иной комплексной отрасли[248]. «Такая область права, с одной стороны, состоит из элементов, относящихся к различным предметам правового регулирования, к различным отраслям права (гражданскому, административному ит.д.), ив этом смысле имеет слаженный, комплексный характер»[249].

По мнению В.Н. Протасова, предмет комплексной отрасли права представляет собой локальную социальную систему, ориентированную на решение определенных общественных задач. Для этой цели и формируется предмет комплексной отрасли из необходимых элементов социальной сферы независимо от их юридической однородности[250].

Предмет комплексной отрасли обладает признаками, которые свойственны основной отрасли, в частности единством, универсальностью и структурированностью. Вместе с тем предмет основной отрасли права отличают от предмета комплексной отрасли права. Например, В.Н. Протасов полагает, что для предметов основных отраслей права характерны следующие

черты.

1. Само по себе отраслевое правовое регулирование в целом обусловлено социальной потребностью, однако регламентации подвергается та сторона деятельности, которая требует юридически однородных приемов воздействия. Поэтому формирование предмета отрасли и ее самой идет как бы по юридическому признаку (от метода).

2. Составные части предмета принадлежат различным социальным сферам.

3. Предмет в целом не является системой, не обладает качеством целостности, единства, а пронизывающие его правоотношения не образуют структуры (системы целесообразных отношений), организующей в масштабе предмета его компоненты в единое целое.

4. Компоненты предмета юридически однородны.

5. Предмет не имеет единой социальной задачи, которая объединяла бы его компоненты.

Предмет комплексной отрасли права обладает, по существу, противоположными свойствами. Он представляет собой локальную социальную систему, ориентированную на решение определенных общественных задач. На плоскости человеческой деятельности предмет комплексной отрасли являет целостное, локализованное образование (круг), которое, будучи спроецировано на плоскость права, соберет на ней из норм разных отраслей, а также из специально изданных норм, целостное правовое формирование – комплексную отрасль права[251].

Таким образом, можно сделать вывод, что предмет комплексной отрасли имеет комплексный характер. Предмет основной отрасли права – это группа однородных отношений, требующих правовой формы. Предмет комплексной отрасли права – это отношения, которые складываются в определенной сфере, например, в промышленности, оказании транспортных услуг, предпринимательской деятельности. При этом такая деятельность охватывает весьма широкий круг общественных отношений, которые по своей правовой природе имеют разнородный характер, который требует единого управления путем согласованного применения различных отраслевых норм.

Указанный перечень отличий предметов таких отраслей можно дополнить тем, что в предмете комплексной отрасли имеются, наряду с нормами «двойного назначения», собственные правовые нормы, в том числе такие, которые имеют приоритет над нормами других отраслей права. Также следует учитывать своеобразие субъектов комплексной отрасли права.

В этой связи некоторые ученые сферу действия комплексных правовых образований подразделяют на собственный (неразделяемый) предмет правового регулирования и совместный (разделяемый) предмет правового регулирования (А.Н. Костюков относительно муниципального права[252]).

Представляется, что практика юридической науки и законодательства позволяет выделять традиционные и комплексные отрасли права. Поэтому при рассмотрении природы комплексной отрасли права следует учитывать предметный, «неюридический» принцип ее образования.

Вопрос о юридической природе комплексных отраслей права по-прежнему остается малоисследованным и во многом дискуссионным.

Так, в советский период некоторые ученые отмечали, что комплексные отрасли лишены предметного единства; по составу они складываются из норм основных отраслей права; в них используется ряд методов регулирования основных отраслей; они занимают не самостоятельное, а условное – в зависимости от целей систематизации – место в системе права[253]. Другие указывали на самостоятельное значение комплексных отраслей, их важнейшее место в системе права. В качестве примера приводились законы в области регулирования народного хозяйства, основы жилищного законодательства, природоохранное законодательство. Подчеркивалось, что для обеспечения правильного сочетания отраслей и комплексных общностей норм права в процессе правового регулирования общественных отношений нужно подчинение норм, входящих в комплексные образования, общим принципам и нормам соответствующих отраслей права. Считалось, что нормы комплексных образований должны носить специальный характер по отношению к принципам и основным нормам обособленных отраслей[254].

Однако главным аргументом против комплексных отраслей права являлось то, что отрасли права обладают единством предмета и метода правового регулирования. Комплексные образования и крупномасштабные объединения законодательства носят по отношению к отраслям вторичный характер, не отличаются прочным единством (общим режимом, методом правового регулирования и механизмом регулирования), которое свойственно отраслям права. Образования складываются по сферам общественной жизни, в частности, по отраслям народного хозяйства, производны от отраслевого законодательства, складываются на его базе, строятся с учетом отраслевых методов и механизмов[255].

Отметим, что данная точка зрения воспринималась как бесспорная и в советской юридической литературе критике не подвергалась. Вступая в полемику с вышеуказанными положениями, хочется согласиться, прежде всего, с тем, что, действительно, формирование отраслей права и отраслевого законодательства происходит исходя из различных оснований. Формирование основных и комплексных правовых образований происходит не по одному, а по разным основаниям и на разных уровнях. Такое разделение является свидетельством многообразия общественной жизни и потребностей, обусловливающих формирование системы права.

Однако это обстоятельство не может служить доказательством отсутствия между основными отраслями права и комплексными образованиями глубокой взаимосвязи и взаимопроникновения.

Таким образом, одним из аргументов против признания комплексной отрасли в системе права является то, что ее предмет не един, поскольку он обладает качеством разнородности. Однако такой подход не в состоянии объяснить, почему комплексное правовое образование не может характеризоваться свойствами и качествами системы, ведь в теории систем признано, что разнородность элементов является необходимым условием единства, целостности, системности объекта. Сложная система – это система, состоящая из большого числа разнообразно взаимодействующих друг с другом функционально неоднородных элементов[256].

О сложности структуры права писал В.Ф. Яковлев. Ученый обращал внимание на сложный внутренний характер взаимодействия регулирования отношений различными отраслями права, обусловливающий необходимость единства и согласованности не только норм одной отрасли права, но и разных взаимодействующих отраслей, и отмечает, что это взаимодействие должно быть особенно взвешенным и отработанным[257].

Представляется, что утверждение Ю.К. Толстого о том, что комплексные образования и крупномасштабные объединения законодательства носят по отношению к отраслям вторичный характер, не отличаются прочным единством (общим режимом, методом и механизмом правового регулирования), которое свойственно отраслям права, – хотя и носят полемический характер, но уже не являются полностью достоверными. Как верно указывает А.А. Титова, в современный период комплексные отрасли права регулируют отношения, возникающие при реализации прав человека, конкретизируют положения

конституционного права. Кроме того, комплексные правовые образования в системе современного законодательства рассматриваются в качестве системных образований[258].

Действительно, комплексные правовые отрасли и комплексные отрасли законодательства по своему генезису имеют, условно говоря, «производный», «вторичный» характер. Однако этим признак их вторичности полностью исчерпывается. Уже будучи системными элементами права, они утрачивают характер производности и становятся комплексными элементами системы права. В рамках новой правовой общности нормы первичных отраслей права получают новое содержание и глубинный смысл, а также начинают функционировать с позиции принципов, категорий и понятий новой отрасли права.

Например, дуализм таможенного законодательства проявляется в органичном переплетении институтов финансового и административного права, что приводит к появлению образований, сочетающих в себе административно-правовую и финансово-правовую природу, свойственную только таможенно-правовому регулированию (таможенная стоимость, страна происхождения и т. д.)[259].

Е.М. Макеева отмечает, что важнейшим показателем превращения группы взаимосвязанных межотраслевых институтов в новую отрасль права должно служить появление новых, присущих только данной группе институтов понятий и конструкций, а также формирование общей части, содержащей принципы и общие начала, распространяющиеся в равной мере на все регламентируемые этой отраслью отношения. Например, для отрасли уголовного права юридическими понятиями являются «преступление», «наказание», «уголовная ответственность», для семейного права – «брак», «семья», для трудового права – «трудовой договор», «охрана труда», «дисциплинарная ответственность», для административного права – «компетенция», «штраф», для налогового права – «налогоплательщик», «объект налогообложения», «налоговая база», «налоговый период»[260].

Ю.А. Тихомиров отмечает, что правовые средства, обеспечивающие эффективность комплексной отрасли права, можно условно разделить на специфические (собственные) средства, с помощью которых комплексные отрасли самоорганизуются и функционируют. В процессе осуществления соответствующей деятельности возникает особая группа, присущая исключительно комплексной отрасли права. Как правило, это нормы-дефиниции, нормы-принципы, нормы, содержащиеся в подзаконных нормативных актах, специфические приемы регулирования, общие положения, понятия и институты,

которые играют роль своеобразного «центра притяжения», не только объединяющего юридически разнородный материал в единое целое, но и придающего ему специфический отраслевой оттенок[261].

Более того, такие комплексные образования существуют сплошь и рядом и, в свою очередь, оказывают на другие правовые феномены, в том числе и на отрасли, которые для них явились производными, существенное воздействие, модифицируют их. Дело в некоторых случаях доходит до формирования новых правовых институтов, отраслей в рамках самостоятельных и производных отраслей права. Формально эти нормы, как и регулируемые ими общественные отношения, не имеют отношения к комплексному правовому образованию, но фактически их можно рассматривать как результат комплексного правового регулирования. Характеризуемые подобным образом общественные отношения следует обозначить как сферу влияния комплексного правового регулирования.

В этой связи мы не согласны с точкой зрения В.П. Мозолина, согласно которой в связи с разнородностью правовых норм само по себе комплексное правовое образование не может выступать в роли юридической платформы, используемой в качестве основы для создания новых комплексных образований[262].

В отношении метода комплексной отрасли права можно выделить две точки зрения. Согласно первой данный критерий не имеет особого значения для решения вопроса об обособлении той или иной комплексной отрасли права. Метод правового регулирования комплексных отраслей не приобретает той степени единства, которая характерна для базовых отраслей. По мнению В.К. Райхера, для организации системы права предмет правового регулирования имеет «решительное преимущество перед формальным критерием, исходящим из методов правового регулирования»[263].

С.С. Алексеев считает, что нормы, входящие в комплексную отрасль права, не связаны единым методом регулирования, почти все они имеют «прописку» в основных отраслях права. Так, юридические нормы, входящие в комплексные образования, остаются по своим исходным моментам в главной структуре, в основных отраслях, и на них распространяются общие положения соответствующих основных отраслей[264].

И.Л. Бачило и В.Н. Лопатин классифицируют отрасли современного права следующим образом:

1. Отрасли права, которые характеризуются единством предмета и метода.

2. Отрасли права, которые обособляются по их собственному

предмету, а метод регулирования которых еще только вырабатывается, является смешанным или вообще не имеет четкого содержания.

3. Комплексные отрасли права, охватывающие несколько областей жизнедеятельности общества, т. е. могущие иметь несколько связанных между собой предметов регулирования[265].

Согласно второй точке зрения, метод правового регулирования является необходимым основанием для образования комплексной отрасли. Поэтому не только предметный признак, но и в известной степени метод правового регулирования служит основанием для обособления комплексных правовых отраслей. По справедливому замечанию В.Н. Протасова, комплексный и целостный характер предмета определяет и комплексную целостность метода[266].

Таким образом, одни ученые полагают, что предмет является определяющим критерием выделения комплексной отрасли права, а другие считают, что важным критерием формирования такой отрасли выступает метод правового регулирования.

Центральной характеристикой системы методов правового регулирования является ее способность к комплексному правовому регулированию общественных отношений. Именно это свойство следует считать интегративным, системообразующим фактором, поскольку только способность к комплексному правовому регулированию делает совокупность правовых методов целостностью, а не просто механической суммой определенных элементов. Взаимодействуя между собой, методы правового регулирования создают эффект «единого правового регулирования», который заключается в появлении нового свойства, не вытекающего из свойств отдельных методов. По мнению С.А. Теряевского, комплексное правовое регулирование не может обеспечить ни один из методов правового регулирования самостоятельно, оно осуществляется одновременно всеми методами в виде системы в их органической взаимосвязи и благодаря этим связям[267].

Мы склоны присоединиться к точке зрения ученых, считающих, что для формирования комплексной отрасли важными критериями являются и предмет, и метод правового регулирования, поскольку отрыв способов правового регулирования от содержания регулируемых общественных отношений отрицательно сказывается на самостоятельности и эффективности отрасли права и законодательства, а также не позволяет различать их использование применительно к разным сферам и предметам правового регулирования.

В настоящее время вопрос о многосторонней

обусловленности метода правового реагирования, о его сложной природе является достаточно актуальным. Это лишний раз подтверждает положение о том, что в праве не может быть совершенно изолированных друг от друга отраслей, поскольку, несмотря на многообразие, различные группы общественных отношений находятся в тесной взаимосвязи.

Таким образом, в современной науке вопрос о наличии метода правового регулирования у комплексной отрасли права решается положительно. Ученые все чаще стали обращать внимание на комплексность регулирования, взаимодействие разных правовых методов. При этом отмечается, что комплексные отрасли пользуются методами, принадлежащими другим отраслям права. К данному вопросу обращались Р.З. Лившиц, К.Н. Гусов, В.Н. Толкунова (применительно к трудовому праву), С.А. Боголюбов, Б.В. Ерофеев (применительно к экологическому, земельному праву), В.С. Мартемьянов (применительно к хозяйственному праву), А.Н. Костюков (применительно к муниципальному праву), Б.Н. Топорнин, Г.А. Тосунян (применительно к банковскому праву), Л.В. Голоскоков (относительно к теории сетевого права) и др.

По мнению Ю.А. Тихомирова, эффективность норм комплексных отраслей в современных условиях может быть определена таким показателем, как комплексный метод правового регулирования, который выражается в определенных правовых композициях[268].

Во-первых, важнейшее значение имеет сочетание норм конституционного права и норм комплексных отраслей права, когда первые служат нормативным ориентиром. Во-вторых, необходимо правильно комбинировать нормы комплексных отраслей и нормы традиционных отраслей в регулировании однородных или смежных объектов. В-третьих, следует сочетать методы национального и международного права. В-четвертых, весьма актуальна проблема введения – на временной или постоянной основе – юридических режимов, как конституционных, так и административных, налоговых, таможенных и др. Речь идет о процедурах использования разных комбинаций правовых норм. Такие режимы представляют собой подвижные комбинации регуляторов – норм, статусов органов и организаций, процедур для решения устойчивых или временных задач.

Представляется, что необходимо выделить еще одну композицию, присущую комплексным отраслям, а именно вынесение правотворческой деятельности в спектре целей норм комплексных отраслей не только на национальный,

внутригосударственный, а также на надгосударственный уровень.

В настоящее время завершается процесс формирования законодательства ЕврАзЭС и Таможенного союза. В целях гармонизации законодательства РФ с законодательством указанных объединений начинается процесс имплементации законодательства ЕврАзЭС и Таможенного союза в законодательство Российской Федерации. В этой связи резко увеличился объем проектов законодательных актов Российской Федерации, актов Президента РФ и Правительства РФ, подготовка которых осуществляется в целях реализации законодательства ЕврАзЭС и Таможенного союза. Возникла необходимость экспертизы на соответствие законодательству ЕврАзЭС и Таможенного союза проектов нормативных правовых актов.

Поэтому справедливо замечание В.Ф. Яковлева по поводу метода комплексной отрасли права: он считает, что отдельные черты метода могут быть присущи нескольким отраслям, хотя и в своеобразной форме[269]. Метод правового регулирования, находясь в рамках необходимости и учитывая характер регулируемых отношений, может избирать тот или иной способ правового воздействия на них. Он может варьировать эти способы, используя их в различных комбинациях[270]. Отсюда возникает суждение, что всем отраслям права свойственны комбинированные методы правового регулирования.

Отрасли права не могут существовать в отрыве друг от друга. Они существуют как части единого правового поля, а их разграничение носит в некоторой степени условный характер. Более того, классик российской цивилистики И.А. Покровский считал, что указанное разграничение не представляет собой «демаркационной линии»[271].

Отсюда можно сделать следующий вывод: комплексные отрасли права представляют способ взаимодействия отраслей, т. е. это межотраслевые отношения, отношения, находящиеся на стыке отраслей права[272]. Как указывал С.Н. Братусь, между отраслями нет непроходимых граней, как нет их между различными видами общественных отношений[273]. Отсутствие таких граней свидетельствует о существовании комплексных образований, которые, соединяя, разделяют отрасли права. В.Ф. Яковлев считает, что совершенствование межотраслевых связей является одной из главных задач развития права, так как оно регулирует общественные отношения также определенной системой правовых норм, т. е. их взаимным расположением, соотношением и связью. Особенно острой является необходимость совершенствования межотраслевого взаимодействия в регулировании сферы экономики, где это

взаимодействие является наиболее сложным[274].

Некоторые ученые полагают, что у каждой отрасли свой метод, следовательно, комплексная отрасль обладает не одним, а несколькими методами. Так, при рассмотрении метода комплексной отрасли права говорят не о каком-то одном методе правового регулирования, а о множественности «методов»[275]. Указывается, что комплексная отрасль права может использовать не один и не два, а большее количество методов, что обусловлено своеобразием общественных отношений. Некоторые авторы считают, что комплексная отрасль права использует три метода правового регулирования, и не согласны с тем, что «комбинация методов составляет метод» комплексной отрасли права[276].

Следует отметить, что вопрос о числе методов правового регулирования, в частности о наличии нескольких методов, рассматривался в советский период. Так, В.З. Янчук в колхозном праве рассматривал четыре метода регулирования колхозных правоотношений[277].

На наш взгляд, приведенное и аналогичные им представления о методе комплексной отрасли права слабо сопрягаются с понятием метода правового регулирования, согласно которому метод правового регулирования состоит в совокупности способов воздействия на поведение участников общественных отношений[278].

Как известно, в теории права существует три основных способа правового регулирования:

1. Дозволение – предоставление лицам права на собственные активные действия (диспозитивный способ правового регулирования).

2. Запрещение – возложение на лиц обязанности воздержаться от совершения определенных действий (императивный способ правового регулирования).

3. Позитивное обязывание – возложение на лиц обязанности к активному поведению (императивный способ правового регулирования).

Иногда выделяют вторичные способы, например, рекомендации, поощрения: «дозволение может конкретизироваться в форме императивного предписания, в форме рекомендации, в форме посула поощрения»[279].

Традиционно принято считать, что к дозволению тяготеет гражданское право, трудовое право; к запрещению – уголовное, к обязыванию – административное право. Однако указанными отраслями используются, хотя и в меньшем объеме, другие элементы метода. Запреты и предписания содержатся и в гражданском законодательстве, дозволения можно обнаружить в

уголовном законодательстве и т. п.

Метод комплексной отрасли права обусловлен тем, что отдельные нормы одной отрасли не способны оказать влияние на регулирование общественных отношений, в связи с чем необходимо использовать императивный и диспозитивный метод регулирования одновременно. В комплексной отрасли права смешение публично-правовых и частноправовых начал выражено ярче, чем в традиционных отраслях. При этом имеется в виду, что объединение норм разных отраслей в рамках комплексного правового образования носит не механический характер, а характер определенного качественного преобразования, что приводит к появлению новой сущности, пусть и не лишенной комплексного характера, но наполненной своим собственным внутренним содержанием.

Если в публичном праве можно встретить вкрапления частного права, и наоборот, то в каждом случае можно будет указать на то, какие элементы будут отнесены к публичному праву, а какие к частному праву, а также определить базовые элементы. Примером учета публичным правом требований частного права могут быть защита слабой стороны договора, лицензирование отдельных видов деятельности, регистрация субъектов предпринимательской деятельности и т. д. Э.П. Григонис по этому поводу отмечает, что в каждой из отраслей права тот или иной принцип (императивный или диспозитивный) является превалирующим, что и позволяет выделять отрасли публичного и частного права[280].

Другое дело комплексные отрасли, где «перемешанность» элементов публичного и частного права является необходимостью, благодаря которой продолжается формирование таких отраслей. Поэтому совокупность способов в их различном сочетании характеризует метод комплексной отрасли права, находя отражение в различных юридических средствах и раскрывая, таким образом, содержание комплексной отрасли права.

Возникающие в социально-правовой среде связи и явления никогда не выступают в изолированном виде, требующем использования только одного компонента метода. Напротив, эти связи и явления имеют комплексный характер, определяющий необходимость соответствующего использования всех способов, составляющих правовой метод[281].

Поэтому для комплексной отрасли права нехарактерно применение какого-то одного метода правового регулирования (например, только дозволения или только запрета). В этой связи комплексному методу правового регулирования присуще

сочетание средств правового регулирования. Вместе с тем, применение того или иного средства осуществляется не ко всей совокупности общественных отношений, а к конкретному отношению или к некоторой их группе. Поэтому диспозитивный метод, применяемый в комплексных отраслях права, не равен диспозитивному методу, используемому в частноправовом регулировании.

Кроме того, отмечается, что юридические особенности комплексных образований выражены не в специфическом методе и механизме регулирования, а в наличии некоторых собственных принципов, общих положений, нередко отдельных специфических приемов регулирования. В этой связи речь идет о существовании специального юридического режима регулирования.

Так, учитывая тезис о том, что комплексная отрасль права не имеет своего, самостоятельного метода правового регулирования, ученые отмечают, что для каждой отрасли права характерны свои юридические особенности, которые в совокупности образуют особый юридический режим регулирования. Таким образом, комплексной отрасли права соответствует не собственный метод правового регулирования, а особый юридический режим.

Если право рассматривается в динамике, то возникает необходимость многопланового освещения таких сторон правового регулирования, как механизм, способ, метод, тип регулирования, правовой режим.

Как известно, категория «режим» используется в различных смыслах и контекстах, в том числе и в отраслевом. В научной литературе под правовым режимом понимается особая, целостная система регулятивного воздействия, которая характеризуется специфическими приемами регулирования – особым порядком возникновения и формирования содержания прав и обязанностей, их осуществления, спецификой санкций, способов их реализации, а также действием единых принципов, общих положений, распространяющихся на данную совокупность норм[282].

С.С. Алексеев «комплексы юридических средств» называет правовыми (юридическими) режимами. Под правовым режимом ученый понимает порядок регулирования, который выражен в многообразном комплексе правовых средств, характеризующих особое сочетание взаимодействующих между собой дозволений, запретов, а также позитивных обязываний, и создающих особую направленность регулирования[283].

М.Ю. Осипов оперирует понятием правовой режим при определении метода правового регулирования, который он определяет как систему способов воздействия на объект и предмет правового регулирования, позволяющих придать

общественным отношениям, входящим в предмет, юридическую форму и установить определенный правовой режим[284].

По мнению Ю.А. Кудрявцева, под категорией «режим правового регулирования» следует понимать особый порядок воздействия права на определенную сферу общественных отношений, состоящий из взаимосвязанных этапов (стадий). Помимо режима правового регулирования, механизм как комплексная категория включает в себя методы, типы, субъекты и объекты правового регулирования[285]. Таким образом, Ю.А. Кудрявцев полагает, что первая категория раскрывает порядок функционирования самого объекта в рамках существующих правил, а вторая характеризует совокупность исходящих от государства правил поведения в отношении объекта. Институт правового режима, таким образом, дает характеристику предмета отношений.

В словаре административного права правовой режим определен как нормативно установленные правила относительно определенного предмета отношений или определенных ситуаций, которые обязательно должны соблюдаться участниками отношений по поводу этого предмета (ситуации)[286]. Общим во взглядах ученых является то, что авторы видят в режимах совокупность средств, направленных на достижение какой-либо общественной цели.

Таким образом, метод правового регулирования комплексной отрасли права может характеризоваться специфическим правовым режимом объектов общественных отношений, регулируемых с его помощью.

Кроме того, отмечается, что правовой режим «призван обеспечить наступление желаемого социального эффекта, а не стать им». Правовой режим – это особый порядок регулирования, выражающийся в определенном сочетании юридических средств и создающий желаемое социальное состояние и конкретную степень благоприятности либо неблагоприятности для удовлетворения интересов субъектов права[287].

Отраслевой режим правового регулирования относится к одному из критериев самостоятельности отрасли права. В настоящее время в правовой науке рассматривается множество отраслевых режимов, например: конституционно-административные режимы; административно-правовые; гражданско-правовые; уголовно-правовые; муниципально-правовой. В отрасли земельного права изучаются правовые режимы земельных участков; в информационном праве выделяют институт правового режима информационных ресурсов. Кроме того, законодатель весьма часто употребляет такие

словосочетания, как «таможенный режим», «специальные правовые режимы осуществления предпринимательской деятельности».

Отраслевой режим включает в себя метод и механизм правового регулирования, пронизанный едиными принципами, неприменимый к отношениям, регулируемым другими отраслями права.

Например, по поводу применения отраслевых режимов в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17.03.2004 № 2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации»[288] отмечается, что положения о договоре подряда, регулируемом нормами гражданского права, нельзя применять к фактическим трудовым отношениям при решении трудовых споров, связанных с оплатой труда, предоставлением отпусков, восстановлением на работе. Следует разграничивать отношения трудового и гражданского характера, и в случае сомнений относительно правовой квалификации дела применять положения трудового права.

При этом степень специфики отраслевых режимов может быть различной, в частности, для каждой отрасли характерен свой специфический режим регулирования, и в нем как раз сосредоточено юридическое своеобразие отрасли. Такой подход к проблеме позволяет охарактеризовать регулятивные особенности всех отраслей права, в том числе тех, которые принято называть комплексными.

В зависимости от места, которое занимают отрасли в системе права, выделяют три группы отраслевых правовых режимов: генеральные – правовые режимы профилирующих (фундаментальных) отраслей права; видовые – правовые режимы основных отраслей нрава; специальные – правовые режимы комплексных отраслей права[289]. М.Ю. Челышев называет правовые режимы комплексных отраслей права частно-публичными правовыми режимами[290].

Некоторые авторы отождествляют метод правового регулирования с правовым режимом. Это обусловлено тем, что в некоторых случаях понятие «правовой режим» повторяет понятие «метод правового регулирования».

Так, С.С. Алексеев отождествляет правовой режим с методом правового регулирования, употребляя эти понятия как равнозначные, и указывая, что главная особенность каждой отрасли – наличие особого юридического режима (метода регулирования), который характеризует то, как, каким способом – через дозволения, запрещения, обязывания – осуществляется юридическое регулирование[291].

По мнению С.А. Теряевского, правовой режим в отличие от метода правового регулирования представляет собой не просто совокупность правовых приемов, средств и способов целенаправленного воздействия на волевое состояние индивида в сфере общественных отношений, а сам механизм действия права, выступающий содержательной характеристикой конкретных юридических средств, призванных упорядочить более широкие, по сравнению с методом, социальные процессы. В свою очередь, наличие конкретных методов правового регулирования, а точнее преобладание тех или иных методов, обусловливает направленность правового режима на сдерживание или стимулирование деятельности индивида[292].

Представляется, что специфика правового режима комплексных отраслей права предопределена и целым рядом других факторов, среди которых наиболее значимыми являются:

1. Особая сфера формирования правового режима.
2. Особый субъектный состав отношений, составляющих предмет правового регулирования.
3. Право собственности.
4. Особый метод, в частности оригинальное сочетание обязываний, дозволений и запретов.
5. Особенности правовой защиты правового режима.
6. Особенности реализации соответствующих функций.

Важной отличительной чертой отраслевого правового режима комплексных отраслей является его комплексный характер, поскольку осуществляется согласование различных правовых режимов в одной сфере.

Наряду с этим необходимо отметить, что нередко метод комплексной отрасли права называют «уникальным». Так, В.Н. Протасов отмечает, что каждая комплексная отрасль обладает не просто своеобразным, а юридически уникальным методом, что объясняется качественно преобразующим характером структуры, которая способна из одних и тех же элементов создавать в зависимости от цели самые различные системы (в данном случае – системы юридических приемов)[293].

Особенностью таких методов является то, что они представляют определенную систему, а также имеют разнородный юридический аспект, направлены на решение определенных общественных задач, в том числе сложных политических, социально-экономических и правовых задач, среди которых особое место занимает вопрос о формировании социального права.

Предмет комплексной отрасли права составляют те общественные отношения, в правовом регулировании которых

нормы иных отраслей права участвуют на равных и характер взаимодействия которых определяется необходимостью достижения собственных целей. В результате этого нормы основных отраслей права не могут быть использованы в чистом виде и модифицируются для достижения согласованности правового регулирования этих общественных отношений. Каждый элемент метода правового регулирования выполняет свои функции только в составе комплекса, а не самостоятельно.

По мнению С.С. Алексеева, в механизме правового упорядочения присутствуют элементы, свойственные только комплексным отраслям, которые ученый именует «нерастворимым остатком»[294].

На основании вышеизложенного полагаем, что метод комплексной отрасли – это целостная система универсальных и действенных юридических приемов, которая способствует достижению цели правового регулирования.

Представляется, что уникальность метода комплексной отрасли права обусловлена тем, что он включает в себя новые специфические приемы, присущие только данной отрасли права, а также иные, более общие методы правового регулирования, свойственные другим отраслям права. По нашему мнению, в единых, цельных и сложных правовых отношениях правовые средства, заимствованные первоначально из других отраслей права, образуют единый сплав со специфическими средствами, присущими комплексной отрасли права. Система методов правового регулирования выступает как комплекс взаимосвязанных элементов, образующих качественно новое явление. При этом сами компоненты такой системы приобретают новые признаки, характеризующие их в качестве составных частей конкретной системы[295]. Наиболее ярким примером специфических приемов в отрасли права является метод экологизации, присущий земельному праву и другим отраслям права. Кроме того, это общие понятия, институты, принципы, приемы регулирования.

Характер юридических приемов, применяемых в комплексных отраслях права, существенно отличается от тех, которые используются в основных отраслях права. Например, дозволения, используемые в комплексных отраслях права, существенно отличаются от общегражданских тем, что сохраняют неравенство, функциональную и институциональную подчиненность субъектов правоотношений. При этом необходимо учитывать, что комплексные отрасли права продолжают находиться под общим юридическим влиянием основной отрасли права. Это влияние проявляется в том, что в одних отраслях будут доминировать

императивные начала, а в других – диспозитивные. Например, в таможенном праве обязывания как способ правового регулирования имеют более широкое распространение по сравнению с дозволениями и запретами. Аналогичная ситуация складывается в земельном праве.

Как показывает опыт, использование императивных способов регулирования необходимо и обусловлено спецификой отдельных видов отношений, носят ситуационный характер, возникает в зависимости от проявленной субъектами инициативы, а сфера его юридического воздействия в данном случае достаточно узка.

Императивные правовые нормы встречаются во многих отраслевых отношениях, но вместе с тем они не могут отвечать всем признакам административного акта, и сохраняют существо воздействия, в частности, используются как распорядительный акт.

Следует отметить, что без дозволений в настоящее время не обходится ни одна отрасль права. Их использование обусловлено либеральными тенденциями развития политики государства. Кроме того, преобладание диспозитивных норм можно отметить и в регулировании экономических отношений. Среди методов государственного регулирования экономических отношений выделяют две группы: методы прямого и методы косвенного юридического воздействия. Метод прямого юридического воздействия соответственно предусматривают императивное построение правовых норм, а метод косвенного регулирования отдает преимущество диспозитивному построению правовых норм.

При использовании императивных правовых норм представляется интересным следующее положение: «деятельность руководства в чистом виде возможно только в тех случаях (и в тех границах), когда подчиненные системы не имеют собственного независимого функционирования, не ставят перед собой самостоятельных целей и задач, а, наоборот, целиком и полностью принимают цели и задачи руководящих органов. Деятельность управления, напротив, осуществляется в тех случаях (и в тех границах), когда подчиненные системы обладают собственным функционированием (или даже развитием), и управляющий орган не связан с ними непосредственными административными связями; управляемые объекты всегда имеют собственное «естественное» функционирование, свои собственные «внутренние» цели и не могут отказаться от их достижения»[296]. Какой из названных элементов должен занять преимущественное положение в комплексной отрасли? Этот вопрос немаловажен.

Вместе с тем можно сделать вывод, что юридические режимы

комплексных отраслей права отличаются соотношением императивных и диспозитивных методов правового регулирования.

Мы не согласны с авторами, которые относят комплексные отрасли права к основным отраслям права, например, к административному или гражданскому праву. Так, И.Л. Бачило относит информационное право к административному праву[297]. Полагаем, комплексные отрасли как целостные правовые формирования, имеющие особый предмет и метод правового регулирования, могут рассматриваться в системе права независимо от материнской отрасли права, поскольку являются самостоятельными образованиями и обладают системными признаками и специфическими особенностями.

Следует отметить, что вопрос о методе правового регулирования обсуждается учеными при рассмотрении вопроса о конвергенции публичного и частного права. В частности отмечается, что в основу конвергенции частного и публичного права положены частноправовой и публично-правовой методы. Однако частное и публичное право сохраняют свою юридическую сущность, системные признаки и специфические особенности, и никакого растворения частного права в публичном, и наоборот, а тем более поглощения не происходит.

На наш взгляд, одной из форм конвергенции публичного и частного права является возникновение комплексных правовых образований, поскольку элементы публичного и частного в данных образованиях трансформируются в комплексное правовое регулирование, в том числе с помощью «социального» права (пример, местное самоуправление и муниципальное право).

§ 2. Виды комплексных правовых образований

Имеются значительные различия в употреблении термина «комплекс» в праве. Например, в дореволюционный период понятия «комплексное правовое регулирование», «комплексная отрасль» не использовались, но первые шаги по их закреплению предпринимались в работах И.А. Покровского[298], Л.И. Петражицкого, Г.Ф. Шершеневича[299], В.Р. Идельсона[300], в частности делался вывод о невозможности четкого распределения существующих норм по отраслям частного и публичного права. Г.Ф. Шершеневич при анализе различных подходов к разделению права на частное и публичное, основывающихся как на содержании регулируемых отношений, так и на порядке их защиты указывал на их взаимопроникающие свойства[301]. И.А. Покровский отмечал необходимость проводить различие между правом публичным и правом частным в приемах правового регулирования, учитывая возможность прибегать к комбинированию указанных методов, поскольку нет такой области отношений, для которой являлся бы единственно возможным только тот или другой прием. По мнению данного ученого, в случае разделения на частное и публичное право необходимо руководствоваться только основными принципами, на котором каждая из них построена, кроме того, выбор приема правового регулирования зависит от конкретного исторического общества всей совокупности жизненных условий[302].

В 1907 году В.Р. Идельсон в курсе лекций по страховому праву обратил внимание на то, что правоотношения в сфере страхования являются предметом изучения как публичного, так и частного права[303]. При этом ученый не рассматривал страховое право в единстве его публичного и частного начал, а исследовал только частноправовые отношения, лежащие в основе договоров страхования.

В современный период для обозначения комплексности в праве применяются различные термины: наряду с термином «комплексная отрасль права» (С.С. Алексеев, В.Н. Протасов, А.С. Пиголкин и др.) ученые предлагают использовать термин «комплексные правовые формы» (М.Н. Марченко), «комплексные структурные объединения юридических норм» (В.Д. Перевалов), «комплексное образование», «вторичная структура», «наслаивающаяся структура», «удвоение права», «смешанные отрасли» (Ю.А. Тихомиров, Е.Э. Черенкова), «профилизированные

отрасли «(Е.Э. Черенкова).

Представляется, что это термины одного ряда, но их точный смысл может быть установлен исходя из контекста. При этом данное терминологическое разнообразие свидетельствует об активном формировании наукой своего понятийного аппарата.

Необходимо отметить, что терминология определяется условиями развития и историческими традициями того или иного государства. С другой стороны, такое терминологическое разнообразие применительно к одной и той же правовой категории свидетельствует о недостатках в теоретической разработке понятия «комплексная отрасль права», а также критериев разграничения, места и роли данных образований. В данной работе мы под комплексными правовыми образованиями понимаем комплексные правовые институты и комплексные отрасли права. Вместе с тем, определяясь с терминологией, следует отметить, что благодаря понятию «комплекс» можно охватить широкий круг всевозможных сочетаний правовых норм разной отраслевой принадлежности в образованиях, рассчитанных на регулирование сложившихся групп общественных отношений.

2.1. Комплексные правовые институты

Термин «институт» в социально-политической и периодической печати нередко используется в более широком смысле, чем его содержание и практическое предназначение. Так, в частности, говорят о социальных, политических, общественных институтах, институтах власти и демократии. Однако при этом подразумеваются весьма разнообразные социальные явления, возникающие и функционирующие в гражданском обществе и в современном развивающемся демократическом государстве.

В данном исследовании понятие «институт» употребляется в сугубо правовом его значении. В теории права под правовым институтом принято понимать определенный устойчивый комплекс норм, призванный урегулировать относительно обособленный вид, разновидность общественных отношений.

Вопрос о комплексном правовом институте был рассмотрен в рамках второй дискуссии о системе права, одним из результатов которой стало утверждение о существовании в системе права институтов, объединяющих нормы нескольких отраслей права, а также указание на непосредственную связь системы законодательства с системой права через правовые институты, минуя отрасль[304].

С.С. Алексеев отмечает, что комплексные институты являются

специфическими, вторичными правовыми образованиями, выражающими известное удвоение нормативного материала. Как и удвоение структуры права на других ее уровнях, формирование комплексных правовых институтов связано с множественностью черт юридического своеобразия подразделения правовой системы, а также множественностью системообразующих факторов[305].

В настоящее время в теории права категория «комплексный правовой институт» среди теоретиков права не вызывает острой полемики и фактически является общепризнанной. Показательными в этом отношении являются работы С.В. Полениной, внесшей значительный вклад в разработку концепции комплексных правовых институтов. С.В. Поленина пишет о межотраслевых комплексных правовых институтах (межотраслевые функциональные и межотраслевые «пограничные»), о внутриотраслевых комплексных правовых институтах.

Какие же признаки положены в основу формирования комплексных правовых институтов и отраслей? С нашей точки зрения, системные исследования комплексных правовых образований следует проводить в генетической плоскости путем выявления и анализа разнообразных связей в комплексном правовом регулировании, а также с учетом других аспектов. При этом «генетический подход» усматривает «комплексность» лишь в начальной стадии формирования, только в происхождении комплексного правового образования.

Правовые институты, содержащие нормы двух и более отраслей права, правоведами понимаются как комплексные (межотраслевые) институты[306]. Основа для развития данного научного направления была заложена С.С. Алексеевым, который отмечал, что деление права на отрасли вовсе не означает, что между ними существует «китайская стена», которая разделила бы отрасли на совершенно изолированные друг от друга сферы. В связи с этим С.С. Алексеев вводит понятие смешанного института, определяя его как «институт данной отрасли, который включает элементы иного метода правового регулирования»[307].

Таким образом, выделение в структуре права смешанных институтов подготовило почву для более широкого понимания термина «правовой институт» и формирования таких понятий, как «межотраслевой» и «комплексный» институт.

Межотраслевые (смешанные) институты регулируют общественные отношения, входящие в предмет нескольких отраслей права, т. е. находящиеся на стыке отраслей, например: институт собственности (гражданское, административное,

уголовное право и т. д.); институт юридической ответственности (гражданское, уголовное, административное, финансовое, налоговое, трудовое право и др.); институт договора (гражданское, конституционное, административное, трудовое право и др.).

Ученые подразделяют комплексные правовые институты на комплексные отраслевые (внутриотраслевые) и комплексные межотраслевые (пограничные и функциональные)[308]. Существование комплексных (межотраслевых) институтов вызвано существованием пограничных, промежуточных общественных отношений, и, следовательно, необходимостью тесного контакта между отраслями права, их взаимосвязи, «подстройки» правового регулирования близких по характеру общественных отношений[309].

По мнению В.М. Сырых, комплексные институты права – это совокупность норм, с помощью которых в отдельной отрасли права, применительно к специфике ее предмета, конкретизируются и дополняются нормы других отраслей права, а регулятивное действие этих норм ограничивается предметом данной отрасли права[310].

Комплексные правовые институты обладают в части предмета, метода и механизма правового регулирования чертами, присущими нескольким отраслям права. Признаками комплексных институтов являются их составной характер, качественная разнородность объединенных в них норм, функциональный характер связей между правовыми нормами, определяемый неоднородностью отраслей права, частью которых они являются, субъективный подход к формированию данных правовых общностей, регулирование не вида, а комплекса разнородных общественных отношений. Однако определяющим для комплексного института права является то, что нормы других отраслей права конкретизируются применительно к специфике предмета отрасли и действуют только в ее пределах[311].

Таким образом, наличие комплексных (межотраслевых) институтов права – факт объективной реальности, поскольку комплексные институты являются одной из форм взаимодействия между отраслями права, и для них характерно, что связь между отраслями затрагивает само содержание правоотношений.

Как и удвоение структуры права на других ее уровнях, формирование комплексных институтов связано с множественностью черт юридического своеобразия подразделения правовой системы, а также множественностью системообразующих факторов[312].

И в этой связи некоторые авторы, например, С.В. Поленина,

представляют возможным и целесообразным именовать комплексные правовые образования системы права не комплексными отраслями, поскольку категория «отрасль» исключает комплексный характер, а структурными элементами системы права, например, комплексными (межотраслевыми) правовыми институтами или более крупными, чем такие институты межотраслевыми нормативными образованиями – функциональными объединениями таких институтов.

С позиции теории государства и права, наиболее крупные правовые институты в рамках одной отрасли права можно охарактеризовать как подотрасли права, а наиболее крупные комплексные (межотраслевые) институты находят свое выражение в соответствующей комплексной отрасли законодательства[313]. Распространение получило суждение о том, что не комплексные отрасли законодательства, а комплексные законодательные массивы являются внешним выражением расположенных в системе права разросшихся объединений комплексных (межотраслевых) правовых институтов.

При этом особо отмечается, что только межотраслевые комплексные правовые институты имеют отношение к формированию новых отраслей права. Превращение группы взаимосвязанных пограничных институтов в новую отрасль права возможно лишь тогда, когда эти институты приобретают некую определенную «критическую массу», по достижении которой у них появляется необходимая сумма новых свойств, касающихся предмета, метода, принципов и механизма правового регулирования.

На наш взгляд, комплексный правовой институт может быть использован при формировании комплексной отрасли права, где он будет выступать как один из возможных вариантов зарождения такой отрасли права. Другими словами, комплексная отрасль права сначала существует в форме комплексного института и обладает перспективой преобразования в комплексную отрасль права. К отраслям и подотраслям права, «выросшим» из институтов, можно отнести: авторское, жилищное, наследственное, избирательное, космическое, горное, водное право и некоторые другие отрасли.

Такая возможность некоторыми учеными не признается по причине того, что сама природа отрасли права как категории социальной действительности исключает возможность существования комплексной отрасли права, в отличие от комплексной отрасли законодательства.

Можно предположить, что формирование комплексного

правового института может и не предполагать дальнейшего развития в комплексную отрасль права, ибо он создается только для решения задач на уровне комплексного правового института. Но такое «долгое» состояние, по мнению С.В. Полениной, может привести к «мутации», что придаст такому институту новые качества и свойства и приведет к появлению новой отрасли права, но при этом будет утрачен признак комплексности.

Так, в качестве комплексных институтов выступают различные новые направления современной юридической науки, в том числе интернет-право; кибернетическое пространство. В структуре права прав человека выделяют следующие комплексные правовые институты: личные права человека, гражданские права человека, социальные права человека, политические права человека, экономические права человека, экологические права человека и культурные права человека.

В научной литературе наряду с видами ответственности, соответствующими классическим отраслям права (конституционной, уголовной, гражданско-правовой, дисциплинарной, материальной), выделяют другие виды ответственности. В этой связи при рассмотрении комплексных правовых институтов важным является вопрос о пределах подразделения системы юридической ответственности на виды.

Так, ведутся активные исследования по поводу обоснования и выделения новых видов отраслевой юридической ответственности, которые отождествляются с новыми отраслями права. Например, в юридической литературе к комплексным институтам права относят финансовую, бюджетную, налоговую, таможенную, эколого-правовую ответственность, где в различном сочетании применяются гражданско-правовая, материальная, дисциплинарная, административная и уголовная ответственность. Однако очевидно, что выделение новой ответственности, соответствующей отрасли права, отражает научные дискуссии о самоопределении той или иной сферы правового регулирования в качестве самостоятельной по отношению к другим отраслям права.

К межотраслевым институтам относят институты дисциплинарной ответственности, материальной ответственности, поскольку они объединяют нормы различных отраслей права. Так, дисциплинарная ответственность имеет место в конституционном, муниципальном, трудовом, финансовом, земельном, служебном, административном, экологическом, уголовно-процессуальном, уголовно-исполнительном праве.

На основе подразделения системы права на публичное и

частное возможна и классификация юридической ответственности, соответственно, на публично-правовую и частноправовую. Публично – правовая ответственность охватывает отношения, регулируемые конституционным, административным, финансовым, природоресурсным и иными отраслями права. Вместе с тем тенденция, связанная с взаимопроникновением отраслей публичного и частного права, обнаруживается во взаимопроникновении отраслевых видов юридической ответственности. С одной стороны, расширяется сфера материальной (имущественной) ответственности за нарушение норм публичного права, с другой – вводятся меры публично-правовой ответственности за нарушение норм частного права. Данная тенденция затрагивает все традиционные отраслевые виды юридической ответственности: уголовную, административную, гражданскую[314].

В 1960—1980-х гг. О.Э. Лейст по поводу деления юридической ответственности в зависимости от отрасли права отметил, что «это деление не совпадает с отраслевой структурой права уже по той причине, что видов ответственности меньше, чем отраслей права, причем за нарушение норм права различных отраслей может применяться ответственность одного и того же вида». Отраслевая классификация не объясняет также, почему в пределах одной отрасли права могут существовать разные виды ответственности (например, дисциплинарная и материальная – в трудовом, а также в колхозном праве), и, наоборот, нормами разных отраслей права регулируется осуществление одного вида ответственности (уголовное, уголовно-процессуальное, исправительно-трудовое право)»[315].

Как указывали Н.А. Чечина и П.С. Элькинд, «классификация ответственности в зависимости от отраслевой принадлежности имеет большое значение для совершенствования законодательства и правоприменительной деятельности, она наиболее доступна для граждан и влияет на уровень их правосознания и правовой культуры»[316].

Рассматривая данный вопрос, следует учитывать, что наличие самостоятельного вида юридической ответственности в юридической литературе рассматривается в качестве одного из признаков, характеризующих самостоятельность отрасли права. Следовательно, каждой отрасли права должен соответствовать свой, специфический, вид юридической ответственности, поскольку институт юридической ответственности является одним из критериев отраслевого обособления.

Наряду с предметом, методом, принципами юридическая ответственность составляет юридический признак

соответствующей отрасли права. Будучи производен от предмета правового регулирования, метод правового регулирования и соответственно вид юридической ответственности отражает своеобразие общественных отношений, которые лежат в основе выделения определенной группы правовых норм в отрасль права.

Следовательно, различая отрасли права по предмету и методу правового регулирования, надо различать их и по виду юридической ответственности.

2.2. Комплексная отрасль права

В 1941 году сотрудники Института государства и права выделяли около десяти отраслей советского права. В дальнейшем в составе системы советского права стали различать три группы отраслей права: профилирующие, или фундаментальные отрасли (государственное, административное, гражданское, уголовное право, процессуальные отрасли), другие основные отрасли (трудовое, земельное, колхозное, семейное, финансовое право, право социального обеспечения) и вторичные комплексные образования, именуемые комплексными отраслями права (морское, банковское, хозяйственное, страховое, природоохранительное право).

К комплексным отраслям относят различные отрасли. Так, В.С. Тадевосян отмечал: «система права представляется нам состоящей из трех основных комплексных отраслей: из государственного, хозяйственного и гражданского права; каждая из этих отраслей объединяет подотрасли, или виды этой отрасли»[317]. Позиция данного автора неоднократно подвергалась достаточно жесткой критике[318]. Вместе с тем, автор под отраслями права понимает те образования, которые принято именовать «семьями правовых отраслей», а «комплексность» отражает не просто собирательный, но и объединяющий, аккумулирующий характер «отраслей».

Вместе с тем, по мнению О.А. Красавчикова, отраслей законодательства ровно столько, сколько отраслей права. Нет не только комплексных отраслей права, но и комплексных отраслей законодательства[319]. С.Н. Братусь отмечал, что «отраслям права, как правило, корреспондируют одноименные отрасли законодательства независимо от того, кодифицированы или консолидированы иным путем соответствующие нормы в крупных нормативных актах или такая консолидация не достигнута. Развитие новых общественных отношений обуславливает появление новых отраслей права. Однако это не означает, что создание нормативного акта даже в виде кодекса, содержащего

разнородные нормы, хотя и обеспечивающее комплексное достижение поставленной законодателем цели, ведет к возникновению новой отрасли права»[320].

В настоящее время перечень отраслей увеличился. Например, А.А. Головина в своей диссертации «Критерии образования самостоятельных отраслей в системе российского права» перечисляет свыше шестидесяти отраслей современного права.

Современная система права рассматривается как трехуровневая структура, основанная на ветвях права и правовом статусе структурно-комплексных образований: конституционном праве как базовой «корневоствольной» части российского права; системообразующих ветвях права, представляющих собой конструктивно-несущие части в структуре права; правовых образованиях, действующих в отдельных сферах жизнедеятельности общества и государства в форме комплексных кодексов и иных комплексных нормативных актов[321].

Кроме того, следует отметить, что в современный период расширился перечень комплексных отраслей. Так, к комплексным правовым образованиям относят трудовое, семейное (О.Ю. Ильина, М.И. Пискотин), жилищное (Л.Ю. Грудцына, В.В. Гущин, В.Д. Комарова, С.М. Корнеев, П.В. Крашенинников, В.Н. Литовкин, П.С. Никитюк, Г.А. Свердлык, П.И. Седугин, Ю.К. Толстой), земельное и экологическое (С.А. Боголюбов, М.М. Бринчук, М.И. Васильева, О.А. Кудинов), транспортное (В.А. Егиазаров, А.Г. Калпин, И.А. Стрельникова, М.Ю. Челышев), информационное (И.Л. Бачило, О.А. Городов, И.Л. Зайцева, М.А. Лапина, М.С. Трофимов, Ж.А. Джакупов, А.В. Румянцева, Ю.А. Самгин, Д.А. Ловцов, С.Е. Чаннов), служебное (И.А. Дякина), муниципальное (О.Е. Кутафин, А.Н. Костюков, Н.Л. Пешин, Н.С. Тимофеев, В.С. Четвериков), таможенное (Х.А. Андриашин, В.В. Балакин, Ю.А. Воробьева, Б.Н. Габричидзе, А.М. Зрячкин, Н.Н. Косаренко, А.Ф. Ноздрачев, В.Г Свинухов, М.А. Федоровская), предпринимательское (В.С. Белых, Ю.Е. Булатецкий, С.В. Годун, Е.П. Губин, И.В. Ершова, П.Г. Лахно, Г.Д. Отнюкова, Г.В. Пронская, М.Ю. Челышев, В.С. Щербина), аграрное (М.И. Козырь), банковское (Г.А. Тосунян), инвестиционное (И.З. Фархутдинов, В.А. Трапезников), миграционное (М.Г. Арутюнов, Н.А. Воронина, М.А. Демидов, Ж.А. Зайончковская, В.И. Переведенцев, Е.И. Филиппова, Т.Я. Хабриева, А.Ю. Ястребова), медицинское (Г.Р. Колоколов, Н.И. Махонько), финансовое (Д.В. Винницкий, Т.В. Конюхова, Н.В. Половникова, А.И. Худяков), экономическое право (Е.М. Ашмарина, Г.Ф. Ручкина), права человека (Г.П. Курдюк) и др.

В.М. Бочаров и А.Н. Соколов проводят классификацию

отраслей права на следующие группы:

1. Профилирующие отрасли (базовые отрасли, охватывающие главные правовые режимы – конституционное, гражданское, административное, уголовное право и др.). Именно в этой группе сконцентрированы главные, первичные юридические средства регулирования.

2. Специальные отрасли, где правовые режимы модифицированы, приспособлены к особым сферам жизни общества: трудовое, земельное, финансовое, семейное, уголовно-исполнительное право, право социального обеспечения.

3. Комплексные отрасли, для которых характерно соединение разнородных институтов профилирующих и специальных отраслей: предпринимательское, сельскохозяйственное, экологическое, экономическое, торговое, морское, воздушное, военное право, право прокурорского надзора[322].

При рассмотрении структуры права А.Б. Венгеров отмечает, что традиционно отрасли права выделяют по единству предмета и метода правового регулирования, но эти критерии хорошо работают лишь в сфере уголовного и гражданского права. Единство предмета и метода правового регулирования характеризует не все отрасли права. Возникают новые отрасли права – космическое, экологическое, информационное и некоторые другие, которые обособляются пока что по своему предмету, а метод регулирования для этих отношений может еще вырабатываться, может быть смешанным или вообще не иметь четкого содержания. Кроме того, возникают так называемые комплексные отрасли права, которые охватывают несколько областей жизнедеятельности общества, т. е. имеют несколько связанных между собой предметов регулирования, например, аграрное право. Следует также иметь в виду, что некоторые новые отрасли права формируются вообще по общественно значимому предмету, в них может реализоваться принцип сочетания методов правового регулирования – диспозитивного и императивного[323].

При рассмотрении вопроса о наличии в системе права комплексных отраслей Р.Х. Макуев отмечает, что отдельные авторы обращают внимание на неравнозначность отраслей права. О такой межотраслевой субординации по значимости можно говорить лишь условно. По масштабам охватываемых общественных отношений конституционное, гражданское, уголовное, административное право, видимо, более значимы, чем трудовое или муниципальное право.

Теория государства и права является теоретической основой других отраслей юридической науки и выполняет по отношению к ним методологическую роль, стремясь прогнозировать

проблемы юридической науки и предупреждать их трансформацию в иные отрасли права. Каждая отрасль юридической науки выполняет свою персональную, общественно значимую функцию, которую невозможно делегировать другой отрасли. Исключение любой отрасли из системы права неминуемо приведет к очаговым пробелам в правовом пространстве и к конфликтам в сфере соответствующих общественных отношений, а отсутствие одной из отраслей способно привести к деформации всей структурно-функциональной системы отечественного права. Поэтому правильнее будет считать все отрасли юридической науки одинаково важными и нужными, поскольку каждая из отраслей имеет свою неповторимую ценность[324].

М.Ю. Челышев отмечает, что комплексными отраслями права необходимо признать такие правовые образования, которые формируются в области межотраслевых связей соответствующих правовых («материнских») отраслей. Совокупность рассматриваемых комплексных правовых отраслей представляет собой систему, которая является одной из составных частей системы права. Автор приводит примеры комплексных отраслей права: потребительское право, транспортное право[325].

Следует отметить, что на каждом новом этапе развития общества могут быть выделены новые комплексные отрасли права: для дореволюционного периода – страховое право; для советского периода – морское, банковское, хозяйственное, природоохранительное право и др.; для современного периода – информационное, муниципальное, спортивное, экологическое право и др.

Кроме того, при отнесении экономического права к комплексной отрасли права следует отличать отрасли права от учебных дисциплин, посвященных правовому регулированию той или иной отрасли. Представляется, что в данном случае речь может идти об учебной дисциплине.

Вместе с тем следует отметить, что многие комплексные отрасли имеют специальную учебную дисциплину, которая представляет собой систематизированную информацию о соответствующей отрасли права не только как о структурном образовании системы права и системы законодательства, но и как о правовой науке, ее основных принципах и категориях.

Некоторые исследователи относят процессуальное право к основным отраслям права[326]. Вместе с тем, имеется и другая точка зрения, которую следует отметить, а именно о том, что процессуальное право следует относить к комплексным отраслям, поскольку по каждому случаю она (а) задействуется в целом, (б) с

целью формирования сложной социальной целостности (системы) [327]. Кроме того ученые указывают на то, что между процессуальным и материальным правом прослеживаются генетические и функциональные связи. Генетическая связь заключается в том, что процессуальное право исторически обязано своим возникновением материальному праву, а существенные особенности процессуальных режимов зависят от материальных отраслей[328].

Необходимо заметить, что в настоящее время судебные органы оперируют понятием «комплексное правовое регулирование». В частности, в судебных актах встречаются следующие словосочетания: комплексное нормативное правовое регулирование, комплексный характер правового регулирования, комплексный нормативный правовой акт, комплексное регулирование, комплексное правовое регулирование. Судебные органы используют категорию «комплексное правовое регулирование» применительно к отрасли права, правовому институту, отрасли законодательства, закону (кодифицированному нормативному правовому акту). Так, термин «комплексная отрасль права» употребляется в отношении земельного права, муниципального права, когда речь идет о сочетании норм различных отраслей законодательства, о необходимости гармоничного сочетания норм публичного и частного права.

Например, в постановлении Конституционного Суда РФ от 04.03.1997 № 4-П «По делу о проверке конституционности статьи 3 Федерального закона от 18 июля 1995 года “О рекламе”» указано, что рекламная деятельность является объектом комплексного нормативного правового регулирования[329]. В.Д. Зорькин в Особом мнении к указанному постановлению отмечает, что под объектом комплексного правового регулирования понимаются отношения, возникающие в ходе производства, размещения и распространения рекламы (рекламной информации), которые могут регулироваться различными отраслями законодательства (гражданским, административным, уголовным, финансовым и т. д.) и относятся к различным предметам ведения (защита прав и свобод человека и гражданина, информация и связь, общественный порядок, охрана здоровья и т. д.). М.Ю. Челышев полагает, что правовые нормы законодательства о рекламе объединяются одним предметом, а также целью правового регулирования, но обладают при этом различной – частноправовой (гражданской) или публично-правовой – природой[330].

В постановлении Конституционного Суда РФ от 29.06.2004

№ 13-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 7, 15, 107,234 и 450 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» указано, что законодатель исходил из особой роли, которую выполняет в правовой системе Российской Федерации кодифицированный нормативный правовой акт, осуществляющий комплексное нормативное регулирование тех или иных отношений[331]. В частности, при регулировании уголовно-процессуальных отношений федеральный законодатель – в целях реализации конституционных принципов правового государства, равенства и единого режима законности, обеспечения государственной защиты прав и свобод человека и гражданина в сфере уголовной юстиции, – вправе установить приоритет Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации перед иными федеральными законами.

Определение Конституционного Суда РФ от 02.10.2003 № 382-О «По запросу группы депутатов Государственной Думы о проверке конституционности положений статей 8, 15 и 17 Федерального закона “О государственных пособиях гражданам, имеющим детей”» предусматривает, что государственная поддержка материнства и детства не ограничивается системой государственных пособий гражданам, имеющим детей, а носит комплексный характер и включает права, льготы и иные социальные меры, в том числе предусмотренные законодательством РФ о социальной помощи, занятости, образовании, здравоохранении, налогах, целью которых является облегчение положения нуждающихся семей и обеспечение для них прожиточного минимума[332].

В своем определении от 15.06.1995 № 29-О «По делу о проверке конституционности части второй статьи 213 КЗоТ Российской Федерации в связи с жалобами граждан Г.И. Шульженко и С.С.Мазанова» Конституционный Суд РФ пришёл к выводу о том, что отсутствует механизм реализации положений ст. 53 Конституции РФ и комплексного применения норм различных отраслей законодательства. Как видно, компетентные судебные органы признают существование комплексного образования на основании применения норм различных отраслей законодательства[333].

В определении Конституционного Суда РФ от 25.12.2008 № 945-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Кравчука Ивана Ивановича на нарушение его конституционных прав частью 7 статьи 16 Федерального закона “О государственном регулировании деятельности по организации

и проведению азартных игр и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации" и статьей 1 Закона Архангельской области "Об ограничении на территории Архангельской области деятельности по организации и проведению азартных игр"» указано, что указанный федеральный закон носит комплексный характер и затрагивает различные отрасли законодательного регулирования. Так, его нормы, регламентирующие отношения по лицензированию деятельности в области организации и проведения азартных игр, устанавливающие требования к месту расположения объектов игорного бизнеса, и др., являются нормами административного законодательства[334].

Комплексность исследуется в учебной литературе. Так, в книге «Концепции развития российского законодательства», подготовленной авторским коллективом Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ (под редакцией Т.Я. Хабриевой, Ю.А. Тихомирова), предусмотрен отдельный раздел «Комплексные отрасли законодательства», который состоит из 14 глав (242 страницы). Комплексные отрасли законодательства в указанном издании были рассмотрены наряду с базовыми и процессуальными отраслями, при этом к комплексным было отнесено 14 отраслей законодательства, в частности законодательство об образовании, об охране здоровья граждан, о культуре, о науке, о социальном обеспечении, жилищное, природоресурсное, экологическое, аграрное, земельное, миграционное, информационное, семейное, ситуационное законодательство[335].

В практике международного сотрудничества большинство международных проблем (безопасность, разоружение, региональные конфликты, экологические, глобальные проблемы) требует комплексного регулирования, которое осуществляется различными способами.

Например, известен «метод пакетного подхода», который состоит в заключении серии взаимосвязанных соглашений. В качестве примера можно привести Соглашение по охране и использованию трансграничных водотоков и международных озер 1992 года, заключенное в Хельсинки, (Российская Федерация стала участницей с 1992 года), Соглашение о взаимодействии в области экологии и охраны окружающей природной среды 1992 года, заключенное в Москве[336], которые можно рассматривать как модель урегулирования сложнейших проблем экологического права.

Комплексный характер права исследуется в отраслях

международного права, при этом обращается внимание на сложный, многоаспектный характер системы соответствующей отрасли международного права. Так, понятие «комплекс» применяют при характеристике международных отношений[337], отраслей и институтов международного права[338]. Комплексное правовое регулирование обеспечивает решение вопросов, относящихся к осуществлению согласованно принятых международно-правовых актов, в частности путей и способов их реализации, гарантий осуществления, контроля за ходом их выполнения и других мер содействия.

В международном праве в качестве комплексной отрасли рассматривают международное морское право, имея в виду, что правовые отношения, возникающие в процессе международного торгового мореплавания и рыболовства, регулируются нормами как международного публичного и международного частного права, так и нормами отраслей внутреннего права. В последнее время в литературе обосновывается выделение международного экономического, торгового, финансового и трудового права, права международной безопасности, международного транспортного права, права нейтралитета.

Международное частное право иногда относят к частному, а иногда – к смешанному праву. Нормы европейского права могут относиться как к публичному, так и к частному праву. Это дает основание зарубежным ученым причислять европейское право к смешанным отраслям. Иногда даже рассматривается вопрос о том, что европейское право способно вскоре поглотить право внутреннее, поскольку европейские нормы являются источником внутреннего права[339].

Следует отметить, что в последнее время возникла необходимость учитывать взаимодействие национального права с правовой системой наднационального уровня. Речь идет о новой правовой системе наднационального характера с более структурированными каналами влияния на национальное законодательство[340].

Глобальный характер ряда проблем приводит к созданию наднациональных органов управления. Например, создан Таможенный союз, предусматривающий отмену таможенных пошлин в торговле между государствами, а также образование единой таможенной территории и принятие нового единого таможенного законодательства

Таможенного союза. Также можно отметить формирование единой государственной экологической политики Российской Федерации и Республики Беларусь.

Таким образом, национальные правовые средства управления

общественными отношениями признаются эффективными, но не единственными: их заменяют (дополняют) комплексные правовые образования наднационального масштаба.

Следовательно, можно выделить комплексные правовые образования, входящие в систему национального права, комплексные правовые образования, относящиеся к системе наднационального права, и комплексные отрасли, входящие в систему международного права.

Возникает вопрос: каким целям служит такой подход к тем или иным отраслям права? Очевидно, что формирование комплексных отраслей права вызвано объективной необходимостью эффективного регулирования соответствующих общественных отношений. Посредством такого регулирования усиливается регулятивный потенциал вышеуказанных и других комплексных отраслей права. Акцент делается не на вопросе о признании той или иной отрасли права самостоятельной, а на вопросе о наиболее эффективном регулировании соответствующих общественных отношений.

Какие трудности возникают при данном подходе к отраслям права? Получается, что ряд подотраслей, институтов, норм права одновременно принадлежат как соответствующей отрасли права, так и комплексной отрасли права. Можно сказать, что вышеуказанные отрасли – эта «комплекс комплексов» ряда институтов, норм права.

Одновременная принадлежность порождает проблему «состыковки» отраслей и институтов права. Так, нормы гражданского и уголовного права получили как бы «двойную прописку»: норма одновременно «проживает» и в базовой отрасли, и в комплексной. Какому нормативному правовому акту следует отдать предпочтение в случае возникновения конкуренции норм – вопрос архи-сложный!

Необходимо, однако, понимать, что «комплексирование» не влечет удвоения отраслевой принадлежности норм, как полагают некоторые ученые. От того, что понятие «контрабанда» появилось в Таможенном кодексе Таможенного союза, оно не исчезло из норм уголовного права. Применительно к ГК РФ эта проблема решается предельно четко: нормы гражданского права, содержащиеся в других законах, должны соответствовать ГК РФ (п. 2 ст. 3). Таким образом, удалось сохранить целостность каждой отрасли и углубить ее регулятивную роль.

Второй вопрос, который вызывает трудности при данном подходе, состоит в том, что отрасли права имеют или должны иметь свой системообразующий акт – кодекс. Некоторые комплексные отрасли права такого акта не имеют, и это

затрудняет формирование комплексных отраслей права как системы правовых норм. Вместе с тем комплексные отрасли права обеспечивают систематизацию массива нормативных актов в соответствующей области общественных отношений.

Третий вопрос касается того, что следует отличать отрасли права от учебных дисциплин, посвященных правовому регулированию той или иной отрасли. Нужно ли в юридическом образовании строго ограничиваться рамками отраслей права, либо следует исходить из потребностей отдельных отраслей? Представляется, что для обучения целесообразно изучать отдельные отрасли права, а для подготовки к работе в определенных отраслях необходимо изучать комплексно юридические дисциплины.

В юридической литературе существует несколько определений понятия «комплексная отрасль права». С.С. Алексеев отмечает, что комплексная отрасль права – это особая юридическая целостность, ее своеобразие объясняется наличием специфических приемов регулирования, принципов, положений, свидетельствующих о существовании специального юридического режима[341]. По мнению М.Ю. Челышева, комплексными отраслями права необходимо признавать такие правовые образования, которые формируются в области межотраслевых связей соответствующих правовых «материнских», основных отраслей[342]. Другие авторы считают, что комплексные отрасли права охватывают несколько областей жизнедеятельности общества, т. е. могут иметь несколько связанных между собой предметов регулирования[343]. По мнению М.И. Козыря, комплексная отрасль права – это наличие органичного комплекса двух факторов: 1) тесно связанных между собой общественных отношений как предмета правового регулирования; 2) метода правового регулирования, соответствующего каждому виду отношений[344]. По мнению А.Н. Головистиковой, Л.Ю. Грудцыной комплексная отрасль права – это относительно самостоятельное подразделение системы права, включающее в себя правовые нормы, регулирующие сферу общественных отношений, которые, с одной стороны, обособлены от других по строго определенному признаку (свойству), а с другой – каждое из этих отношений, имеющих свой собственный предмет регулирования, можно отнести к определенной отрасли права. Под предметом правового регулирования комплексной отрасли права понимается весь комплекс общественных отношений, возникающих в соответствующей сфере общественных отношений, вне зависимости от субъектного состава, способов и средств правового регулирования общественных отношений[345].

Исходя из предложенных авторских определений можно заключить, что позиция ученых относительно понятия комплексной отрасли права неоднозначна. Каждая точка зрения, представленная выше, является важной, необходимой для развития и совершенствования определения комплексной отрасли в системе права. Совокупность различных позиций позволяет наиболее полно уяснить правовую природу комплексной отрасли права.

Представляется, комплексная отрасль права адсорбирует как отдельные фрагменты уже существующих отраслей права, так и имманентные этой отрасли нормы, которые синхронно присутствуют в других отраслях права. Таким образом, нормы отдельных отраслей права, переплавляясь в комплексную отрасль права, образуют качественно новое правовое пространство или модернизируемый правовой континуум.

§ 3. Аспекты, характеризующие юридическую природу комплексных правовых образований

Будучи частью объективного права, комплексные правовые образования занимают определенное место в системе права. Это место определяется взаимосвязями комплексных отраслей с другими структурными звеньями системы права, в том числе с основными отраслями права. При этом отрасли права соотносятся с иными отраслями права неодинаково, находятся с ними в многоаспектных и разнородных связях. Так, обращают внимание на то, что взаимодействие структурных элементов системы права происходит по двум направлениям – вертикальному и горизонтальному. Вертикальное (внутриотраслевое) взаимодействие – это непосредственное влияние отраслей права на свои подотрасли и институты. Горизонтальное (межотраслевое) взаимодействие есть влияние отраслей права друг на друга. Причины такого влияния обусловлены спецификой развития общественных отношений, которые, взаимодействуя, постоянно обогащают друг друга новыми чертами. Следствием горизонтального взаимодействия отраслей права становится возникновение новых правовых образований комплексного характера.

Категория «связь» представляет собой, прежде всего, отношение между предметами и явлениями действительности. Но не всякое отношение является связью. Понятие «отношение» шире понятия «связь». Связью является такое отношение между двумя явлениями, когда изменение одного из них необходимо предполагает определенное изменение другого. Вопрос о различных видах связей в структуре права был предметом общетеоретических исследований в трудах С.С. Алексеева, С.В. Полениной, А.Ф. Черданцева, А.П. Чиркова, Н.В. Витрука и других ученых[346].

Под структурой права в общей теории права понимают его строение, законы связи элементов права, их расположение, обеспечивающие его целостность[347]. Среди связей внутри системы права А.Ф. Черданцев отмечает связи норм одного института, разных институтов в пределах одной отрасли и разных отраслей[348].

В теории права отмечено, что право обладает определенными системообразующими связями: структурными, генетическими, субординации, координации и управления, из которых три

последних являются функциональными, вытекающими из функциональной дифференциации норм[349]. Такие связи могут характеризовать взаимодействие между отраслями права.

Вместе с тем представляется, что с иными отраслями права комплексные правовые образования состоят как в вышеперечисленных связях, так и связях иного порядка, которые выражаются не столько в разграничении сфер их действия, сколько в активном взаимодействии.

На наш взгляд, взаимосвязи комплексной отрасли права носят сложный характер, а именно: в них проявляется, прежде всего, исторический, субординационный, онтологический, системно-энтропический, генетический, а также репродуктивно-конструктивный аспекты, которые в свою очередь характеризуют юридическую природу комплексных правовых образований. С помощью данных аспектов можно оценить юридическую природу и перспективы развития комплексных правовых образований в системе права.

3.1. Исторический аспект

Исторический аспект обусловлен, тем, что вряд ли кто-нибудь сегодня будет опровергать положение о том, что современные отрасли права тесно связаны с досоветским, и особенно с советским правом. Поэтому неверно считать, что соответствующие комплексные отрасли права (например, таможенное, земельное и др.) возникли только после революции 1917 года. Например, земельное, экологическое право относятся к числу древнейших отраслей права. В Киевской Руси существовало поземельное феодальное право, крестьянское земельное право, которое признавалось среди дореволюционных юристов. В «Русской правде», «Пространной правде» содержались нормы об охране общинной собственности.

Такие исторические связи прослеживается и в отдельных правовых институтах, юридической терминологии, методах правового регулирования. Например, таможенное право в советский период было кодифицировано, и не один раз (Таможенный устав Союза ССР 1924 года, Таможенный кодекс Союза ССР 1928 года, Таможенный кодекс Союза ССР 1964 года и, наконец, Таможенный кодекс СССР 1991 года).

В банковской сфере в 1990 году были приняты первые специальные банковские законы «О банках и банковской деятельности в РСФСР» и «О Центральном банке РСФСР (Банке России)»; не утратило значение административно-правовое регулирование деятельности кредитных организаций.

В разных секторах социальной сферы в 70—80-х гг. XX в. были приняты Основы законодательства Союза ССР и союзных республик, например, в сферах образования и здравоохранения.

При исследовании древних источников русского права можно обнаружить влияние иностранного права на правовую систему

Древнерусского государства. В частности, речь идет о смешанном праве, т. е. смешанных нормах договоров Руси с Византией. Ученые указывают, что источниками таких норм являлись греческое законодательство, обычное право и законы Древней Руси. Так, правовые отношения между русскими и греками в Константинополе определялись, уголовные и гражданские правонарушения, между ними случавшиеся, рассматривались по закону греческому и по уставу и закону русскому. В связи с этим возникали смешанные нормы, которые представляли соединение положений как византийского и греческого, так и русского права, которые использовались в договорах. В них можно различать составные элементы: русско-византийский и русский, поэтому в договорах можно встретить чисто русскую норму или норму, в которой имеются также византийские элементы. М.Ф. Владимирский-Буданов отмечал, что в договорах Руси с Византией имеются нормы «смешанного», «компромиссного» характера[350].

3.2. Субординационный аспект

В данном случае речь идет о месте и роли комплексных правовых образований в системе иных социальных регуляторов. Важнейшее значение имеют конституционные нормы, которые обозначают предметно-функциональную специализацию и место отраслей в иерархии, а также служат его нормативной основой, устанавливают основные правовые принципы, определяют их внутреннюю структуру и основные направления развития. Конституция РФ определяет вектор развития текущего законодательства в вопросах реформирования важнейших сфер общественной жизни[351]. Кроме того, сочетание норм конституционного права и норм других отраслей предотвращает юридические коллизии[352].

Так, например, как и все отрасли права, предпринимательское право опирается на конституционное право. Его становление и развитие происходило и происходит в соответствии с нормами конституционного права. Основным источником предпринимательского права является Конституция РФ, которая имеет высшую юридическую силу, прямое действие и применяется на всей территории

Российской Федерации. Для предпринимательского права особое значение имеют те конституционные нормы, которые содержат отраслевые принципы. Кроме того, в Основном законе закреплены конституционные гарантии предпринимательства и его конституционные ограничения.

Вместе с тем, комплексные правовые образования имеют связи субординации не только с конституционным правом, но и с актами, которые обладают большей юридической силой, являются обязательными для исполнения.

3.3. Онтологический аспект

Онтология (новолат. ***ontologia*** от др. – греч. – сущее, то, что существует – учение, наука) – учение о сущем; учение о бытии как таковом. Н.В. Витрук рассматривает вопрос об онтологическом статусе объективного и субъективного права[353]. В онтологическом аспекте право есть субъективное, которое в то же время объективно существует, «действительно»[354]. В собственно онтологическом (т. е. понятийном) аспекте при рассмотрении интересующей нас проблематики наблюдается приспособление ряда правовых форм и институтов зарубежного права.

Такая адаптация и сближение российского права с правовыми понятиями иностранных государств обусловлены более активным участием России в международных экономических отношениях, вступлением ВТО, более тесным сотрудничеством с Европейским Союзом, необходимостью осуществления коммерческими организациями и индивидуальными предпринимателями ВЭД, участия иностранных инвесторов в предпринимательской деятельности. Например, присоединение Российской Федерации к Международной конвенции об упрощении и гармонизации таможенных процедур от 18 мая 1973 года (ратифицирована Федеральным законом от 03.11.2010 № 279-ФЗ) потребовало заменить понятие «таможенный режим» на «таможенные процедуры». Получили развитие такие термины, как «таможенный склад», «таможенный транзит», «временный ввоз», был закреплен институт уполномоченного экономического оператора (ИУЭО), ставший новеллой для государств-членов Таможенного союза. ИУЭО создан в соответствии с европейскими стандартами и свидетельствует о значительном росте доверия контролирующих органов к бизнесу.

Принятие данной Конвенции привело к изменениям не только в таможенной сфере, но и в других отраслях. Так, приложение «Н» содержит главу «Таможенные правонарушения». Данная глава Конвенции содержит положения о том, что

таможенная служба налагает арест на товары и/или транспортные средства в том случае, если может потребоваться их представление в качестве вещественных доказательств на последующих стадиях производства по делу о правонарушении. Кодекс РФ об административных правонарушениях и Уголовно-процессуальный кодекс РФ не содержат аналогичной нормы.

Кроме того, это приложение предусматривает способ административного урегулирования таможенных правонарушений на «основе компромисса». Этот способ применяется при условии согласия заинтересованного лица, однако такое согласие не требует в качестве предварительного условия признания вины этим лицом. Российское законодательство не содержит возможности административного и уголовного урегулирования таможенного правонарушения на компромиссной основе.

3.4. Системно-энтропический аспект

Энтропия – греческое слово, произошедшее от двух слов: ***en*** – в, внутрь; ***trope*** – поворот, превращение. Ю.В. Павлова полагает, что анализ процессов, характеризующих нынешнюю правовую действительность, и основных тенденций развития права позволяет рассматривать правовую энтропию как объективное, закономерное явление, как имманентное свойство правовых систем[355].

При рассмотрении нашей проблематики данный подход означает, что различные правовые институты и формы, генетически принадлежащие одной отрасли, могут использоваться в регулировании отношений, составляющих предмет другой отрасли права.

Примером многоотраслевого использования правовых конструкций, генетически принадлежащих таможенному праву, может служить применение в других отраслях права, в том числе в таможенном праве, таких понятий, как «юридическое лицо», «иностранное лицо», «представительская деятельность», «коммерческие документы», «имущественная ответственность», «международный договор».

Примером многоотраслевого использования правовых конструкций, генетически принадлежащих гражданскому праву, может служить применение в других отраслях права, в том числе предпринимательском, таких понятий, как «юридическое лицо», «представительство», «исковая давность», «имущественная ответственность».

Частное право, например, оперирует принадлежащими

публичному праву понятиями нормы, власти, господства, компетенции, использует такие публично-правовые институты, как ипотечные учреждения, экспроприация и т. д. В свою очередь, публичное право использует в своих конструкциях понятия субъективного права, договора и т. п.

Вместе с тем следует учитывать, что, например, в публичном праве договор приобретает новые свойства, новые аспекты проявления в публично-правовой сфере, что придает ему характер публично-правового договора.

Имеется правило применения норм частного права к публично-правовым отношениям. В ст. 2 ГК РФ отмечается, что нормы гражданского законодательства могут применяться к властеоотношениям лишь тогда, когда это признано целесообразным и когда в законе имеется прямое указание на допустимость применения норм гражданского законодательства.

Имеются примеры и неправомерного использования термина одной отрасли права в другой отрасли. Например, гражданско-правовое понятие «товар» не может рассматриваться в сфере административных отношений для решения вопроса о том, какой таможенный режим подлежал применению и был ли он нарушен, поскольку это другая сфера отношений.

3.5. Генетический аспект

Генетическая связь, – отмечает В.М. Сырых, – это связь между компонентами, частями исторически развивающегося явления, характеризующая динамику перехода от одного состояния к другому, и, понимаемая таким образом, она отличается от всех иных видов связи, в том числе и причинно'-следственных связей. Генетическая связь – это всегда внутренняя связь, которая характеризует процессы, происходящие непосредственно с самим явлением, его сущностью, формой и содержанием[356].

В этом направлении заслуживают внимания исследования С.В. Полениной, указавшей условия становления новых отраслей права:

1. Распространение правовой регламентации на ту часть социальной действительности, которая раньше не была объектом правового регулирования.

2. Отпочкование от одной или нескольких отраслей права взаимосвязанной совокупности норм (правовых институтов), приобретших качественно новые свойства[357].

Материальным субстратом для появления новой отрасли права применительно только ко второму случаю является межотраслевой пограничный комплексный институт. Его

превращение, а точнее, превращение группы взаимосвязанных пограничных институтов в новую отрасль права возможно лишь тогда, когда этот институт приобретает некую определенную «критическую массу», лишь по достижении которой у него появится необходимая сумма новых свойств, касающихся предмета, метода, принципов и механизма правового регулирования. Наличие особых критериев или системообразующих факторов (предмета, метода, принципов, механизма регулирования), безусловно, свидетельствует об утрате соответствующим правовым образованием признака комплексности и появлении новой отрасли права[358].

Как известно, среди комплексных отраслей выделяют отрасли, происходящие из других отраслей и объединяющие нормы других отраслей права. Наличие генетических связей предусматривает такой вид взаимодействия, как возможность применения правил одной отрасли при регулировании предмета другой отрасли. Следовательно, генетические связи показывают, как развивается правовое образование, какие внутренние изменения происходят с ним, например, если вносятся изменения и дополнения. Генетические связи – это связи внутри правового образования. При этом следует учитывать, что генетический подход усматривает «комплексность» лишь в начальной стадии формирования, только в происхождении комплексного правового образования.

3.6. Репродуктивно-конструктивный аспект

Как известно, репродуктивный – это способный к самовоспроизведению, размножению. Данный аспект выражается в том, что основные понятия комплексной отрасли права являются базой для формирования новых институтов в других отраслях системы права.

Следует обратить внимание на такой момент, как комплексирование, что в свою очередь позволяет говорить о существенном расширении сферы действия комплексных правовых образований. Комплексирование других отраслей права расширяет зону влияния и возможности комплексных отраслей как регулятора общественных отношений. Это свидетельствует об увеличении социальной ценности комплексных отраслей права как наиболее эффективного регулятора общественных отношений в современных условиях. Комплексные отрасли занимают в настоящее время ключевое место в регламентации многих общественных отношений.

Например, применительно к экологическому праву ученые

говорят об экологизации других отраслей права (главы об экологических преступлениях Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ), о правонарушениях в области охраны природы Кодекса РФ об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ), экологические налоги в Налоговом кодексе РФ (далее – НК РФ) и т. д.). Экологизация законодательства рассматривается как внедрение норм экологического права в акты тех отраслей законодательства, которые регулируют управленческую, хозяйственную, рекреационную и иную деятельность, в той или иной степени воздействующую на окружающую природную среду; экологизации подлежат, прежде всего, административное, гражданское, трудовое, уголовное законодательство.

Ю.А. Тихомиров также указывает на комплексирование и отмечает, что при организации нормальных законодательных процессов, рассчитанных на оптимальный эффект, эффективная деятельность законодательной власти проявляется в том числе и посредством обязательного комплексирования законодательства. Это позволяет выделить условно вторую группу, которая включает тематические правовые регуляторы, «рассыпанные» по всем отраслям права и содержащиеся в кодексах и иных тематических законах и подзаконных актах. При исследовании эффективности действия правовой нормы приходится изучать эффективность действия и иных связанных с ней норм разных отраслей права. Баланс между первыми и вторыми пока не обеспечен, что создает трудности в правоприменении в сфере экономики, налогообложения, экологии, образования, здравоохранения[359].

В юридической литературе к тенденциям развития права относят увеличение степени комплексности правовой регламентации в сфере действия частного права. При этом имеется в виду, что частное право развивается в комплексных правовых источниках. В качестве примера усиления такой комплексности М.Ю. Челышев приводит часть четвертую ГК РФ. Эта версия предусматривает, что нормы комплексных образований можно выявить практически в любой отрасли законодательства. При этом комплексное правовое регулирование играет хотя и немаловажную, но вспомогательную роль, т. е. является средством для достижения цели, лежащей за пределами соответствующей сферы. Такой подход позволяет в большей степени обеспечить системное видение проблемы и определить меру воздействия разных отраслей законодательства на различные стороны экономики и социальной сферы – ее цели, статусы участников, режимы деятельности, правовое поведение. В этом случае соотношение комплексных, функциональных,

обеспечивающих, статутных и процедурных законов будет гармонизировано[360].

Так, для предотвращения возможных нарушений при осуществлении таможенной деятельности в УК РФ были включены составы преступлений, связанные с различными формами незаконной таможенной деятельности. Это свидетельствует о том, что в УК РФ сформировался институт уголовной ответственности за преступные посягательства на порядок деятельности в таможенной сфере. Можно также рассмотреть вопрос о соотношении таможенного права и таможенного дела. Таможенное дело – это некий экономико-юридический дискурс, возникновение которого было бы немыслимо без существующего таможенного права.

В экологическом праве России выделяют три части:

1) собственно природоохранную часть (подотрасль), нормы которой содержатся в федеральных законах «Об охране окружающей среды», «Об экологической экспертизе», «Об особо охраняемых природных территориях», «Об отходах производства и потребления»;

2) природоресурсную часть (подотрасль) – Земельный кодекс РФ, Водный кодекс РФ, Лесной кодекс РФ, федеральные законы «О недрах», «О животном мире»;

3) экологизированные нормы других отраслей права (главы об экологических преступлениях УК РФ, о правонарушениях в области охраны природы КоАП РФ и т. д.)[361].

В информационном праве проблему репродуктивности исследовала И.Л. Бачило, которая, в частности, отмечает, что обозначая место информационного права в системе российского права, необходимо подчеркнуть два существенных момента: с одной стороны, его системообразующую роль для всех норм, связанных с проблемой информации и информатизации, и с другой – его системоорганизующую роль. Это как бы обратная связь особой социальной сферы через ее отрасль права со всеми остальными структурами права, позволяющая говорить о появлении новых объектов в других отраслях права (экстенсивная характеристика) и т. д.[362]

В книге «Социальное законодательство» (под ред. Ю.А. Тихомирова и В.И. Зенкова) рассмотрены важнейшие направления политики и основные принципы регулирования сложившихся общественных отношений в сфере образования, науки, культуры и здравоохранения, обоснован комплексный характер отраслей социального права и законодательства. Одним из аргументов в пользу комплексности социального права является включение в него норм других отраслей и «встраивание» социальных норм в

иные отраслевые законы[363].

Возникновение новых общественных отношений требует не только их регулирования, но и охраны[364]. В связи с этим совершенствуются существующие охранительные институты, возникают новые, обособляются отдельные виды юридической ответственности[365]. В науке вопрос о наличии комплексных институтов ответственности решается положительно. Так, В.П. Реутов отмечает, что предложения о признании ряда видов ответственности самостоятельными (например, процессуальной, семейно-правовой и т. д.), как и высказанная Т.Д. Зражевской еще в 1975 году идея о признании особого вида государственно-правовой ответственности[366], вполне оправданны.

Как было отмечено ранее, юридическая ответственность выражает своеобразие метода правового регулирования, образует один из необходимых компонентов метода правового регулирования и наряду с другими компонентами составляет юридический признак соответствующей отрасли права.

В теории права юридическая ответственность рассматривается как комплексный институт, который использует в различном сочетании известные виды юридической ответственности: гражданско-правовую, материальную, дисциплинарную, административную и уголовную.

Вопрос о комплексных институтах юридической ответственности был рассматривался такими учеными, как Ю.А. Крохина[367], В.М. Малиновская[368], И.В. Рукавишникова[369] (относительно финансовой ответственности) И.Ф. Панкратов, В.М. Сырых (относительно ответственности за экологические преступления) и др. Так, например, Н.В. Витрук отмечает, что каждый вид юридической ответственности составляет самостоятельную группу норм права (институт или отрасль права), направленных на охрану действия и реализации регулятивных отраслей права (конституционного, парламентского, административного, судебного, гражданского, предпринимательского, трудового и др.).

§ 4. Место комплексных правовых образований в системе права

4.1. Публичное и частное право

Одним из дискуссионных вопросов является вопрос о месте комплексных правовых образований в системе права. Учитывая дискуссионность материально-юридического комплексного критерия для выделения отраслей права, в отечественной правовой доктрине было выдвинуто предложение рассматривать отрасли права с точки зрения деления права на частное и публичное, в частности, проявления единства частного и публичного в отраслях права.

Деление права на частное и публичное предполагает наличие двух сторон в праве: публично-правовой и частноправовой. Право в целом представляет явление официальное, государственное и в этом смысле публичное. В более узком значении публичное относится к той части права, которая напрямую связана с государством, его властной деятельностью.

Природа власти в частном и публичном праве исследовалась в работах В.Е. Чиркина[370]. Г.В. Атаманчук рассматривает понятие «власть» как универсальную категорию, характеризующую общественные отношения[371]. Публичный характер права обуславливает необходимость централизации в обществе, дисциплины, иерархической подчиненности. Частноправовая сторона права выражает начала децентрализации, свободы отдельных субъектов.

Вместе с тем конструкция «публичное право – частное право» не позволяет определить место комплексных правовых образований в системе права. Так, по мнению Е.М. Макеевой, не существует чисто частного и чисто публичного права. Смысл любой классификации состоит, в конечном счете, в том, что соответствующее понятие относят к определенной группе. При этом учитывается, что оно обладает родовыми признаками этой группы и одновременно в нем отсутствуют родовые признаки, присущие другой группе. Однако на практике в процессе правоприменения часто приходится сталкиваться с тем, что определенное понятие в одно и то же время обладает набором свойств, присущих разным группам. В результате наряду с основными, давшими название всему делению, группами появляется еще одна, смешанная[372].

В настоящий момент к публичному праву можно отнести

следующие отрасли права: конституционное (государственное), административное, уголовное, финансовое, налоговое, процессуальное, международное публичное право, к частному – гражданское, семейное, международное частное право[373].

Одни авторы считают, что все комплексные правовые образования составляют «семью» цивилистических (а по сути – частноправовых) отраслей[374], другие – что в состав частного права могут входить только семь отраслей: гражданское, наследственное, семейное, авторское, изобретательское (патентное), трудовое, предпринимательское право с его ядром – корпоративным правом. С другой стороны, комплексные отрасли права относятся к публичному праву, например, природоресурсное право[375], в связи с чем частноправовое происхождение комплексных отраслей права дискутируется.

Неопределенность также имеется в отношении других отраслей права. Например, земельное право относят к комплексным образованиям в сфере частного права (М.И. Брагинский) или к публичному праву на том основании, что оно является подотраслью экологического права (С.А. Боголюбов, Ф.Х. Адиханов), или указывают, что оно носит только отраслевой характер (В.В. Петров). По мнению А.Н. Костюкова, для муниципального права характерно наличие как частноправовых, так и публично-правовых субъектов, поэтому его можно определить как публично-частное право[376].

Необходимо признать, что в настоящее время теоретической определенности в вопросе о комплексных правовых образованиях нет не только в нашей стране, но и в ряде зарубежных странах.

В США, где главным источником права является прецедент, к публичному праву относят административное, уголовное, конституционное, налоговое, практически всю сферу процессуального права; к частному праву – договорное, право собственности, корпоративное. Вместе с тем некоторые группы норм гражданского права, например договорное право, могут относиться, в зависимости от случая, и к частному, и к публичному праву[377].

В странах романо-германской системы вопрос по поводу появления в системе права новой отрасли права является дискуссионным. Одни ученые считают, что отрасль права, которая не может быть однозначно отнесена к сфере публичного или частного права, не должна рассматриваться ни в публичном, ни в частном праве. Эта точка зрения преобладает в западногерманской юридической литературе (Германия, Швейцария, Италия, Испания и Австрия). Поэтому отрасль, которую нельзя трактовать однозначно как входящую или в

публичное, или в частное право следует рассматривать в качестве отрасли sui generis (в своем роде, своеобразной), т. е. отрасли, не подходящей под установленные критерии формирования отрасли права (предмет и метод правового регулирования).

В рамках континентальной системы права от немецкой модели следует отличать французскую модель, которая была воспринята не только Францией, но также Бельгией и Нидерландами. Согласно французской юридической науке, отрасль права представляет собой совокупность взаимосвязанных юридических норм, регулирующих определенный автономный сектор человеческой деятельности[378]. В современной французской доктрине можно выделить несколько авторов, уделяющих внимание проблематике о комплексных отраслях права. При этом одни ученые строгого разделяют отрасли права на публичные и частные и не признают существования каких-либо других групп, в частности, комплексных образований, а другие полагают, что новая отрасль права может быть выделена в рамках частного права. К комплексным отраслям права относят отрасли частного права: уголовное, гражданско-процессуальное право, а также отрасли права, в которых нормы частного и публичного характера своеобразным образом переплетены: трудовое, сельскохозяйственное право, право промышленной собственности, авторское, транспортное, лесное, горное, страховое, международное частное право.

Вторую группу составляют авторы, которые, помимо деления права на частное и публичное, под различными наименованиями выделяют смешанные отрасли, именуя их смешанными (mixtes), промежуточными (intermediates), специальными (specials), пограничными (frontiers). Смешанное право обладает двойственностью, т. е. расщепляется на две семьи: праворегулятор (абстрактное), в котором объединяются своды правил, регулирующие санкции, реализацию и применение других отраслей права, как публичного, так и частного. Это «право над правами», jus supra jura, к которому относят уголовное право (объединяет различные виды ответственности за государственные, коммерческие, социальные, аграрные преступления); процессуальное право (направлено на разрешение гражданских, административных, экономических, трудовых споров), международное частное право. Смешанное право расщепляется на отрасли профессионального (конкретного) права, которые сочетают публичные и частные нормы – коммерческое, социальное, аграрное право[379].

Так, к публичному праву относят конституционное, административное, международное публичное право. Отрасли,

носящие частноправовой характер – это гражданское, торговое, международное частное право. Комплексные (смешанные) отрасли права – уголовное, гражданско-процессуальное, уголовно-процессуальное, административно-процессуальное право, право Европейского Союза, морское, воздушное право. При этом различают первоначальные и производные отрасли права: к производным отраслям относят производные от административного права – финансовое, налоговое право; от цивилистических отраслей – аграрное право, право интеллектуальной собственности, страховое, транспортное право[380].

При анализе места комплексных правовых образований в частном и публичном праве следует учитывать, что для западного общества публичное право все равно частное, а в российской правовой доктрине традиционно частное право все равно публичное.

Вместе с тем можно сделать вывод, что категория комплексного правового образования в зарубежной правовой доктрине присутствует. Как правило, в работах зарубежных юристов понятие «комплексность» исследуется в рамках как частного, так и публичного права. В отдельных случаях «комплексность» выступает как целостное самостоятельное явление, отличающееся отделения права на частное и публичное. Очевидно, что в преодолении дисбаланса публичных и частных интересов, повышении престижа права как регулятора социальной жизни и преодолении правового нигилизма комплексное правовое регулирование может сыграть свою конструктивную, положительную роль.

При сопоставлении взглядов отечественных и зарубежных ученых на комплексную отрасль можно выявить много общего в силу принадлежности к одной правовой семье. В частности, проблема комплексного правового образования исследуется в условиях неопределенности места комплексного правового образования в системе права. Возникает ситуация, когда комплексные правовые образования относят либо к публичному, либо к частному праву, либо рассматривают на стыке указанных правовых общностей. Вместе с тем «пограничность» как понятие не может дать ни правильного объяснения этого явления, ни правильного решения этой проблемы, ибо оставлять что-то на границе между двумя отраслями означает не причислять его к какой-либо определенной отрасли, и тем самым по существу оставлять известную группу норм вне классификации[381].

Для достижения поставленных целей следует рассмотреть различие между публичным и частным правом. Важно, что

нередко частное право связывают с отдельными людьми, тогда как публичное – со служением общему делу. Этот вывод делается на том основании, что частное право имеет целью пользу индивидов, а публичное право – пользу народа. Другими словами, интересы общества, государства в целом выражают конституционное, уголовное, уголовно-процессуальное, административное право, а интересы частных лиц защищают нормы гражданского, семейного, торгового, предпринимательского права и других отраслей.

Такой вывод можно сделать, если следовать узкому подходу к делению права на частное и публичное и понимать под публичным правом все, что имеет отношение к организации государства, к его целям, т. е. рассматривать государство и в качестве носителя частного права. Вместе с тем такие признаки частного права, как ответственность и собственность, в применении к государству носят формальный, условный характер.

Представляется, что как публичное, так и частное право служат общему благосостоянию, а управление является делом не только государства, но и частных лиц. Так, современное российское жилищное законодательство предусматривает различные формы управления, в частности непосредственное управление собственниками; управление товариществом собственников жилья; управление управляющей организацией.

Таким образом, следует говорить не о том, что законодатель при помощи публично-правовых средств не только отражает интересы государства, связанные с выполнением им организационных и контрольных функций, но и защищает интересы частных лиц, а о том, что законодательство должно отвечать общим (общественным) интересам.

4.2. Социальное право

На наш взгляд, вопрос о том, к какой подсистеме права следует отнести комплексные правовые образования, может быть решен на основании идеи о делении права на частное и публичное. Вместе с тем данная идея не является достаточной для определения места комплексных правовых образований в системе права по нескольким причинам. Публичное и частное право – это взаимоограничивающие, противоположные, оппозиционные стороны права. Только это придает им реальность, и утверждение об их совместимости вследствие решения ими общей задачи нормативного регулирования общественных отношений и поддержания правопорядка является

мифическим[382].

С другой стороны, отрасли публичного и частного права взаимодействуют между собой, проникают друг в друга. При этом существуют два процесса: публицизация частного права и приватизация публичного права. В этой связи современные исследователи рассматривают публичное и частное право как единые, комплексные субстанции (например, Ю.А. Тихомиров, Т.В. Кашанина).

Ю.А. Тихомиров считает, что публичное право – это большая правовая семья, которая охватывает комплекс отраслей права и законодательства, что сферы публичного права включают в себя: во-первых, публичные отрасли права; во-вторых, публичные отрасли законодательства; в-третьих, отрасли законодательства публичной направленности, в-четвертых, элементы публичного в частном праве[383].

Представляется, что любая классификация всегда несколько условна и с течением времени устаревает. Наши знания о праве постоянно углубляются, поэтому классификации не должны быть неизменными и должны периодически подвергаться пересмотру, в том числе деление права на частное и публичное. Термин «социальное» охватывает множество концепций, которые следует различать. В Толковом словаре С.И. Ожегова термин «социальный» определяется как «общественный, относящийся к жизни людей и их отношениям в обществе». Термин «социальное» используется и в праве. Так, различают понятия «социальное регулирование» и «правовое регулирование». Используют также понятия «социальная отрасль права», «социальная отрасль законодательства», «социальное государство» и др.

В последние годы в юридической науке наметилась тенденция выделять наряду с публичным и частным правом также и третью его отрасль – социальное право. Вместе с тем, если частное и публичное сформировались, то социальное право только начинает формироваться, поэтому трудно сразу дать определение этому совершенно новому понятию, подробно изучить его признаки и содержание в теории права. Вместе с тем сделать это крайне необходимо, поскольку этим термином уже пользуются специалисты за рубежом (такая отрасль ныне активно развивается во Франции, Германии, Швеции и других государствах Европы), и мы оперировали им в настоящей работе в ходе анализа теоретических проблем.

Рассматривая данный вопрос, следует отметить, что право по определению регулирует общественные (социальные) отношения, и в этом контексте «несоциального» права не существует. Очевидно, что право есть явление социальное.

Вместе с тем, представляется, что слова «социальный» и «публичный», «общественный» имеют разное значение.

Необходимо отметить, что термин «социальный» (от лат. socialis) означает «общественный, связанный с жизнью и отношениями людей в обществе». Как известно, право и законодательство имеют социальное назначение. Соответственно публичное и частное право отражают присущее всей системе права свойство социальных регуляторов. При этом при рассмотрении публичного права указывают на публичный (общественный) интерес, государственный интерес, национальный интерес[384].

В.Е. Чиркин считает, что слова «социальный» и «публичный» имеют близкое, но не одинаковое значение. «Публичный» в Древнем Риме означал «общественный», хотя общественное и государственное строго не различалось, но по существу объединялось в этом слове. Лишь позднее общественные организации стали называть «social» или «non-governmental organizations», но слова «public», «publique» и теперь используются по отношению к государственным институтам, особенно в сфере государственных услуг, услуг органов и учреждений других территориальных публично-правовых образований (субъектов федерации, территориальных автономий, муниципальных образований и др.)[385].

Предстоит по-новому осмыслить понятие публичности в обществе, не сводя его к обеспечению государственных интересов. Публичность – это общие интересы людей, разного рода сообществ, объединений, это – объективированные условия нормального существования и деятельности людей, их организаций, предприятий, общества в целом, это – коллективная самоорганизация и саморегулирование, самоуправление[386]. На наш взгляд, это замечание подчеркивает потребность в социальном праве, поскольку предусматривает отличный от традиционного подход к понятию публичности в обществе.

В юридической литературе отмечается, что наряду с публичным и частным правом появляется «третий партнер» – своего рода социальное право[387], которое в должной степени будет учитывать как частные интересы граждан в соответствующей сфере общественной жизни, так и ту централизацию, властность, с которыми решаются вопросы организации соответствующих систем, установления стандартов, требований к определенному виду деятельности и управлению им.

Например, Ю.А. Тихомиров выделяет следующие базовые образования: публичное право, частное право и социальное право.

В их рамках развиваются конституционное, административное, гражданское, финансовое, процессуальное и коллизионное право. По мнению данного ученого, нужно признать существование и взаимопроникновение «публичного» и «частного» как самостоятельных правовых семей для многих отраслей права и законодательства и находить баланс методов регулирования и способов обеспечения различных интересов[388]. Постепенно формируется третья «правовая семья», которую называют гуманитарным или социальным правом. Таковы тенденции развития права в странах-участниках Совета Европы.

Имеется еще один подход к понятию «социальное право», который определяет его как «всеобъемлющую» категорию права, как «право интеграции». В соответствии с другим подходом социальное право определяется как сфера пересечения частного и публичного права, взаимодействие которых порождает социальное право[389].

В рамках другого направления социальное право рассматривается как комплекс издаваемых государством законов, которые защищают население. Сторонники данного подхода связывают социальное право с социальной функцией государства, выделяя отрасли, которые обеспечивают решение социальных вопросов. С одной стороны, данный подход фактически сводится к формированию комплексной отрасли права – социального права, объединяющего различные отрасли и институты российского права, имеющие общее назначение (цель) (С.А. Иванов, И.А. Ледях, М.И. Лепихов)[390].

Данная точка зрения получает развитие и в другой концепции социального права, согласно которой социальное право должно выступать как некая «надотрасль» права (М.В. Филиппова)[391], содержащая отрасли социальной направленности. А.М. Лушников и М.В. Лушникова считают, что нужно акцентировать внимание на развитии социального законодательства (а не права), и отмечают его комплексный характер. Социальное право рассматривается ими как суперотрасль законодательства, включающая в себя трудовое законодательство и законодательство социального обеспечения[392].

Е.А. Черенкова при рассмотрении вопроса о системе права и системе законодательства обращает внимание на социальное право. По ее мнению, на систему права и систему законодательства влияет развитие социальной функции государства. В связи с этим к традиционному делению системы права на частное и публичное стали добавлять так называемого «третьего партнера» – своего рода социальное право. Развитие

вышеуказанной функции государства привело к формированию больших законодательных массивов и повлияло на обособление в системе права таких отраслей, как право социального обеспечения, экологическое право, образовательное право и т. д. [393]

В данной работе, используя понятие «социальное», мы не смешиваем подсистему социального права с социальной функцией государства.

В свою очередь О. фон Гирке, помимо традиционного частного и публичного права, выделяет социальное право, т. е. совокупность правовых норм, регулирующих общественные отношения, связанные с деятельностью союзов, отделенных от государства[394]. В настоящее время этот подход перекликается с делением нашего общества на государственный, частный сектор и сектор некоммерческих организаций.

По мнению Г.П. Курдюк, говоря о социальном праве, следует выделять две правовые категории:

1. Комплексный институт социальных прав – один из элементов такой комплексной отрасли права, как права человека.

2. Социальное право – тип права, содержащий отрасли социальной направленности (трудовое право, право социального обеспечения, медицинское право, права человека как отрасль права и т. д.), а также институты и нормы права, заключенные в других (не социальных) отраслях права, регулирующие социальные отношения, имеющие частно-публичный характер[395].

Г.П. Курдюк справедливо замечает, что эволюционные процессы, происходящие в России и изменившие отрасли права и их признаки, стали причиной образования нового типа отраслей права – социального права, регулирующего общественные отношения в социальной сфере.

Представляется, что деление системы права на подсистемы частное, публичное и «социальное» оказывает стимулирующее воздействие на обогащение содержания комплексного правового регулирования. «Социальное право» должно стать равным среди главных и основных классификаций системы права. Полагаем возможным в связи с этим отметить, что судьба комплексных образований должна быть связана с социальным правом – третьим базовым основанием деления права, наряду с частным и публичным правом.

Такое деление предусматривает деление правовой реальности, противопоставление общества, государства и частных интересов. В дальнейшем социальная реальность раздваивается на реальность государственную и общественную, которая

дополняется раздвоением самого государства: на государство, направленное на само себя, свое воспроизводство и поддержание господства, усиливающее отчуждение государства от общества, и на государство, связанное с обществом, с его обслуживанием[396].

Социальное право может быть рассмотрено как единая, комплексная субстанция, которая охватывает все комплексные правовые образования. Предложенное деление права на частное, публичное и «социальное» будет совпадать с делением на основные и комплексные отрасли права. Так, например, М.Ю. Челышев отмечает, что вся совокупность комплексных правовых отраслей представляет собой систему, которая является одной из составных частей системы права[397].

Социальное право как один из аспектов правовой жизни связано с развитием права, предстает как общее, выполняет социальную функцию права, состоящую в обеспечении равновесия двух нравственных интересов, отражающих требования личной свободы и общего блага, и потому представляет компонент справедливости, установления справедливого соотношения (баланса) интересов всех и каждого: индивидов, социальных слоев, классов, социальных общностей и образований. Вследствие возрастания динамизма в праве социальное право ситуационное, креативное, что делает его правила относительными.

Таблица 1. Критерии деления системы права

Публичное право — целостная подсистема	**Социальное право — целостный комплекс как особая подсистема**	**Частное право — целостная подсистема**
Публичный интерес	«Мерцающий» интерес (зависит от ситуации)	Частный интерес
Публично-правовое регулирование. Императивный метод правового регулирования	Комплексное правовое регулирование. Уникальный метод правового регулирования	Частноправовое регулирование. Диспозитивный метод правового регулирования

В отечественной юридической литературе отмечают, что право на современном этапе возвращается к разделению на формы права, соответствующие обществу как совокупности групп, в которых функция превалирует над личностью, и взамен категории права частного и публичного возникают разновидности права, регулирующие деятельность отдельных социальных групп

(право страхования, транспортное право, предпринимательское право и др.)[398].

На наш взгляд, категория «социальное право» формируется не взамен, а наряду с подсистемами публичного и частного права. Таким образом, «комплексность» выступает как целостное самостоятельное явление, отличающееся от деления права на частное и публичное.

Комплексные правовые образования относятся к социальному праву, поскольку их формирование идет от социального начала, т. е. предмета правового регулирования, отсюда и название «социальное» право. В юридической литературе к отличительным особенностям комплексных отраслей права относят специфический предмет и метод правового регулирования. В частности, указывается, что комплексные отрасли права складываются из норм других – основных – отраслей права (публично-правовых и частноправовых). Вместе с тем в сфере частного права все правоотношения возникают, изменяются, строятся и прекращаются в соответствии с принципом равноправия субъектов. В публичном праве основной метод правового регулирования – метод власти и подчинения. Поэтому мы не согласны с учеными, которые относят комплексные отрасли к публичному или частному праву.

Термин «социальное право» имеет корреспондирующее значение, то есть он определяет соотношение комплексных отраслей права с другими правовыми явлениями. Благодаря ему удается показать, что нормативные правовые комплексы имеют двойную, а иногда и тройную «прописку» в разных отраслях права.

В советский период система права представлялась как пирамидальная (многоуровневая) структура. В постсоветское время ученые обратили внимание на деление права на частное и публичное. При этом отмечалось, что разграничение права на частное и публичное не совпадает с его делением на традиционные и комплексные образования. В связи с этим возникает вопрос о том, какой должна быть система современного права: пирамидальной или горизонтальной?

На наш взгляд, существует как «пирамидальная», так и «горизонтальная» система права. Представляется, что в пирамидальную систему права можно включить отрасли и институты права, в том числе комплексные правовые образования. В горизонтальной плоскости права следует выделять публичное, частное и социальное право. Данный подход к системе права предполагает, что разграничение права на частное, публичное и социальное будет совпадать с его делением

на традиционные и комплексные образования.

Социальное право отличается от публичного и частного права:

1. Наличием новых отраслей права, которые служат признаком высшей стадией формирования системы права.

2. Наличием определенных объектов, по поводу которых возникает правовое регулирование.

3. Своеобразным способом образования комплексных отраслей.

4. Методикой и особенностями организации предмета правового регулирования комплексных отраслей права.

5. Методом правового регулирования комплексных отраслей права.

6. Положением субъектов по отношению друг к другу (в публичном и частном праве наблюдается субординационный и иерархический характер связи, в подсистеме социального права существуют как субординация, так и прямое подчинение; как координация, так и юридическое равенство сторон).

7. Системой юридических фактов (не исключается использование в комплексных отраслях права юридических фактов, присущих другим отраслям права).

8. Порядком определения прав и обязанностей субъектов комплексных правовых образований (например, преобладание императивного при активном использовании диспозитивного приема).

9. Системой юридических санкций, присущих только комплексной отрасли права (юридическая ответственность).

10. Интересом. Например, в частном и публичном праве в процессе правового регулирования отдается безусловный приоритет частным или публичным интересам соответственно. В подсистеме социального права правовое регулирование призвано обеспечивать максимально возможное сближение публичных и частных интересов (интерес мерцающий, зависит от ситуации). В данной подсистеме проявляется «национальный интерес», который используется для обозначения интересов общества и отличается от других интересов, в том числе частного и «чисто» государственного; выражаются интересы социальных общностей – народа, нации, различных групп и слоев населения; появляются новые аспекты всеобщего интереса.

Субъект права. Как было отмечено выше, «социальное право» отличается положением субъектов по отношению друг к другу. Так, в публичном и частном праве наблюдается субординационный и иерархический характер связи, а в подсистеме социального права возможны как субординация, так и

прямое подчинение, как координация, так и юридическое равенство сторон.

Как известно, в структуру предмета правового регулирования традиционно включают следующие элементы: субъекты и объекты регулируемых общественных отношений; социальные факты, способствующие возникновению соответствующих отношений; практическая деятельность людей[399].

По мнению С.В. Васильева, из всех образующих предмет регулирования элементов значение имеет практически лишь один – состав субъектов, посредством которого сохраняется связь с предметом. В частном праве это преимущественно граждане и юридические лица. В публичном праве субъектный состав иной: одной из сторон правоотношений является государство и его органы[400].

В общей теории права отсутствует единый критерий дифференциации субъектов права, что обусловило многообразие их классификаций. Дореволюционные правоведы в качестве критерия отграничения двух правовых образований рассматривали положение их субъектов. Например, И.А. Ильин отмечал, что «для того, чтобы правоотношение было публичным, а не частным, необходимо, во-первых, чтобы одному субъекту принадлежало полномочие на власть по отношению к другому, а другой имел бы обязанность подчиняться первому»[401]. Л.И. Петражицкий считал, что право должно подразделяться на лично-свободное и социально-служебное. В данной концепции одним из решающих факторов становится направление сознания субъекта. Исходя из этого, если субъект считает себя управомоченным в общем интересе и действует во благо подвластных, то речь идет о социально-служебном праве, а если он действует в своем личном, эгоистическом интересе, то перед нами право лично-свободное[402]. Лично-свободное право соответствует у Л.И. Петражицкого понятию частного права, а право социального служения – понятию права публичного.

В современной науке устоялся подход к разделению субъектов права на индивидуальные и коллективные. Традиционный перечень этих субъектов составляют: граждане, органы государственной власти, коммерческие и некоммерческие организации.

В современной юридической литературе имеет место и другая классификация. Например, К.И. Кистенев выделяет макроуровень, в который входит подсистема публично-правовых образований, включая государство как систему государственных органов, учреждений, предприятий и корпораций; подсистема субъектов местного самоуправления; подсистема гражданского

общества. Микросистемный уровень построения субъектов российского права представляется в следующем виде: юридическое лицо и государственный орган как коллектив государственных служащих и объединение должностных лиц ит.д. [403]

Также систему субъектов права рассматривают согласно принципу дихотомии: субъекты публичного и частного права. Например, А.В. Лавренюк в диссертационной работе «Субъекты публичного права: теоретико-правовое исследование» осуществил классификацию субъектов публичного права по критерию организационно-количественного единства и по отраслевому признаку:

1. Индивидуальные субъекты публичного права: лица, не наделенные властными полномочиями (граждане Российской Федерации, иностранные граждане; лица без гражданства), должностные лица.

2. Коллективные субъекты публичного права: социальные общности (народ, нация, население части территории государства, культурно-этнические общности); публичные образования (Российская Федерация, субъекты Федерации, муниципальные образования); органы публичной власти (органы государственной власти (законодательной, исполнительной, судебной), иные государственные органы) и органы местного самоуправления; организации[404].

В этой связи интересным является точка зрения И.Н. Геращенко о том, что уместным будет говорить не о субъекте публичного права, а о публичном субъекте, деятельность и существование которого порождают соответствующую правовую реальность. Публичность субъекта в этом случае не является свойством, установленным правовыми предписаниями, она выступает качеством самого субъекта, определяющим в конечном итоге и специфику правового воздействия на соответствующую группу общественных отношений[405].

М.Р. Асадуллин в диссертационной работе «Система субъектов частного права» при определении понятий «субъект частного права» и «система субъектов частного права» исходит из того, что необходимо не проводить суммарный анализ этих категорий как социально-правовых явлений, а отразить содержательную сторону, специфику качеств субъектов с отражением частноправовой характеристики. Так, рассматривая вопрос о социальных факторах правосубъектности, необходимо различать социальные типы субъектов права: индивиды и социальные группы, каждый из которых обладает значительным своеобразием, влияющим на объем отраслевой

правосубъектности. Например, система субъектов гражданского права многоуровневая. На первом уровне находятся три группы субъектов гражданского права: физические лица, юридические лица, публично-правовые образования, составляющие три подсистемы этих субъектов. Другие уровни (структурные элементы указанных подсистем) – это разного рода подразделения специальных субъектов гражданского права[406].

Нет единого мнения по поводу такого субъекта, как муниципалитеты, поскольку они могут рассматриваться как субъекты и публичного, и частного права, т. е. учреждения, обладающие правами публичного содержания (субъектов конституционных, административных, финансовых и иных правоотношений) и правами юридического лица. Другими словами, местное самоуправление – это одновременно и публичная власть, и элемент гражданского общества[407].

К свойствам, формирующим систему субъектов права, относят не столько юридические признаки лиц, сколько их объективную социальную природу, которая, будучи осознанной законодателем, становится основой правового регулирования отношений с их участием.

Например, В.Я. Бойцов рассматривает классификационные основания, затрагивающие социальные основания деления субъектов права, их отличительные черты. Исходя из этого он различает следующие виды субъектов права: социальные индивиды, социальные общности и социальные образования. Социальные общности – это субъекты права – образования, складывающиеся в ходе естественно-исторического процесса, помимо воли и сознания людей, в силу непосредственного действия объективной необходимости (народ, нация). Социальные образования представляют собой результат сознательной волевой деятельности людей, выступая в качестве вторичных по отношению к социальным общностям (государства, государственные и муниципальные образования и т. д.)[408].

На необходимость разработки классификации субъектов права, которая основывалась бы на объективных различиях социальной природы, указывают современные авторы. Ю.А. Тихомиров считает, что используемые однородные отраслевые правовые средства или комплексные нормы разных отраслей, включая международные, способствуют изменению статуса субъектов и их роли, функций, восполнению ресурсов, обновлению управленческих, хозяйственных и социальных связей. Учитываются ожидания общества, с одной стороны, и готовность общества или его части к переменам или консервации отношений[409].

Исходя из изложенного, следует отметить, что вопрос о классификации субъектов права продолжает оставаться дискуссионным. Вместе с тем существующее деление права на частное и публичное предусматривает существование категорий и институтов, свойственных каждой из сфер правового регулирования. В случае признания сферы социального права возникает вопрос о его субъектном составе.

Представляется, что субъекты социального права должны составлять самостоятельный уровень регулирования, специфика которого связана с их общественным характером. Отличительным признаком таких субъектов является наличие потребности в достижении значимой для них цели. Например, поведение субъектов социального права сопровождается обнаружением связей, основанных на стремлении к одной и той же социальной цели. Постановка цели предполагает также осознание интересов и потребностей субъектов. Так, в юридической литературе отмечается, что разностороннее государственно-частное партнерство становится возможным лишь в том случае, если цели и интересы частных лиц совпадают с целями и интересами органа власти, и наоборот[410]. Например, в частном праве субъектами являются преимущественно граждане и юридические лица. В публичном праве одной из сторон правоотношения выступает государство.

Некоторые авторы, например, В.Е. Чиркин, отмечают, что юридическими лицами публичного права следует считать государство, государственные (государствоподобные) образования, муниципальные образования, территориальные публичные коллективы, органы публичной власти, учреждения публичной власти, некоммерческие общественные организации[411].

В данном случае следует согласиться с В.В. Болговой, которая полагает, что данная классификация нуждается в уточнении. Во-первых, она предполагает серьезную переработку законодательства, так как в него включены образования, которые наше гражданское право не рассматривает как субъекты (территориальные публичные коллективы). Во-вторых, сложно согласиться с тем, что специфический публичный статус имеют публичные некоммерческие общественные организации или государственные предприятия. Особенности участия некоторых юридических лиц, учрежденных публичными образованиями, в обязательственных, вещных или организационных отношениях, в том числе и в случаях, когда они действуют от имени публичных субъектов, не следует считать предопределяющими появление в соответствующей правовой системе конструкции юридического

лица публичного права[412].

Как известно, субъект права – это лицо, обладающее правосубъектностью, потенциально способное быть участником правоотношений. Субъект правоотношения – реальный участник конкретных правовых отношений.

Представляется, что к субъектам социального права и правоотношений следует отнести:

1) специфических субъектов права, которые выступают исключительно как субъекты комплексного правового образования (например, муниципальное образование в муниципальном праве и др.);

2) неспецифических субъектрв права, которые выступают участниками правовых отношений других отраслей права (например, граждане, Российская Федерация и субъекты РФ, юридические лица). Особое место среди данной группы субъектов занимают общественные объединения, создаваемые в таких формах, как общественные организации, общественные движения, общественные фонды, общественные учреждения, политические партии.

Определяя субъекты социального права, следует отметить существование новых субъектов права, чья правосубъектность реализуется преимущественно в сферах публичного и частного права, например, государственных корпораций, которые подвергаются смешанному правовому регулированию.

К новым субъектам права следует отнести саморегулируемые организации, частные организации, осуществляющие аутсорсинг административно-управленческих процессов, многофункциональные центры предоставления государственных и муниципальных услуг, частные организации, задействованные в государственно – частном партнерстве.

В России имеет место как делегированное, так и добровольное саморегулирование. Особенность правового статуса саморегулируемых организаций выражается в том, что, являясь некоммерческими организациями, консолидирующими частноправовые профессиональные интересы, они обладают компетенцией по регулированию и контролю за предпринимательской деятельностью своих членов, которая более характерна для публично-правовых отношений[413].

Так, в соответствии с Федеральным законом от 01.12.2007 № 315-ФЗ «О саморегулируемых организациях» законодатель установил гражданско-правовой статус саморегулируемых организаций как некоммерческих объединений. Вместе с тем в постановлении Конституционного Суда РФ от 19.12.2005 № 12-П «По делу о проверке конституционности абзаца восьмого пункта 1

статьи 20 Федерального закона “О несостоятельности (банкротстве)” в связи с жалобой гражданина Д.Г. Меженцева» указано на публичную составляющую саморегулируемых организаций, подтвердил право государства устанавливать условия объединения в саморегулируемые организации, а также обязательность членства в них, с учетом выполняемых ими публично-правовых функций. Таким образом, Конституционный Суд РФ включил саморегулируемые организации в круг субъектов, выполняющих публичные функции, поскольку согласно Конституции РФ государство вправе передавать полномочия исполнительных органов власти негосударственным организациям, участвующим в выполнении отдельных функций публичной власти, и это не противоречит Конституции РФ и федеральным законам.

4.3. Вопросы социального права

При рассмотрении проблем частного и публичного права, как правило, обращают внимание на критерии их выделения. Вместе с тем правовая доктрина не выработала однозначных критериев разграничения частного и публичного права. Так, классическим критерием считается высказывание Ульпиана: «Публичное право есть то, которое относится к положению Римского государства; частное – которое (относится) к пользе отдельных лиц». Материальная концепция юридической доктрины предполагает, что критерием разграничения частного и публичного права является содержание общественных отношений. Материальный критерий был использован в теории интереса, в основе которой лежат категории общественной и частной пользы: публичное право служит общественной, а частное право – личной пользе. В дальнейшем в теории интереса наряду с критерием общественной и частной пользы стали рассматривать и субъектный критерий. В этой связи в гражданском праве выделялись частные лица как субъекты отношений и частный интерес как содержание отношения. В современной российской теории права концепция интереса как критерия разграничения частного и публичного права активно используется.

Для объяснения отличительных черт частного и публичного права была предложена концепция разграничения частного и публичного права в зависимости от наличия либо отсутствия имущественного или неимущественного элемента в общественном отношении. Так, частное право представляется отраслью, направленной на регулирование материальных, вещественных ценностей. Вместе с тем материальные ценности

могут принадлежать как публичным, так и частным субъектам.

Согласно другому критерию в публичном праве в основном имеют место императивные нормы, «публичное право нельзя менять частными соглашениями». Таким образом, в качестве основы разграничения частного и публичного права выделяют два момента: материальный и формальный – в зависимости от того, кому принадлежит инициатива защиты нарушаемого права (то, как защищаются интересы) – лицу, чье право нарушено, или государству. Если нарушенное право защищается по инициативе государства, то перед нами область публичного права. Если защита осуществляется по требованию лица, чье право нарушено, то это право установлено нормами частного права. Вместе с тем частная сфера не может рассматриваться как безразличная для государства, в то же время и вступление государства в гражданско-правовые отношения может преследовать исключительно публичные интересы.

Сторонники «формальной концепции» принимают во внимание совокупность приемов и способов регулирования правовых отношений. Природу публичного права составляет прием юридической централизации (метод субординации), а сущность гражданского права – прием юридической децентрализации (метод координации).

С другой стороны, деление права на частное и публичное является «неуместным» с точки зрения общей систематизации права; оно отвечает лишь прагматической цели классификации отраслей права, поскольку преобладающая часть хозяйственной деятельности сосредоточена в руках государственных органов.

Существует точка зрения, согласно которой характер соотношения частного и публичного элементов зависит от особенностей общественно-экономической формации. Например, в рабовладельческом и феодальном обществе государство координирует все процессы в обществе, там едины публичная власть и частная свобода.

В советской науке господствовала публично-правовая тенденция, деление права на публичное и частное отрицалось, в связи с чем подчеркивалась неизбежность отмирания последнего, что выражалось в снижении гражданского оборота, национализации, введении монополий, применении метода централизованного административного управления.

Вместе с тем наблюдались тенденции к разграничению частных и публичных начал в праве на уровне отдельных институтов и норм права. Например, из советского гражданского права в качестве самостоятельных правовых отраслей выделились семейное и трудовое право, а из гражданского и

административного советского права возникли земельное и природоресурсовое право. Также рассматривалась идея так называемого хозяйственного права, которое было призвано объединить административно-правовые и гражданско-правовые элементы в некое «новое качество правового регулирования», соединяющее в себе два начала.

В результате такого объединения возникли «новые» категории и понятия взамен традиционных гражданско-правовых конструкций: «хозяйственная организация государства» вместо юридического лица, «плановый договор», основные параметры которого уже были предусмотрены государством, и т. п.

При этом на различных этапах развития отношений сохранялись отдельные нормы и институты, отвергались и исчезали устаревшие и появлялись новые, которые, в свою очередь, способствовали дальнейшему развитию и укреплению общественных отношений и развитию системы права.

С формированием капитализма личная свобода отделяется от публичной власти, а экономическая власть приобретает публичный характер, прямое принуждение уступает место государственному регулированию. В буржуазном обществе государство выполняет роль «ночного сторожа» по отношению к частной предпринимательской деятельности, появляется раздельная регламентация экономических отношений, что выражается в разграничении права на публичное и частное.

В этой связи можно отметить следующее: с одной стороны, частное право подвергалось как стимулированию, так и ограничению со стороны публичной власти; с другой стороны, оно оказывало влияние на формирование демократических институтов публичной власти. Существует также позиция, согласно которой имеет значение приоритет публичных, общих интересов над частными, единичными, государство ведет общие дела.

В настоящее время в России признается деление права на частное и публичное, а также, как было указано выше, высказываются мнения в пользу выделения третьего сектора. По поводу критериев деления права на частное и публичное существуют различные точки зрения. Например, М. Гунель выделяет четыре критерия разграничения публичного и частного права: органический (связь публичного права с государством, а частного – с гражданами), формальный (использование в публичном праве новейшей, а в частном – классической юридической техники), телеологический (обеспечение средствами публичного права публичного интереса, а средствами частного права – частного интереса), материальный (содержание

норм публичного права является общим и безличным, а нормы частного права регламентируют субъективные права граждан) [414].

Ведутся дискуссии по поводу переосмысления роли публичного права в регулировании гражданского оборота, выявления новых аспектов соотношения частноправового и публичного права. Характерным становится не противопоставление интересов государства и общества, а поиск оптимального соотношения публичных и частных начал с учетом высших ценностей человека, его прав и свобод.

Имеются определения, согласно которым публичное право выражает общественные отношения. Например, Ю.А. Тихомиров полагает, что публичное право выражает государственные, межгосударственные и общественные отношения, а частное охватывает интересы граждан. Е.А. Суханов отмечает, что публичное право представляет собой ряд мер, которые государственная власть принимает в целях развития общественного благосостояния, а частное право непосредственно касается взаимоотношений субъектов права. Достижение оптимального соотношения частноправовой и публичной подсистем выражается в появлении комплексных отраслей, включающих нормы различных отраслей права (например, на стыке частноправовых и публичных начал сформировалась отрасль предпринимательского права). При этом возникает необходимость в определенной переоценке правовой природы «смежных» с гражданским правом отраслей, в частности, права семейного, трудового, земельного и природоресурсного.

Можно выделить комплексные правовые образования, в которых преобладают публично-правовые нормы, например, экологическое, земельное право, где отношения сосредоточиваются на определении публично-правового режима различных видов земельных участков, их целевого назначения, на требованиях природоохранного характера и т. п.

В свою очередь можно назвать комплексные правовые образования, в рамках которых имеют преимущественное значение частноправовые средства регулирования. Эти правовые образования организуются по принципу минимального вмешательства государства. Таково семейное право, которое предусматривает возможность заключения брачных контрактов, определяющих по воле супругов правовой режим их имущества и добровольный и равноправный характер брачно-семейных связей.

Кроме того, имеются комплексные правовые образования, природу которых нельзя определить однозначно, в частности, выделить преобладающее значение тех или иных элементов. Так,

при рассмотрении природы трудового права можно выделить его частноправовой характер (например, правила о трудовом договоре). Вместе с тем существуют специальные социальные гарантии для участников трудовых отношений.

В настоящее время высказываются спорные точки зрения относительно самостоятельности предпринимательского права. Одни авторы рассматривают предпринимательское право как преемника хозяйственного права, другие отождествляют предпринимательское право с торговым правом. При этом указывается, с одной стороны, на возможность нового объединения в рамках предпринимательского права частных и публичных элементов, с другой стороны, обосновываются особенности государственно регулируемого рыночного хозяйства, что, по мнению некоторых ученых, неизбежно ведет к подавлению частноправовых начал.

Приемлемая форма предпринимательского оборота должна основываться на деятельности юридически равных и имущественно самостоятельных участников, руководствующихся своими частными интересами при отсутствии произвольного вмешательства государства, поскольку публично-правовые правила в силу своей природы неизбежно подавляют и ограничивают частноправовые начала, и их соединение в одной отрасли исключается.

Вместе с тем необходимо отметить, что правовое регулирование предпринимательской деятельности по преимуществу имеет частноправовое воздействие (правила об имущественно-правовом статусе предпринимателей, коммерческом представительстве, особенностях возникновения и исполнения обязательств при осуществлении предпринимательской деятельности, применение положений о юридических лицах, вещных правах, сделках, обязательствах), а также публично-правовое регулирование, которое осуществляется с помощью норм административного, финансового, земельного, гражданско-процессуального и других отраслей публичного права.

Кроме того, предпринимательское право выделяется в качестве учебной дисциплины, посвященной изучению правового регулирования предпринимательской деятельности; эта дисциплина носят комплексный характер, охватывая как частноправовые, так и публично-правовые правила и конструкции.

Следует отметить, что, в зависимости от критерия деления частное и публичное право в разных правовых системах мира имеет значительные различия. Так, отрасли, которые в одной

стране относятся к частному праву, в другой считаются публично-правовыми. Например, в германском праве трудовое право обычно рассматривается в качестве частноправового образования. В ряде западноевропейских стран частное право традиционно разделяется на две основные ветви: гражданское и торговое. При этом нормы торгового права являются специальными по отношению к гражданско-правовым.

В мексиканском праве выделяют отрасли, которые не относятся ни к частному, ни к публичному праву: это экономическое, трудовое и аграрное право; они вышли из частного нрава, но имеют свою специфику, которая приближает их к публичному праву. При этом делается вывод, что деление мексиканского права на публичное и частное перестает быть безусловным. К частному праву относят гражданское и торговое право. К отраслям, которые находятся в стадии формирования, относят аграрное, трудовое, финансовое и воздушное право. Публичное право состоит из конституционного, административного, уголовного процессуального права. Ранее процессуальное право относилось к частному праву: средневековая процессуальная доктрина считала, что право иска – это субъективное право в действии. В дальнейшем был выдвинут тезис «права иска как автономного права», который основывался на требовании государственного вмешательства для обеспечения своих интересов путем государственного правового акта (приказа), и процессуальное право стало относиться к праву публичному. Вместе с тем есть мнение, что процессуальное право должно составлять tercius genus, так как оно не относится ни к публичному, ни к частному праву. В отношении трудового и аграрного права говорится, что эти две отрасли права демонстрируют взаимное проникновение публичного и частного права таким образом, что это дает повод считать возможным появление некоего третьего вида правовых отраслей в системе права[415].

Видимо, состав отраслей права определяется особенностями исторического и социально-экономического развития конкретных стран, в которых имеются некоторые общие черты и закономерности. Кроме того, правовая система получает новое качество – развитую систему законодательства и систему права, вобрав в себя правовой опыт предшествуюших поколений.

Следует также отметить, что основные отрасли права, в том числе гражданское право подвергаются известной систематизации (дифференциации). Так, современные кодификации стремятся ликвидировать разрыв между гражданским законодательством и гражданским правом, включая

в свою систему положения обо всех или о большинстве гражданско-правовых институтов. Более того, можно отметить тенденцию к развитию гражданского права под влиянием более гибких норм о торговом обороте и, тем самым, к его максимальному приспособлению к потребностям предпринимательской деятельности.

Представляется, что классические идеи, выражающие частноправовое и публично-правовое деление, должны быть использованы при выделении социального права. Например, принципы частного права, к которым относятся неприкосновенность собственности, равенство участников гражданского оборота, восстановление и судебная защита нарушенных прав, недопустимость произвольного вмешательства в частные дела, беспрепятственное осуществление гражданских прав, свобода договора и единство экономического пространства на территории Российской Федерации, диспозитивные (дозволительные) нормы, позволяющие наиболее адекватно обеспечивать реализацию и защиту частных интересов, и другие нормы могут быть активно использованы и учитываться при формировании социального права.

Так, существуют сферы частного права, в которые государство вмешивается в целях защиты собственных интересов или интересов гражданского общества, осуществляя прямое и косвенное публично-правовое регулирование соответствующих отношений. Например, в рамках договорного права это введение запретов и ограничений на иностранное инвестирование, антимонопольное регулирование, введение валютных ограничений, регулирование рынка ценных бумаг, тарифов и цен, лицензирование предпринимательской деятельности, создание особого правового режима для некоторых изобретений, вмешательство с целью зашиты прав потребителей. Можно также назвать государственную регистрацию субъектов предпринимательской деятельности, налоговое регулирование, таможенное регулирование, прогнозирование, установление в законодательстве определенных параметров деятельности предприятий, требований к качеству продукции и других условий хозяйственной деятельности.

Кроме того, государством используются средства содействия, поощрения, в частности, комплекс мер по стимулированию предприятий при выполнении предъявляемых к ним требований. Как известно, отставание отечественного автопроизводства от мировых лидеров автоиндустрии давно является важным вопросом. С целью привлечения инвестиций в автопром в России заключаются особые соглашения о промышленной сборке.

Согласно таким соглашениям иностранным инвесторам предоставляются таможенные льготы при организации нового производства либо расширении модельного ряда на уже работающем предприятии. Вместе с тем при этом необходимо учитывать транспортные расходы, затраты на логистику, уровень коррумпированности чиновничьего аппарата и т. д.[416]

Особенность современной исторической ситуации позволяет, наряду с названными, выделить европейский аспект, который включает в себя динамику развития современного права в рамках Европейского Сообщества и Содружества Независимых Государств. Например, члены Европейского Сообщества ратуют за политику свободы передвижения лиц путем устранения законодательных барьеров, в частности, иммиграционных ограничений, на пути создания единого внутреннего рынка, в том числе путем введения единого европейского гражданства.

Метод правового регулирования в социальном праве будет отличаться следующими компонентами: порядок установления права и обязанностей; степень определенности предоставленных прав и автономности действий их субъектов; подбор юридических фактов, влекущих правоотношения; характер правового положения сторон в правоотношениях, реализующих нормы; распределение прав и обязанностей между субъектами; пути и средства обеспечения субъективных прав.

Отличия между частным, публичным и социальным правом состоят, помимо метода правового регулирования, в сферах, принципах и используемых правовых институтах.

Публичные начала в праве, в частности, приоритетная защита интересов государства и общества в целом, преимущественное использование императивного метода, могут быть применены в социальном праве для определения границ деятельности государства.

Соответственно, наряду с формулированием соотношения публичных и частных начал в социальном праве рассматриваются направления и механизмы государственной политики в той или иной сфере. При этом стержнем государственной политики становятся национальные проекты, например, «Доступное и комфортное жилье – гражданам России», Национальная приоритетная программа в области здравоохранения и др.

Актуальность решения задач и формирования приоритетов определяется под воздействием целого ряда социальных факторов в виде явлений общественной жизни, позволяющих выявить потребность в правовом регулировании общественных отношений и содействующих надлежащему разрешению проблемных ситуаций путем принятия нормативного правового акта. Особую

важность при формировании приоритетов в развитии социального права приобретают общемировые тенденции, участие в межгосударственном правовом сотрудничестве, а также учет различных международных документов, в том числе Ежегодных докладов Госдепартамента США о положении прав человека в России и др.

Традиционно к публичному праву относят нормы, защищающие интересы государства (в том числе нормы конституционного, административного, уголовного права), к частному праву – нормы, обеспечивающие реализацию прав и законных интересов частных лиц (нормы гражданского права).

Публичное право обусловлено, в первую очередь, необходимостью обеспечения защиты и безопасности граждан. Это такая область права, в основе которой лежат государственные интересы. Само устройство и деятельность государства как публичной власти, регламентация деятельности государственного аппарата, должностных лиц, уголовное преследование правонарушителей, уголовная и административная ответственность – институты, построенные на принципах соподчиненности, субординации, иерархии, централизации. Для публичного права характерны императивные предписания и запреты, порядок взаимоотношений основан на власти – подчинении, в соответствии с которым лица, обладающие властью, вправе в одностороннем порядке и непосредственно определять поведение других лиц. Сообразно этому вся система властно-принудительных учреждений обязана силой принуждения обеспечивать полную и точную реализацию таких предписаний и запретов. Органы государственной власти осуществляют данную им власть не по собственному усмотрению, а в рамках компетенции, установленной законодательством. Их деятельность строго регламентирована по принципу «можно только то, что определено законодательством». Более того, органы государственной власти не только не вправе действовать по собственному усмотрению, но также и не могут не выполнять свои обязанности (полномочия)[417].

В свою очередь частное право – это право, регулирующее частные интересы; оно определяет совершенно иной порядок регулирования общественных отношений, предполагающий децентрализацию, свободу отдельных субъектов, распоряжающихся своими материальными и процессуальными правами по собственной воле и инициативе. В частном праве преобладают горизонтальные связи, основанные на юридическом равенстве субъектов, координации их воли и интересов.

При выделении социального права может возникнуть мнение

о том, что понятие это не совсем корректно, поскольку все право – социальное. Учитывая имеющееся разнообразие в критериях деления права, не стоит забывать, что такое деление достаточно условно, поскольку любой частный интерес защищается государством. Исследователи отмечают также, что деление права на частное и публичное «возможно только в сфере реализации права, то есть в сфере правоотношений», поскольку все нормы права призваны учитывать и охранять интересы всего общества и отдельных индивидов. Кроме того, императивные нормы включены не только в публичное, но и в частное право, что оказывает значительное влияние на метод правового регулирования.

Действительно, отраслевое правовое регулирование в целом обусловлено социальной потребностью. Вместе с тем, регламентации в основных отраслях публичного и частного права подвергается та сторона деятельности, которая требует юридически однородных приемов воздействия. В этой связи, как было отмечено выше, формирование основной отрасли идет от юридического начала – метода, а комплексной – от социального начала, т. е. предмета[418].

Социальное право предусматривает деятельность государства, индивидов и их объединений, направленную на достижение определенных социальных задач. Причем важной составляющей социального права является концентрация наиболее существенных интересов социальных групп, слоев, классов и общества в целом.

Так, отдельное лицо участвует в этом процессе путем непосредственного правотворчества. Например, референдум – всенародное голосование граждан Российской Федерации по важным вопросам государственного или местного значения. Решение, принятое на референдуме в Российской Федерации, является общеобязательным и не нуждается в дополнительном утверждении. В соответствии с российским законодательством могут проводиться три вида референдумов: референдум Российской Федерации, референдум субъекта Российской Федераций и местный референдум. Например, 16 марта 2014 г. состоялся референдум о статусе Крыма. Референдум прошел на территории Автономной Республики Крым и города Севастополя. По данным обработки 100 % протоколов на территории АР Крым первый пункт бюллетеня – «За воссоединение Крыма с Россией на правах субъекта Российской Федерации» – выбрали 96,77 % проголосовавших, в Севастополе – 95,6 %. Результаты референдума были утверждены Верховным Советом Автономной Республики Крым и Городским советом Севастополя. На

основании Декларации о независимости и результатов референдума была провозглашена Республика Крым как независимое и суверенное государство, в которую вошел Севастополь как город с особым статусом. Президент России подписал указ о признании Республики Крым в качестве независимого и суверенного государства. 18 марта 2014 г. был подписан международный договор о принятии Крыма и Севастополя в состав России. Вместе с тем 27 марта 2014 г. на заседании Генеральной Ассамблеи ООН 100 стран проголосовали за принятие резолюции ООН, признающей референдум о присоединении Крыма к России незаконным.

Каждый индивид участвует в соответствующей деятельности путем самостоятельной реализации своих законных интересов, различных форм выражения общественного мнения, а также путем участия в политических и общественных объединениях, выбора должностных лиц в государственные и муниципальные органы, выражения своего мнения в средствах массовой информации, активной судебной защиты своих прав и т. д.

Кроме того, наряду с индивидами и государственными органами власти активное участие в общественной жизни принимают органы местного самоуправления, общественные объединения, организации, движения, политические партии. Причем актуальные ориентиры, вырабатываемые обществом, едины для всех, совпадают с интересами личности и государства, одновременно отвечая требованиям международно-правовой системы.

Можно отметить также, что если частное право существовало и до становления гражданского общества, то социальное право возникло после формирования гражданского общества, независимого от государства и разгосударствления ряда общественных отношений. Его сопоставление с публичным и частным правом началось сразу же. В то же время проблема защиты прав человека уместна лишь в рамках общества, поскольку права человека существуют в силу их социально-общественной природы. Представляя собой социальный феномен, права человека вне общества, безотносительно к связям человека с другими людьми, теряют всякий смысл. Правомочие в обладании того или иного права заключается в возможности прибегать в необходимых случаях к государственной и общественной защите нарушенного права.

Р.А. Мюллерсон выделяет три уровня предправовых факторов, определяющих возможность и формы реализации человеком своих прав: индивидуальный, относящийся к человеку как таковому со всеми его биологическими и социальными

потребностями; общественный, определяемый условиями жизни данного государственно-организованного общества, уровнем его развития, всеми особенностями и традициями; международный, определяемый степенью развития мирового сообщества в целом, уровнем взаимозависимости государств и народов и, как следствие этого, характером международного права, международных механизмов и процедур, т. е. характером человеческой цивилизации в целом[419].

Социальная сущность процессов в современной системе права связана не столько с отдельным индивидуумом, сколько с обществом (например, относительно миграционного права – турки-мескетинцы в Краснодарском крае), что проявляется в социальной и демографической структуре. В этой связи актуальным является изучение современных процессов с позиции влияния их на развитие общества, в том числе изменений, происходящих в структуре общества под воздействием таких процессов; важно прогнозировать изменения в обществе, которые могут произойти в результате таких процессов, определить роль соответствующих процессов для общества и государства и личности в целом.

Рассматривая экологические проблемы, ученые приходят к выводу о необходимости формирования нового мировоззрения, которое включает частные интересы, интересы политических группировок, социальных слоев, наций или государств, а также привлечение граждан к самоуправлению на основе ответственности и самоограничения.

В юридической литературе различают понятие «государство» и «общество», в частности, указывается, что отделение государства от общества и обособление общества от государства, их относительная самостоятельность по отношению друг к другу выражены в различии принципов их организации и строения, разных способах правового регулирования частных и публичных отношений. При этом например, Е.М. Макеева полагает, что такое различие между гражданским обществом и государством объективно обусловливает деление права на публичное (регулирующее государственные отношения) и частное (регулирующее отношения гражданского общества)[420].

Вместе с тем деление права на частное, публичное и социальное перекликается с идей Л.И. Петражицкого о том, что в качестве критерия для деления права следует принять признак юридической децентрализации и централизации правоотношения; к нему он добавляет еще разграничение прав социального служения и личносвободного права[421]. Права социального служения имеют своими объектами повеления или

иные действия на благо подвластных или социальной группы. В своем осуществлении эти права связаны с обязанностями заботиться о благе подвластных или об общем благе социальной группы. Наряду с правом социального служения ученый выделяет право, свободное от социального служения, осуществляемое в интересах его обладателя.

Выводы о самостоятельности гражданского общества по отношению к государству, о зависимости общественного строя от разделения труда и форм собственности были изложены Гегелем в книге «Философия права»[422]. Гегель определил гражданское общество как связь лиц через систему потребностей и разделение труда, правосудие (правовые учреждения и правопорядок), внешний порядок (полицию и корпорации). Он утверждал, что социальная жизнь, характерная для гражданского общества, радикально отличается от публичной жизни государства.

О. Гирке полагал, что можно подразделить право на индивидуальное и социальное, поскольку такое деление вытекает из самой природы человека, который сознает себя как обособленного индивида и в то же время является членом общественного союза. «Можно, конечно, по примеру школы естественного права мыслить все право как индивидуальное, но можно, как того требует социализм, представить право в виде социального. Но в каждом из этих двух случаев культуре грозила бы опасность или разложения, или оцепенения. В Риме индивидуальное и социальное право соответствовали делению права на частное и публичное, потому что вся общественная жизнь была в государстве, в настоящее же время общественная жизнь не исчерпывается отношением к государству. Поэтому современное деление права на частное и публичное не совпадает с делением права на индивидуальное и социальное. Идею социального права, заключающего в себе государственное право, можно найти уже у теоретиков естественного права, например у Хёпфнера»[423].

Г.Ф. Шершеневич полагал, что можно предложить трехчленное деление права на частное, общественное и публичное. До О. Гирке о трехчленном делении права писал Роберт Моль[424].

Имеются и другие взгляды на рассматриваемый нами вопрос. Например, практически все лидеры народничества (П.Л. Лавров, Л.Н. Ткачев и др.) в своих работах отрицали в той или иной степени роль государства в жизни общества, считали необходимым его уничтожение в ходе неизбежной социальной революции. Для русского либерализма были характерны некая надклассовость, элитарная асоциальность, проявившаяся в

стремлении создать правовую концепцию, удовлетворяющую интересам всего общества[425].

Учитывая изложенное, можно отметить, что в настоящее время классический поход к делению права на частное и публичное подвергается корректировке в целом. Помимо вопроса, связанного с выбором критерия разграничения частного и публичного права, сегодня весьма актуальным представляется вопрос об их роли в правовом регулировании, их соотношении и взаимосвязи.

Соответствующие исследования проводятся применительно к разным отраслям и институтам права. В частности, одни исследователи отмечают, что различные по правовой природе нормы, принадлежащие как к публичному, так и к частному праву, не согласованы и потому нередко противоречат друг другу. Другие авторы считают, что основной задачей права на современном этапе является обеспечение баланса частных и публичных интересов.

Возникают изменения и в комплексных отраслях. Со временем комплексные правовые образования становятся все сложнее. Появляются комплексные правовые образования как во внутригосударственной системе права, так и на наднациональном уровне. Как известно, международное право в отраслевую систему не включается, в частности, международное публичное право, международное частное право, международное корпоративное право и т. д. Вместе с тем такие образования рассматриваются как комплексные правовые образования[426].

Так, можно выделить комплексные правовые образования во внутригосударственном праве: предпринимательское, трудовое, экологическое, миграционное, информационное, процессуальные отрасли права, семейное, финансовое, земельное, банковское и др. которые отделились от основных. В перспективе возможно появление интернет-права, которое сегодня находятся в стадии формирования, и др.

Комплексные правовые образования на наднациональном уровне – таможенное право, международное финансовое право, международное административное право и др.

Более того, в соответствии с делением системы права на отдельные отрасли права выделяют следующие виды юридических гарантий: конституционно-правовые, административно-правовые, административно-процессуальные, гражданско-правовые, гражданско-процессуальные; уголовно-правовые, уголовно-процессуальные, финансово-правовые, трудовые гарантии, семейно-правовые, земельно-правовые, экологическо-правовые, международно-правовые гарантии[427].

С развитием рыночного общества, появлением новых экономических отношений и других факторов изменился состав субъектов права; так, помимо государственных органов в общественных отношениях стали активно участвовать коммерческий сектор, некоммерческие организации и др. В трудовом праве появились новые субъекты права (служба занятости), а также новые субъекты разрешения трудовых споров: государственная служба по урегулированию коллективных трудовых споров, примирительные комиссии, посредники и трудовой арбитраж.

Кроме того, делается акцент на юридических средствах, которые призваны играть важную роль в правовой сфере жизни общества, так как они создаются и функционируют для достижения социально значимых целей, а также направлены на обеспечение удовлетворения интересов субъектов права и достижение конкретных юридически значимых результатов.

В этой связи возникает проблема организации и управления такого сектора. Можно выделить две позиции по данному вопросу. Согласно первой, важнейшей задачей является создание новой технологии государственного воздействия на общественные, публичные интересы, формирование оптимального соотношения публичного и частного права. При этом под публичными интересами понимаются не столько интересы государства, сколько совокупные интересы граждан общества. Государство же должно выступать в качестве выразителя публичных интересов и представлять общество в целом. В этой связи отмечается, что построение комплексных правовых образований в рамках комплексных отраслей законодательства должно осуществляться по сферам государственного управления, по отраслям государственного управления, поскольку структура законодательства определяется главным образом целями деятельности государства. А.Ф. Шебанов указывал, что, поскольку главенствующее значение для построения системы отраслей законодательства имеет воля государства, то структура законодательства определяется главным образом целями деятельности государства и имеющимися в его распоряжении способами и формами осуществления данных целей[428]. Издавая те или иные нормативные акты, государство исходит, прежде всего, из определенных целей государственного руководства обществом, стремится наиболее эффективно решать назревшие практические задачи. Автор полагал, что наиболее успешному решению этих задач способствует в одних случаях сосредоточение в одном (или нескольких) акте норм, регулирующих однородные отношения в

определенной области общественной жизни (например, брака и семьи), а в других – норм, регулирующих разнородные отношения в сфере действия определенной целостной системы государственных органов (например, в сфере действия органов образования).

Издание государством актов, содержащих нормы разных отраслей права и решающих в комплексе ту или иную задачу государственного управления, на наш взгляд, – объективная необходимость.

Согласно другой позиции, задачей частного права является ограничение вмешательства государства в частные дела, а также установление его пределов, в частности, установление соответствующих ограничений в интересах экономически более слабых участников либо в общих интересах.

Представляется, что принятие первой позиции (издание нормативных актов) сводится к максимальному подчинению интересов личностей и групп интересам государства, которое полагается стоящим над обществом. Вместе с тем такое государственное воздействие, направленное на наиболее важные сферы жизни общества, должно учитывать, что «жизнь» права в социальном континууме опосредуется целями и интересами социальных групп, организаций. Можно, конечно, говорить о том, что государство выступает как средство достижения общественного компромисса, организации социального партнерства, смягчения социальных противоречий, а также предусматривает особый правовой механизм, структура которого включает гласность, общественное мнение, а также гарантии (общие, специальные, организационные), процедуры, ответственность, контроль.

Вместе с тем необходимо учитывать, что главной задачей государства является обеспечение защиты, безопасности общества. Предотвращать правонарушения и активизировать управление в социальном праве государство должно именно в этих рамках. Согласно положению Конституции РФ, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства. И только в определенных условиях права подвергаются некоторым ограничениям в интересах государства и общества в целом, что находит отражение в законодательстве.

В этой связи идея о возможности объединения частноправовых и публично-правовых начал в некое новое «единое качество правового регулирования» может осуществляться по такому принципу. Когда мы сталкиваемся с политикой активного вмешательства государства в соответствующую сферу, можно понять ученых, которые

выступают против выделения комплексных отраслей права, например, предпринимательского права, в самостоятельную отрасль, полагая, что оно оправдывает неограниченное вмешательство государства в сферу экономики. Кроме того, необходимо помнить, что в период возрождения частноправовых институтов в российской правовой науке было сказано о необходимости отказа от публично-правовых принципов, от доминирующего вмешательства государства, о приоритете частного права.

В этой связи можно возразить, что речь идет о правовом воздействии с помощью правовых средств. В условиях построения в России правового государства, безусловно, право является необходимым инструментом в достижении оптимального баланса между интересами публичной и социальной сферы, но достижение этого баланса не должно жестко регулироваться, абсолютизируя роль государства в обществе, а также политику активного вмешательства государства во все сферы общества. Здесь встает вопрос о соотношении свободы и несвободы, инициативы, автономии воли и пределов вторжения государства в гражданскую жизнь.

В свою очередь Конституционный Суд РФ обращает внимание на обеспечение правовой определенности, разумной стабильности правового регулирования, недопустимость внесения произвольных изменений в действующее правовое регулирование и предсказуемость законодательной политики с тем, чтобы участники соответствующих правоотношений могли в разумных пределах предвидеть последствия своего поведения и быть уверенными в неизменности своего официально признанного статуса, приобретенных прав, действенности их государственной защиты. Законодатель не только вправе, но и обязан принимать законы, обеспечивающие социальную защиту тех категорий населения, которые в ней нуждаются, а также предусматривать соответствующий механизм реализации законов[429].

Кроме того, при выборе средства правового регулирования необходимо учитывать, что вмешательство в комплексные правовые образования государства и его органов юридически запрещено или ограничено законом. Так, в соответствии с ч. 3 ст. 55 Конституции РФ права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. Таким образом, исключается возможность произвольного вторжения государства в сферу личной свободы,

узаконивается границы «прямого приказа» государства, раздвигаются границы свободы собственности и частной инициативы.

В этой связи необходимо определить сферу правовой потребности, цели и задачи правового регулирования, предусмотреть соответствующие правовые мероприятия, а также результаты, которые последуют как для общества, так и для субъектов, участвующих в решении таких вопросов. Особого внимания требует проблема принятия нормативных правовых актов. При этом новые комплексы нормативных правовых актов, ориентированные на удовлетворение

интересов общества и человека, в меньшей степени основываются на кодифицированном законе, для них характерно регулирование предметной области правоотношений целым рядом федеральных законов.

Считается, что степень автономности конкретной отрасли законодательства на практике варьируется в зависимости от того, как близко это законодательство стоит к той или иной отрасли права. Эта степень более ярко определена в отраслях законодательства, в основном совпадающих с одноименными отраслями права, слабее – в отраслях законодательства с комплексным элементом.

Имеются пробелы в медицинском, образовательном праве, которые регулируются многочисленными подзаконными актами, разъяснениями о порядке их применения, указаниями ведомственного характера, а также прочими документами ненормативного характера. Можно, конечно, отметить, что в последние годы в условиях рыночной экономики роль государства меняется по сравнению с его монопольным положением в советский период, поэтому, помимо защиты прав и свобод человека, возникает необходимость установления общих ориентиров, а также контроля за соблюдением установленных правил и защиты от возможных нарушений.

В рамках совершенствования механизма защиты прав и свобод человека и гражданина представляет интерес конституционно-правовой механизм регулирования нарушений этих прав, в том числе конституционно-правовой механизм реализации Европейской конвенции по правам человека в Российской Федерации, а также поиск новых механизмов защиты прав и свобод человека. В качестве поддержки обратной связи между обществом и государством может рассматриваться механизм правового мониторинга, дающий возможность анализировать и оценивать состояние прав человека.

В этой связи некоторые авторы предлагают учитывать опыт

латиноамериканских государств. Так, по мнению А.А. Худоешко, возможно введение механизма ампаро в российскую правовую систему: это повысит гарантированность и защищенность прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации[430].

А.А. Худоешко полагает, что, исходя из того, что п. «б» ч. 1 ст. 72 Конституции РФ отнес к совместному ведению Российской Федерации и субъектов Российской Федерации защиту прав и свобод человека и гражданина, можно наделить конституционные/уставные суды субъектов Российской Федерации правомочиями рассмотрения в первой инстанции жалоб об ампаро, касающихся нарушений их конституционных прав и свобод граждан; наделить Конституционный суд РФ полномочиями рассмотрения указанных жалоб об ампаро в кассационной инстанции, одновременно расширив предметные и процедурные возможности обращения граждан с жалобами на нарушения конституционных прав и свобод (п. 3 ст. 3 Федерального конституционного закона от 21.07.1994 № 1-ФКЗ «О Конституционном суде Российской Федерации»).

Данное предложение интересно, поскольку процедура ампаро носит облегченно-ускоренный процессуальный характер с минимизацией формальностей.

Рассмотрение вопроса взаимодействия государства, личности и общества связано с различием частных и публичных интересов, а также с существующей разницей в принципах их организации. При этом чаще всего в комплексных правовых образованиях исследуется сочетание публичных и частных интересов, вопрос о правах граждан и юридических лиц и направлений и механизмов соответствующей политики. Например, отмечается, что предпринимательское (хозяйственное) право – это система правовых норм и институтов, регулирующих на основе сочетания публичных и частных интересов общественные отношения, возникающие в процессе осуществления предпринимательской деятельности, в том числе отношения по государственному регулированию экономики в целях обеспечения интересов государства и общества, а использование норм предпринимательского права необходимо в силу того, что «профессиональная экономическая деятельность затрагивает интересы неопределенного круга лиц, нуждающихся в дополнительной (по сравнению с частноправовой) защите. Среди принципов предпринимательского права – сочетание частных и публичных интересов, государственное регулирование и, вместе с тем, свобода предпринимательской деятельности. При этом значительное место в предпринимательском праве занимают публично-правовые моменты, составляющие вместе с

частноправовыми единую сферу правового регулирования.

Вместе с тем можно услышать и критику в отношении концепции интереса, которая обусловлена тем, что имеется неразрывная связь частного и публичного интереса, выраженная в применении многими публичными субъектами институтов частного права. С другой стороны, отмечается, что любая деятельность современного правового государства в конечном итоге направлена на удовлетворение потребностей гражданского общества и потому имеет публично-правовую природу. Следовательно, публичный интерес предусматривает интересы общества. По определению Р.Д. Гребнева, это «признанный (либо сформировавшийся и в силу этого объективно фиксируемый в качестве такового и подлежащий признанию), обеспеченный, охраняемый и защищаемый публичной властью (публичными властями нескольких государств) как выразителем и представителем интересов общества крупный (общезначимый общенационального или международного значения) интегральный комплекс правовых, социальных, экономических и/или иных интересов (потребностей, стремлений и перспективных ожиданий) общества в целом или значимых для общества в целом интересен отдельных общественных страт»[431].

По мнению Е.В. Спекторского, сложный вопрос об отношении между личностью, обществом и государством слишком упрощается и односторонне решается в пользу личности[432].

На наш взгляд, в комплексных правовых отношениях должно аккумулироваться сочетание интересов публичных и общественных, а также частных и публичных. Соответственно, необходимо рассматривать интересы не только государства и личности, но и интересы общества. Представляется, что такой подход будет играть важную роль в определении природы императивных и диспозитивных правовых норм в комплексных правовых образованиях.

Более того, ученые указывают на отсутствие различий между публичным и частным правом, поскольку любая норма права в силу общеправового принципа формального равенства должна объединять в себе оба начала: публично-правовое и частно-правовое. Представленная в норме права и в праве в целом общая воля (общий интерес) – это и есть правовой способ и правовая форма учета согласования, сочетания публичности и частных интересов в соответствующей сфере и отрасли нормативно-правовой регуляции[433].

Г.Ф. Шершеневич утверждал, что в праве всегда выражаются общественные интересы, а государство является участником гражданско-правовых отношений[434]. В свою очередь, это

проявление сущности правовых норм приводит к появлению комплексных отраслей права, которые отличаются от основных отраслей права (торговое право, трудовое право и аграрное право и др.).

Это мнение перекликается с концепцией Л.И. Петражицкого, в соответствии с которой право подразделяется на лично-свободное и социально-служебное. Социально-служебное право опосредует действия лица в общественном интересе, лично-свободное – в своем собственном[435]. В рамках сочетания частных и публичных интересов подразумевается, что деятельность индивида, направленная на достижение поставленных перед ним целей, находится в соответствии с интересами общественного прогресса. Роль государственной власти состоит в том, чтобы устанавливать общие принципы социальной жизнедеятельности человека и выступать в качестве арбитра в случае возникновения конфликта между интересами личности и общества. Государство не должно ограничивать свободу деятельности личности, за исключением редких случаев, установленных законом.

Так, отмечается, что юридический механизм реализации прав и свобод человека и гражданина состоит из следующих элементов: а) правовые нормы, закрепляющие основные права, свободы и обязанности человека и гражданина; б) юридические факты, влекущие возникновение готовности, процесса самой реализации и прекращения основных прав, свобод и обязанностей человека и гражданина; в) деятельность специальных органов и субъектов права, призванных обеспечивать права, свободы и обязанности; г) непосредственная деятельность суда и правоохранительных органов; д) специальные юридические процедуры; е) институт юридической ответственности; ж) уровень правовой культуры населения и самого носителя прав, свобод и обязанностей[436].

На наш взгляд, следует дополнить этот перечень институтами гражданского общества. В частности, речь идет об общественных, некоммерческих и других организациях и движениях, деятельность которых направлена на защиту прав человека и гражданина. Так, например, оформление идей о правах человека в политико-правовые доктрины (вторая половина XIX – начало XX вв.) связывают с созданием политических и общественных организаций и их законодательным оформлением[437].

В этой связи обращает на себя внимание проблема противопоставления институтов гражданского общества и государства: основу гражданского общества составляют

институты семьи, частной собственности и др., опирающиеся на естественные права человека, принадлежащие ему от рождения. Государство же, воздерживаясь от вмешательства в эти отношения, призвано ограждать их не только от своего, но и от чьего бы то ни было вмешательства. Вместе с тем права гражданина охватывают сферу отношений индивида с государством (сферу публичных интересов), в которой он рассчитывает не только на ограждение своих прав от незаконного вмешательства, но и на активное содействие государства в их реализации[438].

Такое противопоставление вытекает из классической правовой доктрины: с одной стороны – государство, понимаемое как публичное пространство, с другой – гражданское общество, понимаемое как деполитизированное пространство свободы.

Но в современном обществе реализация гражданином своих прав невозможна без содействия государства, границы между государством и гражданским обществом становятся все более размытыми, возникают институты, которые нельзя однозначно определить как общественные или государственные. Более того, на современном этапе государство приобретает черты правового и перестает быть антиподом гражданину и обществу.

Вместе с тем Е.А. Лукашева утверждает, что разграничение гражданского общества и государства позволяет преодолеть одностороннее рассмотрение человека в его взаимоотношениях только с государством, оно как бы расширяет сферу самоопределения человека; в гражданском обществе на основе прав человека создаются условия для самоопределения, самореализации личности, обеспечения ее автономии и независимости от другого незаконного вмешательства[439].

Как представляется, в рамках социального права важную роль играют некоммерческие организации. Это обусловлено тем, что некоммерческие организации могут создаваться для достижения социальных, благотворительных, культурных, образовательных, научных и управленческих целей, в целях охраны здоровья, развития физической культуры и спорта, удовлетворения духовных и иных нематериальных потребностей граждан, защиты прав, законных интересов граждан и организаций, разрешения споров и конфликтов, оказания юридической помощи, а также в иных целях, направленных на достижение общественных благ (п. 2 ст. 2 Федерального закона от 12.01.1996 № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях»).

Одной из форм некоммерческой организации является госкорпорация. В настоящее время идет интенсивный процесс создания различных государственных корпораций; в частности,

создавались или планировались к созданию госкорпорации «Фонд содействия реформированию жилищно-коммунального хозяйства», «Ростехнологии», «Роснанотех», «Олимпстрой», Банк развития, «Агентство по страхованию вкладов». Ряд государственных деятелей высказались за создание госкорпораций в сфере рыболовства, жилищного строительства, дорожного строительства, лекарственного обеспечения, станкостроения. Вместе с тем, такие общественные организации, как негосударственные пенсионные фонды, – достаточно специфическая форма некоммерческой организации, поскольку она связана с наличием публично-правовых элементов в структуре организации.

Одним из аспектов ограничения деятельности, осуществляемой некоммерческой организацией, является применение императивных средств публичной властью. Так, осуществление некоторых видов деятельности некоммерческих организаций находится под запретом. В абзаце 2 ч. 2 ст. 24 Федерального закона о некоммерческих организациях прямо указывается на то, что «законодательством Российской Федерации могут устанавливаться ограничения на предпринимательскую деятельность некоммерческих организаций отдельных видов».

Существуют также разрешительные процедуры, без прохождения которых допуск некоммерческих организаций к отдельным видам деятельности может не состояться. Это, в частности, лицензирование; регистрация; разрешение; квотирование; аккредитация; экспертиза; экзамен; сертификация; стандартизация; конкурс; оценка; согласование и утверждение (например, проектов в строительстве); аттестация[440]. Например, при получении разрешения на право осуществлять туроператорскую и турагентскую деятельность административный режим применяется однократно. А вот при получении лицензии на право торговли алкогольной продукцией необходимо получить согласие эпидемиологических, санитарных, экологических, пожарных и других органов.

Представляется, что некоммерческие организации призваны играть важную роль в жизни нашего общества. Так, можно предположить, что деление права на частное, публичное и социальное предусматривает наличие в социальном праве целостной системы некоммерческих организаций, в публичном праве – такого субъекта, как государство, и в частном праве – такого субъекта, как бизнес-сообщество.

Таблица 2. Деление права на частное, публичное и

социальное

Частное право	Публичное право	Социальное право Третий сектор (общественный)
Бизнес-сообщество	Государство	Некоммерческие организации

При этом необходимо учитывать, что существует потребность в регулировании деятельности некоммерческих организаций со стороны государства, поскольку бесконтрольное их функционирование приводит к возникновению потенциальной угрозы нарушения прав и законных интересов не только их участников, но и других субъектов (например, органов исполнительной власти, коммерческих организаций). В связи с этим данная сфера общественных отношений закономерно подвергается прямому и косвенному воздействию со стороны российского государства. Вместе с тем, памятуя о рыночных аспектах деятельности некоммерческих организаций, нельзя забывать и о существовании опасности ее «зарегламентированности», что может ослабить или даже нейтрализовать возможное положительное воздействие «третьего сектора» на экономику и на социальную сферу в целом[441].

Кроме того, возникшие перед человечеством новые глобальные проблемы (экологическая и национальная безопасность, миграция и др.) требуют расширения международного сотрудничества государств всего мира. Так, Россия является членом Совета Европы и других международных организаций, содействующих сотрудничеству стран в области прав человека, демократического развития. Важную роль играют процессы, связанные с сближением национального законодательства с европейским правом. Имеются многочисленные международные неправительственные организации, например, Международная ассоциация юристов-демократов, «Гринпис», молодежные, женские, студенческие, ветеранские организации и др.

Приведем пример эффективности деятельности общественных организаций. Рейли Стрэттон, ученица школы в Миннесоте (США), написала у себя на странице в социальной сети, что ненавидит помощницу одного из учителей. Школьная администрация, узнав об этом комментарии, потребовала от Рейли предоставить логин и пароль от аккаунта (запись была сделана с домашнего компьютера), а затем в присутствии девочки просмотрела ее страницу на Facebook. При этом письменного

разрешения от родителей Стрэттон, как того требуют правила, у них не было. Рейли обратилась в Американский союз защиты гражданских свобод, который помог ей составить судебный иск, где утверждалось, что были нарушены конституционные права школьницы. «Администрация школы наказала Рейли за то, чем занимаются все дети: она просто жаловалась друзьям на учителей. Она не подстрекала никого ни к чему плохому, а просто выражала свои чувства», – отметил представитель правозащитной организации. Школьная администрация, в свою очередь, нарушила право Стрэттон на неприкосновенность частной жизни. В результате руководство школы решило не доводить дело до суда и выплатило Стрэттон 70 тысяч долл. за нанесенный ей моральный ущерб[442].

Необходимо помнить, что в социальном праве преобладающую роль должны играть частноправовые средства защиты прав, чтобы люди могли удовлетворить свои потребности альтернативными и более эффективными способами.

Вместе с тем, среди альтернативных способов защиты может оказаться так называемое теневое право. В современный период к сферам наибольшего распространения теневого права относятся образование, наука, культура, труд и занятость, законодательная деятельность, сфера государственного управления, судебная система, правоохранительные органы и др.[443] Отмечается, что часть сферы общественной жизни находится «в тени»: это теневая экономика, теневые политтехнологии, избирательные в особенности (черный пиар, к примеру, стал атрибутом всякой избирательной кампании), теневое правотворчество, усиленное деятельностью непризнанных и нелегализованных лоббистских структур, теневая юстиция.

В обществе возникают соответствующие реакции на неправовые регуляции, которые выражаются в акциях протеста, протестных движениях, подаче заявлений, жалоб в органы прокуратуры, Уполномоченному по правам человекав Российской Федерации, Уполномоченному по защите прав предпринимателей в России, Уполномоченному по правам студентов в России, Уполномоченному при Президенте Российской Федерации по правам ребенка, Общественному примирителю на финансовом рынке (финансовый омбудсмен), в Европейский суд по правам человека и др.

Конституцией РФ предусмотрена должность Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации. Пункт «е» ч. 1 ст. 103 Конституции РФ относит к ведению Государственной Думы назначение и освобождение от должности Уполномоченного, действующего в соответствии с федеральным

конституционным законом. Должность Уполномоченного учреждена в целях обеспечения гарантий государственной защиты прав и свобод граждан, их соблюдения и уважения государственными органами, органами местного самоуправления и должностными лицами. При этом деятельность Уполномоченного дополняет существующие средства защиты прав и свобод граждан, но не отменяет и не влечет пересмотра компетенции государственных органов, обеспечивающих защиту и восстановление нарушенных прав и свобод.

Для повышения результативности деятельности Уполномоченного по правам человека и его аппарата предлагается законодательно закрепить следующие его полномочия: возбуждать дисциплинарные и административные производства по фактам нарушений прав человека; привлекать к административной и дисциплинарной ответственности руководителей организаций и должностных лиц, которые нарушают права и свободы человека и гражданина[444].

На наш взгляд, данные предложения породят проблему «конкуренции компетенций» между органами исполнительной власти и Уполномоченным по правам человека, а также в некоторой степени дублирование деятельности этих органов.

Высказываются и другие предложения по усовершенствованию законодательства об Уполномоченном по правам человека: в частности, Уполномоченный по правам человека должен обладать правом законодательной инициативы, а также иметь право давать заключение на законопроекты, затрагивающие права и свободы граждан, что существенно повысит его возможности и авторитет. В настоящее время Уполномоченный по правам человека обладает правом законодательной инициативы в Московской области, Санкт-Петербурге, Саратове.

Уполномоченные по правам человека работают в 48 субъектах Россисйкой Федерации: в Санкт-Петербурге; республиках Башкортостан, Ингушетия, Калмыкия, Карачаево-Черкессия, Татарстан, Коми, Саха (Якутия); областях Астраханской, Амурской, Архангельской, Волгоградской, Саратовской, Свердловской, Смоленской, Калининградской, Калужской, Брянской, Кемеровской, Липецкой, Самарской, Московской и Пермской; в Алтайском, Красноярском, Приморском, Краснодарском, Ставропольском краях.

Можно привести примеры обращений к Уполномоченному по правам человека РФ. Так, один гражданин подал иск в суд, потому что его привлекли к административной ответственности за то, что он во время избирательной кампании агитировал в

пользу выбора графы «Против всех». Уполномоченный по правам человека поддержал заявление этого гражданина, исходя из того, что если принцип «Против всех» существует в нашем избирательном законодательстве (тогда эта графа еще не была отменена), значит, все процедуры, связанные с избирательной кампанией, относятся и к этому положению. Конституционный Суд РФ принял решение в пользу данной позиции Уполномоченного по правам человека.

Уполномоченный по правам человека оспаривал также решения нескольких судов не разрешать избирателям оспаривать результаты выборов. Конституционный Суд РФ принял компромиссное решение: в избирательном округе, на результаты выборов в котором жалуется человек, можно оспаривать эти результаты, а распространять это на выборы в целом нельзя. То есть в каждом округе только его избиратели могут поставить под сомнение результаты выборов.

Кроме того, Уполномоченный по правам человека ходатайствовал об отмене взыскания с Михаила Ходорковского и Платона Лебедева 17 млрд рублей. Он обращался в Президиум Верховного Суда РФ, но его обращение не было присоединено к жалобе адвокатов, а потому и не было рассмотрено.

Уполномоченный по правам человека выступал за условно-досрочное освобождение участниц панк-группы Pussy Riot. 20 марта 2013 г. стало известно, что надзорная жалоба отклонена

Президиумом Мосгорсуда. В настоящее время защита участниц панк-группы Pussy Riot направила жалобу в Страсбургский суд, в которой попросила признать правительство России виновным в нарушении свободы выражения мнения, права на свободу и личную неприкосновенность, запрета пыток и права на справедливое судебное разбирательство (статьи 10, 5, 3 и 6 Европейской конвенции о правах чедовека).

Согласно п. 1 ст. 2 Федерального закона от 02.05.2006 № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» граждане имеют право обращаться лично, а также направлять индивидуальные и коллективные обращения, включая обращения объединений граждан, в том числе юридических лиц, в государственные органы, органы местного самоуправления и их должностным лицам, в государственные и муниципальные учреждения и иные организации, на которые возложено осуществление публично значимых функций, и их должностным лицам.

В соответствии с Федеральным законом от 09.02.2009 № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления»

предусмотрена возможность доступа пользователей к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления. Кроме того, Федеральным законом от 27.07.2010 № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» в целях повышение качества предоставления государственных (муниципальных) услуг и исполнения государственных (муниципальных) функций предусмотрено взаимодействие с гражданами или организациями, а также повышение эффективности и результативности деятельности государственных органов и органов местного самоуправления. Определения понятий «государственная услуга» и «муниципальная услуга» впервые появились в указанном федеральном законе. Отдельное внимание в законе уделено вопросам установления и взимания платы при предоставлении услуг и исполнении функций. Действует общее правило: за предоставление государственных (муниципальных) услуг, исполнение государственных (муниципальных) функций взимается государственная пошлина в случаях, порядке и размерах, установленных законодательством Российской Федерации о налогах и сборах. В случаях, установленных федеральными законами, организации, участвующие в предоставлении (исполнении) государственных (муниципальных) услуг (функций), имеют право предоставлять заявителю за плату услуги, а также совершать в сокращенные сроки юридически значимые действия в соответствии с административными регламентами. При этом перечни платных услуг устанавливаются Правительством РФ, высшими исполнительными органами государственной власти субъектов Российской Федерации, главами местных администраций.

Принятие данного федерального закона позволит обеспечить снижение издержек граждан и организаций на преодоление административных барьеров, взаимодействие с органами власти; повышение качества и эффективности исполнения принимаемых решений; повышение уровня удовлетворенности граждан и организаций качеством и доступностью государственных и муниципальных услуг; доступность для граждан и организаций информации о порядке и ходе исполнения государственной (муниципальной) функции на каждой стадии; контроль исполнения государственных (муниципальных) функций.

В юридической литературе отмечается низкая эффективность защиты прав на национальном уровне, при этом поток обращений в Конституционный Суд РФ, Европейский Суд по правам человека, а также в адрес Уполномоченных по правам человека из года в год увеличивается. Так, согласно данным на конец 2012

года, верхнюю часть списка стран по числу жалоб, находящихся на рассмотрении в Европейском суде по правам человека, занимают: Россия – 28 600 (22,3 %), Турция – 16 900 (13,2 %), Италия – 14 200 (11,1 %), Украина – 10 450 (8,2 %), Сербия – 10 050 (7,8 %), Румыния – 8 700 (6,8 %).

По состоянию на 31 декабря 2011 г. Европейский суд по правам человека вынес против России 1212 решений. На разных стадиях рассмотрения в Европейском суде находилось 40 250 жалоб против России, из-за чего Россия занимала первое место по данному показателю среди всех государств – членов Совета Европы[445].

Актуальной остается проблема регистрации политических партий. Ранее требования законодательства России к созданию политических партий были крайне жесткими, в связи с чем политические партии часто преобразовывались в общероссийские общественные движения. Так, согласно п. 2 ст. 3 Федерального закона от 11.07.2001 № 95-ФЗ «О политических партиях», утратившего силу 02.04.2012, предусматривалось, что политическая партия должна иметь региональные отделения более чем в половине субъектов Российской Федерации, при этом в субъекте Российской Федерации может быть создано только одно региональное отделение данной политической партии; в политической партии должно состоять с 1 января 2012 г. – не менее 40 000 членов, при этом более чем в половине субъектов Российской Федерации политическая партия должна иметь региональные отделения численностью не менее 400 членов. В остальных региональных отделениях партии численность каждого отделения не может составлять менее 150 членов.

В 2011 году Правозащитный совет России призвал Парламентскую ассамблею Совета Европы признать ликвидацию в России института демократических выборов. Правозащитники вынуждены были констатировать, что состояние института выборов в России в целом не соответствует ни международным обязательствам, ни даже национальному законодательству[446]. Согласно опросу, проведенному в 2011 году «Левада-центром», 54 % россиян были уверены, что выборы в Государственную Думу в России будет представлять собой имитацию выборов. Более половины респондентов сочла, что реальное распределение мест в Госдуме будет происходить по решению властей. В декабре 2011 года в разных городах России прошли многочисленные митинги протеста против фальсификации результатов выборов в Государственную Думу[447].

Вместе с тем, после решения Европейского суда по правам человека по делу «Республиканская партия России против

России», признавшего, что российское законодательство нарушает права человека, в частности, что власти вышли за пределы законной цели и вмешались во внутреннюю деятельность заявителя способом, который не может рассматриваться как законный и необходимый в демократическом обществе, а также после проведения массовых акций протеста 2011 года «За честные выборы» законодательство было либерализовано.

Введение упрощенного порядка регистрации политических партий привело к резкому увеличению их количества. Если к началу 2012 года в России было всего 7 политических партий, при том что после создания партии «Единая Россия» в стране фактически сложилась партийная система с доминирующей партией, то на апрель 2014 года в стране были зарегистрированы 77 политических партий[448]. При этом новые партии вводят в свои названия слова «социальный», «народный», «социал-демократический».

Имеются также оппозиционные движения и группы, выступающие против господствующей партии или мнения. В условиях демократии оппозиция является важной составной частью политического процесса. В современный период можно выделить следующие наиболее активные оппозиционные движения: мистическое, фашистское, монархическое, антесимисткое и эволюционное.

Концепцию мистического толка разделяет, в частности, В.А. Карабанов (движение национального возрождения «Общее дело»). Эта концепция опирается на следующий тезис: Россия будет свободна после разрушения мавзолея-зиккурата, как это было сделано в Болгарии. (Там был разрушен мавзолей-зиккурат, посвященный Георгию Димитрову: 25 февраля 1992 г. Общинский совет Софии принял решение о сносе мавзолея как сооружения, идеологически и архитектурно чуждого центру города. В августе 1999 года здание взорвали с пятой попытки).

21 марта 2013 г. в Государственной Думе РФ состоялся круглый стол на тему «Оценка роли большевиков и их лидеров в мировой и российской истории». В нем приняли участие более 110 представителей общественных организаций, историков, философов, деятелей культуры, депутатов Государственной Думы. Мероприятие было организовано Всероссийским оргкомитетом «За вынос Ленина!» совместно с фракцией ЛДПР. В итоге дискуссии приято решение, что необходимо разработать законопроект о ликвидации коммунистического некрополя на Красной площади и выносе мумии Ленина из Мавзолея. Общественность вместе с депутатами должна удостовериться, не является ли Мавзолей оккультным сооружением, приносящим

вред здоровью и психике москвичей и гостей столицы[449].

В России в настоящее время много эмигрантов из Закавказья, Средней Азии и других республик с более низким уровнем экономической, социальной и культурной жизни. Возникают межнациональные столкновения, конфликты эмигрантов с местным населением, которые часто заканчиваются физическим насилием и даже убийствами. Русское население в регионах, имеющее низкие доходы, считает, что снижение уровня их жизни связано с нашествием иноплеменников из бывших советских республик. В результате в российском обществе формируется националистическое движение, опирающееся на фашистскую идеологию и символику.

Существует также монархическое движение, уходящее корнями в дороволюционное черносотенное, бытовавшее в царской России. Основная его опора – православие, народность и самодержавие (царизм). Вожди данного политического движения считают, что ситуация в России изменится к лучшему после установления монархии. Это разрешит политические и экономические проблемы.

Четвертое направление связано с антисемитизмом. Его идеология вписывается в формулу, что в ухудшении экономического, политического и социального климата в России виноваты евреи.

Если все из вышеназванных оппозиционных движений ориентированы скорее на насильственное свержение существующего режима в России, нежели на реформы, то для эволюционистов основным тезисом является утверждение, что рано или поздно в России победит национальная идея. На данном этапе в силу невозможности создания национальной государственности и по ряду других причин следует заниматься только просветительской пропагандистской деятельностью; насильственные методы отрицаются. Когда в обществе созреет всеобщее понимание необходимости национально-государственных преобразований, тогда эти изменения произойдут ненасильственно и повсеместно.

В настоящее время Министерство юстиции РФ занимается составлением федерального списка экстремистских материалов на основе судебных решений. В него включаются различные материалы, признанные судом экстремистскими. Впервые такой список был опубликован 14 июля 2007 г. и состоял из 14 пунктов. С тех пор список регулярно обновляется и по состоянию на 17 марта 2014 г. содержал 2242 пунктов.

В соответствии с ч. 3 ст. 1 Федерального закона от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности»

экстремистские материалы – это предназначенные для обнародования документы либо информация на иных носителях, призывающие к осуществлению экстремистской деятельности либо обосновывающие или оправдывающие необходимость осуществления такой деятельности, в том числе труды руководителей национал-социалистской рабочей партии Германии, фашистской партии Италии, публикации, обосновывающие или оправдывающие национальное и (или) расовое превосходство либо оправдывающие практику совершения военных или иных преступлений, направленных на полное или частичное уничтожение какой-либо этнической, социальной, расовой, национальной или религиозной группы. Согласно ст. 15 данного закона, автор экстремистских материалов признается «лицом, осуществлявшим экстремистскую деятельность». Согласно ст. 20.29 КоАП РФ («Производство и распространение экстремистских материалов»), массовое распространение, производство либо хранение в целях массового распространения материалов, включенных в опубликованный список экстремистских материалов, влечет штраф или административный арест на 15 суток с конфискацией указанных материалов и оборудования, использованного для их производства.

Возможно преследование экстремизма по различным уголовным статьям, например, по ст. 280 «Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности», ст. 282 «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства» УК РФ, в частности, преследование действий, направленных на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе, совершенных публично или с использованием средств массовой информации. Такие действия наказываются штрафом, лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, либо лишением свободы.

Согласно ст. 31 Конституции России «граждане Российской Федерации имеют право собираться мирно, без оружия, проводить собрания, митинги и демонстрации, шествия и пикетирование». Федеральный закон от 19.06.2004 № 54-ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» устанавливает: «Организатор публичного мероприятия обязан не позднее чем за три дня до дня проведения публичного мероприятия (за исключением собрания и

пикетирования, проводимого одним участником) информировать орган исполнительной власти субъекта Российской Федерации или орган местного самоуправления в письменной форме о принятии (непринятии) его предложения об изменении места и (или) времени проведения публичного мероприятия, указанных в уведомлении о проведении публичного мероприятия» (подп. 2 п. 4 ст. 5 Федеральный закон от 19.06.2004 № 54-ФЗ).

Другими словами, проведение одиночного пикета не требует согласования с властями, во всех остальных случаях это требование необходимо соблюдать.

Уполномоченный по правам человека в г. Санкт-Петербурге призвал депутатов смягчить городской закон о митингах, поскольку петербургские правила проведения публичных мероприятий намного жестче московских. Так, на акцию, которая проводится в упрощенном порядке, т. е. по уведомлению и без необходимости получать разрешение, могут собраться не более 200 человек, в то время как в Москве – до 2 тыс. Также он считает необоснованными ограничения, запрещающие проводить публичные мероприятия вблизи зданий органов госвласти и образовательных учреждений, поскольку это противоречит позиции, выраженной в постановлении Конституционного Суда РФ от 14 февраля 2013 г. В этой связи предлагается внести в городской закон о митингах поправки: расширить список мест, где можно проводить мероприятия в упрощенном порядке, сократить сроки предварительного информирования властей.

Вместе с тем, согласно позициям Конституционного Суда РФ, само по себе несогласование публичной акции или ее стихийность еще не означает ее незаконности и не влечет последствия в виде разгона. Конституционный Суд РФ, равно как и Европейский суд по правам человека неоднократно подчеркивали, что ответственность за нарушение порядка проведения митингов должна наступать не в связи с созданием неудобств для передвижения граждан, а только в тех случаях, когда проведение мероприятия создало реальную угрозу общественной безопасности, жизни и здоровью как его участников, так и других лиц.

Уполномоченный по правам человека в РФ обращает внимание на такие проблемы, как произвольное ограждение территории мероприятий, необоснованный разгон несогласованных акций, произвольный характер задержаний; искажение данных в рапортах, ненадлежащее отношение к задержанным в отделах полиции и произвольное изменение квалификации административного правонарушения[450].

Частью 1 ст. 29 Конституции РФ гарантированы права

человека, в частности, свобода мысли и слова. Накануне 70-летней годовщины со дня полного снятия блокады Ленинграда в прямом эфире телеканала «Дождь» был задан вопрос: «Нужно ли было сдать Ленинград, чтобы спасти сотни тысяч жизней?» В результате телеканал отключили большинство спутниковых и кабельных операторов, что поставило под вопрос его дальнейшее существование. В этой связи Уполномоченный по правам человека Владимир Лукин заявил, что следственные органы должны разобраться в ситуации, при которой делается попытка «сожрать оппонента и конкурента» в виде оппозиционного телеканала. В. Лукин призвал Федеральную антимонопольную службу открыть уголовное дело в связи с отключением «Дождя» и исправить ситуацию, при которой происходит «монопольный сговор, направленный на поглощение и ликвидацию весьма энергичной, интересной оппозиционной телевизионной компании»[451].

Можно отметить, что 11 июня 2013 г. Государственная Дума в целях защиты детей от информации, пропагандирующей отрицание традиционных семейных ценностей, приняла закон, дополняющий КоАП РФ статьей 6.21, устанавливающей ответственность за пропаганду нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних. Закон вступил в силу 30 июня 2013 г.

Согласно ст. 6.21 КоАП РФ, пропаганда нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних, выразившаяся в распространении информации, направленной на формирование у несовершеннолетних нетрадиционных сексуальных установок, привлекательности нетрадиционных сексуальных отношений, искаженного представления о социальной равноценности традиционных и нетрадиционных сексуальных отношений либо навязывание информации о нетрадиционных сексуальных отношениях, вызывающей интерес к таким отношениям, если эти действия не содержат уголовно наказуемого деяния, влечет наложение административного штрафа.

Законы о противодействии пропаганде гомосексуализма также приняты и в нескольких субъектах Федерации (Санкт-Петербург, Архангельская, Костромская, Рязанская, Новосибирская, Магаданская, Самарская, Калининградская и Иркутская области, Краснодарский край и Республика Башкортостан). В соответствии с ними запрещается пропаганда гомосексуализма, мужеложства, лесбиянства, бисексуализма или трансгендерности.

Во время проведения Олимпиады в Сочи возникали вопросы,

связанные с использованием труда мигрантов. Согласно данным правозащитной организации Human Rights Watch, при строительстве олимпийских объектов трудовые мигранты из других стран не получали вовремя зарплату и жили в «неудовлетворительных бытовых условиях». По данным сочинской приемной сети «Миграция и право» правозащитного центра «Мемориал», даже в последние дни

Олимпийских игр в г. Сочи 700 работников все еще не получили зарплату в общей сумме около 35–40 млн рублей[452]. В этой связи важно дать оценку ситуации с правами человека до, во время и после проведения Олимпийских игр в Сочи.

Законодательством России предусмотрено усиление ответственности за нарушение правил регистрационного учета граждан РФ по месту пребывания и месту жительства в пределах РФ и миграционного учета иностранных граждан и лиц без гражданства в РФ. В частности, введена ответственность за проживание гражданина Российской Федерации по месту пребывания или по месту жительства в жилом помещении без регистрации. За такие действия предусмотрено наказание в виде административного штрафа.

Вместе с тем в п. 13 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 31.10.1995 № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» отмечается, что при рассмотрении дел, вытекающих из жилищных правоотношений, судам необходимо учитывать, что Конституция РФ предоставила каждому, кто законно находится на территории Российской Федерации, право свободно передвигаться, выбирать место пребывания и жительства, а также гарантировала право на жилище (ч. 1 ст. 27, ч. 1 ст. 40 Конституции РФ). Исходя из этих положений Конституции РФ следует иметь в виду, что отсутствие прописки либо регистрации, заменившей институт прописки, само по себе не может служить основанием для ограничения прав и свобод человека, включая и право на жилище.

При рассмотрении дел, связанных с признанием права пользования жилым помещением, необходимо учитывать, что данные, свидетельствующие о наличии или отсутствии прописки (регистрации), являются лишь одним из доказательств того, состоялось ли между нанимателем (собственником) жилого помещения, членами его семьи соглашение о вселении лица в занимаемое ими жилое помещение, и если состоялось, то на каких условиях.

Глава III
Комплексное правовое регулирование в контексте эффективности

§ 1. Основные подходы к пониманию эффективности в правовой науке

Попытки рассмотреть эффективность правовых явлений предпринимались в нашей стране неоднократно. Так, с конца 60-х – начала 70-х годов XX века отдельные правовые явления стали изучаться с точки зрения эффективности. В настоящее время исследование эффективности права вновь приобретает актуальность, в том числе благодаря комплексному правовому регулированию. Категория «эффективность» призвана дать оценку работе системы, уровню ее функционирования, она характеризует работу системы «на выходе»[453]. Можно выделить несколько подходов, которые применяются для исследования эффективности нормативно-правового регулирования общественных отношений: традиционный, экономический, многоаспектный и юридико-технологический.

1.1. Традиционный подход

Традиционно эффективность определяется как соотношение между фактическим результатом действия правовых норм и теми социальными целями, для достижения которых эти нормы были приняты (Э = Р/Ц), т. е. характеризует отношения «свойства системы – цель». Это соотношение применимо как к отдельным нормам, так и к правовым комплексам.

Современная отечественная юридическая наука в целом придерживается концепции эффективности правовой нормы, разработанной В.И. Никитинским и другими представителями учения об эффективности как о результативности применения правовой нормы, т. е. способности средств содействовать достижению желаемой цели.

Поэтому эффективность права находится в прямой зависимости от социального значения результатов его регулирующего воздействия. Эффективность прямо пропорциональна социальной ценности, заложенной законодателем в правовую норму, и тому, насколько эта цель отвечает потребностям отдельных граждан и всего общества[454].

Социальный компонент эффективности правовых норм выделяли В. И. Никитинский и И.С. Самощенко, различая юридическую и социальную эффективность правовой нормы[455]. На социальной ценности, общественной «полезности» правовой нормы как на критериях оценки ее эффективности акцентировали

внимание и другие ученые[456].

Сказанное позволяет сделать вывод, что эффективность норм определяется сопоставлением достигнутого социального результата регулирующего воздействия с заданными целями.

При этом В.В. Глазырин и В.И. Никитинский отмечают, что соответствие избранных правовых средств цели – необходимая предпосылка эффективности и всех других средств действия правовых норм; неправильный выбор средств исключает или снижает эффективность правового регулирования[457].

Оценка эффективности правового регулирования связана со способностью применяемых правовых средств содействовать достижению цели такого регулирования, поскольку эффективность находится в прямой зависимости от соответствия действующего права текущим общественным отношениям. Изменения в социальной системе обуславливают необходимость корректировки приемов и способов регулирования. Отставание установленных правил (нормативной системы) от развивающихся общественных отношений снижает эффективность правового и иных видов нормативного регулирования[458].

В теории систем под эффективностью понимается полнота и качество достижения стоящей перед системой цели. В.И. Никитинский и И.С. Самощенко указывают, что, наряду с правовыми нормами, имеющими несколько целей, встречаются правовые комплексы, многочисленные нормы которых имеют лишь одну общую непосредственную цель[459].

В юридической литературе при рассмотрении комплексных отраслей особое внимание уделяется специальным факторам – обстоятельствам, обусловливающим формирование именно комплексных образований. К таковым относят фактор целеполагания, который направлен на обеспечение наиболее эффективного правового регулирования в отдельных отраслях государственного управления[460].

Цели правовых норм могут быть представлены в виде системы, которая характеризуется внутренним единством, но в тоже время самостоятельностью и обособленностью ее отдельных элементов. В зависимости от сферы распространения цели права могут быть разделены на общеправовые, межотраслевые и отраслевые (в том числе цели комплексных отраслей). В свою очередь каждая отрасль права имеет свою систему основных целей, обеспечивающих связь основных целей системы права с ее структурными элементами. Соответствующая отрасль права проявляется вовне посредством форм, в которых закреплены те или иные правовые цели.

Отраслевые цели, как правило, конкретизируют и уточняют

конституционные цели, получают свое закрепление в соответствующих кодексах, федеральных законах и других нормативных правовых актах. Можно сказать, что обоснованный выбор предмета законодательного регулирования должен учитывать исходные положения статей 71, 72, 73 Конституции РФ о предметах ведения Российской Федерации и ее субъектов; Конституции РФ, конституций и уставов субъектов Российской Федерации, законов о компетенции государственных органов и издаваемых им актах. В связи с эти очень важным является вопрос о проверке соответствия норм комплексных отраслей и правоприменительной практики, иных юридический действий:

1. Действующему законодательству.

2. Основным направлениям и приоритетам политики, основным принципам регулирования сложившихся общественных отношений и др. существующим тенденциям.

3. Нормам международного права.

При этом эффективность норм комплексных отраслей определяется не только технологией реализацией цели закона, но и тем, насколько юридические цели были или могут быть достигнуты в социальной сфере субъектами правового общения после того, как было введено соответствующее правовое регулирование.

Например, факторами неприменения правовых норм могут выступать неверная, неполная или избыточная постановка целей правового регулирования, а также отсутствие необходимых ресурсов для практической реализации поставленных целей и задач, недооценка зависимости восприятия информации от социально-демографических, нравственно-психологических особенностей личности.

В нормах комплексных отраслей права возникает сложная проблема согласования этих интересов, поскольку по своей сути принцип сочетания исключает заведомую приоритетность цели какого-либо вида или уровня. Поэтому законодатель может специально оговаривать приоритетность цели комплексных правовых образований.

В случае выявления противоречий между выделенными государственными приоритетами в соответствующей сфере и направлениями деятельности, складывающимися в этой сфере, представляется возможным предусмотреть юридические последствия, которые наступают в случае, если те или иные действия признаются не соответствующими заданным направлениям.

1.2. Экономический подход

Термин «эффективность» в экономической литературе имеет два значения: первое (от английского effectiveness) – результативность, степень достижения планируемого результата (например, для исследовательской лаборатории это может быть количество подтвержденных научно значимых результатов); второе (от английского efficiency) – минимизация издержек на единицу продукта или предоставленных услуг (для исследовательской лаборатории эффективность в этом смысле может пониматься как затраты на одного исследователя)[461].

С помощью экономического подхода проводится оценка эффективности императивных и диспозитивных норм. Так, С.А. Курочкин отмечает, что по общему правилу диспозитивные нормы будут более эффективным средством правового воздействия на общественные отношения, основанные на равенстве, автономии воли и имущественной самостоятельности участников, в том числе на отношения, возникающие в связи с защитой интересов таких участников. Связано это с тем, что при прочих равных условиях размер произведенных затрат на реализацию диспозитивных норм будет меньше размера затрат на реализацию публично-правовых норм. Применение последних требует затрат на содержание системы выявления нарушений, вынесение властных актов и их принудительную реализацию. Диспозитивные нормы обладают большей эффективностью, что подтверждает и анализ с использованием телеологического подхода. В условиях децентрализации, автономии и самостоятельности участники гражданского оборота нацелены на наиболее полное удовлетворение своих интересов, достижение правового результата, который позволит им это сделать, причем с наименьшими затратами[462].

Диспозитивные нормы имеют широкое применение в гражданском, семейном праве, а также активно используются в уголовном, административном, таможенном, финансовом праве. Например, функции финансового права обуславливают метод правового регулирования диспозитивными началами, в частности современное бюджетное законодательство дополнено возможностью использования согласительных процедур, обсуждения принимаемых решений, применения договорных методов регулирования межбюджетных отношений, вступления в бюджетные отношения на добровольных основаниях и т. д.[463]

Следует также обратить внимание и на другой аспект: усиление частноправовых начал в регулировании общественных отношений является одним из факторов формирования новых отраслей права и развития имеющихся комплексных отраслей права. Свобода в выборе способов и средств, отсутствие излишней

регламентации процесса удовлетворения законных интересов побуждает субъектов изыскивать наиболее эффективные пути реализации своих прав. Ныне все большее значение приобретает общедозволительный метод, обычно формулируемый так: «дозволено все, кроме прямо запрещенного в законе».

В научной литературе специалисты по конституционному праву отмечают факт сочетания в конституционном праве метода субординации, характерного для публичного права, и координации, составляющего суть частноправового регулирования.

Так, Ю.А. Дмитриев и И.В. Мухачев, характеризуя метод конституционного права, замечают, что в нем преобладает метод императивного регулирования, но с развитием отрасли в соответствии с общей тенденцией демократизации общественной жизни в нем все большую роль будет играть диспозитивный метод (координации)[464].

О.Е. Кутафин отмечал, что, хотя конституционно-правовое регулирование отношений основывается на властно-императивных началах, конституционное право предусматривает во многих случаях возможность возникновения конституционно-правовых отношений, построенных на началах юридического равенства сторон[465]. Также ученый отмечал, что последнего рода отношения складываются между Российской Федерацией и ее субъектами, между субъектами Российской Федерацией.

Усиление частноправового регулирования проявляется в более широком применении стимулирующих мер, в расширении договорных начал, в использовании дисозитивного метода в защите прав и законных интересов физических и юридических лиц, в усилении гражданско-правовой (имущественной) ответственности за нарушение законодательства.

Деятельность субъекта отношений, направленная на достижение цели, регулируется совокупностью управомачивающих, стимулирующих, поощрительных и рекомендательных правовых норм.

По свидетельству многих ученых, поощрения, а также другие правовые стимулы более эффективны, чем наказания, ограничения и иные «тормоза»[466]. Функцию развития обеспечивают в основном правостимулирующие средства: поощрения, льготы, преимущества, рекомендации, дозволения и т. п. Большая эффективность стимулов по сравнению с тормозами объясняется вероятнее всего тем, что стремление к поощрению (стимулам) сильнее стремления избежать наказания (тормоза). Поэтому стимулы (в большей степени поощрения) и эффективнее, чем тормоза, ибо они попадают на благодатную основу, более

близки творческой природе человека, его сущности[467].

В законодательстве Российской Федерации присутствуют упоминания о возможности применения льготного порядка либо об условиях предоставления льгот. Чаще нормативные акты оперирует термином «льготы», не употребляя смежных с данной категорией понятий «преимущество», «иммунитет», «стимул», «поощрение» и пр. В связи с этим перечисленные понятия объединяются общим определением «льготы» и под льготами понимаются преимущества, установленные законодательством.

Так, устанавливается экономическое стимулирование охраны, воспроизводства и устойчивого использования объектов животного мира; охраны водных объектов и использования земель; деятельности работодателей по обеспечению безопасных условий труда; природоохранной деятельности. Действуют также экономическое стимулирование сокращения удельного водопотребления, непроизводительных потерь воды и внедрения водосберегающих технологий; экономическое стимулирование приоритетного использования в крупных и курортных городах транспортной техники с повышенными экологическими показателями; экономическое стимулирование экологической модернизации эксплуатируемых воздушных судов или их замены и пр.

Экономическое стимулирование включает установление налоговых и иных льгот, предоставляемых юридическим лицам и гражданам; предоставление льготных кредитов; премирование должностных лиц и граждан и др. Действие системы экономического стимулирования обеспечивается специальным законодательством Российской Федерации, в частности, бюджетным законодательством и законодательством о налогах и сборах.

Отметим, что эффективность права повышается в современный период в результате не только применения принципа диспозитивности, но и сочетания этого принципа с императивными нормами. Данная тенденция согласуется с тем, что эффективность различных правовых комплексов – свойство действия не конкретных норм, а их систем[468]. Эффективность комплексной отрасли права, таким образом, – это свойство всей системы его норм, а не конкретных норм императивного или диспозитивного характера.

При этом если в отрасли права доминируют публично-правовые средства, то нормы частного права в публичной сфере выступают в качестве способа, который оказывает стимулирующее действие, а также имеет социально-правовое значение для обеспечения прав и свобод человека.

В настоящее время такой частноправовой способ в сфере публичного права проявляется в следующих формах:

1. Конструкции договорных юридических средств.

2. Публично-частное партнерство (например, концессионные соглашения, соглашения о взаимном представительстве, участие в разработке и принятии законодательных и иных стратегических решений, целевые комплексные программы, деятельность саморегулируемых организаций).

3. Процессуальные институты (например, посредничество, медиация, частное и публичное обвинение, досудебные соглашения о сотрудничестве и др.).

4. Частноправовые способы защиты и меры ответственности, используемые в случаях посягательства на публичные интересы (например, установление запрета совершения сделок, не соответствующих закону или иным правовым актам, а также сделок, совершенных с целью, противной основам правопорядка и нравственности).

Вместе с тем использование частноправового метода регулирования должно иметь оптимальные пределы, превышение которых может повлечь ослабление эффективности публично-правовой защиты частных интересов. В свою очередь императивные нормы в комплексном правовом регулировании призваны обеспечить охрану как публичных, так и частных интересов, придавая последним публичную значимость и способствуя тем самым реализации концепции правового государства, приоритету прав и свобод человека.

Данная тенденция включает установление особой юридической процедуры возникновения и реализации субъективных прав частных субъектов, их ограничения и защиты. Примером могут быть государственная регистрация прав на недвижимое имущество и сделок с ним; государственная регистрация юридических лиц и индивидуальных предпринимателей; лицензирование отдельных видов деятельности; государственная регистрация несостоятельности (банкротства) субъектов предпринимательской деятельности и др. Установленный порядок в этих отношениях в конечном итоге выступает в качестве критерия эффективности комплексного правового регулирования.

В настоящее время ученые предлагают исследовать экономический аспект регулирования общественных отношений путем осуществления оценки регулирующего воздействия. Оценка регулирующего воздействия представляет собой использование органами государственной власти при формировании государственной политики специальных аналитических процедур,

направленных на выявление и оценку возможных выгод, издержек и результатов от нового или существующего правового регулирования.

Хотелось бы отметить, что речь идет о методиках, которые могут дать полные сведения об эффективности той или иной отрасли. На практике потребность в анализе результатов правовых норм возникает уже на стадии обсуждения и принятия проектов нормативных правовых актов. В этом случае речь идет о прогнозной оценке их последствий (оценке ex ante), осуществляемой в рамках ОРВ[469] или анализа регулирующего воздействия (АРВ), в частности процесса систематического выявления и оценки возможных эффектов, которые могут проявиться в результате введения тех или иных регулятивных мер[470].

В России внедрение процедуры оценки регулирующего воздействия осуществляется в рамках соответствующей нормативной правовой базы, в частности Регламента Правительства РФ (утв. постановлением Правительства РФ от 01.06.2004 № 260), Правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации (утв. постановлением Правительства РФ от 13.08.1997 № 1009), а также Правил проведения федеральными органами исполнительной власти оценки регулирующего воздействия проектов нормативных правовых актов, проектов поправок к проектам федеральных законов и проектов решений Совета Евразийской экономической комиссии, (утв. постановлением Правительства РФ от 17.12.2012 № 1318).

Ранее согласно приказу Минэкономразвития России от 31.08.2010 № 398 «Об утверждении Положения о порядке подготовки заключений об оценке регулирующего воздействия» (утратил силу 27.05.2013) предусматривалось, что оценка регулирующего воздействия правового регулирования проводится Минэкономразвития России в целях выявления в проекте акта положений, которые: а) вводят избыточные административные и иные ограничения и обязанности для субъектов предпринимательской и иной деятельности или способствуют их введению; б) способствуют возникновению необоснованных расходов субъектов предпринимательской и иной деятельности; в) способствуют возникновению необоснованных расходов бюджетов всех уровней бюджетной системы Российской Федерации.

В соответствии с действующими Правилами проведения федеральными органами исполнительной власти оценки

регулирующего воздействия проектов нормативных правовых актов, проектов поправок к проектам федеральных законов и проектов решений Совета Евразийской экономической комиссии отмечается, что целью оценки регулирующего воздействия проектов актов являются определение и оценка возможных положительных и отрицательных последствий принятия проекта акта на основе анализа проблемы, цели ее регулирования и возможных способов решения, а также выявление в проекте акта положений, вводящих избыточные обязанности, запреты и ограничения для физических и юридических лиц в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности или способствующих их введению, а также положений, способствующих возникновению необоснованных расходов физических и юридических лиц в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, а также необоснованных расходов бюджетов всех уровней бюджетной системы Российской Федерации.

Кроме того, необходимо сказать об экспертизе, проводимой Министерством юстиции РФ. Так, согласно пункту 60 Регламента Правительства РФ (утв. постановлением Правительства РФ от 01.06.2004 № 260) проекты федеральных законов, указов Президента Российской Федерации нормативного характера и актов Правительства, имеющих нормативный характер (проектов постановлений Правительства), направляются на правовую экспертизу и антикоррупционную экспертизу для оценки проекта акта на предмет его соответствия актам более высокой юридической силы, отсутствия внутренних противоречий и пробелов в правовом регулировании соответствующих отношений и соблюдения правил юридической техники, а также наличия либо отсутствия в нем коррупциогенных факторов. По результатам указанных экспертиз Минюст России дает соответствующее заключение. В связи с этим следует отличать экспертизу, проводимую Минюстом России, от экспертизы, проводимой Минэкономразвития России.

С помощью исследования антикоррупционной составляющей можно говорить об эффективности реализации проекта (закона) с технической стороны. Так, согласно п. 2 ст. 1 Федерального закона от 17.07.2009 № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» (далее – Закон «Об антикоррпупционной экспертизе») к коррупциогенным факторам относятся положения нормативных правовых актов (проектов нормативных правовых актов):

1. Устанавливающие для правоприменителя необоснованно

широкие пределы усмотрения или возможность необоснованного применения исключений из общих правил.

2. Содержащие неопределенные, трудновыполнимые и (или) обременительные требования к гражданам и организациям, тем самым создающие условия для проявления коррупции и др.

В соответствии с ч. 3 ст. 3 Закона «Об антикоррупционной экспертизе», ст. 6 Федерального закона от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» и п. 2 Правил проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов (утв. постановлением Правительства РФ от 26.02.2010 № 961), прокуратурой, федеральным органом исполнительной власти в области юстиции, органами, организациями, их должностными лицами проводится антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов (проектов нормативных правовых актов). При этом в ч. 2 ст. 3 Закона «Об антикоррупционной экспертизе» установлено, что прокуроры в ходе осуществления своих полномочий проводят антикоррупционную экспертизу нормативных правовых актов органов, организаций, их должностных лиц по вопросам, касающимся:

1) прав, свобод и обязанностей человека и гражданина;

2) государственной и муниципальной собственности, государственной и муниципальной службы, бюджетного, налогового, таможенного, лесного, водного, земельного, градостроительного, природоохранного законодательства, законодательства о лицензировании, а также законодательства, регулирующего деятельность государственных корпораций, фондов и иных организаций, создаваемых Российской Федерацией на основании федерального закона.

3) социальных гарантий лицам, замещающим (замещавшим) государственные или муниципальные должности, должности государственной или муниципальной службы[471].

Отметим также, что в последние годы в связи со сложностью и спецификой предметов законодательного регулирования закрепляются и другие виды экспертиз проектов нормативных правовых актов (финансовая, экологическая, градостроительная, экспертиза лекарственных средств и т. п.).

1.3. Многоаспектный (комплексный) подход

С использованием данного подхода предлагается проводить многоаспектную оценку эффективности правового регулирования в системе других регуляторов и широком социально-экономическом контексте. Данный подход предполагает

рассмотрение наряду с юридическим ряда других факторов, влияющих на общественные отношения, в том числе экономического, политического, социального, исторического, морального, криминогенного и др. Исследователи обращают внимание на то, что следует полнее анализировать роль внеэкономических факторов – культуры, образования, науки. Также необходимо определение меры воздействия разных отраслей законодательства на различные стороны экономики и социальной сферы.

Отметим, что к вопросу о факторах, влияющих на правовое регулирование, обращались советские юристы В.П. Казимирчук, С.В. Поленина[472] и др.

Следуя словарным определениям, фактор (лат. factor – делающий, производящий) – это: 1) причина, движущая сила какого-либо процесса, определяющая его характер или отдельные его черты; 2) деятельная сила какого-либо явления; 3) скрытые переменные, получающиеся при обработке данных посредством факторного анализа[473].

Следует также упомянуть о том, что под факторами понимаются также источники права. Понятие «источник» в этимологическом смысле означает «то, из чего берется, черпается что-либо; то, что дает начало чему-либо, служит основой для чего-либо»; «исходное место или позиция, служащие основой для развития чего-либо». Под словом факторы мы подразумеваем источники, которые обусловливают возникновение потребности в правовом регулировании, появление соответствующих правовых норм и придают содержанию этих норм определенную репрезентативность[474].

Более того, термин «источник» позволяет определить дальнейшее направление процесса познания в виде источников как таковых вообще и источников вполне конкретных явлений, в том числе и права[475].

К настоящему времени интересующая нас проблематика была рассмотрена М.И. Милушиным, который исследовал проблему формирования комплексных правовых образований в системе законодательства. Ученый разделяет факторы на внутренние и внешние. К факторам, оказывающим влияние на комплексные образования, он относит социальные факторы, которые подразделяет на общие и специальные. Общие социальные факторы формирования комплексных образований известны из теории права: экономический, экологический, демографический, национальный, политико-правовой, ценностно-психологический, социокультурный, организационный, информационный, научный, программирующий и др. К специальным относятся фактор

целеполагания, основанием которого является обеспечение наиболее эффективного регулирования в отдельных сферах государственного управления, а также структура права, в частности, ее подразделение на частный и публичный блоки[476].

Анализируя факторы, оказавшие влияние на эффективность комплексного правового регулирования, можно прийти к обоснованному выводу о том, что не отдельные факторы играют определяющую роль в формировании эффективной модели комплексных правовых образований, а их комплекс, поскольку эти факторы взаимосвязаны между собой и последствия их влияния на комплексное правовое регулирование одинаково важны.

Например, в сфере образования при подготовке законодательного акта учитываются экономический и социокультурный факторы. В сфере здравоохранения следует учитывать социокультурный, демографический, экономический фактор. На трудовое право воздействуют социальные факторы. Экономический фактор корреспондирует с финансовым, трудовым, семейным правом. Экологический фактор влияет на земельное, водное, лесное право и др. Демографический фактор учитывается в семейном, трудовом, финансовом, жилищном и др. отраслях права. Географический фактор взаимодействует с другими факторами, например, экологическим, что прослеживается в земельном, водном, лесном и экологическом праве. Перечень данных факторов не является исчерпывающим, поскольку их число слишком велико. Кроме того, они могут изменяться в зависимости от складывающейся ситуации.

Так, социальные и экономические реформы повлекли значительные изменения законодательства о здравоохранении, образовании, экономических отношениях, формах собственности, статусе юридических лиц и граждан. В результате экономических преобразований изменяется правовое регулирование, появляются новые правовые институты. Так, например, возникла потребность правового регулирования инновационной экономики, создания дополнительных правовых гарантий интеллектуальной собственности.

Динамика правового регулирования тесно связана с кризисными процессами мировой экономики, что предопределяет соответствующие изменения норм финансового, банковского, бюджетного, налогового, трудового и других отраслей права.

В условиях резкого ухудшения экологической ситуации на Земном шаре, изменения климата, разрушения озонового слоя, химического загрязнения окружающей среды, глобальных техногенных катастроф (например, на экологию Мексиканского

залива крайне негативно повлияла авария на нефтяной платформе «Deepwater Horizon» в апреле 2010 года), критических для сельского хозяйства погодных условий (например, климатические аномалии на территории Европейской России) проблемная ситуация, связанная с действием экологического фактора, рассматривается во взаимосвязи с государственной экологической политикой и относится к числу предпосылок становления и формирования экологического права как комплексной отрасли. Внимание законодателей развитых стран мира смещается сегодня в сторону поиска путей развития правового регулирования экологической сферы.

В конституциях государств закрепляется понятие «экология». Например, в Конституции РФ используются термины «экологическое благополучие», «экологическое развитие РФ», «экологическое правонарушение», устанавливаются экологические права и обязанности граждан. Предпосылкой для формирования комплексной отрасли права является ставшая в последние годы особенно острой проблема сохранения экологического равновесия между человеком и средой его обитания, основывающаяся на зависимости экологии от деятельности людей.

Эффективность комплексного правового регулирования определяется его информационным обеспечением, которое в начале XXI века приобретает значительный вес. Согласно Федеральному закону от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» термину «информатизация» дается следующее определение: это отношения, связанные с поиском, получением, передачей, производством и распространением информации с применением информационных технологий, на основании принципов, установленных указанным Федеральным законом. При этом информационные технологии определяются как «процессы, методы поиска, сбора, хранения, обработки, предоставления, распространения информации и способы осуществления таких процессов и методов». Таким образом, в данном законе процесс информатизации рассматривается как процесс, способствующий дальнейшему развитию общества и имеющий государственное значение. Основой этого развития является, в частности, формирование и использование информационных ресурсов.

Назначение информатизации состоит в повышении эффективности деятельности во всех сферах человеческого бытия на основе распространения и внедрения в промышленность и сельское хозяйство, науку и образование, управление и культуру, политику новой информации. Одной из основных задач на

современном этапе является осуществление права на поиск, получение, передачу, производство и распространение информации; применение информационных технологий; обеспечение защиты информации. Решение этих задач ведет к глубочайшим экономическим, организационным, социально-культурным (научная и образовательная деятельность, промышленное производство, здравоохранение, торговля и т. д.) инновациям в обществе, которые в свою очередь влекут изменение материальной и технологической основы общества. В обществе ключевое значение приобретают различного рода управляющие и аналитические информационные системы, созданные на базе компьютерной техники и компьютерных сетей, информационных технологий, телекоммуникационной связи.

Учет влияния информационного фактора предполагает использование различного рода сведений (сообщений, данных) независимо от формы их представления. По своему характеру учитываемая информация может быть научно-технической, расчетно-аналитической, социальной (в том числе обобщающей итоги опросов общественного мнения). Правовая информация как разновидность социальной охватывает вопросы состояния законодательства в соответствующей сфере общественной жизни, практику его применения, концепции и теоретические разработки ученых, данные о зарубежном опыте законодательного регулирования, заключения по проектам законов и др.[477]

Правовое поле информатизации пополняется нормативными правовыми актами, создающими прочную основу для регулирования прав и ответственности граждан и всех иных структур публичного и частного секторов российского общества. Законодательство Российской Федерации об информации базируется на международных рекомендациях. Например, информационные аспекты природопользования регулируются Всеобщей декларацией прав человека 1948 года и соответствующей Декларацией прав и свобод человека и гражданина (принята постановлением Верховный Совета РСФСР от 22.11.1991 № 1920-1), Резолюцией Генеральной ассамблеи ООН 1962 года «Экономическое развитие и охрана природы», Всемирной хартией природы 1982 года, Руководящими принципами по обеспечению доступа к экологической информации и участию общественности в процессе принятия решений 1995 года, Конвенцией об оценке воздействия на окружающую среду в трансграничном контексте 1991 года.

Информационное обеспечение отраслей права, в том числе, имеющих комплексный характер, в условиях рыночной экономики, присущей ей конкуренции и открытости общества

начинается с возможности получения информации и ее использования. Например, в сфере природопользования и охраны окружающей среды предусмотрен доступ к информации о наличии, состоянии, принадлежности, перспективах использования земельных и лесных участков, объектов животного мира, участков недр, водных и иных природных объектов, необходимых для строительства, ведения лесного и сельского хозяйства.

Вместе с тем представляется, что формирование комплексных правовых образований обусловлено не столько объективными предпосылками, сколько субъективными, идеолого-политическими факторами. Яркой иллюстрацией этого является попытка советской теории права построить систему права только по предметному критерию в связи с запретом на изучение проблемы соотношения частного и публичного права.

Основные направления воздействия государства определяются особенностями общественных отношений, влияющих на социально-политическую ситуацию в стране. Политическое влияние отражается в различных сферах жизни общества, в соответствующих правовых установках, определяет своего рода рамку, правовую основу, на которую нужно ориентироваться законодателю. В основном законе предусматриваются контуры государственной политики, по ним можно судить о ее главных направлениях, принципах и проявлениях. Так, характер регулирования общественных отношений обусловлен их включенностью в политику социального государства, призванного согласно ст. 7 Конституции РФ обеспечивать достойную жизнь человека. В соответствии с п. «е» ст. 71 Конституции РФ в ведении РФ находится установление основ федеральной политики и федеральные программы в области государственного, экономического, экологического, социального, культурного и национального развития РФ. Государство обеспечивает проведение единой государственной политики в области здравоохранения, экологии (ст. 114 Конституции РФ) и т. д.

На наш взгляд, политический фактор, обусловливающий объективную необходимость государственного управления теми или иными общественными отношениями, состоит в том, что государство может влиять на ситуацию, баланс сил, реализовывать свои собственные политические и экономические цели.

Таким образом, конституционные императивы социального государства, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих высокий уровень жизни и свободное развитие

человека, дают нормативную ориентацию различным видам деятельности. В рамках этих направлений деятельности, являющихся ключевыми и поэтому отнесенным к ведению Федерации, приняты соответствующие федеральные законы и иные федеральные нормативные правовые акты. Этими законами обозначаются общие направления государственной политики. Процесс расширения социальной сферы общества и повышения внимания государства к обеспечению прав граждан и достойного уровня их жизни выражается в комплексном характере права. В строго юридическом смысле речь идет о развитии соответствующих комплексных отраслей, призванных обеспечивать право на жилище, образование, охрану здоровья и социальную защиту, пользование достижениями культуры и науки. Субъект правотворчества всегда должен стремиться к максимально верному отражению тех или иных процессов, явлений, познанию их сущности. Чем глубже, точнее, яснее он делает это, тем больше уверенности в том, что нормы, которые он формулирует, будут правильно и эффективно выполнять свои функции, обеспечивать подлинную свободу человека[478].

Формальные источники представляют собой законодательное реагирование на важнейшие социальные процессы. Это наиболее весомые факторы, которые представляют собой средства и способы внутренней организации и строения изучаемой отрасли права, а также формы ее выражения вовне.

Эффективность комплексного правового регулирования зависит от воли законодателя, имеющего представление о всеобщем благе, путях и средствах правового обеспечения данного этапа развития общества.

В последнее время государство приняло ряд важнейших решений, направленных на реализацию основных прав человека: на качественную медицину, качественное образование, в целом на достойное человеческое существование, на регулирование экономических отношений, обеспечение национальной и государственной безопасности, соблюдение законности и поддержание правопорядка, противодействие коррупции, совершенствование миграционных механизмов и др. Права человека и гражданина нашли свое отражение в Конституции РФ.

Причем нормативные правовые акты, регулирующие важнейшие социальные процессы, должны быть четко увязаны с программами законопроектных работ и концепциями социально-экономического развития. В противном случае возможен как риск отклонения от установленного курса социально-экономического развития, так и появление действующих законов и законов, не способствующих формированию новых отношений, не

отражающих целевых ориентиров современного развития[479].

Так, например, приняты концепции, предусматривающие стратегию действий в соответствующих сферах: «Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года», «Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года», «Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации», «Концепция правовой информатизации России», «Концепция правовой реформы в Российской Федерации», «Концепция создания единой государственной информационной системы в сфере здравоохранения», «Концепция общественной безопасности в Российской Федерации», «Концепция общенациональной системы выявления и развития молодых талантов», «Концепция государственной политики в области духовно-нравственного воспитания детей в Российской Федерации и защиты их нравственности» и т. д.

1.4. Юридико-технологический подход

В целях формирования эффективных юридических решений широкое распространение получают новые юридические технологии, в частности правовой мониторинг, который включает оценку качества и эффективности нормотворческого процесса, действующих нормативных правовых актов и правоприменительной практики. Понятие «мониторинг права» определяется как систематическая комплексная деятельность органов власти, научного сообщества, институтов гражданского общества и общественных организаций по оценке, анализу, обобщению и прогнозу состояния законодательства и практики его применения[480].

Нормативным правовым актом федерального уровня, регулирующим организацию и проведение правового мониторинга, является Положение о мониторинге правоприменения в Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 20.05.2011 № 657)[481]. В соответствии с данным актом федеральные органы исполнительной власти и органы государственной власти субъектов РФ в пределах своих полномочий должны осуществлять комплексную и плановую деятельность по сбору, обобщению, анализу и оценке информации для обеспечения принятия (издания), изменения или признания утратившими силу (отмены) нормативных правовых актов различного уровня.

В настоящее время мониторинг проводится в соответствии с планом мониторинга и согласно методике его осуществления.

Так, в Плане мониторинга правоприменения в Российской Федерации на 2013 год (утв. распоряжением Правительства РФ от 01.08.2012 № 1396-р) указаны отрасли (подотрасли) законодательства либо группа нормативных правовых актов, мониторинг которых планируется осуществить в 2013 году, а также перечислены федеральные органы исполнительной власти, органы государственной власти субъекта Российской Федерации или органы местного самоуправления, участвующие в мониторинге правоприменения и направляющие сведения о его результатах в установленном порядке в Минюст России[482].

Методика осуществления мониторинга правоприменения в Российской Федерации утверждена постановлением Правительства РФ от 19.08.2011 № 694[483]. Методика устанавливает правила и определяет показатели осуществления мониторинга правоприменения в РФ федеральными органами исполнительной власти и органами государственной власти субъектов РФ. Выделены три группы показателей: практика применения нормативных правовых актов; реализация антикоррупционной политики и устранение коррупциогенных факторов; устранение противоречий между нормативными правовыми актами равной юридической силы.

Первая группа показателей выделена для обеспечения принятия (издания), изменения или признания утратившими силу (отмены) нормативных правовых актов Российской Федерации. Группа показателей о реализации антикоррупционной политики используется при осуществлении мониторинга применения законодательства о противодействии коррупции. В рамках группы показателей об устранении противоречий между нормативными правовыми актами равной юридической силы при осуществлении мониторинга правоприменения для обеспечения принятия (издания), изменения или признания утратившими силу (отмены) нормативных правовых актов Российской Федерации обобщается, анализируется и оценивается информация о практике их применения по соответствующим показателям. При необходимости мониторинг правоприменения осуществляется по дополнительным показателям, которые могут определяться федеральными органами исполнительной власти и органами государственной власти субъектов Федерации.

Официально выраженным результатом мониторинга в правовой сфере является доклад, предназначенный для представления высшему органу государственной власти (Президенту РФ, Правительству РФ) или региональным органам (законодательным собраниям, губернаторам или другим

руководителям субъектов Федерации).

В настоящее время существуют официально утвержденные показатели социально-экономического развития регионов и страны в целом, различных отраслей и сфер. Утверждены показатели эффективности деятельности федеральных органов исполнительной власти. Так, имеется ряд документов, в которых определены базовые цели развития (динамика изменения показателей, характеризующих качество жизни, уровень социально-экономического развития региона и т. п.) и соответствующие показатели. Это, например, Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года (утв. распоряжением Правительства РФ от 17.11.2008 № 1662-р); Концепция развития сотрудничества в сфере культуры между приграничными территориями Российской Федерации и сопредельными государствами на период до 2020 года (утв. я приказом Министерства культуры РФ от 20.07.2011 № 807), Концепция устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2020 года (утв. распоряжением Правительства РФ от 30.11.2010 № 2136-р), Указ Президента РФ от 13.05.2010 № 579 «Об оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов в области энергосбережения и повышения энергетической эффективности»; Указ Президента РФ от 10.09.2012 № 1276 «Об оценке эффективности деятельности руководителей федеральных органов исполнительной власти и высших должностных лиц (руководителей высших исполнительных органов государственной власти) субъектов Российской Федерации по созданию благоприятных условий ведения предпринимательской деятельности»; Указ Президента РФ от 21.08.2012 № 1199 «Об оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации»; постановление Правительства РФ от 03.11.2012 № 1142 «О мерах по реализации Указа Президента Российской Федерации от 21.08.2012 № 1199 «Об оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации». Согласно Указу Президента РФ от 21.08.2012 № 1199 перечень содержит 11 показателей социально-экономического развития регионов и страны в целом, а также различных отраслей и сфер.

В Концепции долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2020 года отмечается, что уровень доходов и качество жизни россиян к 2020 году достигнет

показателей, характерных для развитых экономик. Имеются в виду высокие стандарты личной безопасности, доступность услуг образования и здравоохранения требуемого качества, необходимый уровень обеспеченности жильем, доступ к культурным благам и обеспечение экологической безо пас но сти.

Используются также прогнозные показатели, в которых определяются целевые показатели. Например, приняты Правила разработки прогноза социально-экономического развития Российской Федерации, утвержденные постановлением Правительства РФ от 22.07.2009 № 596. Организация юридического прогнозирования включает в себя выбор предмета прогноза, методов, объектов изучения, получение прогнозных результатов и подготовка итоговых докладов и рекомендаций. В Правилах предусмотрены показатели в количественных измерениях, а также утверждаются основные параметры как прогнозируемые количественные характеристики.

Распоряжением Правительства РФ от 15.06.2009 № 806-р в целях организации и проведения мониторинга процессов в реальном секторе экономики, финансово-банковской и социальной сферах утвержден перечень показателей мониторинга этих процессов в субъектах Российской Федерации.

Представляется, что поскольку оценка эффективности правового регулирования осуществляется в разных странах (например, Организация экономического сотрудничества и развития подготовила материалы, в которых обобщена практика ряда стран по поводу эффективности регулирования), можно прогнозировать выведение единых показателей эффективности регулирования в соответствующих социальных сферах.

Учитывая вышеизложенное, отметим, что имеются разные подходы к пониманию эффективности в правовой науке. Вместе с тем обязательным условием оценки эффективности правовых явлений являются:

1. Оцениваемый объект.
2. Правовой результат.
3. Целевое назначение.
4. Учет всех факторов, влияющих на приближение соответствующего правового образования к своей цели.

Поэтому оценивать эффективность комплексных правовых образований можно, сравнивая их цели с результатами, достигаемыми достаточной совокупностью правовых норм, где результаты зависят в первую очередь от состава, структуры, от того, как они построены. Особенно важно учитывать внешние условия для комплексных правовых образований, у которых функционирование и достижение целей зависит от целого ряда

факторов, в частности, системы законодательства и тех нормативных актов, в которых они содержатся.

Вместе с тем при оценке эффективности следует помнить, что в действительности конечной социальной целью правового прогресса является позитивное преобразование соответствующих социальных практик, которое обеспечивается совершенствованием права, выступающего юридической, предварительной целью такого прогресса. В данном случае речь идет о необходимости разграничения социальных и юридических целей правового регулирования.

Кроме того, как было отмечено выше, традиционно исследование эффективности права предполагает рассмотрение качественной и количественной оценки результативности функционирования правовой системы. Вместе с тем все чаще стали говорить о повышении эффективности правового регулирования, в том числе путем демократизации общества, реализации прав, свобод, законных интересов личности. В этом отношении актуален вопрос о преодолении правового нигилизма, повышении уровня правовой культуры и т. д.

§ 2. Основные аспекты эффективности комплексного правового регулирования

В юридической литературе при рассмотрении комплексных правовых образований ученые не всегда уделяют внимание вопросу эффективности. Вместе тем этот аспект должен быть рассмотрен, поскольку связанные с категорией эффективности понятия «цель» и «оценка результата» в гораздо большей степени сопрягаются с комплексными правовыми образованиями, чем с основными отраслями права. Так, своеобразие комплексной отрасли права выражается в том, что она представляет собой не указание на то, как нужно вести себя, но требование обязательного результата действия.

Как известно, в самой общей форме об эффективной норме можно говорить тогда, когда она приводит к определенной цели, т. е. в действительности при реализации нормы устанавливается желаемое законодателем правило поведения. Так, сочетание при осуществлении межотраслевого правового регулирования в рамках правового комплекса публично-правового и частноправового типов регулирования имеет в качестве основной цели обеспечение эффективности правого регулирования соответствующего блока общественных отношений (правовая цель).

При этом комплексность в праве рассматривается как один из наиболее эффективных инструментов воздействия государства на систему общественных отношений. Как отмечается в юридической литературе, особенно важно учитывать комплексность в праве в условиях непрекращающегося научно-технического прогресса, в результате которого появляются новые формы отношений, требующие правового регулирования, но к которым неприменимы традиционные правовые механизмы[484].

Таким образом, комплексное правовое регулирование понимается как способ самого результативного воздействия права на общественные отношения. Традиционно при рассмотрении эффективности в праве обращают внимание на социальные, политические и юридические аспекты правового регулирования[485].

2.1. Социальный аспект

Социальному аспекту права в разное время уделяли внимание Ю.С. Гамбаров, Г.В. Мальцев, С.А. Муромцев, У.И.

Нехаева, И.А. Покровский, В.И. Синайский и др. В соотношении социального и правового наиболее подвижно социальное. Попадая в пространство правового измерения, социальное раскрывает практическую сторону права и тем самым обнаруживает его социальную значимость[486]. Кроме того, право является средством достижения социальных целей, определенного социального результата. Ученые, исследующие социальный аспект права, отмечают, что право и жизнь неотделимы друг от друга и находятся в вечном взаимодействии. Право есть лишь регулирование социальной жизни, неотделимое от нее и состоящее к ней в отношении формы к содержанию[487].

В этой связи некоторые авторы, опираясь на труды классиков, обращаются к концепции «правовой жизни»[488].

Также при рассмотрении социального аспекта ученые обращаются к факторам социальной действительности, которые объективно предопределяют данное назначение, в частности выделяют объективные и субъективные факторы социальной действительности по содержанию, видам, субъектам человеческой деятельности. Факторный подход используют авторы, исследующие социальный аспект частного и публичного права, в соответствии с которым они классифицируют общественные отношения на частные и публичные.

Аналогичный подход был использован М.И. Милушиным при рассмотрении комплексных отраслей законодательства. По мнению данного автора, социальные факторы формирования структуры законодательства – это явления общественной жизни, воздействующие в той или иной форме на выявление потребности в правовом регулировании, на разработку, принятие, изменение или отмену нормативного акта и, в конечном счете, на его содержание. При формировании комплексных образований в структуре законодательства необходимо обеспечить надлежащее сочетание частных и общественных интересов, частноправовых и публично-правовых способов регулирования[489].

По нашему мнению, ученый верно рассуждает не только о роли различных сегментов общественных отношений в формировании и развитии комплексных отраслей законодательства, об обусловленности их специфическими особенностями социальной сущности частного и публичного права. Ценность позиции М.И. Милушина заключается в том, что он не забыл о взаимовлиянии общественных отношений и права через волевое поведение людей, определяемое их потребностями и интересами в различных сферах жизнедеятельности, объективно требующих правового регулирования.

В настоящее время появилось немало работ, посвященных

характеристике интереса в качестве источника изучения права, в том числе соотношению частноправовых и публично-правовых начал правового регулирования[490]. Создаваемая в процессе правотворчества система методов правового регулирования должна наиболее оптимально сочетать в себе назревшие потребности и интересы не только государства, общества, но и личности. Недоучет чьих-либо интересов или их полное игнорирование, безусловно, приведет к снижению эффективности правового регулирования. В связи с этим следует систематически выявлять те правовые нормы, которые не в полной мере отвечают изменившимся условиям, отменять или изменять устаревшие, принимать новые[491]. Следует согласиться с указанным высказыванием С.А. Теряевского, в соответствии с которым необходимо говорить о сочетании интересов общества, государства и частных лиц. Совокупность указанных интересов определяются как совокупность сбалансированных интересов личности, общества и государства в различных сферах нашего общества. Существенное значение для исследования социального аспекта имеет систематизация интересов, которая может рассматриваться как методологическая база, позволяющая выявить общие модели соотношения разнородных норм права.

В этом контексте основное внимание уделяется объективным факторам, однако абсолютизировать их роль было бы неправильно, поскольку в формировании комплексных отраслей права существенную роль играют субъективные факторы социальной действительности, к которым относятся политические факторы. Соответственно, система различных интересов опосредуется волей законодателя. Это обусловлено тем, что общественные потребности проходят процесс преобразования в право через государственную волю, становятся обязательными благодаря воле законодателя.

Таким образом, социальные потребности становятся государственно-правовыми, получают правовую форму. Поэтому для раскрытия социального аспекта комплексного правового регулирования учет государственно-волевого фактора особенно важен, поскольку, как справедливо отмечает Н.М. Коршунов, существование различных социальных интересов с необходимостью обуславливает только сам принцип сочетания частноправового и публично-правового методов нормативного регулирования, в то время как степень, способы, содержание и формы их сочетания в значительной степени зависят от воли законодателя[492].

В целях раскрытия социального аспекта рассматриваемого явления в юридической литературе анализируются его различные

аспекты, в том числе метод правового регулирования, принципы права, правоспособность, субъективные права и обязанности, юридическая процедура их осуществления, правообъектность[493].

Вместе с тем социальное назначение комплексного правового регулирования раскрывается также через взаимосвязь функций, целей, выражающих в нормативно-правовом пространстве правомерное поведение людей, человеческих институтов, их потребностей и интересов непосредственно[494]. Раскрытие целей и функций комплексного правового регулирования позволяет сконцентрировать внимание не только на его конечном результате и основных направлениях, но и приблизиться к решению проблемы повышения его эффективности.

Следуя словарным определениям, «цель» означает идеальное мысленное предвосхищение результата деятельности. Это своего рода будущий результат, к которому стремится субъект. Цель представляет собой особую форму знания, направленного на преобразование действительности, изменение существующих отношений. В качестве непосредственного мотива цель направляет и регулирует человеческую деятельность. Содержание цели зависит от объективных законов действительности, реальных возможностей субъекта и применяемых средств. В праве термин «цель» используется для обозначения целей определенных субъектов права, отдельных юридических средств, конкретных правовых актов, правовых режимов и т. д. Своеобразие социально-юридической природы комплексного правового регулирования прослеживается не только в целевой, а также в функциональной направленности. Функции – это основные направления правового воздействия, отражающие его специфические свойства.

Особенно важна роль целей в процессе правового регулирования: являясь непосредственным отражением насущных общественных потребностей и стремлений, они показывают значение и смысл определенных правовых инструментов, ориентируют на те ценности, которые лежат в основе правовой политики. Цель направляет и регулирует действия, пронизывает практику как внутренний закон, которому человек подчиняет свою волю. Выражая активную сторону человеческого сознания, цель должна соответствовать объективным законам, реальным возможностям окружающего мира и самого субъекта. В целенаправленной деятельности людей находит свое проявление диалектика взаимосвязи свободы и необходимости. Правильно определенная цель может стать силой, изменяющей действительность, но только во взаимодействии с определенными средствами, необходимыми для ее практической реализации[495]. В социальном аспекте комплексного правового регулирования

цель отражает государственно-волевое осознание необходимости наиболее эффективного использования различных норм права, ориентированных на решение определенных общественных задач.

Существует точка зрения, которая по существу отрицает возможность достижения социальной цели. С.А. Громов отмечает, что одной из наиболее эффективных правовых форм интеграции частного и публичного права является скрупулезное согласование публично– и частноправовых норм, включаемых в преимущественно моноотраслевые нормативные акты, тогда как практика издания межотраслевых (комплексных) нормативных актов приводит, с одной стороны, к дублированию правовых норм, а с другой – к противоречиям и несогласованности положений комплексных законов с нормами отраслевых кодифицированных законодательных актов[496].

На наш взгляд, данная позиция представляется спорной.

Во-первых, некоторые ученые указывают на эффективность комплексного правового регулирования. Например, В.Н. Протасов отмечает, что процессы формирования комплексных отраслей лежат в основе совершенствования права и во многом определяют эффективность его воздействия на социальную сферу[497]. В.Д. Перевалов отмечает, что комплексное правовое воздействие позволяет более эффективно и целенаправленно решать экономические и социальные вопросы[498]. Указывается также, что издание государством актов, содержащих нормы разных отраслей права и решающих в комплексе ту или иную задачу государственного управления, следует признать объективной необходимостью, поскольку такое комплексное регулирование дает наибольший регулятивный эффект[499]. Н.М. Коршунов отмечает, что целесообразно говорить о своевременном предотвращении и разрешении конфликтов интересов путем их частноправового и публично-правового опосредования и сочетания[500]. Некоторые авторы указывают на динамичное развитие комплексных образований и их способность обслуживать потребности меняющегося мира. Как верно отмечает С.В. Буянкина, одной из ведущих тенденций современного развития системы законодательства России является возрастание комплексного межотраслевого регулирования сложной ткани общественных отношений, примером чего является социальное законодательство, формируемое применительно к отрасли государственного управления – социальной сфере[501]. Мировой и отечественный опыт показывает, что особую актуальность комплексное нормативно-правовое регулирование приобретает в сфере использования природных ресурсов, публичной собственности, внешних экономических связей, конкурентных и

монопольных отношений, защиты экономически слабой стороны, банковской деятельности[502].

Во-вторых, явление дублирования правовых норм с очевидностью вытекает из двойственного основания комплексных отраслей права, тогда как основные отрасли права проблема практически не затрагивает. В той или иной мере нормы основных отраслей публичного и частного права применяются практически во всех комплексных отраслях права. Соответственно, формирование комплексных отраслей права без дублирования невозможно.

При рассмотрении социального аспекта следует, таким образом, учитывать, что право и законодательство являются важнейшими системами регулирования и саморегулирования общественных отношений, следовательно, имеют единое социальное назначение, обладают функциональной общностью[503]. В свою очередь комплексные отрасли права образуют качественно новое пространство в единой по содержанию и социальным целям сфере деятельности. Такая потребность вызвана стремлением воплощения в жизнь социально значимых общественных отношений, принципов социального государства, созданием условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека.

Например, приняты нормативные правовые акты, обеспечивающие полноту законодательного регулирования в сфере социальной защиты населения, специальное законодательство в области образования, здравоохранения, обращения лекарственных средств и т. д. В литературе отмечается, что целесообразно принятие Основ законодательства о социальном обеспечении, Пенсионного кодекса РФ и др. Так, в целях совершенствования законодательства в сфере охраны здоровья граждан и оказания медицинской помощи был принят Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», который является базовым нормативным актом для всей сферы здравоохранения России, устанавливает правовые основы ее регулирования. Принятие данного закона обусловлено тем, что произошли значительные изменения условий функционирования экономики государства, системы исполнительной власти, организационных основ оказания медицинской помощи и др.

Принят Федеральный закон от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» в целях обеспечения информационной безопасности несовершеннолетних путем введения законодательных гарантий и организационно-правовых механизмов защиты детей от

информации, причиняющей вред их физическому, психическому, социальному, нравственному и духовному здоровью и развитию, в том числе от распространения печатной, аудио– и аудиовизуальной продукции, электронных и компьютерных игр, пропагандирующих насилие и жестокость, порнографию, антиобщественное поведение.

Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» был принят в целях систематизации и совершенствования законодательства в области образования и содержит как общие положения, так и нормы, регулирующие отношения в отдельных подсистемах образования (дошкольном, общем, среднем профессиональном, высшем образовании). Принятие нового закона об образовании связано с тем, что в последние годы обозначился разрыв между потребностями образовательной практики и ее законодательным обеспечением, обусловленный динамичным развитием и процессами модернизации системы образования.

Активно развивается законодательство, связанное с ограничением употребления алкоголя и табака. Например, принят Федеральный закон от 23.02.2013 № 15-ФЗ «Об охране здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма и последствий потребления табака», в соответствии с которым введены многочисленные запреты и ограничения на потребление табачной продукции. В связи с принятием данного закона принят также Федеральный закон от 21.10.2013 № 274-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и Федеральный закон “О рекламе” (об установлении административной ответственности за нарушение правил продажи табачных изделий, курение в неустановленных местах, рекламу табака)». Распоряжением Правительства РФ от 30.12.2009 № 2128-р одобрена Концепция государственной политики по снижению масштабов злоупотребления алкоголем и профилактике алкоголизма среди населения Российской Федерации на период до 2020 года, разрабатываются законопроекты по указанной проблематике, например, проект федерального закона № 237119-6 «О внесении изменений в Федеральный закон “О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции” (в части запрета производства и оборота слабоалкогольных энергетических (тонизирующих) напитков)».

С целью обеспечения социального и правового прогресса в Российской Федерации, в том числе повышения эффективности

правового воздействия на все сферы социальной жизни, принята «Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года» (утв. распоряжением Правительства РФ от 17.11.2008 № 1662-р).

Государство должно стремиться осуществить такое правовое регулирование, которое способствовало бы достижению максимального благополучия общества. Одним из способов определения социального прогресса является учет определенных индексов, характеризующих показатели социального развития общества и государства. В последнее время наряду со значением ВВП на душу населения используются и другие критерии, которые позволяют отражать благосостояние нации.

Международный индекс счастья (предложен New Economics Foundation в 2006 году) отражает уровень благосостояния людей и состояние окружающей среды в разных странах мира. Для расчета этого индекса используются три показателя: субъективная удовлетворенность жизнью, ожидаемая продолжительность жизни и «экологический след». По итогам 2012 года самыми «счастливыми» странами оказались Коста-Рика, Вьетнам и Колумбия[504].

Индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП) – показатель, призванный измерять уровень жизни, образованности и долголетия населения. При подсчете ИРЧП учитываются ожидаемая продолжительность жизни; уровень грамотности взрослого населения страны (среднее количество лет, потраченных на обучение); уровень жизни (измеряется размером ВВП на душу населения по паритету покупательной способности в долларах США). Россия в 2013 году занимала 55 место в списке из 187 стран с показателем 0,788, входя в группу стран с высоким ИРЧП.

Индекс качества жизни рассчитывается на основе результатов, сочетающих обследования субъективной удовлетворенности жизнью и объективные показатели качества жизни в различных странах. Предусматривается учет девяти факторов качества жизни населения: здоровье (продолжительность жизни); семейная жизнь; общественная жизнь; материальное благополучие; политическая стабильность и безопасность; климат и география; гарантия предоставления работы; политическая свобода; гендерное равенство. В 2013 году Россия среди 80 стран мира, входящих в данное исследование, была на 72 месте (со значением в 5,31 балла). Самый высокий балл был присвоен показателю «соотношение работы и досуга» (8,5); по показателю «удовлетворенность жизнью» Россия получила только 3 балла, по здравоохранению – 0,5 баллов.

2.2. Политический аспект

Как известно, право имеет политическую природу, поскольку по своей природе является нормативной формой согласования воли и интересов больших социальных групп[505]. Содержание и форма комплексных правовых образований могут быть различными, что обусловлено меняющимися социальными интересами, а также политическими и другими факторами, которые присущи обществу на данном этапе его развития. Так, использование того или иного метода в правовом регулировании соответствующей отрасли зависит не столько от содержания общественных отношений, сколько от ряда условий, в том числе от политического фактора, который заставляет законодателя избирать для соответствующих отношений определенный способ регулирования. На данный момент обращали внимание такие ученые, как О.С. Иоффе, А.Д. Керимов, Б.Б. Черепахин, Д.Е. Петров и др.

Например, советское государство и право формировались и развивались на отрицании частной собственности, частного права, приоритета прав и свобод человека и выдвижении на первый план общественных интересов и публично-правовых средств их законодательного закрепления и защиты[506].

В соответствии с советской доктриной, право являлось не более чем аспектом, инструментом политики[507]. Более того, в советский период теория сближения публичного и частного права подвергалась жесткой критике, поскольку считалось, что по субъективному усмотрению можно произвольно сочетать желаемые элементы социально-политических систем.

Происходящие в последнее десятилетие в России изменения общественно-политической жизни оказывают мощное влияние на систему права, обусловливают формирование комплексных отраслей права. Так, в настоящее время в процессе демократизации общества комплексное правовое регулирование приобретает новые существенные социально-правовые свойства, отражающие признание и законодательное закрепление неотъемлемых прав и свобод человека, юридического равенства всех перед законом, взаимной ответственности государства и личности, требований международных стандартов функционирования государственно-правовых систем в области обеспечения и защиты политических, социальноэкономических, культурных и личных прав и свобод человека и гражданина[508]. Поскольку государство напрямую вмешивается в экономику (производит, страхует, выдает кредиты), оно руководствуется при этом соображениями эффективности и, следовательно,

интересами не публичными, а частными[509].

В этой связи в зависимости от отраслей права рассматривают соответствующие виды правовой политики: конституционно-правовую, уголовно-правовую, гражданско-правовую, информационно-правовую, финансово-правовую, таможенно-правовую, земельно-правовую, эко лого-правовую, аграрно-правовую, уголовно-процессуальную, гражданско-процессуальную и другие. В этой связи актуальным становится вопрос о разработке единой государственной политики, направленной на обеспечение согласованности и взаимосвязи разрозненных нормативных правовых актов, построение целостной системы, позволяющей органично решать задачи государства[510].

Действительно, гармоничное соотношение публичного и частного начал в законодательном регулировании общественных отношений в соответствующей сфере должно быть результатом целенаправленной продуманной государственной политики.

На стабильность законодательства влияет его целостность, внутренняя согласованность, невозможные без проведения единой государственной политики, ориентированной на развитие эффективной системы законодательства в соответствующей области. Так, имеются попытки формирования на законодательном уровне государственной политики в сфере образования, здравоохранения, экологии, Интернет-права и т. д. Как правило, при этом определяется уполномоченный федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий функции по выработке государственной политики и нормативному правовому регулированию в соответствующей сфере и его полномочия.

В некоторых сферах, например, в здравоохранении, охране окружающей среды, образовании и др. государство находит гармоничные пропорции между публичным и частным началом. Например, нормами ГК РФ и ЗК РФ определяется сфера действия природоресурсного права, формируются публично-правовые и частноправовые средства обеспечения конституционных и иных экологических прав граждан.

Следует также учитывать особенности, которые возникают как гармоничное сочетание властно-императивного начала и имущественных отношений. Например, В.Н. Сидоров отмечает, что административно-правовой порядок правового регулирования предпринимательской деятельности в сфере российской автомобильной промышленности, прежде всего, строится на нормах административного, налогового, таможенного, валютного, инвестиционного и международного частного права. Вместе с тем и договорные начала уверенно прокладывают путь в традиционно

публичные сферы общественных отношений, в том числе имеющие социально-экономический, политический, правовой характер, регулируемые перечисленными отраслями права[511].

Аналогичные особенности можно отыскать в финансовом праве, например, финансовый контроль, воплощающий в себе публичные аспекты, а также имущественные отношения, регулируемые финансовыми методами.

Право социального обеспечения генетически связано с административным, трудовым, а также пересекается с гражданским правом. В свою очередь, право социального обеспечения реализуется в рамках социального страхования и социальной помощи, которые характеризуются сочетанием обязательных (государственных) и добровольных (договорных) систем.

Сочетание частных и публичных начал является особенностью правового регулирования предпринимательской и банковской деятельности. Публично-правовой аспект выражается в установлении законодательных ограничений права на осуществление такой деятельности и требований к ее осуществлению[512].

Представляется, что единая государственная политика должна предусматривать: закрепленные в праве принципы; соответствующую цель, например, обеспечение жизни и здоровья человека; выполнение соответствующей функции государства; соблюдение прав граждан; гармоничные пропорции между публичным и частным началом; прогнозирование реализации политики в соответствующей области (например, Программа социально-экономического развития России до 2020 года). При этом необходимо учитывать как юридическое прогнозирование (например, в Постановлении Правительства РФ от 31.03.2003 № 177 «Об организации и осуществлении государственного мониторинга окружающей среды (государственного экологического мониторинга)» экологический мониторинг представлен как комплексная система, включающая прогноз изменений состояния окружающей среды под воздействием природных и антропогенных факторов), так и научное.

Один из главных футурологов планеты – Джой Ито – поделился на ежегодной конференции EmTech своим видением ближайшего будущего. В частности он считает, что в будущем университеты станут просто не нужны: все люди будут учить друг друга, сами себя, без необходимости иметь посредников. По его словам, высокая стоимость образования в настоящее время позволяет преподавателям отбирать только самых лучших учеников и вкладывать ресурсы в их образование. Но уже сейчас

из-за повсеместного развития интернета образование стало очень дешевым, если не сказать больше – бесплатным. Теперь все люди, вне зависимости от базовых способностей, могут получить доступ к самым последним научным знаниям. Это резко усилит конкуренцию в мире за рабочие места в информационной экономике[513].

2.3. Правовой аспект

Обращаясь к собственно правовым аспектам, можно выделить весьма распространенные ошибки, касающиеся, прежде всего, внутренней организации системы права: несоблюдение законодателем системности в пределах тех или иных нормативных комплексов, внутренняя рассогласованность разноотраслевых норм (например, между гражданским и жилищным законодательством, гражданским и земельным законодательством) и др. Имеются и другие правовые недостатки.

В этой связи в настоящее время, в том числе в целях повышения качества нормативных предписаний, предотвращения коллизий между нормами права прокуратурой России, федеральными органами исполнительной власти (например, Минюстом России), организациями, независимыми экспертами, получившими аккредитацию, проводится антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов[514].

Так, структурными подразделениями Минюста России в 2012 году проведена антикоррупционная экспертиза 3300 проектов нормативных правовых актов (в том числе 1271 законопроекта, 168 проектов указов Президента РФ, 1828 проектов постановлений Правительства РФ), 1 проекта концепции и технического задания, 24 проектов официальных отзывов, 8 проектов заключений на проекты федеральных законов. Из 3300 рассмотренных проектов нормативных правовых актов в 141 выявлено наличие коррупциогенных факторов, в том числе в 68 законопроектах и 73 проектах постановлений Правительства РФ[515].

Для достижения эффективности правового регулирования имеют значение как качественные, так и количественные показатели. В этой связи необходимо соответствующее научное обеспечение законотворчества. Так, Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ осуществляет научно-правовое обеспечение деятельности Правительства РФ и других высших органов государственной власти. В феврале 2011 года было принято решение о возложении

на Институт функций Междисциплинарного центра по координации научного и учебно-методического обеспечения противодействия коррупции. Институт принимает участие в подготовке планов законопроектной деятельности Правительства РФ и в разработке проектов федеральных законов; проведении научной правовой экспертизы концепций и проектов федеральных законов, а также иных нормативных правовых актов, находящихся на рассмотрении в Правительстве РФ. Институт ежегодно готовит более 1300 экспертных заключений и аналитических материалов[516].

Важным шагом в этом направлении является проведение независимой экспертизы законопроектов и действующих законодательных актов.

Согласно Реестру независимых экспертов, получивших аккредитацию на проведение антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов, аккредитовано юридических лиц – 284; физических лиц – 1532 (по состоянию на 1 ноября 2013). Кроме того, экспертизу законопроектов, внесенных в Государственную Думу, согласно действующему законодательству проводит Общественная палата РФ.

Также органами государственной власти проводится мониторинг правоприменения в целях обеспечения выполнения решений Конституционного Суда РФ и постановлений Европейского Суда по правам человека, в связи с принятием которых необходимо принятие (издание), изменение или признание утратившими силу (отмена) законодательных и иных нормативных правовых актов Российской Федерации.

Например, в 2012 году реализовано 83 решения Конституционного Суда РФ, 54 решения требуют принятия нормативных правовых актов. Выявлено 10 постановлений Европейского Суда по правам человека, требующих исполнения. Правительством РФ в 2012 году издано 8 постановлений, которыми признаны не действующими на территории РФ или утратившими силу 106 правовых актов СССР и РСФСР или их отдельных положений. Федеральными органами исполнительной власти издано 12 приказов, которыми 70 правовых актов СССР и РСФСР (их отдельных положений) признаны не действующими на территории Российской Федерации[517].

Распоряжением Правительства РФ от 11.11.2010 № 1950-р утвержден Перечень государственных программ Российской Федерации, который предусматривает разработку 41 государственной программы по следующим направлениям: новое качество жизни; инновационное развитие и модернизация

экономики; эффективное государство; сбалансированное региональное развитие; обеспечение национальной безопасности. Например, Государственная программа «Юстиция», рассчитанная на 2013–2020 годы, направлена на развитие в обществе правовой модели поведения граждан, преодоление правового нигилизма, поддержание устойчивого уважения к закону, обеспечение эффективного исполнения судебных актов, актов других органов и должностных лиц, обеспечение эффективного исполнения уголовных наказаний и повышение доверия к правосудию.

Оптимальность действия комплексного правового регулирования достигается путем регламентации основополагающих сторон той или иной отрасли посредством норм различных отраслей права. Поэтому правовой аспект эффективности определяется также тем, что комплексное правовое регулирование имеет сложный характер, поскольку решается на уровне как различных правовых отраслей, так и сфер права: международного и внутригосударственного, наднационального, публичного и частного права, материального и процессуального.

В этой связи важным условием эффективности правового регулирования является способность к взаимодействию правовых норм, имеющих разноотраслевую принадлежность; учет существенных различий между исходными положениями норм соответствующих отраслей права; умелое включение институтов международного права; адекватность специфики общественных отношений методам их правовой регламентации.

Важным показателем эффективности на уровне системы права служит ее внутреннее строение. В этом плане заслуживает внимания вопрос о границах между отраслями права. Как известно, распределение нормативного материала между отраслями права осуществляется с учетом специфики их предмета и метода правового регулирования.

При горизонтальном взаимодействии отраслей права возникает необходимость установить приоритет того или иного правового отраслевого режима, определить границы между разными отраслями права. Как показывает практика, многие вопросы, связанные с взаимодействующими нормами разных отраслей, продолжают вызывать разногласия и требуют поиска более четких правовых конструкций, а в ряде случаев – установления «жесткого» приоритета того или иного правового отраслевого режима. Все это влечет необходимость взвешенного, дифференцированного подхода к проблеме развития комплексных образований, к размежеванию разных отраслей права[518].

Можно отметить, что проблема пределов правового регулирования, особенно в последние годы, привлекает все большее внимание представителей различных областей правовой науки.

При рассмотрении вопроса о взаимодействии комплексных отраслей права с традиционными отраслями следует учитывать, что границы правового регулирования меняются в зависимости от динамики условий общественной жизни. Такие границы могут быть обусловлены возможностями государства; правовым пространством[519], целью и задачами; социальным характером явления, влекущего для множества членов общества целый ряд взаимных прав и обязанностей; пропорциональностью достигаемой цели и затраченных средств; наличием препятствий, столь сильных для человека, что собственными силами он не в состоянии их преодолеть, а между тем условия его развития требуют устранения этих препятствий. Так, Е.В. Пуляева обращает внимание на то, что в зарубежной практике по вопросу границ законодательной регламентации сложилось два подхода. В соответствии с первым в законах регламентируется только то, что является необходимым, все остальное, например, ответственность за большую часть правонарушений, переносится на низший уровень (Бельгия, Нидерланды, Дания, Великобритания, Ирландия). Другой подход характеризуется «этатизмом», проявляющимся в жесткой политике государственной кодификации норм общественно-государственной сферы (Франция).

В российском законодательстве подход к комплексным образованиям выражен следующими тенденциями:

1. Комплексные образования регулируют сферы общественной жизни, в которых «публично-правовые и частноправовые границы оказываются весьма зыбкими, подвижными и стертыми».

2. Частноправовая сфера остается более узкой по сравнению с публично-правовой в части, определяющей роль государства в создании стратегии и задач в соответствующих сферах.

3. Из общей тенденции действия законодательства выбиваются частноправовые начала, происходит увеличение роли договорных механизмов правового регулирования. Например, появление новых видов транспортных договорных обязательств приводит к пересмотру концепции транспортного права[520].

Ученые также устанавливают пределы проникновения частного права в публичную сферу. При этом в одном случае предлагается рассматривать данный вопрос в контексте границ действия соответствующих правовых норм. Например, пределы

действия частного начала в уголовном судопроизводстве – это установленные законом границы, определяющие правовые последствия волеизъявления конкретного лица в уголовном процессе. Пределы действия частного начала в зависимости от формы его проявления индивидуальны, различаются между собой и определяют не только границы правовой значимости волеизъявления, но и степень его урегулированности законом[521].

В другом случае рассматривается социально-правовой аспект пределов частноправового регулирования публичной сферы, находящийся не в области правоприменения, а в области правотворчества. Например, проникновение частного права в сферу публичных отношений может быть оправданным лишь постольку, поскольку оно не влечет ослабления защиты общественных и государственных интересов, требующих публично-правового опосредования[522].

Также выделяют пределы проникновения публичного права в частную сферу. При этом отмечается, что частное право не может эффективно функционировать без публичного, оно должно подкрепляться защитой последнего. Наличие в частной сфере публичноправовых элементов отражает и потребности сегодняшнего периода развития экономики, и национальные черты будущего российского рынка, сочетающего саморегулируемость и государственное управление экономическими процессами. Публично-правовое регулирование представляет собой современную правовую форму государственного вмешательства в процессы экономического оборота, направленного на достижение общих целей государства, предпринимателей, граждан и способного обеспечить успех каждого из этих субъектов[523].

Считается, что публичные субъекты вправе вторгаться в частную сферу только в случае, когда на это существует специальное дозволение закона или решение суда.

К критериям, с помощью которых можно отграничить публичное право от частного права, относят общественную полезность и эффективность, исходя из которых следует отбирать средства и инструменты для оптимизирующего воздействия на эти отношения. Также ограничивающие публично-правовые средства применяются для защиты публичных интересов, которые следует отличать от публично-правовых средств и правил для субъектов правотворческой и правоприменительной деятельности, имеющих целью защитить интересы частных лиц[524].

В науке рассматривается также вопрос о внутриотраслевом и

межотраслевом проникновении публичного права в частную сферу, в соответствии с которым обеспечивается реализация прав и законных интересов участников частноправовых отношений специфическими способами публично-правового регулирования – путем реализации прав и их ограничения.

В первом случае публично-правовые элементы входят в само содержание гражданских правоотношений и должны исследоваться в качестве объектов цивилистической науки. В качестве примера можно привести публичные договоры, предусмотренные гражданским законодательством, которые как бы подкрепляют, усиливают статус субъектов гражданского права посредством формирования и защиты прав потребителей.

Во втором случае речь идет о действии «законов публичного права» в комплексе с «гражданскими законами». Одни законы этой категории продолжают гражданско-правовые нормы в области административных процедур (законы о лицензионно-регистрационной деятельности, банкротстве и т. д.), а другие отсекают от нормальных гражданских правоотношений антиправовые, в том числе криминальные проявления (уголовное законодательство, законодательство об административных правонарушениях). Эти виды публично-правовых законов позволяют частному праву в полной мере раскрыть свой созидательный потенциал, в большей мере проявить связь с моралью и духовными принципами[525].

Существующие варианты проникновения публичного права в частную сферу квалифицируются также в качестве ограничения прав субъектов частноправовых отношений. Правовые ограничения направлены на предупреждение возможных злоупотреблений правом со стороны участников экономического оборота. В случае нарушения данного ограничения используется такое публичноправовое средство, как юридическая ответственность. К ограничениям прав участников частноправовых отношений относится установление специальных требований и условий к субъектам отношений, а также к порядку возникновения и процессу осуществления субъективных прав[526].

По мнению Н.М. Коршунова, уязвимость данного подхода состоит в том, что в случае установления особой юридической процедуры возникновения и осуществления субъективных прав участников частноправовых отношений сужения их объема не происходит, как в случае публично-правовых ограничений. Кроме того, особый порядок возникновения и осуществления субъективных прав накладывает на участников частноправовых отношений обязанность совершения определенных законом действий, в том время как публично-правовые ограничения

связаны с возложением на субъектов обязанности воздерживаться от запрещенного законом поведения[527].

Другие авторы при установлении границ между публичным и частным правом анализируют степень возможной угрозы частным интересам других лиц и публичным интересам государства. Отмечается, что лицензирование определенных видов деятельности обусловлено объективной необходимостью государственного контроля за качеством производимой продукции, оказываемых услуг, производимых работ, добросовестностью субъектов, осуществляющих эти виды деятельности, а также в отдельных случаях – необходимостью ограничения деятельности в связи с ее особым характером, угрожающим безопасности государства, здоровью граждан и т. п.[528]

Вместе с тем в законодательстве России используется критерий определения лицензируемых видов деятельности.

По мнению Н.М. Коршунова, содержание проникновения публичного права в частную сферу общественных отношений состоит в установлении особой юридической процедуры возникновения и осуществления субъективных прав их участников, составляющих различные виды этих процедур: государственная регистрация прав на недвижимое имущество и сделок с ним, государственная регистрация юридических лиц и индивидуальных предпринимателей; лицензирование отдельных видов предпринимательской деятельности и др.[529]

При этом, по мнению автора, наиболее точной является классификация, отражающая особенности публично-правовых ограничений в сфере частноправовых отношений, на общие и институциональные. Общие ограничения прав граждан содержит Конституция РФ (статьи 17, 34, 55), ГК РФ (статьи 6, 10, 302, 662, 168, 169, 1065). Институциональные публично-правовые ограничения включают ограничения следующих правоотношений: собственности, договорных, обязательственных, предпринимательских. Общие публично-правовые ограничения выступают своеобразными основными началами, определяющими проникновение публичного права в частную сферу и находящими специфическое отражение в институциональных публично-правовых ограничениях[530].

Учитывая изложенное, можно выделить следующие критерии определения границ между отраслями права:

1. Фундаментальный характер деления права на частное и публичное.

2. Структурный аспект, поскольку структура позволяет ограничить элементы.

3. Интерес. Например, публичные интересы служат критерием для установления пределов реализации частных интересов, и критериями их законности.

4. Чистота сфер. Данный критерий рассматривается в рамках вопроса о публичном и частном праве. Так, отмечается, что взаимопроникновение частного и публичного права может быть признано оправданным и оптимальным в таких формах, при которых сохраняется исходный и фундаментальный характер публичного и частного права[531].

При исследовании вопроса о взаимодействии комплексных и традиционных отраслей отмечается, что комплексность не является признаком традиционных отраслей, поскольку существуют принципиальные различия между природой основной отрасли права и комплексного образования, которое формируется в другой плоскости права по предметному признаку[532].

По данному вопросу М.Ю. Челышев отмечал, что межотраслевое правовое регулирование может проявляться исключительно в правовых комплексах и вне их не существует[533].

В связи с этим заслуживает внимания позиция авторов, согласно которой наличие в отраслях частного права, например в гражданском праве, публичных элементов не делает эту базовую отрасль комплексной, поскольку они первичны, содержат исходный юридический материал, который затем так или иначе используется при формировании других отраслей, концентрируют генеральные юридические режимы[534].

Комплексное правовое регулирование отнюдь не ведет к утрате специфики частноправового и публично-правового методов регулирования, а напротив, предполагает ее. По мнению Н.М. Коршунова, «чистота сфер» правового регулирования вряд ли может быть использована в качестве критерия пределов конвергенции частного и публичного права[535].

Полагаем возможным не согласиться с указанным высказыванием, тем более, что Н.М. Коршунов указывает на то, что комплексное правовое регулирование отнюдь не ведет к утрате специфики частноправового и публично-правового методов регулирования, а напротив, предполагает ее[536].

5. Конституционная обоснованность, которая позволяет определить пределы как публично-правового регулирования, так и частноправового регулирования. В соответствии с ч. 3 ст. 55 Конституции РФ права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов

других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. Не подлежат ограничению некоторые права и свободы, в частности право на жизнь и достоинство личности, неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну и др.

Конституция РФ закрепляет в качестве высшей ценности человека, его права и свободы. Они определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность органов законодательной и исполнительной власти, органов местного самоуправления и обеспечиваются правосудием (статьи 2,18 Конституции РФ).

Таким образом, выбор средств правового воздействия на общественные отношения осуществляется хотя и по воле законодателя, но имеет определенные внешние пределы, обусловленные конституционно-правовыми пределами использования публичных начал (статьи 7, 8, 55 Конституции РФ).

Так, согласно ч. 3 ст. 55 Конституции РФ права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства.

При толковании положений вышеуказанной статьи Конституционный Суд РФ неоднократно высказывал позицию о том, что публичные интересы, перечисленные в ст. 55 (ч. 3) Конституции РФ, могут оправдать правовые ограничения прав и свобод, только если такие ограничения отвечают требованиям справедливости, являются адекватными, пропорциональными, соразмерными и необходимыми для защиты конституционно значимых ценностей.

6. Общемировые стандарты в области прав и свобод человека. Этот принцип обусловлен процессами глобализации в правовой сфере, который представляет собой объективный исторический закономерный процесс сближения национальных и региональных социально-экономических, политико-правовых и культурных систем и формирования на этой основе общего мирового пространства. Такие стандарты и требования становятся критериями сочетания частноправового и публично-правового регулирования общественных отношений, которые в конечном счете определяют содержание и формы конвергенции частного и публичного права[537].

Международные стандарты устанавливают основания и границы вмешательства государства в область прав и свобод

человека. Согласно ст. 29 Всеобщей декларации прав человека 1948 года, при осуществлении своих прав человек может подвергаться только таким ограничениям, которые установлены законом в целях обеспечения должного признания и уважения прав других лиц и требований морали, общественного порядка и общего благосостояния в демократическом обществе. Соответствующие правовые положения содержатся в Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах 1966 года, Протоколе № 4 к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1963 года. В соответствии с Протоколом № 1 к Европейской конвенции 1952 года государство имеет право обеспечивать выполнение таких законов, которые ему представляются необходимыми для осуществления контроля за использованием субъективных прав.

Под влиянием глобализационных процессов сформировались целые отрасли и институты права: социальное, космическое, атомное, информационное, экологическое, уголовно-правовые институты борьбы с хакерством, торговлей людьми, незаконной миграцией и др.

7. Специфика сфер правового регулирования. При решении проблем соотношения разных отраслей права можно провести границы между ними по характеру регулируемых общественных отношений.

В части 3 ст. 56 Конституции РФ предусмотрены положения, которые ограничивают проникновение публично-правового регулирования в сферу естественных прав и свобод человека. Любая отрасль права так или иначе затрагивает и имущественную, и неимущественную сферу жизни общества. Например, в соответствии со ст. 2 ГК РФ гражданское право регулирует имущественные и связанные с ними личные неимущественные отношения, основанные на равенстве, автономии воли и имущественной самостоятельности их участников.

Вместе с тем такое смешение можно наблюдать в финансовом праве. Регулируя отношения в сфере формирования, распределения и использования централизованных денежных фондов, предназначенных для удовлетворения публичных нужд, эта отрасль также характеризуется переплетением имущественных денежных и тесно связанных с ними неимущественных отношений.

При этом одни авторы считают, что необходимо вернуть нормы гражданского права, содержащиеся в комплексных отраслях, в состав гражданского законодательства. К комплексным законам, в которых содержатся гражданско-

правовые нормы, относятся Земельный кодекс РФ, Водный кодекс РФ, Лесной кодекс РФ, Градостроительный кодекс РФ, Жилищный кодекс РФ, Налоговый кодекс РФ, а также Закон РФ «О недрах» и др.

Так, В.Ф. Яковлев, М.И. Брагинский предлагают вернуть нормы гражданского права, содержащиеся в комплексных отраслях и, прежде всего, в природоресурсных отраслях законодательства, в состав гражданского законодательства, что, правда, не исключает особого регулирования в соответствующих кодексах публичных отношений, например, нормами публичного права об охране земель.

Одним из главных аргументов сторонников другой позиции является то, что комплексные отрасли сочетают как частноправовые, так и публично-правовые методы воздействия. С другой стороны, при рассмотрении, например, земельного права указывается, что приоритет в земельном законодательстве отдается отношению к земле как к природному объекту, а не как объекту имущественных правоотношений.

Таким образом, возникает вопрос о приоритете того или иного правового отраслевого режима. По мнению В.Н. Литовкина, решение, где должна пройти граница между гражданским и земельным правом, должно быть общим, одинаковым для всех комплексных отраслей, содержащих нормы гражданского права[538]. Указывая на данный ориентир для юридической науки, автор отмечает, что фактически эта граница в ГК РФ определена индивидуально для каждой комплексной отрасли, содержащей нормы гражданского права. Поскольку ГК РФ является законодательным актом, возглавляющим комплексную отрасль в структуре российского законодательства, фактически демаркационная линия с жилищным, земельным законодательством установлена именно им.

По мнению С.А. Боголюбова, ГК РФ не может являться главным законодательным актом комплексной отрасли, поскольку гражданское законодательство устанавливает общие правила осуществления имущественных отношений, является более общим законом (по вопросам имущественного оборота) по отношению к законам о природных ресурсах и объектах, имущественный оборот которых должен осуществляться по правилам кодекса с изъятиями, установленными специальными законами об этих природных ресурсах и объектах. Кроме того, гражданское законодательство рассматривает земельные участки в качестве недвижимых вещей (ст. 130 ГК РФ). Оно регулирует общие вопросы права собственности, совершения сделок (в том числе сделок с недвижимостью) и другие, которые с учетом

устанавливаемых земельным законодательством особенностей применимы к земельным участкам. Земельное же законодательство рассматривает землю в комплексе и как природный объект и природный ресурс, и как имущество[539].

8. Коллизионные правила. Необходимость существования коллизионных норм обусловлена сложностью, переплетением общественных отношений, регулируемых правом, сложностью самого механизма правового регулирования, что проявляется, прежде всего, в сложности самой системы[540].

Коллизионные нормы регулируют общественные отношения не непосредственно, а опосредованно, через другие нормы. Следовательно, коллизионные нормы есть особое средство юридической техники. В случае противоречия двух норм, которые могут быть применены к одним и тем же обстоятельствам, коллизионная норма выбирает одну из них, «вводит в действие» применительно к данным обстоятельствам, устраняет при этом действие других норм[541].

Коллизионная норма выступает регулятором при выборе не только между отечественным и иностранным законом, но и при выборе закона внутри национального права. Например, типичная коллизионная норма содержится в ч. 4 ст. 15 Конституции РФ, согласно которой если международным договором РФ установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора.

В юридической литературе имеется подход, согласно которому коллизии в праве возможны лишь в рамках одной отрасли, поскольку «нормы разных отраслей права не могут коллидировать, так как они регулируют различные стороны одних и тех же общественных отношений, т. е. находятся в отношениях конкуренции»[542]. Однако такой подход не в полной мере отражает объективную реальность, так как межотраслевые коллизии в праве признаются на практике, в том числе когда речь идет о балансе частных и публичных интересов. Более того, в научной литературе делается вывод о целесообразности формирования системы общих коллизионных принципов и правил, целью которой является разрешение коллизий частного и публичного права[543].

В этой связи следует отметить, что в настоящее время не закреплен приоритет норм публичного права над нормами частного права, и наоборот, поэтому коллизии между нормами частного и публичного права следует разрешать в соответствии с общеправовыми принципами: приоритетом нормы, обладающей более высокой юридической силой, приоритетом специальной нормы над общей; приоритетом нормы, принятой позднее.

Соответственно, коллизии между нормами различных отраслей права также должны разрешаться в соответствии с общеправовыми принцами разрешений коллизий.

2.4. Специальные аспекты

Эффективность комплексного правового регулирования можно рассматривать как в статике, так и в динамике. На наш взгляд, эффективность комплексности в праве можно рассматривать в следующих аспектах:

1) эффективность комплексных образований в целом как один из элементов системы права;

2) влияние комплексных образований на эффективность системы права;

3) эффективность комплексных образований в контексте их взаимодействия с нормами иных правовых отраслей.

Это позволит нам говорить об основных направлениях и характере эффективности комплексного правового регулирования.

Возникает вопрос: от чего зависит эффективность комплексного правового образования? В юридической литературе перечисляется множество факторов, от которых зависит его эффективность. В частности, отмечается, что эффективность комплексного образования зависит от проработки цели; более четкого объекта регулирования; правильного сочетания методов правового регулирования; правовых и внеправовых методов воздействия; разнородных норм права; от согласования норм с основными направлениями государственной политики.

В.Н. Протасов к факторам реализации права относит непосредственное содержание правовых предписаний; наличие специальных юридических механизмов; совершенство системы законодательства; состояние правосудия; степень информированности; состояние правовой среды; общее состояние социальной среды; степень эффективности законодательной деятельности, управленческих структур государства, органов охраны правопорядка[544].

На наш взгляд, нельзя не учитывать, что проблема комплексных правовых образований – это также проблема законодательная, проблема построения эффективных нормативных механизмов правового регулирования, в том числе определения регулятора соответствующих отношений, пределов и способов правового регулирования. Собственно эффективность проявляется в процессе действия соответствующего законодательства. Следует отметить, что такое правовое

регулирование предусматривает наличие большого количества нормативных актов, а использование «единого активного центра» при этом становится невостребованным. В этой связи актуальным является вопрос формирования единой правовой политики, направленной на обеспечение взаимосогласованности разрозненных нормативно-правовых актов, построение целостной законодательной системы, призванной решать социальные задачи. Соответственно необходимо оценить возможности государства в обеспечении эффективного функционирования правовой системы.

Приобретает актуальность проблема развития правотворчества на всех уровнях, в том числе на уровне субъектов Федерации и местного самоуправления. Причем характер развития такого правотворчества в значительной степени определяется активностью соответствующих субъектов Федерации и остротой социальных проблем.

В современной отечественной юридической литературе присутствует такой критерий как «уровень правовой развитости». Этот критерий уровня (и меры) правовой развитости национальных систем позитивного права имеет существенное значение и для характеристики отдельных национальных систем права, и для их классификации в правовые группы «семьи» различной степени развитости (на основе единой шкалы показателей правового развития)[545]. При этом под степенью правовой развитости понимается наличие единых общеправовых начал и положений в позитивном праве.

Представляется, что эффективность правового регулирования часто достигается в том числе и за счет правосознания (юридического мировосприятия) и правоотношений (правовой деятельности). Так, в соответствии с Федеральным законом от 21.11.2011 № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» в стране было предусмотрено создание юридических клиник, т. е. негосударственной системы бесплатной юридической помощи. Юридические клиники создаются на базе высших учебных заведений с целью правовой помощи и правового просвещения населения и формирования у обучающихся по юридической специальности навыков оказания юридической помощи. Юридические клиники могут существовать в форме юридического лица, если такое право предоставлено образовательной организации высшего образования ее учредителем, или структурного подразделения образовательной организации высшего образования.

Достижение цели эффективного правового регулирования обусловливает необходимость выявления конкретных формально-

юридических критериев эффективности комплексного законодательства. При всей схожести критериев эффективности они будут различаться в зависимости от уровня отраслевого регулирования; от комплексной отрасли, регулирующей преимущественно публичные либо частные общественные отношения; от контекста взаимодействия комплексных правовых образований с нормами иных правовых отраслей.

В связи с этим при рассмотрении критериев эффективности комплексных правовых образований в целом как элементов системы права следует вести речь об эффективности отдельных норм и уровне эффективности правового регулирования в целом. Хотя каждый из названных уровней эффективности представляет собой разнопорядковое явление, поэтому может наблюдаться несовпадение критериев их эффективности, надо учитывать, что они взаимосвязаны и дополняют друг друга.

К критериям эффективности комплексной отрасли права можно отнести достижение цели (целей) принятия соответствующего закона; непротиворечие норм комплексных правовых образований нормам конституционного законодательства, общепризнанным принципам и нормам международного права и международным договорам с участием Российской Федерации; адекватность понимания и толкования норм комплексных правовых образований; реализуемость и действенность норм закона. Показателем эффективности является то, что при изменении ряда нормативных актов – источников публичного права (например, законодательства о налогах и сборах и т. д.) – главным образом меняется публично-правовая их составляющая, достигается использование частноправовых методов правового регулирования и новых эффективных механизмов регулирования; применяется информационно-правовое обеспечение законодательной деятельности и др.

Вместе с тем следует учитывать, что высокий уровень коррумпированности административных и правовых институтов может выступать как препятствие на пути к применению и реализации норм и правил, предусмотренных современным российским законодательством.

Критериями эффективности влияния комплексных образований на эффективность системы права выступают также формирование новых комплексных правовых образований, в том числе на наднациональном уровне; обеспечение приоритетов государственной политики и др. Наиболее эффективными средствами формирования правотворческой политики являются референдум и требующий возрождения институт проведения всенародных обсуждений законопроектов[546]. Можно отметить,

что в настоящее время предусмотрена возможность проведение общественной экспертизы нормативных правовых актов на коррупциогенность. Например, 38 региональных отделений Ассоциации юристов России аккредитованы в качестве независимых экспертов, уполномоченных на проведение экспертизы проектов нормативных правовых актов и иных документов на коррупциогенность. Кроме того, Ассоциация юристов России ведет активную работу по целому ряду направлений, включая проведение общественной экспертизы законопроектов, повышение качества юридического образования, оказание бесплатной юридической помощи населению, организацию и проведение научных и практических конференций разных уровней, включая международный; правовое просвещение и пропаганду права, в том числе в СМИ и др.

При рассмотрении эффективности комплексных образований в контексте их взаимодействия с нормами иных правовых отраслей можно выделить следующие критерии: соблюдение иерархичности норм; результативное комплексирование; сбалансированное соотношение комплексного и отраслевого начала в сфере совместного регулирования и др. В этой связи возникает необходимость внедрения новой системы показателей эффективности правового регулирования.

1. ***Эффективность комплексных образований в целом как один из элементов системы права.*** Чем же отличается эффективность комплексных правовых образований от эффективности основных отраслей права?

Во-первых, способностью действующей причины (фактора), опирающейся на «общий интерес», произвести определенный эффект, достичь своих целей; влиянием целей на функционирование комплексной отрасли; ролью результата на признание эффективности существующих комплексных правовых образований. Как правило, в литературе отмечается, что комплексные правовые образования направлены на решение определенных социальных задач. Вместе с тем нельзя не учитывать и других участников правоотношений, в частности, сектор государства и бизнес-сектор, что предполагает учет при правовом регулировании как социальных, так и политических и экономических целей.

Во-вторых, способом достижения общей цели, т. е. необходимостью для достижения этой цели объединить усилия норм разных отраслей права. Единство цели подразумевает сочетание элементов частного и публичного права для более полной, комплексной и, следовательно, эффективной реализации поставленной цели.

В-третьих, подходом, предусматривающим определенный баланс взаимодействия норм основных и комплексных отраслей права, нужный для достижения оптимального результата. Взаимодействие различных институтов и норм частного и публичного права обусловливается поиском наиболее оптимального и эффективного регулирования правоотношений. Цель такого взаимодействия – наиболее полное и всестороннее регулирование правоотношений, которое может быть достигнуто лишь взаимным использованием частноправовых и публично-правовых норм.

В-четвертых, оптимальным состоянием системы субъектов права, определенным набором средств, обеспечивающих эффективное взаимодействие участников общественных отношений в важнейших сферах социальной жизни. Комплексная отрасль права предусматривает специфичную систему юридических фактов, соответствующий порядок определения прав и обязанностей субъектов, особую систему юридических санкций.

В-пятых, с учетом того, в юридической литературе имеются попытки отказаться от восприятия публичного права в детерминированной связи с оценкой его эффективности в регулировании определенных сфер общественных отношений и, в первую очередь, экономических[547].

В-шестых, фактическим наличием комплексных правовых образований, вызванным острой необходимостью принятия соответствующих эффективных мер.

В-седьмых, действенностью, результативностью, но не любой, а заранее намеченной, целевой, приводящей к необходимым результатам.

Комплексные отрасли права эффективны при условии их целостной реализации в рамках системного подхода, а не в разрозненном виде. Детальному изучению комплексности в праве отвечает подход, использующий понятия системы, элемента, состава, структуры, функции, функционирования, цели. Соответственно комплексную отрасль права необходимо рассматривать как систему и использовать при определении ее формы и содержания такие категории как «элемент», «состав», «структура». В.Н. Протасов объясняет это тем, что правовой структурой обладает исключительно основной предмет комплексной отрасли, а правоотношения, возникающие в предмете основной отрасли, в систему между собой не связаны[548]. Важно также, к какой подсистеме будет отнесена комплексная отрасль права, что нередко зависит от правового регулирования соответствующей отрасли. В данном случае речь

идет о том, что все еще существуют трудности при отнесении той или иной отрасли к основной отрасли права либо при рассмотрении ее в качестве самостоятельного элемента системы права.

Также можно отметить, что характер общественных отношений в одном случае позволяет говорить об эффективности установления запретов в соответствующей области, в другом – об эффективности установления дозволений и диспозитивных норм.

Эффективность комплексных правовых образований обусловлена методом правового регулирования, от которого в значительной мере зависят эффективность правового регулирования, достижение выдвигаемых при этом целей, результативность действия права. С одной стороны, когда общественные отношения становятся важными для государства, публично-правовой элемент правового регулирования возрастает. С другой стороны, в общественных отношениях, нуждающихся в свободном развитии, публично-правовой элемент постепенно уступает место частноправовым методам регулирования. В общественных отношениях, изначально тяготеющих к частному праву, публично-правовой элемент не получает решающего значения.

Существующие вопросы, связанные с эффективностью комплексной отрасли права, могут быть связаны с рассогласованностью частной природы отношений, выступающих объектом контроля. Например, правила взимания налогов и (или) сборов могут ограничивать частноправовую активность в какой-либо области правового регулирования. В связи с этим обеспечение эффективности комплексных правовых образований должно быть связано не с дальнейшим наращиванием административного воздействия, а с позитивным частноправовым регулированием. Вместе с тем безграничная свобода может привести к отсутствию порядка, что отрицательно скажется на эффективности общественных отношений. Поэтому дозволения должны находиться в определенных законодательных рамках, сочетая в себе как свободу субъектов, так и пределы осуществления субъективных прав.

При рассмотрении комплексных образований следует также обратить внимание на применение национально-правовых актов и международного права. На наш взгляд, успешное правовое регулирование общественных отношений невозможно без эффективно действующих национальных механизмов. Вместе с тем, включение европейских стандартов в российскую правовую систему повышает степень ответственности государства, а национально-правовые механизмы существенно дополняются

международными.

Эффективность комплексной отрасли права зависит от характеристики предмета правового регулирования, в частности, наличия целостной совокупности разнородных принципов. Принципы права определяют пути совершенствования правовых норм, выступая в качестве руководящих идей для законодателя. Они являются связующим звеном между основными закономерностями развития и функционирования общества и правовой системой. Благодаря принципам правовая система адаптируется к важнейшим интересам и потребностям человека и общества, становится совместимой с ними. В Древнем Риме наряду с публичным и частным правом выделялось право народов (Jus gentium) – право, составленное исходя из обнаруженных мировых правовых принципов, для решения споров между жителями зависимых земель и иностранцами, находящимися на подконтрольной Риму территории.

В Декларации прав человека и гражданина 1789 года были сформулированы следующие принципы правового государства: а) верховенство закона (все, что не запрещено законом, то дозволено; никто не может быть принужден делать то, что не предписано законом; наказание и задержание лица, лишение собственности возможно только на основании закона); б) представительная форма управления (все граждане имеют право лично или через своих представителей участвовать в создании закона, все граждане имеют равный доступ ко всем должностям согласно их способностям); в) подотчетность всех органов и должностных лиц (общество может требовать у любого должностного лица отчета о его деятельности)[549].

Появляются новые правовые принципы – «глобальные мировые императивы»[550]: ограничение суверенитета государств в пользу общих человеческих норм мирового общества, приоритет признанных норм и принципов международного права перед нормами внутреннего права, прямое обеспечение международно-правовой защиты прав и свобод человека и гражданина и т. п.

Рассматривая специфику принципов комплексных правовых образований, можно отметить, что в силу общеправового принципа формального равенства любая норма права должна объединять в себе оба начала: публично-правовое и частноправовое.

Комплексные отрасли права основываются на главных принципах государственной организации, в частности, имеют черты как государственной власти, так и некоторых других институтов. Принципы, на которых основаны комплексные правовые образования, несколько отличаются от тех, которыми

руководствуются отрасли публичного и частного права.

Основные отрасли права содержат фундаментальные принципы публичного и частного права, следовательно, представляют собой принципы того, что составляют другие принципы отрасли публичного и частного права. Принципы публичного и частного права определяют общую базу и пределы регулирования для отдельных отраслей публичного и частного права. Вместе с тем развитие основных и комплексных отраслей настолько широко, что они устанавливают собственные правовые принципы и специальную технику, адекватную их задачам и целям. Это все вопросы собственно отраслей права; и принципы и правила, которые они устанавливают, определяют их самостоятельность и эффективность.

На основе норм различных отраслей права – трудового, гражданского, семейного и ряда других, можно выделить следующие межотраслевые принципы частного права: принцип свободы договора, принцип свободы труда, принцип запрещения принудительного труда, принцип правовой защиты предпринимательства, принцип признания и защиты равным образом всех форм собственности и др.[551] При этом важно соблюдение принципа разумной достаточности: государство должно применять такие средства, которые позволяют достичь поставленной цели и при этом наименее ограничивают деятельность субъектов и минимально нарушают их права. Например, в случае чрезвычайного положения ограничения прав могут осуществляться только в той мере и на такой период, которых требуют особенности ситуации. Также к принципам комплексных правовых образований можно отнести соблюдение баланса жизненно важных интересов личности, общества и государства.

Комплексное законодательство содержат нормы, развивающие принципы, в том числе социальных прав, поэтому такое законодательство можно выделить в отдельную группу. Данную группу составляют законы, призванные регулировать определенный тип общественных связей, имеющие смешанный характер и предусматривающие развитие основных принципов организации общества.

2. ***Влияние комплексных образований на эффективность системы права.*** Сопоставление эффективности комплексных образований можно провести с позиции его роли в системе права, назначения и степени его осуществления (например, эффективность правового регулирования является критерием развитости права). Выделение наряду с основной отраслью права комплексных правовых образований помогает теоретическому

уяснению их сути, определению эффективности их воздействия на те или иные общественные отношения и позволяет научно определить пути совершенствования права с целью эффективного регулирования общественных отношений.

В.Н. Протасов отмечает, что процессы формирования комплексных отраслей лежат в основе совершенствования права и во многом определяют эффективность его воздействия на социальную сферу. Это обусловлено, тем, что традиционные принципы и методы частного либо публичного права, взятые в отдельности, уже не могут являться эффективным инструментарием для регулирования общественных отношений. Вместе с тем комплексные правовые образования направлены на решение практических задач эффективного воздействия права на общественные отношения.

Формирование новой комплексной отрасли права не означает простого прибавления одного элемента, поскольку включение в систему праву этого элемента приводит к перестройке всей системы права в целом. Возникновение нового элемента ведет к возникновению, по крайней мере, нескольких новых составляющих и сопровождается более или менее серьезным функциональным преобразованием массы составляющих системы вообще.

Кроме того, комплексные правовые образования выражают объективно существующие связи, в частности, соотношение отдельных видов общественных отношений и их правового режима, применение которых определяет эффективность правового регулирования (субъекты отношений, их правовой статус, особенности прав и обязанностей, ответственность и др.). Эти связи оказывают влияние на систему права, с тем чтобы ее функционирование осуществлялось в виде единого, структурно сложного организма, и на эффективность нормативно-правовой формы общественного регулирования, выражающуюся в стабильности действия всей системы.

Комплексные правовые образования способны регулировать общественные отношения системно, т. е. «сплоченными», взаимосвязанными методами, обеспечивая дифференцированное и вместе с тем единое, согласованное воздействие на определенный круг общественных отношений. Поэтому представляется актуальным исследовать специфику природы и места комплексных правовых образований как структурных образования системы права и системы законодательства, призванных способствовать укреплению законности и регулирования важных для государства и общества отношений, дабы повысить их эффективность, качество и обеспечить

правопорядок.

3. Эффективность комплексных образований в контексте их взаимодействия с нормами иных правовых отраслей. Право представляет собой не отдельные самостоятельные отрасли, а именно систему, и действует эффективно лишь в тех случаях, когда все его отрасли участвуют в регулировании той или иной группы общественных отношений.

Взаимодействие комплексных правовых образований с отраслями публичного и частного права направлено на обеспечение эффективности правого регулирования соответствующего блока общественных отношений; удовлетворение совокупности взаимосвязанных публичных и частных интересов в соответствующей области.

Эффективность комплексных образований в контексте их взаимодействия с нормами иных правовых отраслей находится в зависимости от интереса, поскольку чем адекватнее правовые нормы, т. е. чем ближе они интересам участников общественных отношений, тем выше эффективность правового регулирования. Интерес отражает целевое назначение правового регулирования и его результативность.

Представляется, что в процессе взаимодействия комплексных отраслей и основных отраслей должно достигаться наиболее эффективное урегулирование общественных отношений: элементы основных отраслей права дополняют комплексные отрасли и повышают результативность итогового правового реагирования и достижения поставленных целей.

Так, Д.М. Чечот отмечает, что процессуальное право влияет на общественные отношения в связи с применением норм материального права, постольку его эффективность зависит от эффективности применяемых в процессе осуществления правосудия норм материального права[552].

С одной стороны, комплексные правовые образования выступают как система, призванная обеспечить эффективное взаимодействие и координацию охватываемых ими основных отраслей права и некоторых правовых институтов. С другой стороны, комплексные правовые образования формируются под влиянием сочетания норм публичного и частного права. Поэтому тенденция, связанная с взаимодействием отраслей частного и публичного права, благотворно влияет на идею развития комплексных правовых образований. В этой связи важно определить модель структурного сочетания правовых способов в целях эффективности правового регулирования общественных отношений.

Специфика комплексных правовых образований, связанная с

взаимодействием частноправовых и публично-правовых средств, предполагает в значительной степени повышение роли суда в разрешении возникающих в соответствующей сфере споров при применении публично-правовых или частноправовых средств. Соответственно взаимодействие норм публичного и частного права влияет как на законодательство, так и на развитие судебной практики, в том числе прецеденты Европейского суда по правам человека как источники права. Тем более что эффективность права не всегда зависит от степени развитости форм права (обычай, решение судьи в некоторых национально-правовых системах сильнее государственно-правового воздействия). Например, в Мексике, в отличие от других стран Латинской Америки и вообще стран континентальной системы права, вторым по значению источником права после закона является судебная практика. Сложился даже институт, получивший название «обязательное прецедентное право», согласно которому решения некоторых судов становятся обязательными для судов равной и нижестоящей инстанции. Это относится, в частности, к решениям Верховного суда Мексики, решениям коллегиальных окружных судов, принятым по вопросам, входящим в их компетенцию и обязательным не только для федеральных судов, но и судов штатов[553]. При этом в зарубежной и отечественной литературе отмечается, что деятельность судебного органа более эффективна в том случае, если он независим. По мнению Е.А. Ершовой и В.В. Ершова, с позиции теории систем и общей теории права реальная и эффективная защита нарушенных прав и законных интересов физических и юридических лиц возможна лишь в случае конституционного закрепления и практического действия независимых, самостоятельных, «равновесных», взаимоконтролирующих и взаимодействующих законодательных, исполнительных и судебных органов государственной власти в системе органов государственной власти, в которой составляющие ее элементы не «подменяют» друг друга, не выполняют функции иного элемента, а лишь взаимодействуют[554].

Для повышения эффективности взаимодействия российской правовой системы с Европейским судом по правам человека, а также для более полной защиты прав российских граждан предлагается принять федеральный закон «Об исполнении постановлений Европейского суда по правам человека». Этот закон должен предусматривать: а) обязательный характер окончательных постановлений ЕСПЧ по делам против России и необходимость их применения российскими судами; б)

обязательные требования о переводе на русский язык и о публикации таких постановлений ЕСПЧ; в) порядок их исполнения; г) круг допустимых мер общего и индивидуального характера; д) виды юридической ответственности для должностных лиц за неисполнение или ненадлежащее исполнение постановлений ЕСПЧ. Важным индикатором эффективности взаимодействия международных судебных органов и национальных правовых систем является степень реализации решений, вынесенных против государств и требующих совершения деликвентами определенных действий[555].

Представляется, что в законодательстве Российской Федерации можно предусмотреть случаи прямого указания на роль судебной практики, в частности, определить, что случаи, не предусмотренные законом, решаются в соответствии с обычаем или обыкновением, а в отсутствие их, – в соответствии с общими принципами права и судебной практики; противоречия между нормами права судьи должны разрешать в соответствии с законом или с помощью их толкования.

Заключение

Комплексные правовые образования в системе советского права относились больше к спорадическим явлениям и поэтому не могли рассматриваться как типичное для того времени явление. В работе указывается на необходимость обратить особое внимание на понятия «система» и «комплекс». Анализ этих понятий позволил нам согласиться с мнением В.Н. Протасова о том, что «комплекс» – это особая система. Предлагается рассматривать комплексность как один из принципов (способов) организации системы права, что находит проявление в делении правовых отраслей на основные и комплексные. Причем наличие комплексных отраслей права рассматривается как высшая стадия формирования системы права.

В работе проанализированы имеющиеся в юридической науке высказывания о том, что комплексность может затрагивать только законодательную систему, что комплексные отрасли – на самом деле отрасли законодательства, а не права. В связи с этим были рассмотрены различные подходы к системе права и системе законодательства, на основании чего был сделан вывод о плодотворности применения конвенционального подхода к построению системы права и системы законодательства (точка зрения В.Н. Кудрявцева, М.Ф. Орзиха, М.И. Пискотина, В.П. Реутова и др.). Результаты исследования указанных подходов к отраслевой структуре законодательства и отраслевой структуре права позволяют нам разделить точку зрения ученых, которые считают, что в системе права есть не только основные, но и комплексные отрасли права, и что существование последних является результатом некоторой договоренности, консенсуса или признания их большинством авторитетных ученых.

В исследовании отмечается, что комплексная отрасль в системе права обосновывается учеными, прежде всего, посредством предмета правового регулирования (В.К. Райхер, С.С. Алексеев, А.Я. Курбатов и др.). Автор разделяет мнение ученых, которые считают, что наличие у комплексной отрасли предмета обусловливает и обладание ею собственным методом правового регулирования (В.Н. Протасов, К.А. Сатонина и др.). При этом при рассмотрении природы комплексной отрасли права превалирующую роль играет предметный, неюридический принцип ее образования, а не внешний признак, состоящий в том, что она складывается из норм основных отраслей права. При определении комплексной отрасли права предлагается исходить из сугубо функционального целополагания, в частности

социальной значимости и необходимости определенного вида общественных отношений, которые выступают основанием для формулирования соответствующих норм права.

Таким образом, в условиях существующей мировоззренческой платформы относительно критериев выделения отраслей права предлагается к основным критериям выделения комплексных отраслей права отнести предмет и метод правого регулирования. В качестве дополнительных необходимо использовать несколько критериев: принципы, интерес, правовую традицию, значимость регулируемых отношений, юридическую ответственность и др. Также при определении границ важно учитывать особенности правопорядка, правовой культуры как важных аспектов системы права.

В работе уделено внимание исследуемому в теории права вопросу о комплексных институтах права. В частности указывается, что комплексные правовые институты имеют отношение к формированию новых отраслей права. На основании этого делается вывод, что комплексные институты могут выступать как один из возможных вариантов зарождения комплексной отрасли права.

В результате рассмотрения различных определений понятия комплексной отрасли права нами сделан вывод о том, что ***комплексная отрасль права адсорбирует как отдельные фрагменты уже существующих отраслей права, так и имманентные нормы этой отрасли, которые синхронно присутствуют в других отраслях права. Таким образом, нормы отдельных отраслей права, переплавляясь в комплексную отрасль права, образуют качественно новое правовое пространство, или модернизируемый правовой континуум.***

Проанализированы системообразующие связи комплексных правовых образований, которые характеризуют их юридическую природу и подразделяются на исторические, субординационные, онтологические, системно-энтропические, генетические, а также репродуктивно-конструктивные.

Вопрос о месте комплексных отраслей права в системе права также является дискуссионным. Одни авторы относят комплексные отрасли права к публичному праву, а другие – к частному праву.

Мы поддерживаем позицию тех исследователей, которые склонны считать, что комплексные отрасли права не могут быть в полной мере отнесены к частному праву, равно как они не являются и отраслями публичного права.

Изучены точки зрения ученых на деление права на частное,

публичное и социальное. Обоснована важная для создания доктринального представления о комплексном правовом регулировании идея правомерности использования в общей теории права понятия «социальное право», обладающего значительным эвристическим потенциалом. Констатируется, что комплексные правовые образования выступают как целостные самостоятельные явления, отличающиеся от деления права на частное и публичное. Выделение в системе права подсистемы частного, публичного и социального права даст возможность обогатить содержание комплексного правового регулирования, которое в подсистеме социального права отражает процессы взаимодействия норм публичного и частного права.

В работе отмечается, что форма выражения права не ограничивается законом и даже законодательством как совокупностью нормативных правовых актов. Данное толкование доминировало в советском праве, где понятие «система источников права» было заменено понятием «система законодательства», а проблема источников права была редуцирована к проблеме соотношения системы законодательства и системы права.

По нашему мнению, данный подход существует и по сей день, что во многом препятствует плодотворному изучению форм комплексных правовых образований. Ведь в современной юридической литературе, как правило, рассматривается лишь одна из форм права, а именно нормативные правовые акты. Предлагаем расширить существующие рамки комплексного правового регулирования и распространить сферу его действия на другие источники права, в частности содержание категории «комплексное правовое регулирование» расширить за счет включения в нее новых элементов, уделив при этом внимание правовому обычаю, нормативному договору, правовому прецеденту.

В работе делается вывод, что признание наличия комплексных правовых образований в системе права необходимо для построения эффективной модели правового регулирования, поскольку связанные с категорией эффективности понятия «цель» и «оценка результата» в гораздо большей степени связаны с концепцией комплексных правовых образований, чем с основными отраслями права. В связи с этим комплексные правовые образования должны рассматриваться в контексте эффективности.

Список Использованной литературы

Нормативные правовые акты

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ) // СПС «КонсультантПлюс». 2014.

2. О торгово-промышленных палатах в Российской Федерации: Закон РФ от 07.07.1993 № 5340-1 // Российская газета. 1993. 12 авг. № 154.

3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): федер. закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Российская газета. 1994. 8 дек. № 238–239.

4. Бюджетный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 31.07.1998 № 145-ФЗ // Российская газета. 1998. 12 авг. № 153–154.

5. О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации: федер. закон от 30.04.1999 № 82-ФЗ // Российская газета. 1999. 12 мая. № 90.

6. Трудовой кодекс Российской Федерации: федер. закон от 30.12.2001 № 197-ФЗ // Российская газета. 2001. 31 дек. № 256.

7. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 24.07.2002 № 95-ФЗ // Российская газета. 2002. 27 июля. № 137.

8. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 14.11.2002 № 138-ФЗ // Российская газета. 2002. 20 ноября. № 220.

9. Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов: федер. закон от 17.07.2009 № 172-ФЗ // Российская газета. 2009. 22 июля. № 133.

10. О мониторинге правоприменения в Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 20.05.2011 № 657 // Российская газета. 2011. 22 мая. № 110.

11. О порядке разработки прогноза социально-экономического развития Российской Федерации: постановление Правительства Российской Федерации от 22.07.2009 № 596 // Собрание законодательства РФ. 2009. 27 июля. № 30. Ст. 3833.

12. Об утверждении методики осуществления мониторинга правоприменения в Российской Федерации: постановление Правительства Российской Федерации от 19.08.2011 № 694 // Российская газета. 2011. 24 авг. № 186.

13. Об утверждении плана мониторинга правоприменения в Российской Федерации на 2013 год: распоряжение Правительства

Российской Федерации от 01.08.2012 № 1396-р // Собрание законодательства РФ. 2012. 6 авг. № 32. Ст. 4605.

14. Об объявлении решения коллегии Министерства юстиции Российской Федерации «Об итогах деятельности Министерства юстиции Российской Федерации за 2012 год и задачах на 2013 год»: приказ Минюста России от 25.03.2013 № 38 // СПС «КонсультантПлюс».

Судебная практика

1. По делу о проверке конституционности части второй статьи 213 КЗоТ Российской Федерации в связи с жалобами граждан Г.И. Шульженко и С.С.Мазанова: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 15.06.1995 № 29-О // Вестник Конституционного Суда РФ. 1995. № 2–3.

2. По делу о проверке конституционности статьи 3 Федерального закона от 18 июля 1995 года «О рекламе»: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 04.03.1997 № 4-П // Российская газета. 1997. 18 марта. № 53.

3. По запросу группы депутатов Государственной Думы о проверке конституционности положений статей 8, 15 и 17 Федерального закона «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей»: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 02.10.2003 № 382-О // Вестник Конституционного Суда РФ. 2004. № 1.

4. По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 7, 15, 107, 234 и 450 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 29.06.2004 № 13-П // Российская газета. 2004. 7 июля. № 143.

5. По делу о проверке конституционности абзаца восьмого пункта 1 статьи 20 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобой гражданина А.Г. Меженцева: постановление Конституционного Суда РФ от 19.12.2005 № 12-П // Вестник Конституционного Суда РФ. 2006. № 1.

6. По делу о проверке конституционности положений части 4 статьи 170, пункта 1 статьи 311 и части 1 статьи 312 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами закрытого акционерного общества «Производственное объединение «Берег», открытых акционерных обществ «Карболит», «Завод «Микропровод» и «Научно-производственное предприятие «Респиратор»: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 21.01. 2010 № 1-П // Российская газета. 2010. 10 февр. № 27.

7. По делу о проверке конституционности положений статьи 153 Федерального закона от 22 августа 2004 года № 122—ФЗ «О внесении изменений в Законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых законодательных актов российской Федерации в связи с

принятием федеральных законов «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» в связи с жалобой главы города Твери и Тверской городской Думы: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 15.05. 2006 № 5-П // Собрание законодательства РФ. 2006. № 22. Ст. 2375.

8. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Кравчука Ивана Ивановича на нарушение его конституционных прав частью 7 статьи 16 Федерального закона «О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» и статьей 1 Закона Архангельской области «Об ограничении на территории Архангельской области деятельности по организации и проведению азартных игр»: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 25.12.2008 № 945-О-О // СПС «Консультант Плюс».

9. О некоторых вопросах применения Конституции РФ при осуществлении правосудия: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 31.10.1995 № 8 // Российская газета. 1995. 28 дек. № 247.

10. О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 17.03.2004 № 2 // Российская газета. 2006. 31 дек. № 297.

Монографическая литература

1. Алаев, Э.Б. Экономико-географическая терминология / Э.Б. Алаев. – М.: Мысль, 1977. – 199 с.

2. Алексеев, С.С. Общие теоретические проблемы системы советского права / С.С. Алексеев. – М.: Юрид. литература, 1961. – 187 с.

3. Алексеев, С.С. Общая теория социалистического права / С.С. Алексеев. – Свердловск, СЮИ, 1963. Вып. № 1 – 265 с., Вып. № 2 – 226 с., Вып. № 4 – 203 с.

4. Алексеев, С.С. Проблемы теории права: Курс лекций в 2 т. / С.С. Алексеев. – Свердловск: СЮИ, 1972. – 396 с.

5. Алексеев, С.С. Структура советского права / С.С. Алексеев. – М.: Юрид. литература, 1975. – 263 с.

6. Алексеев, С.С. Общая теория права: В 2 т. / С.С. Алексеев. – М.: Юрид. литература, 1981–1982. – 2 т.

7. Алексеев, С.С. Теория права. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Бек, 1995. – 311 с.

8. Алексеев, С.С. Право: азбука-теория-философия: Опыт комплексного исследования/ С.С. Алексеев. – М.: Статут, 1999. – 712 с.

9. Алексеев, С.С. Частное право: научно-публицистический очерк / С.С. Алексеев. – М.: Статут, 1999. – 160 с.

10. Алексеев, С.С. Собрание сочинений. В 10 т. Т. 5: Линия права. Отдельные проблемы концепции. – М.: Статут, 2010. – 549 с.

11. Алехин, А.П. Административное право Российской Федерации / А.П. Алехин, В.А. Кармолицкий, Ю.М. Козлов. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Зерцало, 1998. – 672 с.

12. Антология уральской цивилистики (1925–1989): [Сб. ст.] / каф. гражд. права Урал. гос. юрид. акад., Урал. отд-ние Рос. школы част. права. – М.: Статут, 2001. – 429 с.

13. Артамонова, Е.А. Частное начало в российском уголовном судопроизводстве: моногр. / Е.А. Артамонова; под ред. В.М. Корнукова. – Саратов: СГАП, 2004. – 164 с.

14. Атаманчук, Г.В. Управление: сущность, ценность, эффективность / Г.В. Атаманчук. – М.: Культура: Акад. проект, 2006. – 542 с.

15. Афанасьев, В.Г. Системность и общество / В.Г. Афанасьев – М.: Политиздат, 1980. – 368 с.

16. Байтин, М.И. Сущность права / М.И. Байтин. – 2-е изд., доп. – М.: ООО ИД «Право и государство», 2005. – 544 с.

17. Банковское право Российской Федерации. Общая часть:

учеб. / под общ. ред. акад. Б.Н. Топорнина. – М.: Юристь, 2002. – 448 с.

18. Бахрах, Д.Н. Административная ответственность: учеб. пособие по курсам «Адм. ответственность», «Адм. юрисдикция» / Д.Н. Бахрах. – М.: Юриспруденция, 1999. – 110 с.

19. Бахрах, Д.Н. Административное право России: учеб. для вузов / Д.Н. Бахрах. – М.: Норма, 2000. – 640 с.

20. Блауберг, И.В. Системный подход в современной науке / И.В. Блауберг, В.Н. Садовский, Э.Г. Юдин // Проблемы методологии системных исследований. – М., 1970. – С. 7—48.

21. Богданов, А.А. Тектология. Всеобщая организационная наука / А.А. Богданов. В 2 т. Т. 2. – М.: Экономика, 1989. – 464 с.

22. Боголюбов, С.А. Земельное право: учеб.; 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт-Издат, 2009. – 402 с.

23. Боголюбов, С.А. Экологическое право: учеб. для вузов / С.А. Боголюбов. – М.: Норма, 2001. – 448 с.

24. Бойцов, В.Я. Система субъектов советского государственного права / В.Я. Бойцов. – Уфа: Башкирск. книжн. изд-во, 1972. – 158 с.

25. Бочаров, В.М. Теория государства и права: учеб. пособие / В.М. Бочаров, А.Н. Соколов. – Калининград: Калининградский юридический институт МВД России, 2010. – 224 с.

26. Брагинский, М.И. Витрянский, В.В. Договорное право: Общие положения. Кн. 1 / М.И. Брагинский, В.В. Витрянский. – 2-е изд. – М.: Статут, 2003. – 848 с.

27. Братусь, С.Н. Предмет и система советского гражданского права / С.Н. Братусь. – М.: Госюриздат, 1963. – 197 с.

28. Венгеров, А.Б. Теория государства и права: учеб. / А.Б. Венгеров. – 6 – е изд. – М.: Омега-Л, 2009. – 607 с.

29. Витрук, Н.В. Конституционное правосудие. Судебно-конституционное право и процесс: учеб. пособие / Н.В. Витрук. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юристъ, 2005. – 527 с.

30. Витрук, Н.В. Общая теория юридической ответственности / Н.В. Витрук. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Норма, 2009. – 259 с.

31. Витченко, А.М. Метод правового регулирования социалистических общественных отношений / А.М. Витченко; под ред. М.И. Байтина. – Саратов, 1974. – 161 с.

32. Владимирский-Буданов, М.Ф. Обзор истории русского права / М.Ф. Владимирский-Буданов. – Петроград-Киев, 1915. – 800 с.

33. Гамбаров, Ю.С. Гражданское право. Общая часть / Ю.С. Гамбаров; под ред. В.А. Томсинова. – М.: Зерцало, 2003. – 816 с.

34. Голубцов, В.Г. Сочетание публичных и частных начал в регулировании вещных отношений с участием государства / В.Г.

Голубцов. – 2-е изд., испр. и доп. – СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2005. – 249 с.

35. Горшенев, В.М. Способы и организационные формы правового регулирования в социалистическом обществе /В.М. Горшенев. – М.: Юрид. литература, 1972. – 258 с.

36. Государственно-частное партнерство: проблемы, тенденции, перспективы // Научно-практические конференции и круглые столы Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации (2004–2008 гг.) / сост. М.Я. Булошников, А.С. Колобова, В.В. Иванников. – М., 2009. – С. 633–637.

37. Григонис, Э.П. Теория государства и права / Э.П. Григонис. – СПб., 2002. – 320 с.

38. Гунель, М. Введение в публичное право. Институты. Основы. Источники. – М.: Норма, 1995. – 468 с.

39. Давид, Р., Жоффре-Спинози, К. Основные правовые системы современности / Р. Давид, К. Жоффре-Спинози / пер. с фр.

В. А. Туманова. – М.: Междунар. отношения, 1996. – 398 с.

40. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. – Репр. воспроизведение изд. 1903–1909 гг. / под ред. И.А. Бодуэна де Куртенэ. – М.: ТЕРРА, 2000. Т. 2: И-О. – 2000. – 2030 с.

41. Дмитриев, Ю.А. Понятие, предмет и метод конституционного права Российской Федерации – от исторических истоков к современности / Ю.А. Дмитриев, И.В. Мухачев. – М.: Манускрипт, 1998. – 60 с.

42. Доклад Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации 2007 года «О состоянии законодательства в Российской Федерации» / под общ. ред. С.М. Миронова, Г.Э. Бурбулиса. – М., 2008. – 669 с.

43. Доморацкая, Э.И. Социальное законодательство Франции / Э.И. Доморацкая; отв. ред. Усенин В.И. – М.: Наука, 1975. – 175 с.

44. Дунаев, Р.А. Ограничения экономических прав граждан в Российской Федерации: учеб. пособие / Р.А. Дунаев; под ред. Н.М. Коршунова. – М.: Книжный мир, 2005. – 92 с.

45. Дынник, М.А. Материалисты Древней Греции / М.А. Дынник. – М., 1955. – 240 с.

46. Еллинек, Г. Общее учение о государстве. – СПб., 2004. – 752 с.

47. Ершов, В.В. Основополагающие общетеоретические и гражданско-правовые принципы права: моногр. / В.В. Ершов; ГОУ ВПО «Российская акад. правосудия». – М.: РАП, 2010. – 223 с.

48. Законодательная социология / отв. ред. В.П. Казимирчук, С. В. Поленина. – М.: Формула права, 2010. – 256 с.

49. Захарова, М.В. Французская правовая система: теоретический анализ: моногр. / М.В. Захарова. – М.: Проспект, 2013. – 288 с.

50. Иванов, В.В. Общие вопросы теории договора / В.В. Иванов. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – 160 с.

51. Ильин, И.А. О сущности правосознания / И.А. Ильин. – М., 1993. – 235 с.

52. Ильин, И.А. Теория права и государства / И.А. Ильин. – М., 2003. (Воспроизводится по изданиям 1915 и 1956 гг.). – 552 с.

53. Иоффе, О.С. Вопросы теории права / О.С. Иоффе, М.Д. Шаргородский. – М.: Юрид. литература, 1961. – 381 с.

54. Информационное право / И.Л. Бачило, В.Н. Лопатин, М.А. Федотов; под ред. Б.Н.Топорнина. – 2-еизд. сизм. идоп. – СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юрид. центр Пресс», 2005. – 723 с.

55. Информационное право: учеб. для вузов / И.Л. Бачило. – М.: Высшее образование: Юрайт-Издат, 2009. – 454 с.

56. Исаков, В.Б. Юридические факты в советском праве / В.Б. Исаков. – М., 1984. – 144 с.

57. Кашанина, Т.В. Корпоративное право: Право хозяйственных товариществ и обществ: учеб. для вузов / Т.В. Кашанина. – М.: Изд. группа «НОРМА-ИНФРА-М», 1999. – 815 с.

58. Керимов, Д.А. Философские проблемы права / Д.А. Керимов. – М.: Мысль, 1972. – 472 с.

59. Керимов, Д.А. Законодательная техника: науч. – метод. пособие / Д.А. Керимов. – М., 2000. – 127 с.

60. Керимов, Д.А. Методология права: предмет, функции, проблемы философии права / Д.А. Керимов. – 5-е изд. – М.: Изд-во СГУ, 2009. – 521 с.

61. Киримова, Е.А. Правовой институт: понятие и виды: учеб. пособие / Е.А. Киримова; под ред. И.Н. Сенякина. – Саратов: СГАП, 2000. – 55 с.

62. Киримова, Е.А. Становление новых правовых институтов в современных социально-экономических условиях // Вопросы теории государства и права. Новые идеи и подходы: Межвуз. сб. научных трудов. – Саратов: СГАП. – 2000. – Вып. 2 (11). – С. 110–115.

63. Кирин, В.А. Законодательство о борьбе с преступностью. Отрасли и их взаимосвязь / В. А. Кирин. – М.: Юрид. литература, 1978. – 280 с.

64. Комаров, С.А. Общая теория государства и права: курс лекций / С.А. Комаров. – 2-е изд, испр. и доп. – М.: Манускрипт, 1996. – 316 с.

65. Концепции развития российского законодательства / редкол.: Л.А. Окуньков, Ю.П. Орловский, Ю.А.Тихомиров; ред.: М.А. Борисова, Л.А. Мункуева. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: ИЗиСП, 1998. – 256 с.

66. Концепция развития российского законодательства / под ред. и с предисл. Т.Я. Хабриевой, Ю.А. Тихомирова. – М.: Эксмо, 2010. – 736 с.

67. Концепция стабильности закона / Н.В. Варламова, О.А. Гаврилов, В.Б. Исаков, В.П. Казимирчуки др.; отв. ред.: В.П. Казимирчук. – М.: Проспект, 2000. – 176 с.

68. Коррупция: природа, проявления, противодействие: моногр. / отв. ред. Хабриева Т.Я. – М.: Юриспруденция, 2012. – 688 с.

69. Коршунов, Н.М. Конвергенция частного и публичного права: проблемы теории и практики / Н.М. Коршунов. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2011. – 240 с.

70. Красавчиков, О. А. Гражданские организационно-правовые отношения // Антология уральской цивилистики (1925–1989): [Сб. ст.] – М., 2001. – С. 159.

71. Крассов, О.И. Экологическое право: учеб. / О.И. Крассов. – М.: Дело, 2001. – 768 с.

72. Краткая антология уральской процессуальной мысли. 55 лет кафедре гражданского процесса Уральской государственной юридической академии / под ред В.В. Яркова/ – Екатеринбург: Изд-во Гуманит. ун-та, 2004. – 652 с.

73. Крохина, Ю.А. Финансовое право: учеб. / Ю.А. Крохина. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма, 2009. – 768 с.

74. Кудрявцев, В.Н. Эффективность правовых норм / В.Н. Кудрявцев, В.И. Никитинский, И.С. Самощенко, В.В. Глазырин. – М.: Юрид. литература, 1980. – 280 с.

75. Кудрявцев, Ю.А. Государственные режимы / Ю.А. Кудрявцев. – Спб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2012. – 350 с.

76. Курс советского гражданского процессуального права: Теоретические основы правосудия по гражданским делам. В 2 т. Т. 1. – М.: Наука, 1981. – 464 с.

77. Кутафин, О.Е. Предмет конституционного права / О.Е. Кутафин. – М.: Юрист, 2001. – 448 с.

78 Кутафин, О.Е. Источники конституционного права Российской Федерации / О.Е. Кутафин. – М.: Юрист, 2002. – 348 с.

79. Кутырев, В.А. Философские проблемы комплексности. – М.: Знание, 1987. – 62 с.

80. Лапаева, В.В. Конкретно-социологические исследования в праве / В.В. Лапаева. – М.: Юрид. литература, 1987. – 144 с.

81. Лепихов, М.И. Право и социальная защита населения (социальное право) / М.И. Лепихов. – М.: Былина, 2000. – 232 с.

82. Лукьянова, Е.Г. Теория процессуального права / Е.Г. Лукьянова. – М.: Норма, 2003. – 240 с.

83. Макуев, Р.Х. Трансформация государства и права: поиск типологических решений: моногр. / Р.Х. Макуев. – Орел: Изд-во ОРАГС, 2008. – 188 с.

84. Малахов, В.П. Мифы современной общеправовой теории: моногр. / В.П. Малахов. – М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2013. – 151 с.

85. Малько, А.В. Основы правовой политики: учеб. пособие для магистрантов / А.В. Малько, А.Ю. Саломатин. – М.: РИОР: ИНФРА-М, 2013. – 170 с.

86. Мальцев, Г.В. Социальные основания права / Г.В. Мальцев. – М.: Норма, 2007. – 800 с.

87. Марченко, М.Н. Источники права: учеб. пособие / М.Н. Марченко. – М.: ТК Велби: Проспект, 2005. – 760 с.

88. Материалы Всероссийской научно-практической конференции (23–24 апреля 1998 года) / отв. ред. В. Д. Перевалов. – Екатеринбург: Изд-во УрГЮА, 1999. – 253 с.

89. Милушин, М.И. Проблемы формирования комплексных образований в законодательстве России / М.И. Милушин. – М.: ЮНИКО-ИНФОРМ, 2003. – 96 с.

90. Морозова, Л.А. Теория государства и права: учеб. для вузов / Л.А. Морозова. – М.: Юристъ, 2002. – 414 с.

91. Морозова, Л.А. Теория государства и права: учеб. / Л.А. Морозова. – 2-е изд., перераб., доп. – М.: Эксмо, 2007. – 448 с.

92. Мюллерсон, Р.А. Права человека: идеи, нормы, реальность / Мюллерсон Р.А. – М.: Юрид. литература, 1991. – 160 с.

93. Нерсесянц, В.С. Общая теория права и государства / В.С. Нерсесянц – М.: Норма, 2000 – 552 с.

94. Общая теория государства и права / под ред. В.В. Лазарева. – М., 1999. – 520 с.

95. Общая теория государства и права. Академический курс в 2 т. / под ред. проф. М.Н. Марченко. – Т. 2. Теория права. – М.: Зерцало, 1998. – 640 с.

96. Общая теория прав человека / отв. ред. Е.А. Лукашева – М.: Норма, 1996. – 509 с.

97. Ожегов, С.И., Шведова, Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова / Российская академия наук; под общ. ред. Г.В. Осипова. – М.: НОРМА – ИНФРА-М, 1998. – 672 с.

98. О'Коннор, Дж. Искусство системного мышления: необходимые знания о системах и творческом подходе к решению

проблем / Дж. О'Коннор, И. Макдермотт; пер. с англ. – М.: Альпина Бизнес Букс, 2006. – 256 с.

99. Осипов, М.Ю. Теория социально-правовых процессов: моногр. / М.Ю. Осипов. – М.: NOTA BENE, 2011. – 300 с.

100. О состоянии законодательства в Российской Федерации: доклад Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации 2007 года/под общ. ред. С.М. Миронова, Г.Э. Бурбулиса. – М., 2008. – 669 с.

101. Петражицкий, Л.И. Теория права и государства. В 2 т. Т. II / Л.И. Петражицкий. – СПб, 1910. – 768 с.

102. Петражицкий, Л.И. Теория права и государства / Л.И. Петражицкий. – СПб., 2000. – 606 с.

103. Петражицкий, Л.И. Теория государства и права в связи с теорией нравственности. / Л.И. Петражицкий. – СПб.: Лань, 2000. – 608 с.

104. Петров, Д.Е. Отрасль права / Д.Е. Петров; под ред. М.И. Байтина. – Саратов: Изд-во СГАП, 2004. – 192 с.

105. Покровский, И.А. Основные проблемы гражданского права / И.А. Покровский. – М.: Статут, 1998. – 352 с.

106. Покровский, И.А. Основные проблемы гражданского права / И.А. Покровский. – 4-е изд., испр. – М.: Статут, 2003. – 351 с.

107. Поленина, С.В. Теоретические проблемы системы советского законодательства / С.В. Поленина. – М.: Наука, 1979. – 206 с.

108. Поленина, С.В. Качество закона и эффективность законодательства / С.В. Поленина. – М., 1993. – 56 с.

109. Поленина, С.В. Законотворчество в Российской Федерации / С.В. Поленина. – М.: Изд-во ИГиП РАН, 1996. – 146 с.

110. Права человека как фактор стратегии устойчивого развития / отв. ред. Е.А. Лукашева. – М.: Норма, 2000 – 314 с.

111. Право социального обеспечения: учеб. / под ред. М.В. Филипповой. – М.: Юристъ, 2006. – 446 с.

112. Правовая система России в условиях глобализации: сб. мат-лов круглого стола / ред. – сост.: Н.П. Колдаева, Е.Г. Лукьянова. – М.: Ось-89, 2005. – 159 с.

113. Правовая система России в условиях глобализации и региональной интеграции: теория и практика / отв. ред. С.В. Поленина. – М.: Формула права, 2006. – 558 с.

114. Правовое пространство и человек: моногр. / отв. ред. Ю.А. Тихомиров, Е.В. Пуляева, Н.И. Хлуденева. – М.: ИЗиСП: ИД «Юриспруденция», 2012. – 240 с.

115. Правовые акты: оценка последствий: научно-практическое пособие / отв. ред. Ю.А. Тихомиров. – М.: ИД

«Юриспруденция», 2010. – 224 с.

116. Придворов, Н.А. Правообразование и правообразующие факторы в праве: моногр. / Н.А. Придворов, В.В. Трофимов. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2012. – 399 с.

117. Проблемы общей теории права и государства: учеб. для вузов / под общ. ред. В.С. Нерсесянца. – М.: Норма, 2002. – 832 с.

118. Проблемы теоретической социологии. – СПб, 1994. – 248 с.

119. Проблемы теории государства и права: учеб. / под ред. М.Н. Марченко. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма, 2002. – 784 с.

120. Протасов, В.Н. Основы общеправовой процессуальной теории / В.Н. Протасов. – М.: Юрид. литература, 1991. – 143 с.

121. Протасов, В.Н. Правоотношение как система / В.Н. Протасов. – М.: Юрид. литература, 1991. – 144 с.

122. Протасов, В.Н. Что и как регулирует право: учеб. пособие / В.Н. Протасов. – М.: Юристь, 1995. – 95 с.

123. Протасов, В.Н. Теория права и государства: Пособие для сдачи экзамена / В.Н. Протасов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт-Издат, 2006. – 218 с.

124. Райхер, В.К. Общественно-исторические типы страхования / В.К. Райхер. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1947. – 190 с.

125. Реутов, В.П. Функциональная природа системы права / В.П. Реутов. – Пермь: Изд-во Перм. гос. ун-та. – 2002. – 163 с.

126. Садовский, В.Н. Основания обшей теории систем / В.Н. Садовский. – М., 1974. – 280 с.

127. Самощенко, И.С. Система советского законодательства / И.С. Самощенко, И.Ф. Казьмин, Р.М. Романов и др.; отв. ред. И.С. Самощенко. – М.: Юрид. литература, 1980. —328 с.

128. Свидерский, В.И. Новые философские аспекты элементноструктурных отношений / В.И. Свидерский, Р.А. Злобин. – Л.: Изд. ЛГУ, 1970. – 126 с.

129. Серков, В.А. Роль комплексных правовых отраслей в реализации прав и обязанностей граждан // Проблемы реализации права. Межвуз. сб. науч. тр. – Свердловск, 1990. – С. 101–102.

130. Сидоров, В.Н. Таможенное право: учеб. для бакалавров / В.Н. Сидоров. – 5-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2013. – 506 с.

131. Синюков, В.Н. Российская правовая система. Введение в общую теорию / В.Н. Синюков. – 2-е изд., доп. – М.: Норма, 2010. – 672 с.

132. Современные проблемы материалистической диалектики. – М.: Мысль, 1971. – 364 с.

133. Сорокин, В.Д. Правовое регулирование: предмет, метод, процесс (макроуровень) / В.Д. Сорокин. – Спб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2003. – 661 с.

134. Сорокин, П.А. Элементарный учебник общей теории права в связи с учением о государстве / П.А. Сорокин. – Ярославль, 1919. – 236 с.

135. Социально-юридическая тетрадь (СюрТе). Актуальные проблемы социальной направленности цивилистики и смежных областей юриспруденции: сб. науч. тр. / под ред. Н.Н. Тарусиной; Яросл. гос. ун-т им. П.Г. Демидова. – Ярославль: ЯрГУ, 2011. – 172 с.

136. Социальное законодательство: науч. – практ. пособие / отв. ред. Ю.А. Тихомиров, В.Н. Зенков. – М.: Юрид. фирма «КОНТРАКТ»: ИНФРА-М, 2005. – 352 с.

137. Спекторский, Е.В. Либеларизм / Опыт русского либерализма. Антология. – М., 1997. – 479 с.

138. Суворов, Н.С. Об юридических лицах по римскому праву / Н.С. Суворов. – М.: Статут, 2000. – 298 с.

139. Сырых, В.М. Логические основания общей теории права: В 2 т. Т. 1: Элементный состав / В.М. Сырых. – М., 2004. – 528 с.

140. Сырых, В.М. Теория государства и права: учеб. / В.М. Сырых. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Юстицинформ, 2004. – 704 с.

141. Тарановский, Ф.В. Учебник энциклопедии права / Ф.В. Тарановский. – Юрьев, 1917. – 534 с.

142. Теория государства и права: курс лекций / под ред. Н.И.Матузова, А.В. Малько. – М.: Юристъ, 2000. – 776 с.

143. Теория государства и права: учеб. для вузов / Н. И. Матузов,

А. В. Малько. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юристъ, 2005. – 540 с.

144. Теория государства и права: учеб. / А.С. Пиголкин, А.Н. Головистикова, Ю.А. Дмитриев; под ред. А.С. Пиголкина, Ю.А. Дмитриева. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Высшее образование: Юрайт-издат, 2009. – 743 с.

145. Теория государства и права / под ред. А.И. Королева, Л.С. Явича. – Л., 1987. – 550 с.

146. Теория государства и права/под ред. А.С. Пиголкина. – М., 2003. – 544 с.

147. Теория государства и права / под ред. В.М. Корельского и

В. Д. Перевалова. – М., 1997. – 570 с.

148. Терещенко, Л.К., Игнатюк, Н.А. Предпринимателю о разрешительных процедурах. – М.: Юстицииформ, 2005. – 192 с.

149. Тиунова, Л.Б. Системные связи правовой действительности: Методология и теория / Л.Б. Тиунова. – Спб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 1991. – 135с.

150. Тихомиров, Ю.А. Публичное право / Ю.А. Тихомиров. – М.: Изд-во БЕК, 1995. – 496 с.

151. Тихомиров, Ю.А. Курс сравнительного правоведения / Ю.А. Тихомиров. – М.: Норма, 1996. – 432 с.

152. Тихомиров, Ю.А. Управление на основе права / Ю.А. Тихомиров. – М.: Формула права, 2007. – 485 с.

153. Тихомиров, Ю.А. Правовое регулирование: теория и практика / Ю.А. Тихомиров. – М.: Формула права, 2010. – 400 с.

154. Толстой, Ю.К. Жилищное право: учеб. / Ю.К. Толстой. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2011. – 192 с.

155. Трапезников, В.А. Международное инвестиционное право: теория и практика применения / В.А. Трапезников, И.З. Фархутдинов. – М.: Волтерс Клувер, 2005. – 432 с.

156. Трубецкой, Е.Н. Лекции по энциклопедии права / Е.Н. Трубецкой. – М., 1917. – 227 с.

157. Файзиев, А.А. Комплексный подход в научном познании /

А.А. Файзиев. – Ташкент: ФАН, 1985. – 119 с.

158. Хвостов, В.М. Система римского права: учеб. / В.М. Хвостов. – М.: Спарк, 1996. – 523 с.

159. Хьелл, Л.А. Теории личности: Основные положения, исслед. и применение: учеб. пособие для психол. фак., психол. дисциплин гуманитар. фак. вузов; пер. с англ. / Л. А. Хьелл, Д. Зиглер. – СПб.: Питер-пресс, 1997. – 606 с.

160. Челышев, М.Ю. К вопросу о соотношении частного и публичного интереса в законодательстве о рекламе / М.Ю. Челышев // Интеллектуальная собственность: проблемы и перспективы регулирования: сб. науч. тр. / отв. ред. С.А. Чернышева. – Казань, 2000. – С. 89—102.

161. Черданцев, А.Ф. Вопросы толкования советского права: учеб. пособие / А.Ф. Черданцев; отв. за вып. В.М. Семенов. – Свердловск: Изд-во Свердл. юрид. ин-та, 1972. – 191 с.

162. Черданцев, А.Ф. Теория государства и права: учеб. для вузов / А.Ф. Черданцев. – М.: Юрайт, 2002. – 432 с.

163. Черданцев, А.Ф. Теория государства и права: учеб. / А. Ф. Черданцев. – М.: Юристъ, 2003. – 393 с.

164. Черданцев, А.Ф. Толкование права и договора: учеб. пособие для вузов / А.Ф. Черданцев. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2003. – 381 с.

165. Честнов, И.Л. Постклассическая теория права: моногр. / И.Л. Честнов. – СПб.: Изд. дом «Алеф-Пресс», 2012. – 650 с.

166. Чиркин, В.Е. Современное государство / В.Е. Чиркин. – М., 2001. – 416 с.

167. Чиркин, В.Е. Юридическое лицо публичного права / В. Е. Чиркин. – М.: Норма, 2007. – 352 с.

168. Шахрай, С.М. Особенности оценки эффективности результативности научной компоненты национальной инновационной системы в Российской Федерации // Проблемы эффективности бюджетных расходов: проблемы и пути решения: сб. науч. ст. / Гос. науч. учреждение «Гос. науч. – исслед. ин-т системного анализа Счетной палаты Российской Федерации» / под ред. С.М. Шахрая, Т.В. Ярыгиной, И.В. Левакина. – М.: Воентехиниздат, 2010. – С. 10–18.

169. Шебанов, А.Ф. Форма советского права / А.Ф. Шебанов – М.: Юрид. литература, 1968. – 213 с.

170. Шершеневич, Г.Ф. Курс торгового права. Введение. Торговые деятели. Т. 1. – СПб., 1908. – 480 с.

171. Шершеневич, Г.Ф. Общая теория права / Г.Ф. Шершеневич. – М., 1912. – 814 с.

172. Шершеневич, Г.Ф. Общая теория права. – Вып. 2, 3, 4. – М.: Изд-во «Юридич. Колледж МГУ», 1995. Т. 2. – 362 с.

173. Шубина, М. П. Комплексный подход и взаимодействие теорий / М.П. Шубина // Методологические проблемы комплексных исследований. – Новосибирск, 1983. – 320 с.

174. Шумилов, В.М. Правовая система США: учеб. пособие / В.М. Шумилов. – 3-е изд. – М.: Междунар. отношения, 2013. – 408 с.

175. Щедровицкий, Г.П. Исходные представления и категориальные средства теории деятельности / Г.П. Щедровицкий. – М.: Школа культурной политики, 1995. – 800 с.

176. Эбзеев, Б.С. Личность и государство в России: взаимная ответственность и конституционные обязанности / Б.С. Эбзеев. – М.: Норма, 2007. – 383 с.

177. Эффективность законодательства в экономической сфере: науч. – практ. исследование / отв. ред. проф. Ю.А. Тихомиров. – М.: Волтерс Клувер, 2010. – 384 с.

178. Югай, Г.А. Диалектика части и целого / Г.А. Югай. – Алма-Ата: Наука, 1965. – 171 с.

179. Явич, Л.С. Советское право – регулятор общественных отношений в СССР / Л.С. Явич. – Сталинабад, 1957. – 165 с.

180. Явич, Л.С. Общая теория права / Л.С. Явич. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1976. – 286 с.

181. Явич, Л.С. Право развитого социалистического общества (сущность и принципы) / Л.С. Явич. – М.: Юрид. литература, 1978. – 224 с.

182. Яковлев, А.М. Теория криминологии и социальная практика / А.М. Яковлев. – М., 1985. – 247 с.

183. Яковлев, В.Ф. О роли гражданского права в реализации решений XXVII съезда КПСС / В.Ф. Яковлев // Актуальные проблемы гражданского права: межвуз. сб. науч. тр. – Свердловск, 1986. – С. 13–16.

184. Яковлев, В.Ф. Гражданско-правовой метод регулирования общественных отношений / В.Ф. Яковлев. – 2-е изд., доп. – М.: Статут, 2006. – 240 с.

Материалы периодических изданий

1. Абрамова, А.И., Рахманина, Т.Н. Классификатор правовых актов и вопросы упорядочения законодательства /А.И. Абрамова, Т.Н. Рахманина // Журнал российского права. – 2003. – № 7. – С. 62 – 71.

2. Агарков, М.М. Ценность частного права / М.М. Агарков // Правоведение. – 1992. – № 1. – С. 25–41.

3. Адлер, Ю.П. Восемь принципов, которые меняют мир / Ю.П. Адлер // Стандарты и качество. – 2001. – № 7. – С. 49–61.

4. Алексеев, С.С. Об отраслях права / С.С. Алексеев // Советское государство и право. – 1972. – № 3. – С. 10–17.

5. Алексеев, С.С. Отрасли советского права: проблемы, исходные положения / С.С. Алексеев // Советское государство и право. – 1979. – № 9. – С. 15–23.

6. Алиев, Т.Т., Нахова, Е.А. История становления доказательственного права как комплексного института российского права / Т.Т. Алиев, Е.А. Нахова // История государства и права. – 2007. – № 19. – С. 18–20.

7. Аржанов, М.А. О принципах построения системы советского социалистического права / М.А. Аржанов // Советское государство и право. – 1939. – № 3. – С. 26–35.

8. Афанасьев, В.Г. О принципах классификации целостных систем / В.Г. Афанасьев // Вопросы философии. – 1963. – № 5. – С. 31–33.

9. Байтин, М.И., Петров, Д.Е. Система права: к продолжению дискуссии / М.И. Байтин, Д.Е. Петров // Государство и право. – 2003. – № 1. – С. 25–34.

10. Байтин, М.И., Петров, Д.Е. Метод регулирования в системе права: виды и структура / М.И. Байтин, Д.Е. Петров // Журнал российского права. – 2006. – № 2. – С. 84–95.

11. Берталанфи, Л. фон. Общая теория систем – обзор проблем и результатов / Л. фон Берталанфи // Системные исследования: ежегодник. – М., 1969. – С. 30–54.

12. Боголюбов, С.А. Некоторые проблемы Экологического кодекса / С.А. Боголюбов // Журнал российского права. – 2006. – № 5. – С. 3—11.

13 Боголюбов, С.А. Земельное законодательство и Концепция развития гражданского законодательства / С.А. Боголюбов // Журнал российского права. – 2010. – № 1. – С. 38–46.

14. Бошно, С.В. Статус юридической науки в контексте учения о формах права / С.В. Бошно // Юрист. – 2007. – № 2. – С. 62–64.

15. Братусь, С.Н. О предмете советского гражданского права /

С.Н. Братусь // Советское государство и право. – 1940. – № 1. – С. 36–39.

16. Братусь, С.Н. Отрасль советского права: понятие, предмет, метод / С.Н. Братусь // Советское государство и право. – 1979. – № 11. – С. 22–30.

17. Брауде, И.Л. Некоторые вопросы системы советского права / И.Л. Брауде // Ученые записки ВИЮН. – М., 1955. – Вып 4. – С. 3 – 27.

18. Бринчук, М.М. О комплексном природопользовании / М.М. Бринчук // Экологическое право. – 2002. – № 5. – С. 2–7.

19. Витрук, Н.В. Об онтологическом статусе объективного и субъективного права: К дискуссии об объективном и субъективном праве / Н. В. Витрук // Правоведение. – 1973. – № 1. – С. 86–93.

20. Витрук, Н.В. Система российского права (современные подходы) / Н.В. Витрук // Российское правосудие. – 2006. – № 6. – С. 4—14.

21. Власенко, Н.А., Рахманина, Т.Н., Рафалюк, Е.Е. Теоретикоправовое наследие И.Л. Брауде / Н.А. Власенко, Т.Н. Рахманина, Е.Е. Рафалюк // Журнал российского права. – 2010. – № 10. – С. 128–138.

22. Газье, А., Талапина, Э.В. Публичное право Франции и России: пересечения и параллели / А. Газье, Э.В. Талапина // Правоведение. – 2003. – № 3 (248). – С. 30–54.

23. Геращенко, И.Н. Публичный субъект: некоторые проблемы определения понятия / И.Н. Геращенко // Вопросы экономики и права. – 2011. – № 3. – С. 175–180.

24. Головистикова, А.Н., Грудцына, Л.Ю. К вопросу о признании прав человека комплексной отраслью российского права /

А.Н. Головистикова, Л.Ю. Грудцына // Государство и право. – М.: Наука, 2009. – № 1. – С. 23–35.

25. Голубцов, В.Г. О сочетании публичных и частных начал при определении гражданско-правового статуса государства / В.Г. Голубцов // Закон и право. – 2006. – № 4. – С. 22–26.

26. Гребнев, Р.Д. О понятии публичных интересов: к вопросу о терминологии/ Р.Д. Гребнев // Нравственные императивы в праве. – 2011. – № 3. – С. 93–96.

27. Дембо, Л.И. О принципах построения системы права / Л.И. Дембо // Советское государство и право. – 1956. – № 8. – С. 88–99.

28. Дихтяр, А.И., Рогожин, Н.А. Обеспечение баланса частных и публичных интересов в судебных решениях Конституционного Суда РФ в экономической сфере / А.И. Дихтяр, Н.А. Рогожин //

Закон и право. – 2002. – № 12. – С. 10–14.

29. Долгополова, М.В. О предмете правового регулирования / М.В. Долгополова // История государства и права. – 2009. – № 14. -С. 42–46.

30. Ершова, Е.А., Ершов, В.В. Прецеденты толкования Европейского суда по правам человека // Российское правосудие. – 2007. – № 7. – С. 12–25.

31. Жилин, Г.А. Соотношение права и закона / Г.А. Жилин // Российская юстиция. – 2000. – № 4. – С. 8–10.

32. Зимненко, Б.Л. Комплексная норма как элемент правовой системы России / Б.Л. Зимненко // Международное публичное и частное право. – 2005. – №. 6 – С. 31 – 34; 2006. – № 1 – С. 34–38.

33. Зражевская, Т.Д. Ответственность по советскому государственному праву / Т.Д. Зражевская // Правоведение. -1975. -№ 3. – С. 80–86.

34. Иванюк, О.А. Источник права: проблема определения / О.А. Иванюк // Журнал российского права. – 2007. – № 9. -С. 87–98.

35. Игнатенко, Г.В. Международное право: предмет регулирования как комплексная конструкция в рамках системного исследования // Российский юридический журнал. – 2011. – № 1. -С. 38 – 46.

36. Идельсон, В.Р. Страховое право: курс лекций в Санкт-Петербургском политехническом институте в 1907 г. / В.Р. Идельсон // Страховое право. – 2001. – № 1. – С. 69–95.

3 7. Интервью с ректором Московской государственной юридической академии, членом Президиума АЮР В.В. Блажеевым // Юридический мир. – 2009. – № 6. – С. 4–13.

38. Ипатов, А.Б. К вопросу о месте страхового права в системе права / А.Б. Ипатов // Юрист. – 2005. – № 7. – С. 32–36.

39. Керимов, Д.А. Методологические функции философии права / Д.А. Керимов // Государство и право. – 1995. – № 9. -С. 15–22.

40. Кечекьян, С.Ф. О системе советского социалистического права / С.Ф. Кечекьян // Советское государство и право. – 1946. – № 2. – С. 41–50.

41. Ковалев, А.А. ВТО как комплексный институт международного права: рецензия на книгу Шумилова В.М. «Всемирная торговая организация: право и система» / А.А. Ковалев // Внешнеторговое право. – 2006. – № 1. С. 73–75.

42. Коршунов, Н.М. К вопросу о социальной сущности конвергенции частного и публичного права /Н.М. Коршунов // Вестник Саратовской государственной академии права. – 2011. – № 1. – С. 8—10.

43. Кнапп, В. По поводу дискуссии о системе права / В. Кнапп // Советское государство и право. – 1957. – № 5. – С. 114–120.

44. Красавчиков, О.А. Система права и система законодательства / О.А. Красавчиков // Правоведение. – 1975. – № 2. – С. 62–71.

45. Крохина, Ю.А. Вопросы концепции бюджетного права Российской Федерации / Ю.А. Крохина // Журнал российского права. – 2002. – № 9. – С. 22–32.

46. Кряжков, А.В. Публичный интерес: понятие, виды и защита / А.В. Кряжков// Государство и право. – 1999. – № 10. – С. 91–99.

47. Кудрявцев, В.Н. О правопониманиии законности/ В.Н. Кудрявцев // Государство и право. – 1994. – № 3. – С. 3–8.

48 Курочкин, С.А. Об эффективности норм гражданского процессуального права / С.А. Курочкин // Журнал российского права. – 2012. – № 4. – С. 24–32.

49. Лапаева, В.В. Российская социология права: история и современность / В.В. Лапаева // Актуальные проблемы теории и истории права и государства. – Ижевск: Удмуртский университет, 2008. – С. 55–80.

50. Лахно, П.Г. Энергия, энергетика и право / П.Г. Лахно // Энергетическое право. // Юрист. – 2006. – № 1. – С. 2—16.

51. Лившиц, Р.З. Отрасль права – отрасль законодательства / Р.З. Лившиц// Советское государство и право. – 1984. – № 2. – С. 26–32.

52. Ловцов, Д.А. О концепции комплексного подхода / Д.А. Ловцов // Философские исследования. – 2000. – № 4. – С. 158–174.

53. Малько, А.В. Эффективность правового регулирования / А.В. Малько // Правоведение. – 1990. – № 6. – С. 61–67.

54. Малько, А.В., Трофимов, В.В. Теоретико-методологическое значение концепции «правовой жизни»/А.В. Малько, В.В. Трофимов // Государство и право. – 2010. – № 7. – С. 5—13.

55. Маврин, С.П. Метод правового регулирования и позитивное право / С.П. Маврин // Правоведение. – 2003. – № 1. – С. 205–216.

56. Матузов, Н.И., Малько, А.В. Политико-правовые режимы: актуальные аспекты / Н.И. Матузов, А.В. Малько // Общественные науки и современность. – 1997. – № 1. – С. 63–71.

57. Мешера, В.Ф. О делении советского права на отрасли / В. Ф. Мешера // Советское государство и право. – 1957. – № 3. – С. 93–99.

58. Мешкова, О.Е. Соотношение системы права и системы законодательства / О.Е. Мешкова // Вестник Омского

университета. – 1998. – Вып. 1. – С. 88–90.

59. Мицкевич, А.В. Соотношение системы советского права с системой советского законодательства // Ученые записки ВНИИСЗ. – М., 1967. – Вып. 11. – С. 3—24.

60. Мозолин, В.П. О макро – и микроправовом регулировании комплексных имущественных отношений в сфере экономики / В. П. Мозолин // Журнал российского права. – 2012. – № 9. – С. 19–29.

61. Мохат, П.М. Право, закон, нравственность в деятельности судьи (некоторые аспекты) / П.М. Мохат // Государственная власть и местное самоуправление. – 2007. – № 3. – С. 38–40.

62. Огурцов, А.П. Этапы интерпретации системности научного знания (античность и новое время). / А.П. Огурцов // Системные исследования. Ежегодник. – М.: Наука, 1974. – С. 154–186.

63. Павлова, Л.В. Современная концепция прав и свобод человека и ее трактовка Всеобщей декларацией нрав человек 1948 г. // Белорусский журнал международного права и международных отношений [Электронный ресурс]. – 1998. – № 5.

64. Пашков, А.С., Чечот, Д.М. Эффективность правового регулирования и методы ее выявления / А.С. Пашков, Д.М. Чечот // Советское государство и право. – 1965. – № 8. – С. 3—11.

65. Пашков, А.С., Явич, Л.С. Эффективность действия правовой нормы (К методологии и методике социологического исследования) / А.С. Пашков, Л.С. Явич // Советское государство и право. – 1970. – № 3. – С. 40–48.

66. Поленина, С.В. Субсидиарное применение норм гражданского законодательства к отношениям смежных отраслей / С.В. Поленина // Советское государство и право. – 1967. – № 4 – С. 22–25.

67. Поленина, С.В. Комплексные правовые институты и становление новых отраслей права / С.В. Поленина // Правоведение. – 1975. – № 3. – С. 71–79.

68. Поленина, С.В. Система права и система законодательства в современных условиях / С.В. Поленина // Правоведение. – 1987. – № 5. – С. 29–37.

69. Поленина, С.В. Взаимодействие системы права и системы законодательства в современной России / С.В. Поленина // Государство и право. – 1999. – № 9. – С. 5—12.

70. Попов, В.А. О понятии комплексности в современной социологии: новые тенденции и подходы / В.А. Попов // Мониторинг общественного мнения. – 2010. – № 1(95), янв. – февр. – С. 184–186.

71. Попова, В.И., Лесной, В.М. О системе советского социалистического права (обзор) / В.И. Попова, В.М. Лесной // Советское государство и право. – 1958. – № 1. – С. 101–108.

72. Прягина, О.А. Проблемы структурирования права в аспекте его социализации / О.А. Прягина // Правоведение. – 2004. – № 6. – С. 177–190.

73. Пуляева, Е.В. Концепция развития законодательства об образовании / Е.В. Пуляева // Журнал российского права. – 2010. – № 8. – С. 5—15.

74. Разуваев, Н.В. Правовая система и критерии отраслевой дифференциации права / Н.В. Разуваев // Правоведение. – 2002. – № 3. – С. 31–55.

75. Райхер, В.К. О системе права / В.К. Райхер // Правоведение. – 1975. – № 3. – С. 60–70.

76. Ручкина, Г.Ф. Публично – правовые ограничения права на осуществление предпринимательской деятельности / Г.Ф. Ручкина // Закон. – 2005. – № 12. – С. 13–17.

77. Свердлык, Г.А. Становление жилищного права как комплексной отрасли права (исторический аспект развития с 60-х годов прошлого века по настоящее время) / Г.А. Свердлык // Жилищное право. – 2007. – № 4. – С. 20–30.

78. Сидоров, В.Н. Особый таможенно-правовой порядок регулирования инвестиционной деятельности в сфере российского автопрома / В.Н. Сидоров // СПС «КонсультантПлюс». 2013.

79. Система советского права и перспективы ее развития // Советское государство и право. – 1982. – № 6. – С. 80—110.

80. Сорокин, В.Д. Правовое регулирование: предмет, метод, процесс / В.Д. Сорокин // Правоведение. – 2000. – № 4. – С. 34–39.

81. Сулейменов, М.К. Предпринимательский договор как комплексный институт гражданского права / М.К. Сулейменов // Журнал российского права. – 2008. – № 1. С. 10–20.

82. Суханов, Е.А. Система частного права / Е.А. Суханов // Вестн. Моск. ун-та. – 1994. – № 4. – Сер. «Право». – С. 26–30.

83. Сухарев, И.Р. Препятствия в законодательстве Российской Федерации для создания нормативной базы применения международных стандартов при составлении отчетности российскими организациями (Начало) / И.Р. Сухарев, О.А. Сухарева // Международный бухгалтерский учет. – 2007. – № 1. – Доступ из СПС «Консультант Плюс».

84. Сырых, В.М. Комплексные институты как компоненты системы российского права /В.М. Сырых // Журнал российского права. – 2002. – № 10. – С. 22–27.

85. Тадевосян, В.С. Некоторые вопросы системы советского права / В.С. Тадевосян // Советское государство и право. – 1956. – № 8. – С. 99 – 108.

86. Тихомиров, Ю.А. Общая концепция развития российского законодательства / Ю.А. Тихомиров // Журнал российского права. – 1999. – № 1. – С. 25–31.

87. Тихомиров, Ю.А. О теории правового регулирования: сравнительный анализ / Ю.А. Тихомиров // Журнал российского права. – 2009. – № 12. – С. 5 – 13.

88. Тихомиров, Ю.А., Андриченко, Л.В. Проблемы развития законодательства субъектов Российской Федерации / Ю.А. Тихомиров, Л.В. Андриченко // Конституционное и муниципальное право. – 2009. – № 3. – С. 2–8.

89. Толстой, Ю.К. О теоретических основах кодификации гражданского законодательства / Ю.К. Толстой // Правоведение. – 1957. – № 1. – С. 42–55.

90. Толстой, Ю.К. Гражданское право и гражданское законодательство / Ю.К. Толстой // Правоведение. – 1998. – № 2. – С. 128–149.

91. Толстой, Ю.К. Проблемы разграничения полномочий Российской Федерации и ее субъектов в сфере законодательной деятельности / Ю.К. Толстой // Журнал российского права. – 2005. – № 12. – С. 66–69.

92. Трикоз, Е.Н. «Теневое право»: миф или реальность / Е.Н. Трикоз // Законодательство и экономика. – № 1. – 2005. – С. 56–60.

93. Хабриева, Т.Я. Право и модернизация экономики / Т.Я. Хабриева // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2010. – № 1. – С. 4–8.

94. Челышев, М.Ю. Межотраслевое правовое регулирование как средство обеспечения публичных интересов в экономической сфере / М.Ю. Челышев // Журнал российского права. – 2005. – № 12. – С. 136–140.

95. Черданцев, А.Ф. Системообразующие связи права / А.Ф. Черданцев // Советское государство и право. – 1974. – № 8. – С. 10–17.

96. Чечина, Н.А., Элькинд, П.С. Об уголовно-процессуальной и гражданско-процессуальной ответственности / Н.А. Чечина, П.С. Элькинд // Советское государство и право. – 1973. – № 9. – С. 34–39.

97. Чиркин, В.Е. Публичный и частный интересы юридических лиц, выполняющих публичные функции / В.Е. Чиркин // Журнал российского права. – 2013. – № 1. – С. 9—16.

98. Шаргородский, М.Д., Иоффе, О.С. О системе советского

права / М.Д. Шаргородский, О.С. Иоффе // Советское государство и право. – 1957. – № 6. – С. 101–110.

99. Швечкова, Н.Е Проблемы и перспективы преобразования отрасли «право социального обеспечения» в комплексную отрасль «социальное право» / Н.Е. Швечкова // Социальное и пенсионное право. – 2008. – № 4. – С. 31–33.

100. Шебанов, А.Ф. Система законодательства как научная основа кодификации /А.Ф. Шебанов // Советское государство и право. – 1971. – № 12. – С. 30–38.

101. Шебанов, А.Ф. Система отраслей законодательства: основания построения /А.Ф. Шебанов // Правоведение. – 1976. – № 4. – С. 19.

102. Щербакова, Ю.В. Интерес в публичном и частном праве / Ю.В. Щербакова // Журнал российского права. – 2003. – № 1. – С. 139–142.

103. Юков, М.К. Самостоятельность норм, регулирующих исполнительное производство / М.К. Юков // Проблемы совершенствования Гражданского процессуального кодекса РСФСР. – Свердловск, 1965. Вып. 40. – С. 91–97.

104. Юсупов, И.Н. Юридическая ответственность как комплексный правовой институт /И.Н. Юсупов // Юридический мир. – 2009. – № 1. – С. 79–80.

105. Яковлев, В.Ф. Сущность и основные черты гражданско-правового метода регулирования общественных отношений / В.Ф. Яковлев // Правоведение. – 1972. – № 6. – С. 81–90.

106. Яковлев, В.Ф. Отраслевая дифференциация и межотраслевая интеграция как основа системы законодательства / В.Ф. Яковлев // Правоведение. – 1975. – № 1. – С. 16–23.

107. Ялбулганов, А.А. Природоресурсные платежи как комплексный правовой институт и учебная дисциплина / А.А. Ялбулганов // Экологическое право. – 2008. —№ 4. – С. 12–15.

108. Янчук, В.З. Теоретические предпосылки совершенствования колхозного законодательства /В.З. Янчук // Советское государство и право. – 1968. – № 5. – С. 40–43.

Диссертации и авторефераты

1. Архипов, С.И. Субъект права: теоретическое исследование: автореф. дисс… д-ра юрид. наук: 12.00.01 / С.И. Архипов. – Екатеринбург, 2005. – 46 с.

2. Асадуллин, М.Р. Система субъектов частного права: дис… канд. юрид. наук: 12.00.01 / М.Р. Асадуллин. – Казань, 2011. – 182 с.

3. Багандов, А.Б. Административно-правовой механизм лицензирования в Российской Федерации: автореф. дис… д-ра юрид. наук: 12.00.14 / А.Б. Багандов. – М., 2008. – 48 с.

4. Болгова, В.В. Публичное право: проблемы методологии, теории, практики: дис… д-ра юрид. наук: 12.00.01 / В.В. Болгова. – Самара, 2009. – 512 с.

5. Васильев, С.В. Частное и публичное право в России: историко-теоретический анализ: дис… канд. юрид. наук: 12.00.01 / С.В. Васильев. – Санкт-Петербург, 2002. – 390 с.

6. Горшенев, В.М. Способы и организационные формы правового регулирования в современный период коммунистического строительства: автореф. дис…. д-ра юрид. наук / В.М. Горшенев. – Свердловск, 1969. – 40 с.

7. Горшенев, В.М. Способы и организационные формы правового регулирования в современный период коммунистического строительства: дис… д-ра юрид. наук / В.М. Горшенев. – Свердловск, 1969. – 563 с.

8. Занина, М.А. Коллизии норм права равной юридической силы (понятие, причины, виды): автореф. дис… канд. юрид. наук: 12.00.01 / М.А. Занина. – М., 2008. – 25 с.

9. Захаров, А.Л. Межотраслевые принципы права: автореф. дис… канд. юрид. наук: 12.00.01 / А.Л. Захаров. – Самара, 2003. – 31 с.

10. Зрячкин, А.М. Таможенное право в системе российского права: дис… канд. юрид. наук: 12.00.02 / А.М. Зрячкин. – Саратов, 2000. – 176 с.

11. Ижиков, М.Ю. Взаимодействие международного н внутригосударственного права в области защиты прав человека: дис… канд. юрид. наук: 12.00.10 / М.Ю. Ижиков – М., 2012. – 218 с.

12. Кистенев, К.И. Система субъектов российского права в условиях рыночных отношений: дис… канд. юрид. наук: 12.00.01 / К.И. Кистенев. – Саратов, 2011. – 251 с.

13. Кожухарь, Д.В. Конкуренция правовых норм, регулирующих правоотношении по поводу жилища: дис…. канд.

юрид. наук:
12.00.01 / Д.В. Кожухарь. – М., 2010. – 217 с.
14. Костюков, А.Н. Муниципальное право как отрасль российского права (предмет, принципы, режимы, конструкции, система): автореф. дис… д-ра юрид. наук: 12.00.02 / А.Н. Костюков. – Екатеринбург, 2003. – 41 с.
15. Костюков, А.Н. Муниципальное право как отрасль российского права (предмет, принципы, режимы, конструкции, система): дис… д-ра. юрид. наук: 12.00.02 / А.Н. Костюков. – Екатеринбург, 2003. – 474 с.
16. Курдюк, Г.П. Отрасль права как элемент системы права: теоретико-правовое исследование: автореф. дис… канд. юрид. наук: 12.00.01 / Г.П. Курдюк. – Краснодар, 2004. – 26 с.
17. Курдюк, Г.П. Отрасль права как элемент системы права: теоретико-правовое исследование: дис… канд. юрид. наук: 12.00.01 / Г.П. Курдюк. – Краснодар, 2004. – 221 с.
18. Лавренюк, А.В. Субъекты публичного права: теоретикоправовое исследование: автореф. дис… канд. юрид. наук: 12. 00. 01 / А.В. Лавренюк. – М., 2007. – 23 с.
19. Левакин, И.В. Государственное единство России: теоретико-правовое исследование: дис… д-ра юрид. наук: 12.00.01 / И.В. Левакин. – М., 2003. – 304 с.
20. Лукьянова, Е.Г. Процессуальное право и его место в структуре права: дис… канд. юрид. наук: 12.00.01 / Е. Г. Лукьянова. – М., 2000. – 218 с.
21. Макеева, Е.М. Система права Российской Федерации (вопросы теории и практики): дис… канд. юрид. наук: 12.00.01 / Е.М. Макеева. – М., 2006. – 189 с.
22. Малиновская, В.М. Ответственность за нарушение таможенного законодательства Российской Федерации (финансово – правовые аспекты): дис… канд. юрид. наук: 12.00.02 / В.М. Малиновская. – М., 1997. – 197 с.
23. Маркин, С.В. Судебный прецедент как источник международного частного права: автореф. дис. канд. юрид. наук: 12.00.03 / С.В. Маркин. – Волгоград, 2005. – 34 с.
24. Милушин, М.И. Формирование комплексных образований в системе законодательства Российской Федерации: автореф. дис… канд. юрид. наук: 12.00.01 / М.И. Милушин. – М., 2003. – 16 с.
25. Милушин, М.И. Формирование комплексных образований в системе законодательства Российской Федерации: дис… канд. юрид. наук: 12.00.01 / М.И. Милушин. – М., 2003. – 195 с.
26. Морозов, Н.Л. Договорные отношения в публично-правовой сфере: дис… канд. юрид. наук: 12.00.01 / Н.Л.

Морозов. – Москва. 2007. – 198 с.

27. Нефедов, Б.И. Межсистемные надотраслевые образования в праве: автореф. дис… д-ра юрид. наук: 12.00.01, 12.00.10 / Б.И. Нефедов. – М., 2010. – 55 с.

28. Нехаева, У.И. Социальное назначение права: проблемы теории и практики: дис… канд. юрид. наук: 12.00.01 / У.И. Нехаева. – Краснодар, 2010. – 180 с.

29. Никишин, В.В. Судебный прецедент как источник экологического права Европейского Союза и России: сравнительно-правовой анализ: дис… канд. юрид. наук: 12.00.06 / В.В. Никишин. – М., 2011. – 271 с.

30. Николаев, А.М. Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод: конституционно-правовой механизм реализации в Российской Федерации: автореф. дис… канд. юрид. наук: 12.00.02 / А.М. Николаев. – М., 2012. – 44 с.

31. Оносов, Ю.В. Диалектика соотношения социальной и юридической эффективности правового регулирования: автореф. дис… канд. юрид. наук: 12.00.01 / Ю.В. Оносов. – Н. Новгород, 2011. – 31 с.

32. Павлова, Ю.В. Правовая энтропия: дис… канд. юрид. наук: 12.00.01 / Ю.В. Павлова. – Владимир, 2004. – 173 с.

33. Павлова, Н.Г. Становление правовой системы Мексики (историко-правовой аспект): дис… канд. юрид. наук: 12.00.01 / Н.Г. Павлова. – М., 2002. – 161 с.

34. Петров, Д.Е. Отрасль права: автореф. дис… канд. юрид. наук: 12.00.01 / Д.Е. Петров. – Саратов. 2001. – 25 с.

35. Петров, А.В. Эволюция идей о правах человека в Российской Империи (XVIII – начало XX вв.): дис… канд. юрид. наук: 12.00.01 / А.В. Петров. – Волгоград, 2003. – 210 с.

36. Пилипенко, Е.А. Система российского права: структурносравнительный анализ: дис… канд. юрид. наук: 12.00.01 / Е.А. Пилипенко. – Ростов н/Д, 2003. – 179 с.

37. Рукавишникова, И.В. Метод финансового права: дис… д-ра юрид. наук: 12.00.14 / И.В. Рукавишникова. – М., 2004. – 522 с.

38. Сапун, В.А. Теория правовых средств и механизм реализации права: дис… д-ра юрид. наук: 12.00.01 / В.А. Сапун. – Н. Новгород, 2002. – 321 с.

3 9. Сатонина, К.А. Публичное и частное право: вопросы теории и практики (становление и развитие в условиях правовой системы Российской Федерации): автореф. дис… канд. юрид. наук: 12.00.01 / К.А. Сатонина. – Уфа, 2005. – 25 с.

40. Сердюкова, И. Г. Международно-правовая политика современной России в сфере осуществления прав и законных интересов человека: общетеоретический аспект: дис. канд. юрид.

наук. 12.00.01 / И.Г. Сердюкова. – Краснодар, 2008. – 168 с.

41. Сидоров, В.Н. Правосубъектность некоммерческих организаций: автореф. дис… канд. юрид. наук: 12.00.03 / В.Н. Сидоров. – М., 2008. – 22 с.

42. Соколова, А.А. Социальные аспекты правообразования: автореф. дис… д-ра юрид. наук: 12.00.01 / А.А. Соколова. – Минск, 2003. – 38 с.

43. Сорокин, В.Д. Вопросы теории советского административнопроцессуального права: автореф. дис… д-ра юрид. наук./ В.Д. Сорокин. – Л., 1968. – 39 с.

44. Теряевский, С.А. Система методов правового регулирования в юридической практике современного российского государства: дис… канд. юрид. наук: 12.00.01 / С.А. Теряевский. – Саратов, 2009. – 225 с.

45. Титова, А.А. Конституция в системе Российского законодательства (теоретико-правовой анализ): автореф. дис… канд. юрид. наук: 12.00.01 / А.А. Титова. – Саратов, 2013. – 30 с.

46. Хазов, Е.Н. Конституционные гарантии прав и свобод человека и гражданина в России: теоретические основы и проблемы реализации: дис… докт. юрид. наук: 12.00.02 / Е.Н. Хазов. – М., 2011. – 500 с.

47. Худоешко, А.А. Особые конституционно-процессуальные средства защиты прав и свобод человека и гражданина в странах Латинской Америки (процедура ампаро): дис… канд. юрид. наук: 12.00.02 / А.А. Худоешко. – М., 2012. – 183 с.

48. Челышев, М.Ю. Система межотраслевых связей гражданского права: цивилистическое исследование: автореф. дис… д-ра юрид. наук: 12.00.03 / М.Ю. Челышев. – Казань, 2009. – 40 с.

49. Челышев, М.Ю. Система межотраслевых связей гражданского права: цивилистическое исследование: дис… д-ра юрид. наук: 12.00.03 / М.Ю. Челышев. – Казань, 2009. – 502 с.

50. Черданцев, А.Ф. Основные проблемы теории толкования советского права: автореф. дис… д-ра юрид. наук / А.Ф. Черданцев. – Свердловск, 1972. – 35 с.

51. Черенкова, Е.Э. Система права и система законодательства Российской Федерации: понятие и соотношение: автореф. дис… канд. юрид. наук: 12.00.01 / Е.Э. Черенкова. – М., 2005. – 25 с.

52. Черенкова, Е.Э. Система права и система законодательства Российской Федерации: понятие и соотношение: дис… канд. юрид. наук: 12.00.01 / Е.Э. Черенкова. – М., 2005. – 164 с.

53. Ягудина, В.М. Юридическая ответственность: система и

классификация: дис… канд. юрид. наук: 12.00.01 / В.М. Ягудина. – М., 2010. – 164 с.

Материалы электронных ресурсов

1. Владимир Лукин раскритиковал поведение полиции на массовых акциях. // Права человека в России. [Электронный ресурс]. URL: http://hro.org/node/18884

2. Девушка отсудила у школы 70 тысяч долларов из-за Facebook. [Электронный ресурс]. URL: http://www.topnews.ru/topka_id_11019.html

3. Глотко, А.В. Организационно-экономический механизм развития садоводства в Алтайском крае: моногр. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. – 208 с. [Электронный ресурс] URL: http:// e-lib.gasu.ru/eposobia/glotko/R_1_1.html

4. Идеи первых лиц бизнеса. Топ-менеджеры известных компаний делятся своим опытом. [Электронный ресурс]. URL: http:// ibusi ness.ru/blog/idyei_pyervykh_lits_biznyesa/

5. Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. Основные направления деятельности. [Электронный ресурс]. URL: http:// www.izak.ru/ node/761

6. Итоги Круглого стола «Оценка роли большевиков и их лидеров в мировой и российской истории» в ГД РФ. [Электронный ресурс]. URL: http://www.netlemn.ru/novosti/itogi-kruglogo-stola-otsenka-roli-bolshevikov-i-ikh-liderov-v-mirovoi-i-rossiiskoi-istorii

7. Левада-Центр. [Электронный ресурс]. URL: http:// www.levada.ru/press/

8. Лукин обратится в ФАС из-за отключения «Дождя». // Полит. Ру. [Электронный ресурс]. URL: http://polit.ru/news/2014/02/04/lukin/

9. Малый академический словарь. [Электронный ресурс]. URL: http://encdic.com/academic/Meroprijatie-20116.html

10. Названы три самые счастливые страны для жизни [Электронный ресурс]. URL: http://nk.org.ua/mir/8672-nazvany-tri-samye-schastlivye-strany-dlya-zhizni

11. Павлова, Л.В. Современная концепция прав и свобод человека и ее трактовка Всеобщей декларацией нрав человека 1948 года // Белорусский журнал международного права и международных отношений. – 1998. – № 5. [Электронный ресурс]. URL: http:// evolutio.info/content/view/249/49/

12. Политические партии России. [Электронный ресурс]. URL: http://www.izbiraem.ru/party

13. Права человека в России. [Электронный ресурс]. URL: http://hro.org/node/

14. Права человека в России. Социальные права. [Электронный ресурс]. URL: http://hro.org/social

15. Цветков, И. Прецедент создан. [Электронный ресурс]. URL: http://www.sravni.ru/novost/2010/5/19/precedent-sozdan/

notes

Примечания

1

Милушин, М.И. Проблемы формирования комплексных образований в законодательстве России. – М.: Изд-во ЮНИКО-ИНФОРМ, 2003. – С. 4.

2

Милушин, М.И. Формирование комплексных образований в системе законодательства Российской Федерации: дис… канд. юрид. наук: 12.00.01. – М., 2003.

3

Концепция развития российского законодательства / под ред. и с предисл. Т.Я. Хабриевой, Ю.А. Тихомирова. – М.: Эксмо, 2010. – 736 с.

Шершеневич, Г.Ф. Общая теория права. Вып. 2, 3, 4. – М.: Изд-во «Юридич. колледж МГУ», 1995. Т. 2. – С. 125.

Поленина, С.В. Теоретические проблемы системы советского законодательства – М.: Наука, 1979. – С. 56–61; Керимов, Д.А. Методология права: предмет, функции, проблемы философии права. – 5-е изд. – М.: Изд-во СГУ, 2009. – С. 252.

Явич, Л.С. Право развитого социалистического общества (сущность и принципы) – М.: Юрид. литература, 1978. – С. 95–98.

Киримова, Е.А. Правовой институт: понятие и виды: учеб. пособие / под ред. И.Н. Сенякина. – Саратов: СГАП, 2000. – С. 9.

Алексеев, С.С. Общая теория права. В 2 т. Т. II. – М.: Юрид. литература, 1982. – С. 216.

Поленина, С.В. Взаимодействие системы права и системы законодательства в современной России // Государство и право. – 1999. – № 9. – С. 7, 8.

Поленина, С.В. Система права и система законодательства в современных условиях // Правоведение. – 1987. – № 5. – С. 30.

Серков, В.А. Роль комплексных правовых отраслей в реализации прав и обязанностей граждан // Проблемы реализации права: межвуз. сб. науч. тр. – Свердловск, 1990. – С. 101–102.

12

Алексеев, С.С. Структура советского права: моногр. – М.: Юрид. литература, 1975. – С. 29.

13

Свидерский, В.И. Новые философские аспекты элементно-структурных отношений / В.И. Свидерский, Р.А. Злобин. – Л.: Изд. ЛГУ, 1970. – С. 7з.

Поленина, С.В. Субсидиарное применение норм гражданского законодательства к отношениям смежных отраслей // Советское государство и право. – 1967. – № 4. – С. 24.

15

Алексеев, С.С. Общая теория права. В 2 т. Т. II. – С. 217, 218.

16

Система советского права и перспективы ее развития // Советское государство и право. – 1982. – № 6. – С. 83.

Юков, М.К.Самостоятельность норм, регулирующих исполнительное производство // Проблемы совершенствования советского гражданского процессуального законодательства. – Свердловск, 1975. – С. 93–94.

Протасов, В.Н. Что и как регулирует право: учеб. пособие / В.Н. Протасов. – М.: Юристь, 1995. С. 40.

19

Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ) // Российская газета. 2009. № 7.

Честнов, И.Л. Постклассическая теория права: моногр. – СПб.: Издательский Дом «Алеф-Пресс», 2012. – С. 467, 468.

21

Алексеев, С.С. Теория права. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: БЕК, 1995. – С. 198–199.

Малахов, В.П. Мифы современной общеправовой теории: моногр. – М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2013. – С. 21.

23

Малько, А.В. Основы правовой политики: учеб. пособие для магистрантов / А.В. Малько, А.Ю. Саломатин. – М.: РИОР: ИНФРА-М, 2013. – С. 15–30.

Теория государства и права / под ред. В.М. Корельского, В.Д. Перевалова. – М., 1997. – С. 230–231.

25

Сапун, В.А. Теория правовых средств и механизм реализации права: дис…. д-ра юрид. наук: l2.00.01. – Н. Новгород, 2002. – С. 36, 64.

26

Гамбаров, Ю.С. Гражданское право. Общая часть / под ред. В.А. Томсинова. – М.: Зерцало, 2003. – С. 11, 21–24, 37, 38; Коршунов, Н.М. Конвергенция частного и публичного права: проблемы теории и практики – М.: Норма: ИНФРА-М, 2011. – С. 49–50.

См.: Малый академический словарь. [Электронный ресурс] URL: http:// enc-dic.com/academic/Meropiijatie-20116.html

Тихомиров, Ю.А. Правовое регулирование: теория и практика – М.: Формула права, 2010. – С. 27.

29

Тихомиров, Ю.А. О теории правового регулирования: сравнительный анализ.

Алексеев, С.С. Общая теория права. В 2 т. Т. II. – С. 9.

Сырых, В.М. Теория государства и права: учеб. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Юстицинформ, 2004. – С. 166, 167.

Черданцев, А.Ф. Теория государства и права: учеб. – М.: Юристъ, 2003. – С. 311–315.

Алексеев, С.С. Общая теория права. В 2 т. Т. II. С. 11–24.

Тихомиров, Ю.А. О теории правового регулирования: сравнительный анализ // Журнал российского права. – 2009. – № 12. – С. 5—13.

35

Система советского права и перспективы ее развития // Советское государство и право. – 1982. – № 6. – С. 7, 8.

Байтин, М.И., Петров, Д.Е. Соотношение отрасли права и отрасли законодательства // Правоведение. – 2004. – № 4. – С. 30–39.

Маврин, С.П. Метод правового регулирования и позитивное право // Правоведение. – 2003. – № 1. – С. 212–213.

Курдюк, Г.П. Отрасль права как элемент системы права: Теоретико-правовое исследование: дис… канд. юрид. наук: 12.00.01. – Краснодар, 2004. – С. 137.

Нерсесянц, В.С. Общая теория права и государства. – М., 2000. – С. 330.

Малахов, В.П. Мифы современной общеправовой теории. – С. 70.

Система советского права и перспективы ее развития. – С. 112; Красавчиков, О.А. Система права и система законодательства (гражданско-правовой аспект) // Правоведение. – 1975. – № 2. – С. 69–70.

Алексеев, С.С. Общая теория права. В 2 т. Т. I. – С. 258.

Поленина, С.В. Система права и система законодательства в современных условиях. – С. 33–34.

Красавчиков, О.А. Гражданские организационно-правовые отношения // Антология уральской цивилистики. 1925–1989: сб. ст. – М., 2001. – С. 159.

Самощенко, И.С. Система советского законодательства / И.С. Самощенко, И.Ф. Казьмин, Р. М. Романов и др. / отв. ред. И.С. Самощенко. – М.: Юрид. литература, 1980. – С. 16.

Алексеев, С.С. Общая теория права. В 2 т. Т. I. – М.: Юрид. литература, 1981. – С. 144.

Толстой, Ю.К. Гражданское право и гражданское законодательство // Правоведение. – 1998. – № 2. – С. 136.

Протасов, В.Н. Что и как регулирует право. – С. 41.

Пилипенко, Е.А. Система российского права: структурно-сравнительный анализ: дис… канд. юрид. наук: 12.00.01. – Ростов н/Д, 2003. – С. 34.

50

Интервью с ректором Московской государственной юридической академии, членом Президиума АЮР В.В. Блажеевым // Юридический мир. – 2009. – № 6. – С. 4—13.

Керимов, Д.А. Философские проблемы права – М.: Мысль, 1972. – С. 299.

Керимов, Д.А. Методология права: Предмет, функции, проблемы философии права. – 5-е изд. – М.: Изд-во СГУ, 2009. – С. 252.

Кудрявцев, В.Н. О правопонимании и законности // Государство и право. – 1994. – № 3. – С. 3–8.

Толстой, Ю.К. Проблемы разграничения полномочий Российской Федерации и ее субъектов в сфере законодательной деятельности // Журнал российского права. – 2005. – № 12. – С. 66–69.

Жилин, Г.А. Соотношение права и закона // Российская юстиция. – 2000. – № 4. – С. 8—10; Морхат, П.М. Право, закон, нравственность в деятельности судьи (некоторые аспекты) // Государственная власть и местное самоуправление. – 2007. – № 3. – С. 38–40.

Жилин, Г.А. Соотношение права и закона. – С. 33

Протасов, В.Н. Теория права и государства: пособие для сдачи экзамена. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт-Издат, 2006. – С. 75.

Ильин, И.А. О сущности правосознания – М., 1993. – С. 58.

Сухарев, И.Р. Препятствия в законодательстве Российской Федерации для создания нормативной базы применения международных стандартов при составлении отчетности российскими организациями / И.Р. Сухарев, О.А. Сухарева. // Международный бухгалтерский учет. – 2007. – № 1. Доступ из СПС «Консультант Плюс».

Толстой, Ю.К. Жилищное право: учеб. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2011. – С. 12–13.

Протасов, В.Н. Теория права и государства. – С. 75.

Алексеев, С.С. Структура советского права. – С. 58.

Шебанов, А.Ф. Система законодательства как научная основа кодификации // Советское государство и право. – 1971. – № 12. – С. 30–38.

Мицкевич, А.В. Соотношение системы советского права с системой советского законодательства. – С. 22.

Алексеев, С.С. Структура советского права. – С. 60.

Шебанов, А.Ф. Система законодательства как научная основа кодификации. – С. 31.

Шебанов, А.Ф. Форма советского права – М.: Юрид. литература, 1968. – С. 240–325.

Петров, Д.Е. Отрасль права: автореф. дис… канд. юрид. наук: 12.00.01. – Саратов. 2001. – С. 19; Алексеев, С.С. Общая теория социалистического права. Вып. 1. – Свердловск: СЮИ, 1963. – С. 211.

Для постсоциалистических государств характерен так называемый парадокс Э. Геллнера: стремление демократического государства «сверху» осуществить проект нового социального строя и в спешке ввести в действие гражданское общество и рыночную экономику. Таким образом, в Российской Федерации сложилась ситуация, когда система законодательства ведет за собой систему права, меняя при этом обычный порядок вещей, в то время как ведущей должна быть система права.

Черенкова, Е.Э. Система права и система законодательства Российской Федерации: понятие и соотношение: автореф. дис… канд. юрид. наук: 12.00.01. – М., 2005. – С. 5.

Протасов, В.Н. Что и как регулирует право. – С. 44, 45.

Теория государства и права: учеб. /А.С. Пиголкин, А.Н. Гловистикова, Ю.А. Дмитриев; под ред. А.С. Пиголкина, Ю.А. Дмитриева. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Высшее образование: Юрайт-Издат, 2009. – С. 480.

Честнов, И.Л. Постклассическая теория права. – С. 467.

Алексеев, С.С. Структура советского права – М.: Юрид. литературара, 1975. – С. 61.

Проблемы общей теории права и государства: учеб. для вузов / под общ. ред. В.С. Нерсесянца. – М.: Норма, 2002. – С. 347–348.

Абрамова, А.И., Рахманиа, Т.Н. Классификатор правовых актов и вопросы упорядочения законодательства // Журнал российского права. – 2003. – № 7. – С. 64.

Лахно, П.Г. Энергия, энергетика и право // Энергетическое право. – 2006. – № 1.

Мицкевич, А.В. Соотношение системы советского права и системы советского законодательства // Ученые записки ВНИИСЗ. – 1967. – Вып. 11. – С. 5.

Яковлев, В.Ф. Отраслевая дифференциация и межотраслевая интеграция как основа системы законодательства // Правоведение. – 1975. – № 1. – С. 18–19.

Законодательная социология / отв. ред. В.П. Казимирчук, С.В. Поленина. – М.: Формула права, 2010. – С. 47–63.

81

Аржанов, М.А. О принципах построения системы советского социалистического права // Советское государство и право. – 1939. – № 3. – С. 26–35; Кечекьян, С.Ф. О системе советского социалистического права // Советское государство и право. – 1946. – № 2. – С. 41–50.

Братусь, С.Н. О предмете советского гражданского права // Советское государство и право. – 1940. – № 1. – С. 38.

Шаргородский, М.Д., Иоффе, О.С. О системе советского права // Советское государство и право. – 1957. – № 6. – С. 101–110.

Мешера, В.Ф. О делении советского права на отрасли // Советское государство и право. – 1957. – № 3. – С. 93–99.

85

Система советского права и перспективы ее развития // Советское государство и право. – 1982. – № 6. – С. 91; № 8. – С. 51.

Там же. 1982. – № 6. – С. 97, 99; № 8 – С. 51, 60.

Система советского права и перспективы ее развития // Советское государство и право. – 1982. – № 6. – С. 97, 99; № 8 – С. 56–57; Лившиц, Р.З. Отрасль права – отрасль законодательства // Советское государство и право. – 1984. – № 2. – С. 47.

Система советского права и перспективы ее развития // Советское государство и право. – 1982. – № 8. – С. 51.

Иоффе, О.С. Вопросы теории права / О.С. Иоффе, М.Д. Шаргородский. – М.: Юрид. литература, 1961. – С. 351.

Алексеев, С.С. Структура советского права. – С. 65.

Толстой, Ю.К. О теоретических основах кодификации гражданского законодательства // Правоведение. – 1957. – № 1. – С. 42–55.

Райхер, В.К. О системе права // Правоведение. – 1975. – № 3. – С. 60–70; Алексеев, С.С. Об отраслях права // Советское государство и право. – 1972. – № 3. – С. 14–15.

Алексеев, С.С. Структура советского права. – С. 29.

Брауде, И.Л. Некоторые вопросы системы советского права // Ученые записки ВИЮН. – М., 1955. – Вып 4. – С. 3—27.

Юков, М.К. Самостоятельность норм, регулирующих исполнительное производство // Проблемы совершенствования Гражданского процессуального кодекса РСФСР. – Свердловск, 1965. – С. 91–97.

Алексеев, С.С. Структура советского права. – С. 193.

Алексеев, С.С. Общая теория права. В 2 т. Т. I. – С. 253.

Алексеев, С.С. Право: азбука – теория – философия: опыт комплексного исследования. – М.: Статут, 1999. – С. 338.

Сорокин, В.Д. Правовое регулирование: предмет, метод, процесс // Правоведение. – 2000. – № 4. – С. 37–38.

Долгополова, М.В. О предмете правового регулирования // История государства и права. – 2009. – № 14. – С. 45.

101

Байтин, М.И. Сущность права. – 2-е изд., доп. – М.: ООО ИД «Право и государство», 2005. – С. 285.

Аржанов, М.А. О принципах построения системы советского социалистического права. – С. 27–28.

103

Протасов, В.Н. Что и как регулирует право. – С. 8–9.

104

Там же.

105

Толстой, Ю.К. О теоретических основах кодификации гражданского законодательства. – С. 44–45.

Разуваев, Н.В. Правовая система и критерии отраслевой дифференциации права // Правоведение. – 2002. – № 3. – С. 31–55.

Кирин, В.А. Законодательство о борьбе с преступностью. Отрасли и их взаимосвязь. – М.: Юридическая литература, 1978. – С. 92.

Титова, А.А. Конституция в системе Российского законодательства (теоретико-правовой анализ): автореф. дис… канд. юрид. наук: 12.00.01. – Саратов, 2013. – С. 16.

Райхер, В.К. О системе права. – С. 60–70.

Шебанов, А.Ф. Система отраслей законодательства: основания построения // Правоведение. – 1976. – № 4. – С. 16.

Поленина, С.В. Теоретические проблемы системы советского законодательства. —

Мальцев, Г.В. Социальные основания права. – М.: Норма, 2007. – С. 698.

113

Там же. С. 704.

Милушин, М.И. Проблемы формирования комплексных образований в законодательстве России: автореф. дис… канд. юрид. наук. – М., 2003. – С. 8.

Исаков, В.Б. Юридические факты в советском праве – М., 1984. – С. 45.

Милушин, М.И. Формирование комплексных образований в системе законодательства Российской Федерации. – С. 15–16.

Костюков, А.Н. Муниципальное право как отрасль российского права (предмет, принципы, режимы, конструкции, система): автореф. дис… д-ра юрид. наук: 12.00.02. – Екатеринбург, 2003. – С. 58.

Бачило, И.Л., Лопатин, В.Н. Предмет информационного права // Информационное право / под ред. Б.Н. Топорнина. – 2-е изд., с изм. и доп. – СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юрид. центр Пресс», 2005. – С. 147.

Лукьянова, Е. Г. Теория процессуального права – М.: НОРМА, 2003. – С. 54.

Головистикова, А.Н., Грудцына, Л.Ю. К вопросу о признании прав человека комплексной отраслью российского права // Государство и право. – 2009. – № 1. – С. 23–35.

121

Челышев, М.Ю. Система межотраслевых связей гражданского права: цивилистическое исследование: автореф. дис… д-ра юрид. наук: 12.00.03. – Казань, 2009. – С. 23.

Курдюк, Г.П. Отрасль права как элемент системы права: Теоретико-правовое исследование: автореф. дис… канд. юрид. наук: 12.00.01. – Краснодар. 2004. – С. 137.

123

Райхер, В.К. Общественно-исторические типы страхования – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1947. – С. 190.

Эффективность законодательства в экономической сфере: науч. – практ. исследование / отв. ред. проф. Ю.А. Тихомиров. – М.: Волтерс Клувер, 2010. – С. 7.

Синюков, В.Н. Российская правовая система. Введение в общую теорию – 2-е изд., доп. – М.: Норма, 2010. – С. 438.

Морозов, Н.Л. Договорные отношения в публично-правовой сфере: дис… канд. юрид. наук: 12.00.01. – Москва. 2007. – С. 44.

127

См.: постановления Конституционного Суда РФ от 12.10.1998 № 24-П; от 15.07.1999 № 11-П; от 16.05.2000 № 8-П; от 20.02.2001 № 3-П; от 10.01.2001 № 5-П.

128

По делу о проверке конституционности абзаца восьмого пункта 1 статьи 20 Феде

рального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобой гражданина А.Г. Меженцева: постановление Конституционного Суда РФ от 19.12.2005

№ 12-П//Вестник Конституционного Суда РФ. 2006. № 1.

Кряжков, А.В. Публичный интерес: понятие, виды и защита // Государство и право. – 1999. – № 10. – С. 91–99.

Дихтяр, А.И., Рогожин, Н.А. Обеспечение баланса частных и публичных интересов в судебных решениях Конституционного Суда РФ в экономической сфере // Закон и право. – 2002. – № 12. – С. 10–14.

Асадуллин, М.Р. Система субъектов частного права: дис… канд. юрид. наук: 12.00.01. – Казань, 2011. – С. 49, 50.

Кудрявцев, Ю.А. Государственные режимы – СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2012. – С. 159.

133

Брагинский, М.И. Договорное право: Общие положения. Кн. 1. / М.И. Брагинский, В.В. Витрянский. – 2-е изд. – М.: Статут, 2003. – С. 91–92.

Бюджетный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 31.07.1998 № 145-ФЗ // Российская газета. 1998. 12 авг. № 153–154.

135

Теория государства и права / под ред. А.С. Пиголкина. – М., 2003. – С. 264.

Челышев, М.Ю. Система межотраслевых связей гражданского права: цивилистическое исследование: дис… д-ра юрид. наук: 12.00.03. – Казань, 2009. – С. 59.

Алексеев, С.С. Теория права. – С. 224.

Керимов, Д.А. Методологические функции философии права // Государство и право. – 1995. – № 9. – С. 19.

Новая философская энциклопедия – М., 2001. – С. 551.

Рузавин, Г.И. Методология научного познания: учеб. пособие для вузов – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2005. – 287 с.

Байтин, М.И., Петров, Д.Е. Система права: к продолжению дискуссии // Государство и право. – 2003. – № 1. – С. 18.

См.: Горшенев, В.М. Способы и организационные формы правового регулирования в современный период коммунистического строительства: дис… д-ра юр ид. наук. – Свердловск, 1969. – С. 118.

Витченко, А.М. Метод правового регулирования социалистических общественных отношений / под ред. М.И. Байтина. – Саратов, 1974. – С. 52, 60. Следует отметить, что подобное мнение высказывалось и В.Д. Сорокиным (См.: Вопросы теории советского административно-процессуального права: автореф. дис… д-ра юрид. наук. – Л., 1968. – С. 31–32).

Теряевский, С.А. Система методов правового регулирования в юридической практике современного российского государства: дис… канд. юрид. наук: 12.00.01. – Саратов, 2009. – С. 134.

Матузов, Н.И. Предмет и метод правового регулирования как основания деления права на отрасли и институты // Теория государства и права: Курс лекций. – М., 2002. – С. 316–317.

Петров, Д.Е. Отрасль права. – С. 20.

Сорокин, В.Д. Правовое регулирование: предмет, метод, процесс (макроуровень). – СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2003. – С. 115–131.

Черданцев, А.Ф. Теория государства и права. – С. 324.

Витрук, Н.В. Конституционное правосудие. Судебно-конституционное право и процесс: учеб. пособие. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юристъ, 2005. – С. 24.

Лившиц, Р.З. Отрасль права – отрасль законодательства. – С. 26.

Алексеев, С.С. Отрасли советского права: проблемы, исходные положения // Советское государство и право. – 1979. – № 9. – С. 18.

Алексеев, С.С. Общие теоретические проблемы системы советского права – М., 1961. – С. 48; Алексеев, С.С. Теория права. – С. 156.

Комаров, С.А. Общая теория государства и права: курс лекций – 2-е изд, испр. и доп. – М.: Манускрипт, 1996. – С. 290; Общая теория государства и права / под ред.
В. В. Лазарева. – М., 1999. – С. 109.

Теория государства и права / под ред. А.И. Королева, Л.С. Явича. – Л., 1987. —

С. 491.

Явич, Л.С. Советское право – регулятор общественных отношений в СССР – Сталинабад, 1957. – С. 56.

Теория государства и права / под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. – М., 2000. – С. 401.

Огурцов, А.П. Этапы интерпретации системности научного знания (античность и новое время) // Системные исследования. Ежегодник. – М.: Наука, 1974. – С. 155.

Блауберг, И. В. Системный подход в современной науке / И.В. Блауберг, В.Н. Садовский, Э.Г. Юдин // Проблемы методологии системных исследований. – М., 1970. – С. 15.

Садовский, В.Н. Основания обшей теории систем – М., 1974. – С. 173.

Дынник, М.А. Материалисты Древней Греции – М., 1955. – С. 181.

161

Отличительные свойства (лат.).

162

Современные проблемы материалистической диалектики – М.: Мысль, 1971. – С. 162; Файзиев, А.А. Комплексный подход в научном познании – Ташкент: ФАН, 1985. – С. 18.

Шубина, М.П. Комплексный подход и взаимодействие теорий // Методологические проблемы комплексных исследований. – Новосибирск, 1983. – С. 166.

Кутырев, В.А. Комплекс и система. Их сходство и различие // Философские проблемы комплексности. Новое в жизни, науке, технике: Сер. «Философия». – 1987. – № 9. – С. 19.

Файзиев, А.А. Комплексный подход в научном познании. С. 18.

Проблемы теоретической социологии – СПб, 1994. – С. 237.

167

См.: Алаев, Э.Б. Экономико-географическая терминология – М.: Мысль, 1977. – С. 41–42.

Глотко, А.В. Организационно-экономический механизм развития садоводства в Алтайском крае: моногр. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. – 208 с. [Электронный ресурс] URL: http://e-lib.gasu.ru/eposobia/glotko/R_1_1.html

169

См.: Попов, В.А. О понятии комплексности в современной социологии: новые тенденции и подходы // Мониторинг общественного мнения. – 2010. – № 1(95), январь-февраль. – С. 184–186.

См.: Попов, В.А. О понятии комплексности в современной социологии: новые тенденции и подходы. – С. 184–186.

171

Кутырев, В.А. Комплекс и система. Их сходство и различие. – С. 18.

Афанасьев, В.Г. Системность и общество – М.: Политиздат, 1980. – С. 48.

Протасов, В.Н. Правоотношение как система – М.: Юрид. литература, 1991. – С. 20.

Афанасьев, В.Г. О принципах классификации целостных систем // Вопросы философии. – М., 1963. – № 5. – С. 31–33.

Берталанфи, Л. Общая теория систем: обзор проблем и результатов // Системные исследования: ежегодник. – М., 1969. – С. 23.

О'Коннор, Дж. Искусство системного мышления. Необходимые знания о системах и творческом подходе к решению проблем / Дж. О'Коннор, И. Макдермотт: пер. с англ. – М.: Альпина Бизнес Букс, 2006. – С. 28–29.

Богданов, А.А. Тектология. Всеобщая организационная наука. В 2 т. Т. 2. – М.: Экономика, 1989. – С. 125.

Адлер, Ю.П. Восемь принципов, которые меняют мир // Стандарты и качество. – 2001. – № 7. – С. 21.

Югай, Г.А. Диалектика части и целого. – Алма-Ата: Наука, 1965. – С. 92.

Алексеев, С.С. Общая теория права. В 2 т. Т. I. – С. 238.

Керимов, Д.А. Методология права: Предмет, функции, проблемы философии права. – С. 239.

Ожегов, С.И., Шведова, Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / под общей ред. Г.В. Осипова. – М.: НОРМА-ИНФРА-М, 1998. – С. 255–256.

183

Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Репр. воспроизведение изд. 1903–1909 гг. / под ред. И.А. Бодуэна де Куртенэ. – М.: ТЕРРА, 2000. Т. 2: И – О. – 2000. – С. 59.

Марченко, М.Н. Источники права: учеб. пособие. – М.: ТК Велби: Проспект, 2005. – С. 29.

Тарановский, Ф.В. Учебник энциклопедии права – Юрьев, 1917. – С. 168.

Ершов, В.В. Основополагающие общетеоретические и гражданско-правовые принципы права: моногр. – М.: РАП, 2010. – С. 16–17.

187

См.: Иванюк, О.А. Источник права: проблема определения // Журнал российского права. – 2007. – № 9. – С. 87–98.

Сорокин, П.А. Элементарный учебник общей теории права в связи с учением о государстве – Ярославль, 1919. – С. 45–93.

Трубецкой, Е.Н. Лекции по энциклопедии права – М., 1917. – С 91– 132.

Мешкова, О.Е. Соотношение системы права и системы законодательства // Вестник Омского университета. – 1998. – Вып. 1. – С. 89.

Давид, Р., Жоффре-Спинози, К. Основные правовые системы современности: пер. с фр. В.А. Туманова. – М.: Междунар. отношения, 1996. – С. 75.

Бошно, С.В. Статус юридической науки в контексте учения о формах права // Юрист. – 2007. – № 2. – С. 62–64.

Петражицкий, Л.И. Теория государства и права в связи с теорией нравственности – СПб.: Лань, 2000. – С. 263.

Теория государства и права: учеб. для вузов / Н.И. Матузов, А.В. Малько. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юристъ, 2005. – С. 373–379.

195

Правовая система России в условиях глобализации: сб. материалов круглого стола / ред. – сост.: Н.П. Колдаева, Е.Г. Лукьянова. – М.: Ось-89, 2005. – С. 13.

Алексеев, С.С. Теория права. С. 84.

Иванов, В.В. Общие вопросы теории договора – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – С. 15.

Сидоров, В.Н. Таможенное право: учеб. для бакалавров. – 5-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2013. – С. 40–41.

Там же. С. 57.

Кирин, В. А. Законодательство о борьбе с преступностью. – С. 92.

201

Чернобель, Г.Т. Системная сбалансированность законодательства как условие его стабильности и эффективного функционирования // Концепция развития российского законодательства. – М.: Эксмо, 2010. – С. 70.

Российская газета. 1995. 28 дек. № 247.

Марченко, М.Н. Является ли судебная практика источником российского права? // Проблемы теории государства и права / под ред. М.Н. Марченко. – М.: Юристъ, 2002. – С. 533.

Левакин, И.В. Государственное единство России: теоретико-правовое исследование: дис… д-ра юрид. наук: 12.00.01. – М., 2003. – С. 112.

205

См.: Кожухарь, Д.В. Конкуренция правовых норм, регулирующих правоотношении по поводу жилища: дис… канд. юрид. наук: 12.00.01. – М., 2010. – С. 90.

Коршунов, Н.М. Конвергенция частного и публичного права: проблемы теории и практики. – С. 218.

Маркин, С.В. Судебный прецедент как источник международного частного права: автореф. дис…канд. юрид. наук: 12.00.03. – Волгоград, 2005. – С. 29.

Поленина, С.В. Законотворчество в Российской Федерации – М.: Изд-во ИГиП РАН, 1996. – С. 16.

209

Российская газета. 2010. 10 февр. № 27.

Цветков, И. Прецедент создан [Электронный ресурс]. URL: http://www.sravni.ru/ novost/2010/5/19/precedent-sozdan/

Цветков, И. Прецедент создан [Электронный ресурс]. URL: http://www.sravni.ru/ novost/2010/5/19/precedent-sozdan/

Никишин, В.В. Судебный прецедент как источник экологического права Европейского Союза и России: сравнительно-правовой анализ: дис… канд. юрид. наук: 12.00.06. – М., 2011. – С. 11.

213

Коршунов, Н.М. Конвергенция частного и публичного права: проблемы теории и практики. – С. 213.

Сидоров, В.Н. Таможенное право. – С. 76.

215

Российская газета. 1999. 12 мая. № 90.

Кутафин, О.Е. Источники конституционного права Российской Федерации – М.: Юрист, 2002. – С. 335.

Бахрах, Д.Н. Административное право России: учеб. для вузов – М.: НОРМА, 2000. – С. 41–42.

Коршунов, Н.М. Конвергенция частного и публичного права: проблемы теории и практики. – С. 213.

Протасов, В.Н. Что и как регулирует право. – С. 40.

VIII Международная научно-практическая конференция студентов и аспирантов: «Межсистемные и межотраслевые связи в правовой сфере», посвященная памяти профессора Казанского университета Михаила Юрьевича Челышева. 22–23 ноября 2013 года.

Райхер, В.К. Общественно-исторические типы страхования. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1947. – С. 190.

Алексеев, С. С. Структура советского права. – С. 193.

Алексеев, С. С. Структура советского права. – С. 193.

Алиев, Т.Т., Нахова, Е.А. История становления доказательственного права как комплексного института российского права // История государства и права. – 2007. – № 19; Бринчук, М.М. О комплексном природопользовании // Экологическое право. – 2002. – № 5; Дякина, И.А. Служебное право как комплексная отрасль права: автореф. дис… канд. юрид. наук: 12.00.14. – Ростов на/Д, 2007. – 37 с.; Зимненко, Б.Л. Комплексная норма как элемент правовой системы России // Международное публичное и частное право. – 2005. – № 6; 2006. – № 1; Игнатенко, Г.В. Международное право: предмет регулирования как комплексная конструкция в рамках системного исследования // Российский юридический журнал. – 2011. – № 1. – С. 38–46; Ковалев, А.А. ВТО как комплексный институт международного права: рец. на книгу Шумилова В.М. «Всемирная торговая организация: право и система» // Внешнеторговое право. – 2006. – № 1; Милушин, М.И. Формирование комплексных образований в системе законодательства Российской Федерации: автореф. дис…. канд. юрид. наук. – С. 16; Свердлык, Г.А. Становление жилищного права как комплексной отрасли права (исторический аспект развития с 60-х годов прошлого века по настоящее время); Сулейменов, М.К. Предпринимательский договор как комплексный институт гражданского права // Журнал российского права. – 2008. – № 1; Швечкова, Н.Е Проблемы и перспективы преобразования отрасли «право социального обеспечения» в комплексную отрасль «социальное право» // Социальное и пенсионное право. – 2008. – № 4; Юсупов, И.Н. Юридическая ответственность как комплексный правовой институт // Юридический мир. – 2009. – № 1; Ялбулганов, А.А. Природоресурсные платежи как комплексный правовой институт и учебная дисциплина // Экологическое право. – 2008. – № 4 и др.

225

Киримова, Е.А. Правовой институт: понятие и виды. – С. 8.

Челышев, М.Ю. Система межотраслевых связей гражданского права: цивилистическое исследование: дис… д-ра юрид. наук. – С. 205.

227

Теория государства и права: курс лекций / под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. – С. 180.

Доморацкая, Э.И. Социальное законодательство Франции / отв. ред. В.И. Усенин. – М.: Наука, 1975. – С. 9.

Сухарев, А. Большой юридический словарь. – М., 2005.

Система советского права и перспективы ее развития // Советское государство и право. – 1982. – № 6. – С. 80—110.

Система советского права и перспективы ее развития // Советское государство и право. – 1982. – № 7. – С. 112.

Реутов, В.П. Функциональная природа системы права. – Пермь: Изд-во Перм. гос. ун-та. – 2002. – С. 118.

Лапаева, В.В. Российская социология права: история и современность // Актуальные проблемы теории и истории права и государства. – Ижевск: Удмуртский университет, 2008. – С. 55–80.

Штраус, Л. Естественное право и история. – М.: Водолей Publishers, 2007. – С. 274.

235

Курдюк, Г.П. Отрасль права как элемент системы права: Теоретико-правовое исследование. – С. 137.

Морозова, Л.А. Теория государства и права: учеб. – 2-е изд., перераб., доп. – М.: Эксмо, 2007. – С. 288.

Тиунова, Л.Б. Системные связи правовой действительности: Методология и теория. – СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 1991. – С. 94.

Байтин, М.И., Петров, Д.Е. Метод регулирования в системе права: виды и структура. – С. 84–95.

Мешкова, О.Е. Трудовое право в системе отраслей российского права: дис… канд. юрид. наук: 12.00.05. – Омск, 1999. – С. 8.

Морозова, Л.А. Теория государства и права: учебник для вузов. – М.: Юристъ, 2002. – С. 235.

Толстой, Ю.К. Гражданское право и гражданское законодательство. – С. 148.

Лукьянова, Е. Г. Теория процессуального права. – С. 54.

243

Курдюк, Г.П. Отрасль права как элемент системы права: Теоретико-правовое исследование: дис… канд. юрид. наук. – С. 137.

Реутов, В.П. Функциональная природа системы права. – С. 135.

Протасов, В.Н. Теория права и государства. – С. 106.

Керимов, Д.А. Законодательная техника: научно-методическое пособие. – М., 2000. – С. 79.

Протасов, В.Н. Что и как регулирует право. – С. 43.

Там же. С. 41; Сатонина, К.А. Публичное и частное право: вопросы теории и практики (становление и развитие в условиях правовой системы Российской Федерации): автореф. дис… канд. юрид. наук: 12.00.01. – Уфа, 2005. – 25 с. и др.

Райхер, В.К. Общественно-исторические типы страхования. – С. 190.

Протасов, В.Н. Что и как регулирует право. – С. 43.

Протасов, В.Н. Что и как регулирует право. – С. 42, 43.

Костюков, А.Н. Муниципальное право как отрасль российского права (предмет, принципы, режимы, конструкции, система): дис… д-ра. юрид. наук: 12.00.02. – Екатеринбург, 2003. – С. 9.

253

Толстой, Ю.К. О теоретических основах кодификации гражданского законодательства. – С. 42–55.

Система советского права и перспективы ее развития // Советское государство и право. – 1982. – № 6. – С. 88, 94.

Система советского права и перспективы ее развития // Советское государство и право. – 1982. – № 6. – С. 103.

Ловцов, Д.А. О концепции комплексного подхода // Философские исследования. – 2000. – № 4. – С. 158–174.

Яковлев, В.Ф. К проблеме гражданско-правового метода регулирования общественных отношений // Антология уральской цивилистики (1925–1989): сб. ст. – М., 2001. – С. 374–375; Яковлев, В.Ф. О роли гражданского права в реализации решений XXVII съезда КПСС // Актуальные проблемы гражданского права: Межвуз. сб. науч. тр. – Свердловск, 1986. – С. 13–16.

Титова, А.А. Конституция в системе российского законодательства (теоретико-правовой анализ). – С. 10.

Зрячкин, А.М. Таможенное право в системе российского права: дис…. канд. юрид. наук: 12.00.02. – Саратов, 2000. – С. 93.

Макеева, Е.М. Система права Российской Федерации (вопросы теории и практики): дис… канд. юрид. наук: 12.00.01. – М., 2006. – С. 70.

Тихомиров, Ю.А. Управление на основе права. – М.: Формула права, 2007. – С. 97.

Мозолин, В.П. О макро – и микроправовом регулировании комплексных имущественных отношений в сфере экономики // Журнал российского права. – 2012. – № 9. – С. 24.

Райхер, В.К. О системе права. – С. 60–70.

Алексеев, С.С. Общая теория права. В 2 т. Т. I. – С. 257.

Бачило, И.Л., Лопатин, В.Н. Предмет информационного права. – С. 147.

Протасов, В.Н. Что и как регулирует право. – С. 43.

Теряевский, С.А. Система методов правового регулирования в юридической практике современного российского государства. – С. 15, 140.

Тихомиров, Ю.А. Управление на основе права. – М.: Формула права, 2007. – С. 92, 93.

Яковлев, В.Ф. Сущность и основные черты гражданско-правового метода регулирования общественных отношений // Правоведение. – 1972. – № 6. – С. 82.

Теория государства и права. Курс лекций // под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. С. 354.

Покровский, И.А. Основные проблемы гражданского права. – М.: Статут, 1998. – С. 41.

Алексеев, С.С. Об отраслях права. – С. 10–17.

Братусь, С.Н. Предмет и система советского гражданского права. – М.: Госюриздат, 1963. – С. 39.

Яковлев, В.Ф. Гражданско-правовой метод регулирования общественных отношений. – 2-е изд., доп. – М.: Статут, 2006. – С. 237.

Информационное право: учеб. для вузов / И.Л. Бачило. – М.: Высшее образование: Юрайт-Издат, 2009. – С. 95.

Банковское право Российской Федерации. Общая часть: учеб. / под общ. ред. акад. Б.Н. Топорнина. – М.: Юристь, 2002. – С. 115, 116.

Янчук, В.З. Теоретические предпосылки совершенствования колхозного законодательства // Советское государство и право. – 1968. – № 5. – С. 40–43.

Витченко, А.М. Метод правового регулирования социалистических общественных отношений. – С. 47, 60.

Горшенев, В.М. Способы и организационные формы правового регулирования в социалистическом обществе. – М.: Юрид. литература, 1972. – С. 50–51.

Григонис, Э.П. Теория государства и права. – СПб., 2002. – С. 115.

281

Теряевский, С.А. Система методов правового регулирования в юридической практике современного российского государства. – С. 44.

Алексеев, С.С. Теория права. – С. 105.

Алексеев, С.С. Право: азбука – теория – философия. Опыт комплексного исследования. С. 372, 373.

Осипов, М.Ю. Теория социально-правовых процессов: монография. – М.: NOTA BENE, 2011. – С. 131.

Кудрявцев, Ю.А. Государственные режимы. – С. 13, 14.

Словарь административного права / авт. кол.: И.Л. Бачило, Т.М. Гандилов, А.А. Гришковец и др.; отв. ред. И.Л. Бачило и др. – М.: Фонд «Правовая культура», 1999. – С. 245.

Матузов, Н.И., Малько, А.В. Политико-правовые режимы: актуальные аспекты // Общественные науки и современность. – 1997. – № 1. – С. 63.

Российская газета. 2006. 31 дек. № 297.

289

Алексеев, С.С. Общая теория права. В 2 т. Т. I. – С. 245–254.

Челышев, М.Ю. Система межотраслевых связей гражданского права: цивилистическое исследование: дис… д-ра юрид. наук. – С. 65.

291

Алексеев, С.С. Право: азбука-теория-философия: Опыт комплексного исследования. – С. 45.

Теряевский, С.А. Система методов правового регулирования в юридической практике современного российского государства. – С. 154.

Протасов, В.Н. Что и как регулирует право. – С. 43.

Алексеев, С.С. Структура советского права. – С. 187.

Теряевский, С.А. Система методов правового регулирования в юридической практике современного российского государства. – С. 135.

Щедровицкий, Г.П. Исходные представления и категориальные средства теории деятельности. – М.: Школа культурной политики, 1995. – С. 248.

297

Информационное право: учеб. для вузов / И.Л. Бачило и др. – С. 33.

Покровский, И.А. Основные проблемы гражданского права. 4-е изд., испр. – М.: Статут, 2003. – С. 42–43.

Шершеневич, Г.Ф. Курс торгового права. – СПб., 1908. – Т. 1.

300

Идельсон, В.Р. Страховое право: курс лекций в Санкт-Петербургском политехническом институте в 1907 г. // Страховое право. – 2001. – № 1. – С. 72.

301

Шершеневич, Г.Ф. Общая теория права. – М., 1912. – С. 513–554.

Покровский, И.А. Основные проблемы гражданского права. – С. 42–43.

Идельсон, В.Р. Страховое право: курс лекций в Санкт-Петербургском политехническом институте в 1907 году. – С. 72.

Дембо, Л.И. О принципах построения системы права // Советское государство и право. – 1956. – № 8. – С. 93.

Алексеев, С.С. Структура советского права. – С. 156.

306

Общая теория государства и права: Академический курс в 2 т. Т. 2: Теория права. / под ред. проф. М.Н. Марченко. – М., 1998. – С. 233.

Алексеев, С.С. Проблемы теории права: Курс лекций в 2 т. Т. 1. – Свердловск: СЮИ, 1972. С. 341.

Алексеев, С.С. Проблемы теории права: Курс лекций в 2 т. Т. 1. С. 159; Поленина, С.В. Комплексные правовые институты и становление новых отраслей права // Правоведение. – 1975. – № 3. – С. 74–75.

Алексеев, С.С. Теория права. – С. 110.

Сырых, В.М. Комплексные институты как компоненты системы российского права // Журнал российского права. – 2002. – № 10. – С. 22–27.

Там же. С. 22–27.

312

Алексеев, С.С. Проблемы теории права: Курс лекций в 2 т. Т. 1. – С. 140.

313

Петров, Д.Е. Отрасль права / под ред. М.И. Байтина. – Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2004. – С. 47.

Ягудина, В. М. Юридическая ответственность: система и классификация: дис… канд. юрид. наук: 12.00.01. – М., 2010. – С. 114, 115.

315

Бахрах, Д.Н. Административная ответственность: учеб. пособие / Д.Н. Бахрах. – М.: Юриспруденция, 1999. – С. 8; Алехин, А.П. Административное право Российской Федерации / А.П. Алехин, В.А. Кармолицкий, Ю.М. Козлов. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Зерцало, 1998. – С. 312–313.

Чечина, Н.А., Элькинд, П.С. Об уголовно-процессуальной и гражданско-процессуальной ответственности // Советское государство и право. – 1973. – № 9. – С. 34.

Тадевосян, В.С. Некоторые вопросы системы советского права // Советское государство и право. – 1956. – № 8. – С. 105, 107.

Кнапп, В. По поводу дискуссии о системе права // Советское государство и право. – 1957. – № 5. – С. 114–120; Попова, В.И., Лесной, В.М. О системе советского социалистического права (обзор) // Советское государство и право. – 1958. – № 1. – С. 101.

319

Красавчиков, О.А. Система права и система законодательства. – С. 69.

Братусь, С.Н. Отрасль советского права: понятие, предмет, метод // Советское государство и право. – 1979. – № 11. – С. 29.

321

Мозолин, В.П. О макро – и микроправовом регулировании комплексных имущественных отношений в сфере экономики. – С. 21.

322

Бочаров, В.М. Теория государства и права: учеб. пособие / В.М. Бочаров, А.Н. Соколов. – Калининград: Калининградский юр ид. ин-тут МВД России, 2010. – С. 69–70.

323

Венгеров, А.Б. Теория государства и права: учеб. – 6-е изд. – М.: Омега-Л, 2009. – С. 441–442, 445.

Макуев, Р.Х. Трансформация государства и права: поиск типологических решений: моногр. – Орел: Изд-во ОрАгС, 2008. – С. 161.

325

Челышев, М.Ю. Система межотраслевых связей гражданского права: цивилистическое исследование: автореф. дис… д-ра юрид. наук: 12.00.03. – Казань, 2009. – С. 23.

326

Мозолин, В.П. О макро – и микроправовом регулировании комплексных имущественных отношений в сфере экономики. – С. 22.

Протасов, В.Н. Что и как регулирует право. – С. 44.

Лукьянова, Е.Г. Процессуальное право и его место в структуре права: дис… канд. юрид. наук: 12.00.01. – М., 2000. – С. 9, 18.

Российская газета. 1997. 18 марта. № 53.

330

Челышев, М.Ю. К вопросу о соотношении частного и публичного интереса в законодательстве о рекламе // Интеллектуальная собственность: проблемы и перспективы регулирования: сб. научн. тр. / отв. ред. С. А. Чернышева. – Казань, 2000. – С. 93.

Российская газета. 2004. 7 июля. № 143.

Вестник Конституционного Суда РФ. 2004. № 1.

Вестник Конституционного Суда РФ. 1995. № 2–3.

Доступ из СПС «Консультант Плюс».

335

Концепция развития российского законодательства. – С. 6.

Бюллетень международных договоров. 1993. № 1.

Мингазов, Л.Х. Эффективность норм международного права (Теоретические проблемы): дис… д-ра юрид. наук: 12.00.10. – Казань, 2000. – С. 213.

Трапезников, В.А. Международное инвестиционное право: теория и практика применения / В.А. Трапезников, И.З. Фархутдинов. – М.: Волтерс Клувер, 2005. – 432 с.

Газье, А., Талапина, Э.В. Публичное право Франции и России: пересечения и параллели // Правоведение. – 2003. – № 3 (248). – С. 30–54.

Тихомиров, Ю.А. Общая концепция развития российского законодательства // Журнал российского права. – 1999. – № 1. – С. 25–31.

Алексеев, С.С. Теория права. – С. 198.

Челышев, М.Ю. Система межотраслевых связей гражданского права: цивилистическое исследование: дис… д-ра юрид. наук. – С. 205.

Бачило, И.Л., Лопатин, В.Н. Предмет информационного права // Информационное право / под ред. Б.Н. Топорнина. – С. 147.

См.: Ипатов, А.Б. К вопросу о месте страхового права в системе права // Юрист. – 2005. – № 7. – С. 32–35.

345

Головистикова, А.Н., Грудцына, Л.Ю. К вопросу о признании прав человека комплексной отраслью российского права. – С. 23–35.

Витрук, Н.В. Общая теория юридической ответственности. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Норма, 2009. – 259 с.; Поленина, С.В. Субсидиарное применение норм гражданского законодательства к отношениям смежных отраслей // Советское государство и право. – 1967. – № 4 – С. 22–25; Черданцев, А.Ф. Системообразующие связи права // Советское государство и право. – 1974. – № 8. – С. 10–17 и др.

Алексеев, С.С. Структура советского права. С. 76.

Черданцев, А.Ф. Толкование права и договора: учеб. пособие для вузов. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2003. – С. 166.

349

Черданцев, А.Ф. Основные проблемы теории толкования советского права: автореф. дис… д-ра юрид. наук. – Свердловск, 1972. – С. 14–15; Яковлев, В.Ф. Гражданско-правовой метод регулирования общественных отношений. – С. 235.

Владимирский-Буданов, М.Ф. Обзор истории русского права. – Петроград-Киев, 1915. – С. 91.

351

Титова, А.А. Конституция в системе Российского законодательства (теоретикоправовой анализ). – С. 2.

Тихомиров, Ю.А. Управление на основе права. – С. 92.

353

Витрук, Н. В. Об онтологическом статусе объективного и субъективного права: к дискуссии об объективном и субъективном праве // Правоведение. -1973. – № 1. – С. 86–93.

Рабинович, П.М. Право как явление общественного сознания (к дискуссии об объективном и субъективном в праве) // Правоведение. – 1972. – № 2. – С. 106–116.

Павлова, Ю.В. Правовая энтропия: дис… канд. юрид. наук: 12.00.01. – Владимир, 2004. – 173 с.

Сырых, В.М. Логические основания общей теории права: В 2 т. Т. 1. Элементный состав. – М., 2004. – С. 83–84.

Поленина, С.В. Комплексные правовые институты и становление новых отраслей права. – С. 77.

Там же.

359

Тихомиров, Ю.А. Управление на основе права. – С. 97.

360

Тихомиров, Ю.А. О теории правового регулирования: сравнительный анализ. – С. 5—13.

Боголюбов, С.А. Некоторые проблемы Экологического кодекса // Журнал российского права. – 2006. – № 5. – С. 3—11.

362

Информационное право: учеб. для вузов / И.Л. Бачило и др. – С. 39.

363

Социальное законодательство: науч. – практ. пособие. – С. 4.

Киримова, Е.А. Становление новых правовых институтов в современных социально-экономических условиях // Вопросы теории государства и права. Вып. 2(11). – Саратов: СГАП, 2000. – С. 112.

Реутов, В.П. Функциональная природа системы права. – С. 136.

Зражевская, Т.Д. Ответственность по советскому государственному праву // Правоведение. – 1975. – № 3. – С. 80.

Крохина, Ю.А. Вопросы концепции бюджетного права Российской Федерации // Журнал российского права. – 2002. – № 9. – С. 22–32.

Малиновская, В.М. Ответственность, за нарушение таможенного законодательства Российской Федерации (финансово – правовые аспекты): дис… канд. юрид. наук: 12.00.02. – М., 1997. – С. 80.

Рукавишникова, И.В. Метод финансового права: дис… д-ра юрид. наук: 12.00.14. – М., 2004. – С. 83.

Чиркин, В.Е. Современное государство. – М., 2001. – С. 112–114.

Атаманчук, Г.В. Управление: сущность, ценность, эффективность. – М.: Культура: Акад. проект, 2006. – С. 42.

Макеева, Е.М. Система права Российской Федерации (вопросы теории и практики): дис… канд. юрид. наук: 12.00.01. – М., 2006. – С. 94.

Там же.

Суханов, Е.А. Система частного права // Вестн. Моск. ун-та. – 1994. – № 4. – Сер. «Право». – С. 26–30.

Кашанина, Т.В. Корпоративное право. Право хозяйственных товариществ и обществ: учеб. для вузов. – М.: НОРМА-ИНФРА-М, 1999. – С. 20, 36–41.

Костюков, А.Н. Муниципальное право как отрасль российского права (предмет, принципы, режимы, конструкции, система): дис… д-ра. юрид. наук: 12.00.02. – Екатеринбург, 2003. – С. 315.

Шумилов, В.М. Правовая система США: учеб. пособие. – 3-е изд. – М.: Междунар. отношения, 2013. – С. 29.

Захарова, М.В. Французская правовая система: теоретический анализ: монография. – М.: Проспект, 2013. – С. 107.

Газье, А., Талапина, Э. В. Публичное право Франции и России: пересечения и параллели. – С. 30–54.

Захарова, М.В. Французская правовая система: теоретический анализ. – С. 107, 108, 120.

381

Аржанов, М.А. О принципах построения системы советского социалистического права. – С. 26–35.

Малахов, В.П. Мифы современной общеправовой теории. – С. 72.

Тихомиров, Ю.А. Публичное право. – М.: БЕК, 1995. – С. 39.

Морозов, Н.Л. Договорные отношения в публично-правовой сфере. – С. 41.

Чиркин, В.Е. Публичный и частный интересы юридических лиц, выполняющих публичные функции // Журнал российского права. – 2013. – № 1. – С. 10.

Тихомиров, Ю.А. Публичное право. – С. 35.

Хвостов, В.М. Система римского права: учеб. – М.: Спарк, 1996. – С. 21–24; Тихомиров, Ю.А. Публичное право. С. 27; Васильев, С.В. Частное и публичное право в России: историко-теоретический анализ: дис… канд. юрид. наук: 12.00.01. – Санкт-Петербург, 2002. – 390 с.

388

Тихомиров, Ю.А. Общая концепция развития российского законодательства // Концепции развития российского законодательства / Л.А. Окуньков, Ю.П. Орловский, Ю.А. Тихомиров. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: ИЗиСП, 1998. – С. 11.

389

Социально-юридическая тетрадь (СюрТе). Актуальные проблемы социальной направленности цивилистики и смежных областей юриспруденции: сб. науч. тр. / под ред. Н.Н. Тарусиной. – Ярославль: ЯрГУ, 2011. – С. 8.

390

Защита прав человека в условиях перехода к рынку (материалы круглого стола) // Государство и право. – 1993. – № 6. – С. 15–46; Лепихов, М.И. Право и социальная защита населения (социальное право). – М., 2000. – С. 9—11.

391

Право социального обеспечения: учеб. / под ред. М.В. Филипповой. – М.: Юристъ, 2006. – С. 87.

392

Лушников, А.М., Лушникова, М.В. Социальное право: многообразие понимания и версия Европейского Союза // Социально-юридическая тетрадь (СюрТе). Актуальные проблемы социальной направленности цивилистики и смежных областей юриспруденции. – С. 21.

393

Черенкова, Е.Э. Система права и система законодательства Российской Федерации: понятие и соотношение. – С. 142.

Суворов, Н.С. Об юридических лицах по римскому праву. – М.: Статут, 2000. – С. 104–105, 145–148.

395

Курдюк, Г.П. Отрасль права как элемент системы права: теоретико-правовое исследование: дис… канд. юрид. наук. – С. 135.

Малахов, В.П. Мифы современной общеправовой теории. – С. 59.

Челышев, М.Ю. Система межотраслевых связей гражданского права: цивилистическое исследование: дис… д-ра юрид. наук. – С. 185.

Прягина, О.А. Проблемы структурирования права в аспекте его социализации // Правоведение. – 2004. – № 6. – С. 177–190.

399

Киримова, Е. А. Правовой институт: понятие и виды. – С. 4.

Васильев, С.В. Частное и публичное право в России: историко-теоретический анализ. – С. 210.

401

Ильин, И.А. Теория права и государства. – М., 2003. (Воспроизводится по изданиям 1915 и 1956 гг.). – С. 56.

Петражицкий, Л.И. Теория права и государства. В 2 т. Т. II. – СПб, 1910. – С. 686–745.

403

Кистенев, К.И. Система субъектов российского права в условиях рыночных отношений: дис… канд. юрид. наук: 12.00.01. – Саратов, 2011. – С. 91, 92.

Лавренюк, А. В. Субъекты публичного права: Теоретико-правовое исследование: автореф. дис… канд. юрид. наук: 12. 00. 01. – М., 2007. – С. 21.

Геращенко, И.Н. Публичный субъект: некоторые проблемы определения понятия // Вопросы экономики и права. – 2011. – № 3. – С. 179.

Асадуллин, М.Р. Система субъектов частного права: дис… канд. юрид. наук: 12.00.01 – Казань, 2011. – С. 11, 22.

Костюков, А.Н. Муниципальное право как отрасль российского права (предмет, принципы, режимы, конструкции, система). – С. 194.

Бойцов, В.Я. Система субъектов советского государственного права. – Уфа: Башкирск. книжн. изд-во, 1972. – С. 78–81.

409

Тихомиров, Ю.А. Правовое регулирование: теория и практика. – С. 60–61.

410

Государственно-частное партнерство: проблемы, тенденции, перспективы // Научно-практические конференции и круглые столы Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации (2004–2008 гг.) / сост. М.Я. Булошников, А.С. Колобова, В.В. Иванников. – М., 2009. – С. 633–637.

Чиркин, В.Е. Юридическое лицо публичного права. – М., 2007. – С. 129.

Болгова, В.В. Публичное право: проблемы методологии, теории, практики: дис… д-ра юрид. наук: 12.00.01. – Самара, 2009. – С. 302, 303.

413

Коршунов, Н.М. Конвергенция частного и публичного права: проблемы теории и практики. – С. 126.

Гунель, М. Введение в публичное право. Институты. Основы. Источники. – М.: Норма, 1995. – С. 13.

415

Павлова, Н.Г. Становление правовой системы Мексики (историко-правовой аспект): дис… канд. юрид. наук: 12.00.01. – М., 2002. – С. 113–114.

Сидоров, В.Н. Особый таможенно-правовой порядок регулирования инвестиционной деятельности в сфере российского автопрома. Доступ из СПС «КонсультантПлюс», 2013.

Макеева, Е.М. Система права Российской Федерации: дис… канд. юрид. наук: 12.00.01. – М., 2006. – С. 79.

Протасов, В.Н. Что и как регулирует право. – С. 43.

Мюллерсон, Р.А. Права человека: идеи, нормы, реальность. – М., 1991. – С. 7.

Макеева, Е.М. Система права Российской Федерации: дис… канд. юрид. наук. – С. 83.

421

Петражицкий, Л.И. Теория права и государства. – С. 112.

Гегель, Г.В. Философия права. – М., 1990. – С. 227.

423

Еллинек, Г. Общее учение о государстве. – СПб., 2004. – С. 279.

См.: Тарановский, Ф.Ф. Учебник энциклопедии права. – Юрьев, 1917. – С. 238.

425

Петров, А.В. Эволюция идей о правах человека в Российской Империи (XVIII – начало XX вв.): дис… канд. юрид. наук: 12.00.01. – Волгоград, 2003. – С. 106.

Нефедов, Б.И. Межсистемные надотраслевые образования в праве: автореф. дис… д-ра юрид. наук: 12.00.01, 12.00.10. – М., 2010. – 55 с.

Хазов, Е.Н. Конституционные гарантии прав и свобод человека и гражданина в России: теоретические основы и проблемы реализации: дис… д-ра юрид. наук: 12.00.02. – М., 2011. – С. 459.

Шебанов, А.Ф. Система законодательства как научная основа кодификации // Советское государство и право. – 1971. – № 12. – С. 30–38.

429

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 15 мая 2006 г. № 5-П // Собрание законодательства РФ. – 2006 – № 22. – Ст. 2375.

Худоешко, А.А. Особые конституционно-процессуальные средства защиты прав и свобод человека и гражданина в странах Латинской Америки (процедура ампаро): дис… канд. юрид. наук: 12.00.02. – М., 2012. – С. 160.

431

Гребнев, Р.Д. О понятии публичных интересов: к вопросу о терминологии // Нравственные императивы в праве. – 2011. — № 3. – С. 96.

Спекторский, Е.В. Либеларизм / Опыт русского либерализма. Антология. – М., 1997. – С. 344.

433

Нерсесянц, В.С. Общая теория права и государства. – М.: Норма, 2000. – С. 433.

Шершеневич, Г.Ф. Общая теория права. – М., 1912. – С. 53.

Петражицкий, Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. – С. 576, 581.

Хазов, Е.Н. Конституционные гарантии прав и свобод человека и гражданина в России: теоретические основы и проблемы реализации. – С. 459.

Петров, А.В. Эволюция идей о правах человека в Российской Империи (XVIII – начало XX вв.): дис… канд. юрид. наук: 12.00.01. – Волгоград, 2003. – С. 114.

Общая теория прав человека / отв. ред. Е.А. Лукашева – М.: Норма, 1996. – С. 32.

Права человека как фактор стратегии устойчивого развития // отв. ред. Е.А. Лукашева. – М.: Норма, 2000 – С. 97.

См.: Терещенко, Л.К., Игнатюк, Н.А. Предпринимателю о разрешительных процедурах. – М.: Юстициформ, 2005. 192 с.

441

Сидоров, В.Н. Правосубъектность некоммерческих организаций: автореф. дис… канд. юрид. наук: 12.00.03. – М., 2008. – С. 3.

Девушка отсудила у школы 70 тысяч долларов из-за Facebook. [Электронный ресурс]. URL: http://www.topnews.ru/topka_id_11019.html

Трикоз, Е.Н. «Теневое право»: миф или реальность // Законодательство и экономика. – № 1. – 2005. – С. 56–60.

Хазов, Е.Н. Конституционные гарантии прав и свобод человека и гражданина в России: теоретические основы и проблемы реализации. – С. 461.

Николаев, А.М. Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод: конституционно-правовой механизм реализации в Российской Федерации: автореф. дис… канд. юрид. наук: 12.00.02. – М., 2012. – С. 5.

Права человека в России. [Электронный ресурс]. URL: http://hro.org/node/

Левада-Центр. [Электронныйресурс]. URL: http://www.levada.ru/press/

Политические партии России.[Электронный ресурс]. URL: http://www.izbiraem.ru/ party

Итоги круглого стола «Оценка роли большевиков и их лидеров в мировой и российской истории» в ГД РФ. [Электронный ресурс]. URL: http://www.netlenin.ru/ novosti/itogi-kruglogo-stola-otsenka-roU-bolshevikov-i-ikh-liderov-v-mirovoi-i-rossiiskoi-istorii

Владимир Лукин раскритиковал поведение полиции на массовых акциях // Права человека в России. [Электронный ресурс]. URL: http://hro.org/node/18884

451

Лукин обратится в ФАС из-за отключения «Дождя» // Полит. Ру. [Электронный

Права человека в России. [Электронный ресурс]. URL: http://hro.org/social

Протасов, В.Н. Основы общеправовой процессуальной теории. – М.: Юрид. литра, 1991. – С. 58.

Юков, М.К. Гражданское процессуальное право: структура и применение // Краткая антология уральской процессуальной мысли / под ред. В.В. Яркова. – Екатеринбург, 2004. – С. 140.

455

Эффективность правовых норм / В.Н. Кудрявцев, В.И. Никитинский, И.С. Самощенко, В.В. Глазырин. – М.: Юрид. литература, 1980. – С. 49.

Лапаева, В.В. Конкретно-социологические исследования в праве. – М.: Юрид. литература, 1987. – С. 51; Пашков, А.С., Явич, Л.С. Эффективность действия правовой нормы (К методологии и методике социологического исследования) // Советское государство и право. – 1970. – № 3. – С. 40–47; Пашков, А.С., Чечот, Д.М. Эффективность правового регулирования и методы ее выявления // Советское государство и право. – 1965. – № 8. – С. 3—11.

Эффективность правовых норм. – С. 88.

Курочкин, С.А. Об эффективности норм гражданского процессуального права // Журнал российского права. – 2012. – № 4. – С. 24–32.

459

Эффективность правовых норм. С. 40–41.

Милушин, М.И. Формирование комплексных образований в системе законодательства Российской Федерации: дис… канд. юрид. наук. – С. 167.

461

Шахрай, С.М. Особенности оценки эффективности результативности научной компоненты национальной инновационной системы в Российской Федерации // Проблемы эффективности бюджетных расходов: проблемы и пути решения: сб. науч. ст. / Гос. науч. – исслед. ин-т системного анализа Счетной палаты Российской Федерации /подред. С.М. Шахрая, Т.В. Ярыгиной, И.В. Левакина. – М.: Воентехиниздат, 2010. – С. 13.

462

Курочкин, С.А. Об эффективности норм гражданского процессуального права. – С. 24–32.

Крохина, Ю.А. Финансовое право России: учеб. – М., 2004. – С. 209.

Дмитриев, Ю.А. Понятие, предмет и метод конституционного права Российской Федерации: от исторических истоков к современности / Ю. А. Дмитриев, И.В. Мухачев. – М.: Манускрипт, 1998. – С. 49.

Кутафин, О.Е. Предмет конституционного права. – М.: Юрист, 2001. – С. 43.

Яковлев, А.М. Теория криминологии и социальная практика – М., 1985. – С. 169.

Малько, А.В. Эффективность правового регулирования // Правоведение. – 1990. – № 6. – С. 61, 65.

Эффективность правовых норм. – С. 22.

469

Правовые акты: оценка последствий: науч. – практ. пособие / отв. ред. Ю.А. Тихомиров. – М.: Юриспруденция, 2010. – С. 57.

Концепция развития российского законодательства. – С. 86.

471

Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов: Федеральный закон от 17.07.2009 № 172-ФЗ // Российская газета. 2009. 22 июля. № 133.

Законодательная социология / отв. ред. В.П. Казимирчук, С.В. Поленина. 256 с.

Хьелл, Л.А. Теории личности (основные положения, исслед. и применение): учеб. пособие для вузов: пер. с англ. / Л.А. Хьелл, Д. Зиглер. – СПб.: Питер Пресс, 1997. – С. 327.

Иванюк, О.А. Источник права: проблема определения. – С. 87–98.

Марченко, М.Н. Источники права: учеб. пособие. – С. 46.

Милушин, М.И. Формирование комплексных образований в системе законодательства Российской Федерации: дис… канд. юрид. наук. – С. 12.

Милушин, М.И. Формирование комплексных образований в системе законодательства Российской Федерации: дис… канд. юрид. наук. – С. 51.

Придворов, Н.А. Правообразование и правообразующие факторы в праве: моногр. / Н.А. Придворов, В.В. Трофимов. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2012. – С. 296.

Тихомиров, Ю.А., Андриченко, Л.В. Проблемы развития законодательства субъектов Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. – 2009. – № 3. – С. 2–8.

480

О состоянии законодательства в Российской Федерации: доклад Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации 2007 года / под общ. ред. С.М. Миронова, Г.Э. Бурбулиса. – М., 2008. – С. 524.

Российская газета. 2011. 25 мая. № 110.

Собрание законодательства РФ. 2012. № 32. Ст. 4605.

Российская газета. 2011. 24 авг. № 186.

Хабриева, Т.Я. Право и модернизация экономики // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2010. – № 1. – С. 5.

Поленина, С.В. Качество закона и эффективность законодательства. – М., 1993. – 53 с.; Оносов, Ю.В. Диалектика соотношения социальной и юридической эффективности правового регулирования: автореф. дис… канд. юрид. наук: 12.00.01. – Н. Новгород, 2011. – 31 с.; Осипов, М.Ю. Теория социально-правовых процессов. – С. 239–267; Соколова, А.А. Социальные аспекты правообразования: автореф. дис… д-ра юрид. наук: 12.00.01. – Минск, 2003. – 38 с.

Коршунов, Н.М. Конвергенция частного и публичного права: проблемы теории и практики. – С.48.

Гамбаров, Ю.С. Гражданское право. Общая часть. – С. 37.

Малько, А.В., Трофимов, В.В. Теоретико-методологическое значение концепции «правовой жизни» // Государство и право. – 2010. – № 7. – С. 5—13.

489

Милушин, М.И. Формирование комплексных образований в системе законодательства Российской Федерации: дис… канд. юрид. наук. С. 51–52.

Щербакова, Ю.В. Интерес в публичном и частном праве // Журнал российского права. – 2003. – № 1. – С. 139–142 и др.

491

Теряевский, С.А. Система методов правового регулирования в юридической практике современного российского государства. – С. 154.

Коршунов, Н.М. Конвергенция частного и публичного права: проблемы теории и практики. – С. 56.

Дякина, И.А. Служебное право как комплексная отрасль права. – 37 с.; Костюков, А.Н. Муниципальное право как отрасль российского права (предмет, принципы, режимы, конструкции, система). – 41 с.

Нехаева, У.И. Социальное назначение права: проблемы теории и практики: дис… канд. юрид. наук: 12.00.01. – Краснодар, 2010. – С. 8.

495

Теряевский, С.А. Система методов правового регулирования в юридической практике современного российского государства. – С. 69.

Громов, С.А. Соотношение частного и публичного права в российской системе права: тенденции дифференциации и интеграции: дис…. канд. юрид. наук: 12.00.01. – Санкт-Петербург, 2004. – С. 12.

Протасов, В.Н. Что и как регулирует право. С. 41.

Теория государства и права: учеб. / отв. ред. В.Д. Перевалов. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма, 2009. – С. 181.

499

Правовая система России в условиях глобализации и региональной интеграции: теория и практика / отв. ред. С.В. Поленина. – М.: Формула права, 2006. – С. 294.

500

Коршунов, Н.М. Конвергенция частного и публичного права: проблемы теории и практики. – С. 59.

501

Буянкина, С.В. Социальное законодательство субъектов Российской Федерации как комплексное образование в условиях глобализации // Правовая система России в условиях глобализации: Сб. материалов круглого стола / под ред. Н.П. Колдаевой, Е.Г. Лукьяновой. – М.: Ось-89, 2005. – С. 98.

502

Коршунов, Н.М. Конвергенция частного и публичного права: проблемы теории и практики. – С. 193.

503

Поленина, С.В. Основополагающие правовые категории – право и законодательство и их роль в повышении стабильности общественного развития // Концепция стабильности закона. Серия «Конфликт закона и общества» / отв. редактор В.П. Казимирчук. – М., 2000. – С. 30.

504

Названы три самые счастливые страны для жизни [Электронный ресурс]. URL: http://nk.org.ua/mir/8672-nazvany-tii-samye-schastlivye-strany-dlya-zhizni

505

Протасов, В.Н. Теория права и государства. – С. 89.

506

Витрук, Н.В. Система российского права (современные подходы) // Российское правосудие. – 2006. – № 6. – С. 5.

Давид, Р., Жоффре-Спинози, К. Основные правовые системы современности. – С. 195, 196.

Эбзеев, Б.С. Личность и государство в России: взаимная ответственность и конституционные обязанности. – М.: Норма, 2007. – С. 16–62.

509

Газье, А., Талапина, Э.В. Публичное право Франции и России: пересечения и параллели. – С. 30–54.

510

Милушин, М.И. Формирование комплексных образований в системе законодательства Российской Федерации: дис… канд. юрид. наук. – С. 96, 97.

511

Сидоров, В.Н. Особый таможенно-правовой порядок регулирования инвестиционной деятельности в сфере российского автопрома // СПС «КонсультантПлюс». 2013.

512

Ручкина, Г.Ф. Публично-правовые ограничения права на осуществление предпринимательской деятельности // Закон. – 2005. – № 12. – С. 13–17.

513

Идеи первых лиц бизнеса. Топ-менеджеры известных компаний делятся своим опытом. [Электронный ресурс]. URL: http://ibusiness.m/blog/idyei_pyervykh_lits_ biznyesa/

Более подробно тема коррупции освещена в монографии: Коррупция: природа, проявления, противодействие: моногр. / отв. ред.: Хабриева Т.Я. – М.: Юриспруденция, 2012. – 688 с.

515

Об объявлении решения коллегии Министерства юстиции Российской Федерации «Об итогах деятельности Министерства юстиции Российской Федерации за 2012 год и задачах на 2013 год»: приказ Минюста России от 25.03.2013 № 38 // СПС «КонсультантПлюс».

Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. Основные направления деятельности. [Электронный ресурс]. URL: http://www.izak.ru/node/761

517

Об объявлении решения коллегии Министерства юстиции Российской Федерации «Об итогах деятельности Министерства юстиции Российской Федерации за 2012 год и задачах на 2013 год»: приказ Минюста России от 25.03.2013 № 38.

Власенко, Н.А., Рахманина, Т.Н., Рафалюк, Е.Е. Теоретико-правовое наследие И.Л. Брауде // Журнал российского права. – 2010. – № 10. – С. 128–138.

519

Правовое пространство и человек: моногр. / отв. ред. Ю.А. Тихомиров, Е.В. Пуляева, Н.И. Хлуденева. – М.: ИЗиСП: ИД «Юриспруденция», 2012. – 240 с.

520

Пуляева, Е.В. Концепция развития законодательства об образовании // Журнал российского права. – 2010. – № 8. – С. 5—15.

521

Артамонова, Е.А. Частное начало в российском уголовном судопроизводстве: моногр. / под ред. В.М. Корнукова. – Саратов: Изд-во СГАП, 2004. – С. 71, 72.

522

Агарков, М.М. Ценность частного права // Правоведение. – 1992. – № 1. – С. 39, 40.

523

Яковлев, В.Ф. О взаимодействии публичного и частного права / Публичное и частное право: проблемы развития и взаимодействия, законодательного выражения и юридической практики: материалы Всерос. науч. – практ. конференции (23–24 апреля 1998 г.) / отв. ред. проф. В. Д. Перевалов. – Екатеринбург: Изд-во УрГЮА, 1999. – С. 7.

524

Коршунов, Н.М. Конвергенция частного и публичного права: проблемы теории и практики. – С. 152.

525

Алексеев, С.С. Частное право: научно-публицистический очерк. – М.: Статут, 1999. – С. 57, 58.

526

Дунаев, Р.А. Ограничения экономических прав граждан в Российской Федерации: учеб. пособие / под ред. Н.М. Коршунова. – М.: Книжный мир, 2005. – С. 7, 8.

527

Коршунов, Н.М. Конвергенция частного и публичного права: проблемы теории и практики. – С. 158.

Багандов, А.Б. Административно-правовой механизм лицензирования в Российской Федерации: автореф. дис… д-ра юрид. наук: 12.00.14 / А.Б. Багандов. – М., 2008. С. 8.

529

Коршунов, Н.М. Конвергенция частного и публичного права: проблемы теории и практики. – С. 161.

Коршунов, Н.М. Конвергенция частного и публичного права: проблемы теории и практики. – С. 176–179.

531

Алексеев, С.С. Собрание сочинений. В 10 т. Т. 5: Линия права. Отдельные проблемы концепции. – М.: Статут, 2010. С. 518.

Протасов, В.Н. Что и как регулирует право. – С. 43.

533

Челышев, М.Ю. Межотраслевое правовое регулирование как средство обеспечения публичных интересов в экономической сфере // Журнал российского права. – 2005. – № 12. – С. 137.

534

Голубцов, В.Г. Сочетание публичных и частных начал в регулировании вещных отношений с участием государства. – 2-е изд., испр. и доп. – СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2005. – С. 132–135; Голубцов, В.Г. О сочетании публичных и частных начал при определении гражданско-правового статуса государства // Закон и право. – 2006. – № 4. – С. 22–26.

535

Коршунов, Н.М. Конвергенция частного и публичного права: проблемы теории и практики. – С. 64.

Там же.

Коршунов, Н.М. Конвергенция частного и публичного права: проблемы теории и практики. – С. 113.

Литовкин, В.Н. Концепция развития жилищного законодательства // Концепция развития российского законодательства. – М.: Эксмо, 2010. – С. 425.

Боголюбов, С.А. Земельное законодательство и Концепция развития гражданского законодательства // Журнал российского права. – 2010. – № 1. – С. 38–46.

Черданцев, А.Ф. Системообразующие связи права. – С. 17.

541

Черданцев, А.Ф. Вопросы толкования советского права: учеб. пособие / отв. за вып. В.М. Семенов. – Свердловск: Изд-во Свердл. юрид. ин-та, 1972. – С. 135.

Занина, М.А. Коллизии норм права равной юридической силы (понятие, причины, виды): автореф. дис… канд. юрид. наук: 12.00.01. – М., 2008. – С. 18.

543

Челышев, М.Ю. Система межотраслевых связей гражданского права: цивилистическое исследование: дис… д-ра юрид. наук. – С. 135.

Протасов, В.Н. Что и как регулирует право. – С. 39.

545

Нерсесянц. В.С. Общая теория права и государства. – М.: Норма, 2000. – С. 453.

Сердюкова, И.Г. Международно-правовая политика современной России в сфере осуществления прав и законных интересов человека: общетеоретический аспект: дис… канд. юрид. наук. 12.00.01 – Краснодар, 2008. – С. 84.

Болгова, В.В. Публичное право: проблемы методологии, теории, практики: дис. д-ра юрид. наук: 12.00.01 – Самара, 2009. – С. 5.

Протасов, В.Н. Что и как регулирует право. – С. 39.

549

Павлова, Л.В. Современная концепция прав и свобод человека и ее трактовка Всеобщей декларацией нрав человека 1948 года // Белорусский журнал международного права и международных отношений. [Электронный ресурс]. – 1998. – № 5.

Тихомиров, Ю.А. Курс сравнительного правоведения. – С. 10.

551

Захаров, А.Л. Межотраслевые принципы права: автореф. дис… канд. юрид. наук: 12.00.01 – Самара, 2003. – 31 с.

552

Курс советского гражданского процессуального права. Теоретические основы правосудия по гражданским делам. В 2 т. Т. 1. – М.: Наука, 1981. – С. 106.

553

Павлова, Н.Г. Становление правовой системы Мексики (историко-правовой аспект): дисс… канд. юрид. наук: 12.00.01. – М., 2002. – С. 104–105.

Ершова, Е.А., Ершов, В.В. Прецеденты толкования Европейского суда по правам человека // Российское правосудие. – 2007. – № 7. – С. 12–25.

555

Ижиков, М.Ю. Взаимодействие международного н внутригосударственного права в области защиты прав человека: дис… канд. юрид. наук: 12.00.10 / М.Ю. Ижиков – М., 2012. – С. 13, 136.